

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

4

Июль — Август

1985

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ • ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. В. Бромлей (Москва). Современные этносоциальные процессы у восточнославянских народов СССР	3
Р. Г. Кузеев, В. Я. Бабенко (Уфа). Малые этнические группы: основные этапы этнокультурного развития (по материалам СССР)	13
В. Г. Власов (Москва). Русский народный календарь	22
Э. Л. Нитобург (Москва). О характере этнической общности афроамериканцев США	36
В. А. Тишков (Москва). Англо-французское двуязычие в Канаде	47
П. В. Грибанов (Москва). Этносоциальные процессы в Гайане	56

Дискуссии и обсуждения

Обсуждение статей М. Н. Шмелевой, С. И. Вайнштейна о проблемах полевых исследований (Г. В. Старовойтова, В. И. Козлов, А. Н. Жилина, Г. Н. Грачева)	67
---	----

Этнография в музеях

О. Г. Гордеева (Москва). Две кожаные маски из коллекций Государственного ордена Ленина исторического музея	78
--	----

Сообщения

Ю. Д. Дмитриевский (Ленинград). О критериях экономико-географического и социально-географического подхода к изучению процесса формирования этнических общностей	83
К. Е. Корепова, Т. И. Белоус (Горький). Обряды «проводов весны» в быту современной деревни (по материалам Горьковской области)	88
Р. Я. Рассудова (Ленинград). Культовые объекты Ферганы как источник по истории орошаемого земледелия	96
Ш. А. Богиня (Москва). Об изучении этнических аспектов американской семьи	104

Поиски, факты, гипотезы

Ю. Д. Анчабадзе (Москва). «Прекрасный обычай гостеприимства...»	110
---	-----

Наши юбиляры

Список основных работ доктора исторических наук В. Р. Кабо (К 60-летию со дня рождения)	121
---	-----

Научная жизнь

И. В. Власова, В. А. Лилинская (Москва). 20-я сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории	125
--	-----

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

ВОЛОГОДСКАЯ

В. А. Джорбегадзе (Тбилиси). Конференция «Вопросы взаимосвязей между горными и равнинными регионами и взаимоотношения Грузии с народами Северного Кавказа»	127
В. К. Соколова (Москва). Научная конференция «Народное песенное наследие и современность»	129
К. В. Чистов (Ленинград). Научные сессии, посвященные памяти академика В. Штейница	131
Т. А. Березина (Москва). Редакции «Общественные науки и современность» — 20 лет	133
Коротко об экспедициях	134

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

М. Л. Бутовская (Москва). Исследования агрессивного поведения приматов и их значение для разработки проблем антропосоциогенеза	136
--	-----

Общая этнография

И. А. Гришаев (Москва). <i>The Family and Its Culture. An Investigation in Seven East and West European Countries</i>	143
В. Я. Петрухин (Москва). <i>История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза</i> /отв. ред. Ю. В. Бромлей	148

Народы СССР

Р. А. Григорьева (Москва). <i>Л. С. Ефремова. Латышская крестьянская семья в Латгале</i>	152
М. А. Лобанов (Ленинград). <i>Устьянские песни. Вып. I/сост. А. Мехнецов, Ю. Марченко, Е. Мельник</i>	154

Народы Зарубежной Европы

М. Я. Гольберг (Дрогобыч). <i>А. С. Мыльников. Культура чешского Возрождения</i>	156
--	-----

Народы Зарубежной Азии

М. Б. Пиотровский (Ленинград). <i>М. А. Родионов. Марониты. Из этноконфессиональной истории Восточного Средиземноморья</i>	159
Н. В. Кочешков (Владивосток). <i>Н. Г. Краснодарская. От Львиного острова до Обители снегов</i>	161

Народы Африки

Ю. В. Бромлей, Л. Е. Куббель (Москва). <i>Ан. А. Громыко. Маски и скульптура Тропической Африки</i>	162
---	-----

Народы Америки

А. Д. Дридзо (Ленинград), Э. Л. Нитобург (Москва). <i>Кубинская этнография. Статьи и материалы</i> /отв. ред. В. В. Пименов	165
---	-----

<u>Памяти Сергея Александровича Токарева</u>	168
--	-----

Редакционная коллегия:

К. В. Чистов — член-корр. АН СССР (главный редактор),
В. П. Алексеев — член-корр. АН СССР, И. Л. Андреев, С. А. Арутюнов,
С. И. Брук, Н. Г. Волкова (зам. главн. редактора), Л. М. Дробижева,
Т. А. Жданко, А. А. Зубов, Р. Н. Исмагилова, Р. Ф. Итс, Л. Е. Куббель
(зам. главн. редактора), А. А. Леонтьев, Б.-Р. Логашова, Г. Е. Марков,
А. И. Першиц, Н. С. Полищук (зам. главн. редактора),
П. И. Пучков, Ю. И. Семенов, В. К. Соколова, Д. Д. Тумаркин

Ответственный секретарь редакции Н. С. Соболев

Адрес редакции: 117036 Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19.

телефоны: 126-94-91, 123-90-97

Зав. редакцией Е. А. Эшлиман

Ю. В. Бромлей

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ У ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ СССР

Советский Союз, как известно, — многонациональная, полиэтническая страна. В ней живут и трудятся представители свыше ста национальностей. При этом значительную часть населения страны составляют три восточнославянских народа — русские, украинцы, белорусы. На них, по данным переписи 1979 г., приходится 72%, т. е. более 2/3 населения СССР. В том же 1979 г. русских насчитывалось 137 млн. человек, украинцев — 42 млн., белорусов — 9 млн. При этом 82% русских проживало в РСФСР, около 10% — в УССР и около 5% — в Казахстане; 86,2% украинцев было расселено в УССР, около 10% — в РСФСР и около 3% — в Казахстане; 80% белорусов жило в БССР, 11,1% — в РСФСР, около 5% — в УССР. Таким образом, из трех восточнославянских народов наиболее компактно в пределах СССР расселены украинцы, наименее компактно — белорусы¹. Впрочем, в глобальном масштабе характер расселения этих народов несколько иной. Наиболее компактно расселены уже не украинцы, а русские, 99,1% которых (на середину 1975 г.) проживало в СССР; далее идут белорусы — 98,9% и, наконец, украинцы — 96,6% (1,4% — в Канаде)².

За годы Советской власти произошли, как известно, огромные изменения в этносоциальной структуре СССР. Прежде всего это было связано с уничтожением эксплуататорских классов и созданием однотипной социальной структуры, социалистической по своей сущности, в чем важнейшую роль сыграли индустриализация и коллективизация страны. В результате ко второй половине 1930-х годов все крупные этносы в СССР были представлены одними и теми же классами: рабочими, колхозным крестьянством, прослойкой служащих. При этом происходил неуклонный рост численности рабочих и служащих, особенно значительный там, где до Великой Октябрьской социалистической революции подавляющая часть населения была занята сельским хозяйством. Последнее обстоятельство особенно ярко прослеживается на примере народов Средней Азии. Тот же процесс, хотя и не столь наглядный, происходил у славянских этносов. Показательно, например, что за период с 1926 по 1940 г. число рабочих и служащих в РСФСР и УССР увеличилось примерно в 3,5, а в БССР — в 6 раз³. Тенденция более быстрого роста численности рабочих и служащих в БССР сохранилась и в послевоенные годы. В итоге уже к началу 70-х годов во всех трех интересующих нас республиках рабочий класс составлял большинство населения: в РСФСР — 62, в УССР — 52, в БССР — 54%⁴.

Одновременно у всех трех народов рос удельный вес городского населения. Так, в РСФСР горожане составляли в 1926 г. 14,6% всего русского населения, в 1959 г. — 54,9, а в 1970 г. — 65,6%; соответствующие показатели по коренному населению УССР составляли 10,9, 36,6, 45,8%; по БССР — соответственно 9,8, 25,5, 37,7%⁵. Весьма любопытно, что

¹ См.: Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения. 1979 г. М.: Политиздат, 1979.

² Страны и народы. Земля и человечество. Т. 1. М.: Мысль, 1978, с. 337—338.

³ Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977, с. 114.

⁴ Там же, с. 131.

⁵ См.: Козлов В. И. Национальности СССР. Этнодемографический обзор. М.: Финансы и статистика, 1982, с. 89, 100.

за пределами «своих» республик степень урбанизации восточнославянских народов была еще более значительной, и, например, в 1959 г. она достигала у русских 74,3, у украинцев — 55,2, у белорусов — 65,5%⁶. Однако уже через 20 лет, т. е. в 1979 г., примерно эти же показатели урбанизации становятся характерными для русских и украинцев в масштабах всей страны: 74,4% горожан среди русских, 55,6 среди украинцев. Несколько меньшим оказался удельный вес горожан среди белорусов, но и он превысил половину их общей численности, составив 54,7%. Между тем у ряда крупных народов страны и в 1979 г. горожане составляли значительно меньше половины их общей численности (например, на их долю у молдаван приходилось всего 26,8%, у туркмен — 29,2, у узбеков — 36,6%)⁷.

Существенные изменения за годы Советской власти произошли в численности всех восточнославянских народов. Так, численность русских и белорусов за период с 1926 по 1979 г. почти удвоилась (русских — с 77,8 млн. до 137,4 млн.; белорусов — с 4,7 млн. до 9,5 млн.), а украинцев — увеличилась на 1/3 (с 31,1 млн. в 1926 г. до 42,3 млн. в 1979 г.)⁸. Однако этот процесс отнюдь не был равномерным на протяжении всего рассматриваемого периода, что было обусловлено многочисленными факторами и получило наглядное отражение в изменении удельного веса данных народов в соответствующих республиках. Так, с 1926 по 1939 г. процент украинцев в УССР существенно снизился (с 80,6% в 1926 г. до 73,5% в 1939 г.) в результате притока русских в крупные города и промышленные районы и слияния с ними части украинцев. Воссоединение в 1939 г. с УССР западных областей Украины, населенных преимущественно украинцами (около 7,5 млн.), привело к повышению процента украинцев в республике (до 76,8% в 1959 г.); этому способствовал и тот факт, что находившиеся в западных областях поляки в большинстве своем переселились в Польшу, а значительная часть еврейского населения погибла в годы Великой Отечественной войны. Однако с 1959 г. процент украинцев в республике вновь стал понижаться вследствие уменьшившегося естественного прироста и притока мигрантов других национальностей, прежде всего русских⁹.

В БССР в отличие от Украины с 1926 по 1939 г. процент коренного белорусского населения возрастал (с 80,6 до 82,9%), что, видимо, было связано с упрочением национального самосознания у некоторых групп белорусов. Но к 1959 г. наблюдается уже небольшое сокращение удельного веса белорусов в республике (до 81,1%). Данная тенденция продолжалась и в последующие годы (в 1979 г. белорусы составляли 79,4% населения БССР)¹⁰.

Что касается русских, то доля их в населении РСФСР также возрастала до 1939 г. (77,8% в 1926 г. и 83,4% в 1939 г.), а затем стала снижаться (83,3% в 1959 г., 82,6% в 1979 г.)¹¹. Это сокращение обусловлено целым рядом факторов. Помимо весьма значительных потерь русского населения в годы войны немалую роль в данном отношении сыграли его миграции. Судя по косвенным данным, можно полагать, что примерно половина русских за пределами РСФСР — мигранты советского периода или их потомки; это составляет около 12 млн. человек¹².

Специфика динамики численности русских, как и других народов страны, во многом была обусловлена изменениями в их естественном воспроизводстве. Так, за период между переписями 1926 и 1939 гг. численность русских увеличилась на 12 млн. человек. При этом на протяжении указанного периода существенно изменились сами параметры их

⁶ Там же, с. 89.

⁷ Там же, с. 100.

⁸ См.: Современные этнические процессы в СССР, с. 487; Козлов В. И. Указ. раб., с. 136.

⁹ См.: Козлов В. И. Указ. раб., с. 119, 129.

¹⁰ Там же, с. 119, 129, 130.

¹¹ Там же, с. 117.

¹² См.: Брук С. И., Кабузан В. М. Динамика численности и расселения русских после Великой Октябрьской социалистической революции. — Сов. этнография, 1982, № 5, с. 18.

естественного прироста. Смертность продолжала снижаться, однако более замедленными темпами, чем рождаемость. В результате в канун войны естественный прирост населения в РСФСР составил 12,4%. Примерно таким же он был в УССР и БССР (в первом случае — 13, во втором — 13,7%). Существенно подчеркнуть при этом, что данные показатели почти не отличались от средних по СССР (13,2%). Аналогичная ситуация сохранялась и в первые 15 лет после войны. Для начала 1950-х годов был характерен высокий и стабильный уровень рождаемости; одновременно резко снизилась смертность. Так, в 1950 г. последний показатель равнялся 16,8% при среднем естественном приросте в СССР — 17,0%.

С начала 1960-х годов демографическая ситуация в стране существенно изменилась: рождаемость снизилась на 5—7%, естественный прирост населения уменьшился с 17,8 в 1960 г. до 8,0% в 1970 г. В первую очередь это затронуло урбанизированные республики и основные населяющие их народы. Так, в 1975 г. естественный прирост в БССР составил 7,9, в РСФСР — 6,4, в УССР — 5,7% (при среднем по СССР — 9,3%). Между тем в республиках Средней Азии и Закавказья (кроме Армении) естественный прирост стал в 2—3 раза превышать средний по стране¹³. В результате за 20-летний период между переписями 1959 и 1979 гг. в южных районах страны население увеличилось на 75—100% и более, в то время как в других районах его рост составлял 10—20%, а иногда и меньше. В результате доля народов славянской языковой группы в населении страны с 1959 по 1979 г. снизилась с 77,1 до 72% (т. е. на 4,9%), доля же народов тюркоязычной группы соответственно возросла с 11,1 до 15,2%¹⁴.

Существенные изменения не только количественных, но и качественных параметров восточнославянских народов связаны с этническими процессами в узком значении данного слова. Из всех разновидностей этих процессов¹⁵ в СССР за послеоктябрьский период наиболее отчетливо проявились этническая консолидация, этническая ассимиляция и межэтническая интеграция.

Под этнической консолидацией принято понимать слияние нескольких родственных по языку этнических единиц, чаще всего так называемых этнографических групп, или субэтносов, внутри уже существующих наций и народностей.

В результате многовекового исторического развития и взаимодействия с другими народами к середине XIX в. сложился ряд этнографических и субэтнических групп русского народа. Наиболее крупные из них — северные и южные великорусы, различающиеся некоторыми особенностями языка (окающие и акающие говоры), культуры и быта. Промежуточное положение занимает средневеликорусская группа, населяющая центральные районы России — часть Волго-Окского междуречья и Поволжья. Наряду с этими крупными подразделениями русского этноса, не обладающими четким групповым самосознанием и выделяемыми в ходе этнографических исследований, внутри данного этноса сложились группы, выделяющие себя среди других русских, т. е. субэтносы. Такие обладавшие известной культурно-бытовой спецификой субэтнические группы довольно длительное время сохранялись в разных районах страны, главным образом на ее окраинах. Это, например, поморы, обитавшие на побережьях Белого и Баренцева морей, бывшие старообрядцы Среднего Урала и Южной Сибири («поляки», «семейские», «каменщики»), русские старожилы Северной Якутии («колымчане», «индигирщики»), Магаданской области («камчадалы»), воспринявшие многие черты культуры и быта окружающих народов. К субэтническим можно

¹³ Современные этнические процессы в СССР, с. 495; Брук С. И., Кабузан В. М. Указ. раб., с. 11—12.

¹⁴ См.: Брук С. И. Советский народ. — Наука и жизнь, 1981, № 4, с. 78—79.

¹⁵ Подробнее общую характеристику всех разновидностей собственно этнических процессов см.: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983, с. 237—241.

отнести и отдельные группы казаков, сложившиеся как военное сословие в XV—XVII вв. в бассейнах рек Дон, Кубань, Терек, Урал, а также в Сибири.

В годы Советской власти в результате усиления этноконсолидационных процессов все эти этнографические и субэтнические группы постепенно сливались с окружающим их русским населением, и сейчас уже можно говорить лишь о некоторых культурно-бытовых различиях отдельных частей единого и монолитного русского этноса¹⁶.

Этноконсолидационные процессы затронули в советское время и украинцев. Это выразилось в стирании культурно-бытовых различий между населением основных этнографических районов Украины — Центрального, Южного, Восточного и Юго-Западного. Бурное экономическое развитие республики, общий подъем материального благосостояния и культурного уровня населения способствовали постепенной нивелировке локальных культурно-бытовых особенностей каждого из указанных регионов, хотя в некоторых областях, таких, как Полесье, многие этнографические особенности в силу специфики природных условий и своеобразия социально-экономического развития продолжают сохраняться. После воссоединения в 1939 г. украинских земель в общеконсолидационный процесс включились западные украинцы, в частности гуцулы, лемки и бойки. Самобытные черты своей культуры в настоящее время они воспринимают как локальные субэтнические, а не как этнические особенности. В ходе консолидации слово «украинец» было воспринято в качестве этнонима всеми внутриэтническими группами украинского народа¹⁷.

Консолидационные процессы за годы Советской власти способствовали также усилению этнической консолидации белорусов. Правда, занимая компактную территорию, они до революции имели большее этнокультурное единство, чем русские и украинцы. Это единство в послеоктябрьский период еще более усилилось, что, в частности, выразилось в укреплении общенационального самосознания, исчезновении локальных самоназваний, бытовавших отчасти потому, что белорусы в прошлом входили в состав разных государств. Воссоединение в 1939 г. западных белорусских земель с восточными привело к усилению консолидации белорусского этноса в целом, чему немало способствовал массовый отход белорусов от религии. Это имело тем большее значение, что на западных белорусских землях преобладал католицизм. Но особенно интенсивно консолидационные процессы протекали в Поднепровье, его юго-западных и северо-восточных областях, в которых в настоящее время различия в материальной культуре отдельных групп белорусов почти полностью стерлись. Усилилось сближение с основной массой белорусского народа окраинных субэтнических групп пинского и черниговского Полесья (так называемые полещуки, пинчуки, бешуки), сохраняющих в своей традиционной культуре ряд самобытных элементов.

Существенное значение для консолидации всех трех восточнославянских народов, и прежде всего преодоления диалектной пестроты, имели развитие национальных литературных языков и распространение их как через систему образования, так и с помощью средств массовой информации.

Наряду с этнокультурными процессами, протекающими внутри отдельных этносов (наций), в нашей стране имеют место и этнические процессы, суть которых составляет их взаимодействие. Это уже упоминавшиеся процессы этнической ассимиляции и межэтнической консолидации. Этнической ассимиляцией именуются процессы растворения отдельных групп (или отдельных представителей) одного народа в среде

¹⁶ См.: Современные этнические процессы в СССР, с. 502—503; Брук С. И., Кабузан В. М. Указ. раб., с. 14.

¹⁷ См.: Наулко В. И. Развитие межэтнических связей на Украине. Киев.: Наук. думка, 1975, с. 157; *его же*. Этнокультурные процессы в Украинской ССР. — В кн.: Расы и народы. М.: Наука, 1979. Вып. 9, с. 122; Современные этнические процессы в СССР, с. 506.

другого, обычно более многочисленного; при этом имеется в виду полная или почти полная утрата ассимилируемой группой исконных этнических свойств и столь же полное усвоение новых. Внешним показателем завершения процесса этнической ассимиляции выступает смена такой группой своего самосознания (прежде всего принятия самосознания ассимилирующего этноса). Необходимо различать насильственную и естественную ассимиляцию. Негативный характер первой общепризнан, естественная же ассимиляция в условиях многонациональных, полиэтнических стран, в которых нет барьеров для тесных контактов между народами, в известной мере неизбежна. Ее прогрессивность даже в условиях капитализма специально отмечал В. И. Ленин, подчеркивавший, что «кто не погряз в националистических предрассудках, тот не может не видеть в этом процессе ассимиляций... величайшего исторического процесса»¹⁸.

В процессах этнической ассимиляции, на наш взгляд, можно в свою очередь выделить по крайней мере две разновидности в зависимости от степени этнокультурной «близости» взаимодействующих этносов. Одно дело, когда речь идет о таких далеких по своим этнокультурным параметрам этносах, как, скажем, узбеки и эстонцы, другое — когда взаимодействуют «родственные» этнические единицы, в частности, три восточнославянских народа, относящиеся к одной метаэтнической общности. При этом нетрудно заметить, что в последнем случае растворение одним этносом другого, ему родственного, во многом напоминает этноконсолидационные процессы, при которых тоже растворяются «родственные» этнические единицы (субъединицы). Представляется также достаточно очевидным, что такого рода процессы, как правило, протекают более интенсивно, чем ассимиляция неродственных этносов. Все сказанное выше дает основание для выделения в отдельную разновидность тех из ассимиляционных этнических процессов, в ходе которых взаимодействуют близкие в этнокультурном отношении народы. Эту разновидность предлагается именовать «этнической конверсацией».

Само собой разумеется, что обе разновидности процессов этнической ассимиляции имеют в нашей стране естественный, добровольный характер. В настоящее время об этом весьма наглядно свидетельствует тот факт, что основным их каналом выступают межэтнические браки, дети от которых обычно выбирают национальность одного из родителей, прерывая тем самым этническую линию другого. Происшедшие за годы Советской власти развитие дружественных межэтнических отношений и падение религиозных барьеров наряду с усилением территориального смешения этносов, особенно в быстро растущих городах, привели к значительному увеличению числа подобных браков. Показательно, что в 1925 г. они составляли в стране 2,5% всех браков, а в 1970 г. — уже 13,5%. Самая высокая доля межнациональных браков — в Латвийской, Казахской и Украинской республиках (в 1970 г. — 21, 20,6, 19,7%). Это объясняется прежде всего смешанной в национальном отношении структурой населения этих республик, главным образом за счет проживающих в них русских (в 1979 г. в Латвии — 32,8, в Казахстане — 40,8, в УССР — 21,1%)¹⁹. Что касается РСФСР и БССР, то в первом случае масштабы национально-смешанных браков несколько ниже средних по стране (1970 г. — 10,7%); это объясняется высоким удельным весом основной национальности — русских, на долю которых приходится 82,6% населения всей республики), во втором — несколько выше средних — 16,6% всех браков в республике.

От этнических последствий национально-смешанных браков во многом зависит направленность ассимиляционных процессов. При этом имеются существенные региональные различия в определении своей этнической принадлежности подростками, выросшими в национально-смешанных семьях. Так, в Прибалтике в семьях, состоящих из супругов,

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 127.

¹⁹ См.: Козлов В. И. Указ. раб., с. 126.

один из которых принадлежит к коренному этносу (эстонскому, латышскому, литовскому), а другой является русским, примерно половина подростков определяет себя русскими, половина относит себя к местной национальности. В то же время в Чувашии преобладающая часть подростков из чувашско-русских семей называют себя русскими. Иную ситуацию мы имеем в Туркмени. Здесь в туркменско-русских семьях большинство подростков относят себя к туркменам. В последнем случае это в известной мере связано с тем, что у туркмен этническая принадлежность по традиции зависит от национальности отца; между тем почти во всех национально-смешанных семьях в рассматриваемом случае отец — туркмен. К тому же социализация подростков происходит в семье, где в целом преобладают туркмены. Вообще, очевидно, этническая структура среды, в которой происходит социализация подростка, имеет основное значение для его этнического самоопределения²⁰. Таким образом, мы видим, что в разных регионах страны направленность процессов этнической ассимиляции, в которых участвуют русские, имеет далеко не одинаковый характер. В одних случаях ассимилируют русские (Поволжье), в других объектом ассимиляции оказываются сами русские, хотя подчас (например, в Прибалтике) подобная ассимиляция имеет незначительные размеры. Во многом аналогичную роль в ассимиляции играют национально-смешанные семьи с участием украинцев и белорусов. Следует, однако, учитывать, что выбор подростками из таких семей местной национальности несколько выше, чем в русско-национальных семьях (например, в Риге в украинско-латышских и белорусско-латышских семьях до 79% молодежи принимает латышскую национальность).

Охарактеризовав в общих чертах ту разновидность этнической ассимиляции с участием восточнославянских народов, в которой они взаимодействуют с неславянскими народами, обратимся к тем ассимиляционным этническим процессам, в которых участвуют только сами восточнославянские народы, т. е. к процессам, названным нами этнической конверсацией.

К сожалению, данные, касающиеся роли в этих процессах национально-смешанных браков, достаточно скудны. И все же показательно, что весьма значительное распространение такие семьи у русских получили на Украине, достигая здесь (по данным 1959 г.) в городах 40% всех образованных русскими семей²¹. Еще большие масштабы приобрели национально-смешанные браки у русских в Белоруссии, где (по данным на 1985 г.) в городах они составляли около 75% всех браков, заключенных представителями этой национальности. У украинцев же в городах Белоруссии национально-смешанные браки в это время составляли до 94% всех заключенных ими браков²².

Что касается выбора молодежью в таких семьях своей национальности, то имеющиеся сведения довольно общи. В частности, согласно им, в русско-украинских семьях в городах УССР молодежь отдаст предпочтение украинской национальности, за пределами же УССР, наоборот, — русской (например, в городах Прибалтики при русско-украинских браках от 65 до 75% молодежи определяет себя русскими)²³. Несколько иная ситуация создается при русско-белорусских браках: молодежь, выросшая в соответствующих семьях, даже в самой Белоруссии (в ее городах) довольно часто отдаст предпочтение русской национальности, независимо от того, является ли она национальностью матери или отца. При этом основными факторами выбора национальности выступают широкое распространение русского языка как языка межнационального общения и часто полный переход на русский язык белорусов в русско-белорусских семьях, а также отождествление общесоветских форм культуры с национальными русскими²⁴.

²⁰ Подробнее см.: Современные этнические процессы, с. 481 сл.

²¹ См.: *Наулко В. И.* Развитие межэтнических связей на Украине, с. 150.

²² См.: Этнические процессы и образ жизни. Минск: Наука и техника, 1980, с. 260.

²³ См.: Современные этнические процессы в СССР, с. 480—481.

²⁴ См.: Этнические процессы и образ жизни, с. 269.

Наряду с этнической конверсацией, основанной на национально-смешанных браках, такого рода процессы могут быть связаны с «внесемейным» взаимодействием представителей родственных этносов. Правда, такая разновидность этнической конверсации, имеющая, разумеется, естественный характер, у восточнославянских народов (как и у других народов СССР) относилась главным образом к довоенному времени. В данной связи, в частности, привлекает внимание тот факт, что в 1939 г. за пределами Украины украинцев оказалось примерно на 1/3 меньше, чем в 1926 г.²⁵ Но в дальнейшем масштабы «внесемейной» этнической конверсии существенно сократились, что во многом обусловлено некоторыми юридически-психологическими факторами, прежде всего ограничением в конце 30-х годов выбора национальности лишь национальностью родителей²⁶. В результате в послевоенные годы, несмотря на рост межнациональных браков, масштабы этнической конверсации восточнославянских народов существенно сократились.

В отличие от ассимиляции межэтническая интеграция не сопровождается поглощением отдельных этнических групп. Она означает лишь возникновение у нескольких этносов-народов общих черт культуры и общего самосознания. Вместе с тем, как свидетельствует всемирная история, складывающиеся в результате этого рода процессов межэтнические общности, как правило, предшествуют слиянию основных этнических подразделений в рамках крупных регионов, способствуя постепенному повышению уровня их культурной интегрированности. Так, формированию основных этнических подразделений докапиталистических классовых обществ — народностей обычно предшествовали межэтнические общности, охватывающие несколько племен. Аналогичным был один из вариантов формирования наций, когда нации складывались на базе межэтнического объединения нескольких народностей. И в современных условиях подобного рода процессы влекут за собой формирование крупных межэтнических образований.

Следует подчеркнуть вместе с тем, что магистральную линию современного этнического взаимодействия восточнославянских народов, как и всех народов страны, представляет межэтническая интеграция. В отличие от этнической ассимиляции и этнической конверсации она охватывает не какую-то (пусть довольно значительную) часть каждого из этих народов, а всех их представителей.

Процессы межэтнической интеграции включают все сферы современного образа жизни народов СССР, но в каждой из них они проявляются далеко не одинаково.

Проведенные исследования позволили выделить области относительно большего сохранения национальных особенностей (нормы поведения в семье, свадебные и похоронные обряды, традиции питания) и сферы наиболее активной интеграции (идеология, мировоззрение, основные ценностные ориентации, общеобразовательные знания, массовые культурные навыки). Весьма устойчиво национальные особенности сохраняются в семейном быту: различны отношения в семье, степень участия женщин и младших членов семьи в решении важных семейных вопросов, распределение домашних обязанностей. С этим связаны немаловажные социальные проблемы. Выявляется обратная зависимость между размером семьи, числом детей и занятостью женщин квалифицированным трудом. В республиках Средней Азии, где самые многодетные семьи, зафиксирована наиболее низкая доля женщин, занятых квалифицированным трудом. В Прибалтике число детей в семье минимальное, соответственно второй показатель — один из самых высоких по стране. Что касается восточнославянских народов, то в последние десятилетия у них наблюдается тенденция к некоторому уменьшению размеров семьи, хотя они в целом остаются довольно близкими к средним по стране (по данным

²⁵ См.: Брук С. И., Кабузан В. М. Указ. раб., с. 16—17.

²⁶ Там же.

1970 г., — 3,4 человека у русских и украинцев, 3,6 — у белорусов) при среднем размере семьи по СССР — 3,7 человека)²⁷.

Одна из важных сторон современных этнических процессов в нашей стране — этноязыковые изменения. Их характерную черту наряду с расширением функций национальных языков составляет билингвизм, двуязычие, при котором основным языком межнационального общения чаще всего выступает русский. Масштабы этого явления колоссальны, очевидна и тенденция к его расширению. Так, за период от переписи 1970 г. до переписи 1979 г. удельный вес лиц, свободно владеющих русским языком, возрос с 76 до 82% всего населения страны. В общей сложности, по переписи 1979 г., около 60% нерусского населения страны наряду с национальным языком свободно владело русским. Однако родным для подавляющего большинства граждан страны продолжает оставаться язык своей национальности, что зафиксировано в переписях населения: в 1926 г. родным назвали язык своей национальности 94,2% населения страны, в 1959 г. — 94,3, в 1970 г. — 93,9, в 1979 г. — 93,1%²⁸. В силу этнической близости восточнославянских народов у них сложилась несколько иная ситуация. Так, в 1979 г. 17% украинцев считало родным русский язык; при этом абсолютная численность таких украинцев возросла с 4,5 млн. в 1959 г. (12% всех украинцев) до 5,8 млн. в 1970 г. (14%) и 7,3 млн. человек в 1979 г. (17%).

Впрочем, основная масса украинцев с родным русским языком проживает за пределами УССР (например, в 1979 г. только 43,8% украинцев, живущих вне УССР, назвало родным языком украинский), а также в тех областях УССР, где значителен процент русского населения (в частности, в Крымской области, сравнительно недавно включенной в состав УССР)²⁹. В то же время имеет место и обратный процесс, когда русские, очевидно, уже давно проживающие в УССР, называют родным украинский язык. Между переписями 1970 и 1979 гг. их число увеличилось примерно на 10 тыс. человек³⁰. Не менее интенсивная лингвистическая конверсация характерна и для русско-белорусского этноязыкового взаимодействия. По данным переписи 1979 г., свыше 16% белорусов в пределах БССР считают родным русский язык³¹. Русским же как вторым языком в 1979 г. владели 57% белорусов и 49,8% украинцев. В целом же, включая и тех, кто считает русский язык родным, им свободно владели 82% белорусов и 67% украинцев. Но если в первом случае показатель свободного владения русским языком равен аналогичному среднему показателю по СССР (82% населения), то во втором он оказывается несколько ниже среднего³².

Весьма существенно вместе с тем подчеркнуть, что распространение русского языка среди украинского и белорусского населения не сокращает функций украинского и белорусского языков — напротив, в каких-то сферах происходит их расширение. Об этом, в частности, свидетельствуют данные об изданиях книг и брошюр на украинском и белорусском языках в послевоенные годы. Такие показатели, как тираж изданий, а также число печатных единиц, на белорусском языке с 1940 по 1981 г. остались стабильными, а на украинском языке за тот же период выросли более чем вдвое. Что касается периодических изданий, то с 1965 по 1981 г. их тираж и на белорусском, и на украинском языках возрос почти в 3 раза³³.

²⁷ См.: Современные этнические процессы в СССР, с. 498.

²⁸ См.: Губоло М. Н. Развитие языковой жизни советского общества в свете Конституции СССР. — В кн.: Актуальные проблемы национальных отношений в свете Конституции СССР. М.: Наука, 1981, с. 128—129.

²⁹ См.: Козлов В. И. Указ. раб., с. 254.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, с. 241.

³² Правда, он несколько превышает общий показатель на 1979 г. владения русским языком нерусским населением страны, составляющий около 60%.

³³ См.: Народное хозяйство СССР. 1922—1982. М.: Финансы и статистика, 1982. с. 532—533, 535.

Отмечая широкое распространение в нашей стране языка межнационального общения, необходимо обратить внимание на то, что в результате этого в культуре ее народов сложился значительный слой, функционирующий на русском языке. Разумеется, он далеко не охватывает всей, так сказать, языковой сферы общесоветской культуры, поскольку ее обслуживает не только русский язык. В значительной своей части она функционирует на других языках народов СССР, и многоязычность — важная ее характерная черта. Иначе говоря, тот слой общесоветской культуры, что функционирует на русском языке, значительно уже ее в целом. Но вместе с тем было бы неверно полностью отождествлять его с русской культурой. Он значительно шире ее, ибо как бы вообрал в себя культурные достижения всех народов нашей страны. К тому же следует учитывать, что речь отнюдь не идет об одностороннем влиянии русской культуры на культуру других народов, как это настойчиво пытаются представить буржуазные «советологи». Культура русских в свою очередь испытывает влияние культуры других народов страны. В этом отношении, в частности, достаточно показательны данные, раскрывающие зависимость между этнической средой проживания русских и их ответом на вопрос о необходимости получить согласие родителей при вступлении в брак. Заметим прежде всего, что если более 88% узбеков на этот вопрос ответили положительно, то эстонцев — только 22%, а русских в РСФСР — 38%. Зато среди русских, проживающих в Эстонии, 35% дали положительный ответ, т. е. меньше, чем в РСФСР, а в Узбекистане, наоборот, больше, чем в РСФСР (примерно 55% русских)³⁴.

Но, конечно, не только соционормативные компоненты культуры нерусских народов СССР оказали влияние на культуру русских. В частности, в художественный фонд русского, как и других восточнославянских народов, прочно вошли многие достижения художественной культуры неславянских народов СССР: от поэта-дагестанца Расула Гамзатова до прозаика-киргиза Чингиза Айтматова, от композитора-армянина Арама Хачатуряна до певца-эстонца Георга Отса.

Следует вместе с тем заметить, что соотношение национального и интернационального весьма своеобразно проявляется в сфере художественной культуры советского общества. При этом национальное своеобразие художественной культуры народов СССР не сводится лишь к наследию прошлого и народному искусству, а в значительной мере представляет собой результат нового, профессионального творчества. Превращение за годы Советской власти художественной литературы и искусства в достояние широких масс привело к небывалому росту художественной культуры отдельных этносов. В результате у всех народов СССР произошло как увеличение общего фонда художественных произведений, так и рост масштабов потребления произведений искусства, расширение диапазона духовных запросов трудящихся. При этом следует подчеркнуть, что распространение профессиональной культуры среди народов нашей страны могло быть достигнуто только благодаря преимущественному ее развитию в национальных формах. Необходимо учитывать и то, что деятели профессиональной культуры каждой этнической общности в той или иной мере формируют новые черты самобытного облика этой культуры, способствуют возникновению в ней новых специфических традиций. Несмотря на активный межнациональный обмен, многие из компонентов культуры, приобретающих интернациональный характер, не теряют, однако, своей способности сохранять национальную форму или воплощаться в более или менее выразительных национальных вариантах. В то же время именно в профессиональных формах культуры межнациональное взаимопроникновение происходит в целом наиболее активно и имеет большое значение для дальнейшего развития художественной культуры народов СССР. Это особенно важ-

³⁴ См.: Арутюнян Ю. В. О некоторых тенденциях культурного сближения народов СССР на этапе развитого социализма. — История СССР, 1978, № 4, с. 102.

но иметь в виду, так как в общем культурном фонде советских людей основное место занимают профессиональные формы.

Важнейшее значение для развития современных межэтнических процессов имеет, как известно, распространение интернационалистских норм взаимоотношений. В данной связи следует отметить, что изучение межэтнических, межнациональных отношений позволило показать на массовом материале, что характерный для наших дней рост национального самосознания сочетается у советских людей с развитием позитивных установок, касающихся межнационального общения (отношение к работе в национально-смешанных коллективах, к национально-смешанным бракам и т. п.).

В ходе взаимовлияния и взаимообогащения духовных культур народов СССР и усвоения достижений мировой культуры складывается не просто межнациональная, но общесоветская культура. Она проявляется не только в сфере профессионального искусства и литературы, но и, что особенно показательно, в повседневной жизни, начиная от общесоветских революционных традиций, праздников, обрядов, обычаев и кончая правилами этикета, общей антропониимикой и т. п.

Будучи интернациональной, культура советского народа обладает вместе с тем определенными характерными чертами. Социалистическое переустройство, исчезновение религиозных барьеров, возникновение и развитие двуязычия и, наконец, формирование общесоветской системы духовной культуры в этом аспекте могут быть оценены как процесс культурной переориентации и формирования общей советской историко-культурной области, сочетающей в себе не столько, условно говоря, «западные» и «восточные» культурные традиции, сколько новые устойчивые черты, сложившиеся за годы Советской власти³⁵.

Общесоветская культура — важнейший компонент новой исторической общности — советского народа. Эта общность представляет собой динамичное явление. С утверждением зрелого социализма, в частности, изменились ее государственно-политические параметры. Новая Конституция СССР фиксирует тот факт, что «государство наше, возникшее как диктатура пролетариата, переросло в общенародное государство».

Интернациональная социально-политическая общность — советский народ — нашла свое отражение и в самосознании. Причисление себя к какому-либо определенному этносу обычно сочетается с сознанием принадлежности к советскому народу. В частности, показательно, что, когда граждане СССР бывают за рубежом, сознание общесоветской принадлежности выступает на первый план перед национальной.

В настоящее время, очевидно, можно считать общепризнанным, что советский народ представляет собой двуединую общность: социальную и интернациональную, причем решающими являются, несомненно, социально-классовые признаки. Но и этническая структура оказывает, несомненно, определенное влияние на ее развитие. И, в частности, нельзя не учитывать роль в этом развитии восточнославянских народов, составляющих 2/3 населения страны, в том числе происходящие в их среде этнические процессы. Правда, при всем огромном их вкладе в формирование общесоветской культуры, разумеется, не приходится забывать, что она обогащается за счет наиболее прогрессивных элементов культуры всех национальностей страны. Поэтому попытки некоторых западных «советологов» представить процессы культурной интеграции в СССР как «русификацию» или «славизацию» совершенно несостоятельны. Несостоятелен и выдвигаемый в последнее время прямо противоположный тезис о «дерусификации» национальных республик³⁶. Как мы видим, масштабы распространения русского языка и шире — русскоязычной культуры неуклонно возрастают, а соответственно увеличивается и роль этого фактора в межэтнической интеграции народов СССР.

³⁵ Современные этнические процессы в СССР, с. 544—545.

³⁶ См.: *Коновалюк О. И.* Несостоятельность буржуазных концепций русификации и дезинтеграции Советского государства. — *Вопр. истории*, 1982, № 11, с. 78—83.

**МАЛЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ:
ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ**

(по материалам СССР)

История человечества — это история непрекращающихся этноэволюционных и этнотрансформационных процессов, охватывающих все без исключения районы ойкумены. Глубина и интенсивность этих процессов зависят от социально-экономических, политических, культурных и других факторов. Существенное значение для этнических процессов имеют контакты крупных этносов с малыми этническими группами. Последние нередко становятся компонентами формирующихся или сформировавшихся народностей и наций, накладывая определенный отпечаток на язык, антропологический тип, материальную и духовную культуру той этнической общности, в среде которой они растворились¹.

В древности и в средние века этнические процессы обычно проходили замедленно, в новое время их течение ускоряется, а в современную эпоху достигает особой активности. Такое нарастание темпов объясняется усилением межэтнических контактов, вызванных миграциями, и, как следствие этого, ростом мозаичности этнического состава населения различных районов СССР и земного шара.

Широкое распространение получил тезис, согласно которому крупные этносы в процессе продолжительных этнических контактов активно воздействуют на малые этнические группы и зачастую растворяют их в своей среде. В принципе это верно, однако общие закономерности и особенности функционирования малочисленных этнических групп в процессе этих контактов слабо изучены. На различных этапах взаимодействия малые этнические группы (МЭГ) могут вести себя неодинаково. Продолжительность и интенсивность, общие черты и особенности этнических процессов у МЭГ зависят от различных факторов. Выявлению этих факторов и анализу их роли посвящена настоящая статья. Представляется наиболее важным установить общие черты поведения МЭГ в иноязычной среде, так как и этот аспект не получил пока достаточной разработки. Статья подготовлена на основе полевых наблюдений авторов; использована и этнографическая литература, содержащая фактический материал об этнических процессах в полиэтнической среде².

В условиях активизации этнических процессов в СССР, особенно в районах Крайнего Севера, Сибири, Урала, Дальнего Востока, а также в связи с указаниями XXVI съезда КПСС о необходимости учета специфических запросов граждан некоренных национальностей в области языка, культуры и быта и своевременного удовлетворения этих запросов³, изучение закономерностей поведения МЭГ в иноэтнической среде приобретает не только теоретическое, но и практическое значение. Актуальность исследования этих закономерностей усиливается благодаря постоянному росту численности населения, живущего вне своих этнических территорий. Так, в 1959 г. в иноэтническом окружении за пределами своих

¹ Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1979; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973; *его же*. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М.: Наука, 1981; *его же*. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983; Еремеев Д. Е. Язык как этногенетический источник (из опыта лексического анализа турецкого языка). — Советская этнография (далее СЭ), 1967, № 4; Алексеев В. П. Антропологические исследования на Кубе. — В кн.: Расы и народы, вып. 9. М.: Наука, 1979.

² Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1980; Материальная культура компактных этнических групп на Украине. Жилище. М.: Наука, 1979; Зинич В. Т., Наулко В. И. Культурно-бытовое сближение народов Украинской ССР. — СЭ, 1972, № 6; Васильева Г. П. Современные этнические процессы в Северном Туркменистане. — СЭ, 1968, № 1, и др.

³ Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1976, с. 57.

союзных и автономных республик, а также автономных областей и округов, проживало около 36,5 млн. чел., в 1979 г. — уже 49,1 млн. чел.⁴

Задачи изучения этнических групп, живущих в отрыве от этнического ядра, вызвали необходимость выделения в иерархии историко-культурных общностей еще одной структурной единицы — МЭГ. При исследовании этнических процессов необходимо иметь четкое представление о том, что общего у МЭГ с малыми народами и национальными меньшинствами и чем они от них отличаются. Определение малых народов и национальных меньшинств дал А. И. Кузнецов: «„Малыми народами“ должны называться коренные народы (разрядка наша. — Р. К. и В. Б.) отдельно взятой страны по отношению к значительно превышающему их численностью основному народу (или народам) той же самой страны»⁵. Если этническая территория малых народов расчленена государственными границами (как, например, у саамов, эскимосов, айнов и др.), то одна и та же этническая общность является малым народом в рамках как одного, так и другого политического образования. Национальные меньшинства «представляют собой части народов, основная масса которых живет в других странах (разрядка наша. — Р. К. и В. Б.), занимая свою этническую территорию, и составляют меньшинство как своих народов, так и населения стран проживания»⁶. Термин «национальное меньшинство» мы предлагаем применять в том случае, когда необходимо подчеркнуть неравноправное положение его представителей в том или ином антагонистическом обществе. В социалистических странах вместо термина «национальное меньшинство» правильное, на наш взгляд, использовать термин «национальная группа» (курды, айсоры, дунгане в СССР). Термином «этническая группа» предпочтительно называть часть этноса, которая в силу тех или иных обстоятельств оторвалась от этнического ядра и проживает на некотором определенном удалении в рамках того же политического организма, что и материнский этнос (украинцы в РСФСР, Казахстане, Узбекистане и т. д.).

Под МЭГ мы подразумеваем сравнительно небольшую по численности (от 100 до 100 тыс. чел.) этническую общность, живущую в территориальном и хозяйственном отрыве от основного массива материнского этноса, расселенную дисперсно или компактно на определенной территории⁷ и находящуюся относительно длительное время в численно превосходящем иноэтничном или полиэтничном окружении.

Исходя из классификации этнических общностей, разработанной Ю. В. Бромлеем⁸, и приведенных определений МЭГ, национальных групп и малых народов, можно сделать вывод, что национальные группы и МЭГ представляют собой не что иное, как этнические (этносоциальные) образования. Главным их общим признаком является обособленность и определенная отдаленность от основного этнического массива. Малые народы — это этносоциальные организмы, коренное население данного региона.

Вместе с тем, сходство между МЭГ и национальными группами не означает их полного тождества; национальные группы образуются и существуют за пределами политического организма, в составе которого находится этническое ядро. МЭГ и материнский этнос функционируют в рамках одного государства, хотя пребывают в известной территориальной и хозяйственной разобщенности.

Выделение МЭГ из всей совокупности этносоциальных общностей основывалось на тесной взаимосвязи количественных и качественных по-

⁴ Гурвич И. С. Особенности современного этапа этнокультурного развития народов Советского Союза. — СЭ, 1982, № 6, с. 17.

⁵ Кузнецов А. И. Малые народы и национальные меньшинства (к постановке вопроса). — В кн.: Расы и народы, вып. 11. М.: Наука, 1981, с. 15.

⁶ Там же, с. 14.

⁷ Ю. В. Бромлей в зависимости от характера расселения (компактного или дисперсного) предлагает называть их этноареальными или этнодисперсными общностями. См.: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса, с. 73.

⁸ Там же, с. 57, 87.

казателей⁹. Исследование конкретного этнографического материала свидетельствует о том, что группа свыше 100 человек при определенных условиях (компактное расселение, пропорционально сбалансированная половозрастная структура, резкие этнокультурные отличия) может противостоять спонтанному растворению относительно длительный период. В поведении этнической группы, заметно превышающей численность в 100 тыс. человек, появляются новые моменты, не характерные для небольшой этнической общности. Такие этнические группы лучше противостоят ассимиляции, хотя периферийные дисперсно расселенные их части подвергаются этому процессу. В то же время указанные пределы численности МЭГ (от 100 до 100 тыс. человек) условны, хотя в советских статистических изданиях по народонаселению этот критерий (до 100 тыс., затем от 100 тыс. до 1 млн. и свыше 1 млн.) принят для классификации народов. Естественно, что этнические группы, несколько превышающие 100 тыс. человек, но с высокой степенью дисперсности расселения, с известной оговоркой также можно отнести к МЭГ.

Выделение МЭГ из общей совокупности этнических групп обусловлено, кроме количественных показателей, их территориальным размещением.

Формирование МЭГ и характер их расселения в иноэтничной среде зависят от разных факторов. Прежде всего следует назвать миграции населения, обусловленные в основном социально-экономическими причинами, связанными с сельскохозяйственным освоением слабозаселенных территорий¹⁰ или с новым импульсом в промышленном развитии районов вследствие открытия и разработки месторождений полезных ископаемых. Определенную роль играет и возникновение молодых промышленных и обрабатывающих центров (КамАЗ, БАМ и т. п.) как в слабо, так и в относительно плотно заселенных регионах. Способствует формированию МЭГ и бегство населения от социального гнета и религиозного притеснения в условиях антагонистического общества. Так в царской России сформировались за пределами этнической территории ареалы расселения мордвы¹¹, восточных марийцев¹² и других народов.

Иногда часть этноса может оказаться в положении МЭГ в результате освоения (активного заселения, «обтекания» или расчленения) его этнической территории другим, более многочисленным этносом. В результате возрастает дисперсность расселения коренного народа, ослабляются традиционные этнические связи, размываются существующие и формирующиеся этнические общности, что могло отрицательно влиять на процессы консолидации, вести к обособлению отдельных частей этноса и образованию МЭГ. Особенно ярко это проявилось в процессе миграций русского населения в Поволжье, на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток и в некоторые другие регионы страны. Так, например, сформировались западносибирская, оренбургская и другие группы башкир, восточные и западные группы бурят и др.

Существенную роль в образовании МЭГ играли социально-политические причины (войны, национальный и религиозный гнет, изменения национально-государственных границ), в силу которых часть этноса оказывалась в отрыве от материнского этнического ядра и в иноэтничном окружении. Хорошо, например, известно, что миграции в результате религиозных притеснений в дореволюционной России и соседних странах

⁹ На зависимость качественной характеристики этнических процессов от численности этнической группы обратили внимание С. А. Арутюнов и Г. П. Сафина в работе «Малые японские группы в испаноязычных странах Латинской Америки». — В кн.: *Расы и народы*, вып. 12. М.: Наука, 1982, с. 189. См. также: *Зеленчук В. С.* Население Бессарабии и Поднепровья в XIX в. (Этнические и социально-демографические процессы). Кишинев: Штиинца, 1979, с. 232—233.

¹⁰ Например, расселение латышей, молдаван, эстонцев, украинцев, белорусов и других народов в Поволжье, на Урале, в Сибири, Средней Азии, Казахстане и на Дальнем Востоке.

¹¹ Мордва: историко-этнографические очерки. Саранск, 1981, с. 28.

¹² *Селеев Г. А.* Восточные марийцы: историко-этнографический очерк. Йошкар-Ола, 1975, с. 12—13.

способствовали формированию МЭГ русских старообрядцев в различных регионах страны¹³, а также восточных марийцев на Урале, армян на Украине, в России и Молдавии и т. д.¹⁴ Значительное число малых этнических групп сложилось на Урале и в Сибири в ходе правительственной колонизации. Переселения в феодальной России происходили как на добровольной основе, так и в принудительном порядке, когда в политических целях часть этноса насильственно переселялась в иную этническую и лингвокультурную среду, что вообще было характерно для классовых антагонистических обществ¹⁵.

Зачастую на образование МЭГ оказывали влияние одновременно несколько факторов. Так в Армении в XI—XVIII вв. и позднее в результате экономического, национального и религиозного гнета миграция армян на Украину¹⁶, в Молдавию¹⁷ и другие близлежащие и отдаленные регионы приняла значительные масштабы.

Малочисленные этнические группы формировались не только в сельской местности, но и в городах¹⁸. В урбанизированных регионах мигранты нередко оседали сначала в селениях, а потом постепенно перебирались в города. Особенно часто это происходило в тех случаях, когда окружающее сельское население резко отличалось по своим культурно-языковым характеристикам от мигрантов¹⁹.

Малые этнические группы при определенных условиях могли изменить свой статус и консолидироваться в этническую или этнографическую группу материнского этноса. В этнографические группы сложились, например, восточные марийцы в Башкирии, а также небольшие группы русских переселенцев в Приуралье и на Южном Урале. Последние в XVI в. представляли собой МЭГ, однако, постепенно разрастаясь, они территориально сомкнулись с основной массой великорусского этноса и сложились в этнографическую группу (горнозаводское население Южного Урала и Приуралья) с некоторыми специфическими чертами в языке и культуре.

На разных этапах этнической истории малые этнические группы вовлекались в разнонаправленные процессы, обусловленные политическими, социально-экономическими, культурно-языковыми и другими причинами. Анализ конкретного материала по народам СССР позволяет выделить несколько последовательных этапов в этническом развитии МЭГ, контактирующих с крупными этническими образованиями. Намеченные нами этапы применимы к большинству, но не ко всем МЭГ, так как факторы, определяющие функционирование группы в полиэтничной среде, множественны и пока недостаточно изучены. Тем не менее, приведенные выше примеры превращения МЭГ в этнические и этнографические (горнозаводское русское население Южного Урала, восточные марийцы) или в локально-территориальные группы, подтверждают наши наблюдения. Эти примеры показывают, что при воздействии определенной совокупности факторов развитие малой этнической группы может идти по пути трансформации в этнографическую или этническую группу или ас-

¹³ Русские старообрядцы бежали от гонений официальной православной церкви в Прибалтику, Молдавию, на Украину, Урал, в Сибирь, и другие районы страны. Подробнее см.: *Терентьева Л. Н.* Этническая ситуация и этнокультурные процессы в Советской Прибалтике.— В кн.: *Расы и народы*, вып. 9. М.: Наука, 1979, с. 139.

¹⁴ *Зеленчук В. С.* Указ. раб., гл. II и др.

¹⁵ После окончания русско-турецкой войны (1787—1791 гг.) запорожские казаки по указу Екатерины II были переселены для охраны южных границ России от воинственных горцев и Турции. См.: *История Украинской ССР*. Т. I. Киев, 1953, с. 393—395; *Бабенко В. Я.* Сім'я та родинні стосунки українських переселенців у Башкирії (кінець XIX—поч. XX ст.).— *Народна творчість та етнографія*, 1983, № 1, с. 48; *Зеленчук В. С.* Указ. раб., с. 52 и др.

¹⁶ *Дашкевич Я. Р.* Розселення вірменів на Україні в XI—XVIII ст.— В кн.: *Український історико-географічний збірник*. Київ: Наук. думка, 1971, с. 150—151.

¹⁷ При Александре Добром в 1418 г. около 3 тыс. армянских семейств, спасаясь от религиозных гонений, переселились из Армении в Молдавию.

¹⁸ *Терентьева Л. Н.* Указ. раб., с. 139—140.

¹⁹ *Ганцкая О. А., Терентьева Л. Н.* Этнографические исследования национальных процессов в Прибалтике.— *СЭ*, 1965, № 5, с. 9—10.

симиляции в составе более многочисленного этноса. Таким образом, этнический статус МЭГ может, в зависимости от обстоятельств, как повыситься, так и понизиться. Общая же схема развития МЭГ, как мы ее представляем, следующая.

1. Внутри МЭГ на начальных этапах расселения в иноэтничном окружении заметно проявляются процессы консолидации. Они находят выражение в возрастании степени интенсивности этнического самосознания, в тенденции к слиянию в относительно сплоченную этническую группу, в нивелировке этнокультурных различий (если группа формировалась из выходцев из различных районов, имеющих определенные особенности в языке, материальной и духовной культуре); в некотором стремлении к относительной обособленности, ведущем к преобладанию числа эндогамных браков (в пределах этнической общности), к оседанию в моноэтнических поселениях или группах селений, к сохранению языка, традиционной материальной и духовной культуры.

Уровень и активность консолидационных процессов зависят от многих причин, прежде всего от особенностей территориального расселения взаимодействующих этносов. Как уже говорилось, мигранты, оказываясь в иноэтничной среде, стремятся восстановить привычную этническую обстановку. В городах и крупных иноэтнических поселениях они селились на улицах и в кварталах по национальному признаку. Нередко мигранты оседали в тех населенных пунктах, жители которых по своим языково-культурным характеристикам были им близки²⁰.

Характерной чертой усиления национального самосознания является стремление увековечить память о прежней родине в топонимике²¹, создание на этнической основе хозяйственных и административных единиц²², культурно-просветительных обществ, клубов, обращение к фольклору, национальному искусству, к народным праздникам, обрядам, обычаям, что в целом способствовало сохранению национальных традиций²³. У мигрантов наблюдается тенденция к установлению связей с родиной; ответная реакция прослеживается у этнического ядра, стремящегося поддерживать контакты с периферийными группами этноса²⁴. До

²⁰ Украинские переселенцы в Башкирии в 1926 г. проживали в 529 населенных пунктах (включая хутора, мельницы и т. п.). Из них в 438 жили только украинцы, т. е. поселения в этническом отношении были однородными. Подсчитано по кн.: Список населенных пунктов Башреспублики. Уфа: Башкнига, 1926. Как отмечают исследователи, это было характерно и для других регионов страны. См.: Чижикова Л. Н. Русско-украинские этнокультурные связи в южных районах Украины.— В кн.: Культурно-бытовые процессы на юге Украины. М.: Наука, 1979, с. 15, 16, 19 и др.; Современные этнические процессы..., с. 167; Липинская В. А. Некоторые черты современной материальной культуры русского населения Алтайского края.— СЭ, 1968, № 2, с. 97, и др.

²¹ Современные этнические процессы..., с. 167.

²² В Башкирии в конце 1920 — начале 1930-х годов создавались сельские советы, включавшие селения, в которых проживали представители преимущественно одной малой этнической группы. Так, в селениях Шевченковского сельского совета (Мелеузовский р-н), Верхне-Кульчумского (Ермекеевский), Больше-Александровского (Белебеевский), Алкинского (Благоварский) и др. жили украинцы; в селах Кистенли-Богдановского сельского совета (Бижбулякский р-н), Аделькинского (Белебеевский), Нижнеулу-Елгинского (Ермекеевский) и др.— чуваш; в селах Ново-Суллинского сельского совета (Ермекеевский р-н)— мордва и т. п. Подобные явления наблюдались при создании колхозов, которые объединяли представителей одной этнической общности. См.: Список населенных пунктов Башреспублики; БАССР: Административно-территориальное деление на 1 июня 1940 г. Уфа: Башгосиздат, 1941.

Для компактных групп мордвы, расселившихся вне этнической территории в начале 1930-х годов, были созданы четыре мордовских национальных района, два из которых (Барановский — 46,6% и Шемышейский — 70,1% мордвы) были расположены южнее коренной этнической территории, два (Боклинский — 57% и Клявлинский — 57,7% мордвы) — в Заволжье. В дальнейшем национальный статус этих районов был упразднен. См.: Мордва: историко-этнографические очерки, с. 45.

²³ В данном случае фольклор символизирует этническую принадлежность к определенной общности. Широкое распространение получают любительские спектакли, выступления народных хоровых и танцевальных коллективов. Ср.: Самойлов В. А. Эстонский театр и некоторые особенности культурной жизни эстонцев.— В кн.: Старый Петербург. Историко-этнографические исследования. Л.: Наука, 1982, с. 80—97.

²⁴ Так, в 1970-х годах в Башкирии гастролировали украинские театральные коллективы из Ровно, Черновиц, Ужгорода, Днепропетровска, Кировограда, Донецка, Во-

Великой Октябрьской социалистической революции существенную роль в консолидационных процессах играл надстроечный элемент — религия, что было особенно характерно для МЭГ, находящихся в иноэтнической и иноконфессиональной среде. Как уже отмечалось, в прошлом это нередко приводило к формированию этнографических групп (например, восточные мари́йцы в башкиро-татарской мусульманской среде).

2. В ходе первых контактов мигрантов с окружающим иноэтническим населением зарождаются предпосылки для процесса взаимного сближения. Постепенно нарастая, этот процесс становится основной тенденцией этнического развития. Сближение способствует ослаблению связей, в первую очередь хозяйственно-экономических, с прежней родиной; устанавливаются преобладающие, а затем господствующие экономические связи с местным населением. Большое значение в развитии интеграционных процессов имеют близость языка, однородность хозяйственно-культурного типа (ХКТ), природно-географическая среда, в которой он формируется. Чем ближе язык, быт и культура МЭГ и окружающего населения, тем более интенсивно протекают межэтнические контакты. Резкие различия в ХКТ, образе жизни, языке, напротив, тормозят процесс этнокультурного сближения. Вместе с тем следует отметить противоречивость этого явления. В привычных естественно-географических условиях переселенцы долгое время сохраняют традиционные трудовые и производственные навыки. В непривычной же экологической среде мигранты, стремясь адаптироваться к новым условиям, перенимают рациональный опыт местного населения, что накладывает отпечаток на занятия, формирует своеобразные черты их хозяйства.

В результате дальних миграций сформировались такие локальные группы русских на крайнем северо-востоке страны, как русско-устинцы (на р. Индигирка) и марковцы (в низовьях Анадыря). Освоив тип и приемы ведения хозяйства местного населения (охота и собаководство), они сохранили русский язык и традиционный фольклор²⁵. Подобные примеры можно привести и по русским, белорусам, украинцам в Средней Азии, где они освоили поливную технику земледелия, способы возделывания неизвестных им прежде культур²⁶.

О сближении МЭГ с окружающим населением свидетельствуют появление и нарастающее развитие билингвизма. Совершенствование знания языка основного этноса приводит к тому, что малые этнические группы предпочитают вести обучение детей не на родном языке, а на языке большинства населения или на языке межнационального общения. Значительную роль в этом процессе играют межнациональные браки, доля которых зависит от степени дисперсности расселения МЭГ, половозрастной структуры, языковой и этнокультурной характеристики контактирующих этносов.

В тех районах, где коренное население резко отличается от вкрапленных этнических групп по этнической и лингвокультурной характеристикам, межнациональные браки заключаются преимущественно между некоренными национальностями. При этом у коренных народов Средней Азии и Кавказа в межнациональные браки вступают в основном мужчины; женщины участвуют в них мало. В то же время у русских, украинцев и других этнических групп в этих регионах в межнациональные бра-

рошиловграда, Сум, ансамбль «Подольянка», хор «Льонок». На сцене Башкирского государственного театра оперы и балета пели Е. Мирошниченко, Д. Гнатюк, А. Соловьяненко и другие мастера украинской сцены. Гастролировавшие коллективы выступали на сценах театров и дворцов культуры Уфы, Стерлитамака, выезжали со спектаклями в украинские села Башкирии.

²⁵ См. Современные этнические процессы..., с. 57.

²⁶ См. подробнее: Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969; Оразбеков Е. Д. О хозяйственно-культурных связях казахского и русско-украинского переселенческого населения в конце XIX — начале XX в. (По материалам Тюлькубасского района Чимкентской области). — В кн.: Полевые исследования Института этнографии. 1977. М.: Наука, 1979, с. 136, 137; Зеленчук В. С. Указ. раб., с. 191, 199, 212, и др.

ки с представителями коренных народов чаще вступают женщины²⁷. Особенности этнических процессов в связи с межнациональными браками обобщены Я. С. Смирновой на материалах Карачаево-Черкесии. По ее мнению, быт и язык общения в национально-смешанной семье зависят от многих условий: национальности супругов, вступивших в брак; этнической среды, социального положения и образовательного уровня; структуры семьи, наличия в ней представителей старшего поколения; в сельской или городской местности проживает семья. «В более многонациональной городской среде,— пишет Я. С. Смирнова,— образ жизни меньше зависит от того или иного сочетания национальной принадлежности супругов, и, как правило, имеет очень смешанный характер... Несколько иначе обстоит дело в сельских районах. Здесь специфика быта в значительной мере зависит от того, на какой именно межнациональной базе возникла семья. Образ жизни сельской семьи, основанной на браке представителей близких по своей традиционной культуре коренных народов области, обычно мало чем отличается от образа жизни соседних несмешанных семей. Как правило, жена, поселяясь у мужа, в скором времени усваивает язык и культурно-бытовые навыки окружающего населения... Напротив, семьи, возникшие в результате брака мужчин местных народов с русскими или украинками (обратный вариант в сельских районах почти не встречается), обычно заметно выделяются из числа других семей, так как в этих случаях женщины не только сами приспособляются к новой бытовой обстановке, но и, в свою очередь, оказывают на нее сильнейшее воздействие»²⁸. В межнациональных семьях языком общения избирается обычно какой-то один язык, часто большинства населения или русский.

3. Постоянно усиливающийся процесс этнической интеграции заканчивается своеобразной ступенью этнокультурной адаптации, которая может рассматриваться как определенная стадия завершения процесса сближения МЭГ с окружающим иноэтничным населением. Эта стадия характеризуется сильными изменениями ХКТ данной МЭГ, воспринявшей местные традиции. Всей МЭГ теперь присущи билингвизм и бикультурализм²⁹. Этап адаптации характеризуется также взаимным распространением фольклора контактирующих народов; в отдельных случаях изменением конфессиональной принадлежности, дальнейшим распространением межнациональных браков, фактическая частота которых совпадает или близка к теоретической вероятности. При этом устойчиво сохраняется этническое самосознание, отдельные комплексы материальной и духовной культуры. Родной язык, уступающий социальные функции языку большинства населения, употребляется в основном в быту. В силу особенностей исторического развития малых этнических групп, оказавшихся в отрыве от основного этноса и находящихся в активных контактах с окружающим населением, возникают локальные особенности в языке³⁰.

4. Продолжающиеся контакты МЭГ с иноэтнической средой приводят к аккультурации малой этнической группы, понимаемой нами как переход к новому ХКТ, не характерному для данной группы (в сходных природно-географических условиях традиционный ХКТ не исчезает). В процессе аккультурации развитие билингвизма сопровождается постепенной утратой родного языка и распространением языка окружающего этноса. Примером могут служить мордва-каратаи и мордва-тюрюхане, которые перешли, не утратив этнического самосознания, соответственно, на татарский и русский языки. У кавказских народов, живущих

²⁷ См.: Современные этнические процессы..., с. 475—477, 479; Смирнова Я. С. Национально-смешанные браки у народов Карачаево-Черкесии.— СЭ, 1967, № 4, с. 139—140 и др.

²⁸ Смирнова Я. С. Указ. раб., с. 141—142.

²⁹ Подробнее см.: Арутюнов С. А. Билингвизм и бикультурализм.— СЭ, 1978, № 2.

³⁰ Наумова О. Б. Материалы к изучению этнического самосознания омских и бель-агашских казахов.— В кн.: Полевые исследования Института этнографии. 1978. М.: Наука, 1980, с. 110.

небольшими группами в отрыве от основного этноса среди русских или других народов, резко возрастает число лиц с родным русским или другим языком. Так, по переписи 1959 г. 74,2% осетин, проживающих в Узбекской ССР, родным языком назвали узбекский, от 20 до 36% осетин, ногайцев, черкесов, адыгейцев, ингушей, лезгин — русский³¹.

Для аккультурации характерен высокий процент межнациональных браков, теоретическая вероятность которых равна или ниже фактической частоты. Особенно способствует заключению межнациональных браков, как уже отмечалось, близость языка и культуры брачащихся, например русских и украинцев, украинцев и белорусов, белорусов и русских, башкир и татар и т. п. Повсеместно наблюдаемая частота таких браков, за редким исключением, равна или выше теоретической вероятности³². Этническое самосознание поддерживается главным образом благодаря сохранению ряда элементов духовной культуры, а также этнической психологии, этнодифференцирующие функции которых повышаются. Иногда в этот момент оно выражено нечетко или в его развитии появляется своеобразная двойственность.

5. Последняя ступень этнических процессов у МЭГ — этническая ассимиляция, при которой полностью или почти полностью утрачиваются этноязыковые и этнокультурные признаки материнского этноса. В силу господства языка и культуры окружающего этноса, у членов МЭГ, начиная с молодого поколения, прежнее этническое самосознание постепенно замещается новым. Отдельные особенности в материальной и духовной культуре, в языке утрачивают этнодифференцирующую роль³³. Однако в СССР, где в условиях равенства наций и народностей полностью отсутствует национальная предпочтительность (в обучении, в деловой карьере и т. д.), ассимиляция развивается медленно даже в городах. Для выяснения этнопсихологических причин стойкого сохранения национального самосознания, в том числе на уровне МЭГ, необходимы специальные исследования. Заключительная стадия этнокультурного развития МЭГ потребует длительного периода времени.

Этнической интеграции, а затем ассимиляции способствует утрата экономических и политических и ослабление культурных связей с родиной, наряду с усилением связи с окружающим этносом. На темпы и интенсивность протекания указанных стадий этнических процессов оказывает влияние характер расселения: чем выше дисперсность размещения МЭГ в иноэтнической среде, тем активнее протекают этнические процессы.

Значительная роль принадлежит при этом языку обучения в школе. Преподавание на родном языке сдерживает аккультурацию и ассимиляцию, укрепляет его позиции в общественной и семейной среде. Обучение на языке этнического большинства ускоряет этническую трансформацию.

В антагонистических обществах конфессиональная принадлежность членов МЭГ, с одной стороны, выступает в роли стабилизатора этнического самосознания, с другой — способствует их интеграции в рамках конфессиональной общности, в которой быстро нарушается этническая эндогамия. Это могло привести к дестабилизации этноса и к ассимилятивным процессам. Подобная ситуация чаще складывается тогда, когда контактируют разные по численности этнические общности и половозрастная структура меньшей из них не сбалансирована. О сближении, адаптации и аккультурации членов МЭГ с окружающим населением свидетельствует стремление этой группы порвать со «своей» религией и перейти

³¹ См.: Волкова Н. Г. Вопросы двуязычия на Северном Кавказе. — СЭ, 1967, № 1, с. 38.

³² См.: Современные этнические процессы..., с. 469, 475; Калышев А. Б. Межнациональные браки в сельских районах Казахстана (по материалам Павлодарской области. 1966—1979 гг.). — СЭ, 1984, № 2, с. 71—77, и др.

³³ Этнической ассимиляцией объясняется сокращение численности мордвы, карел, вепсов и некоторых других народов. Дисперсно расселенные группы указанных этносов в результате межнациональных браков постепенно растворяются в среде окружающего русского населения. Вероятно, имеет место и так называемая «внесемейная» ассимиляция, однако вопрос этот изучен слабо.

ти в другую конфессию, которую исповедует большинство или значительная часть окружающего населения.

В условиях социализма роль религии неуклонно падает, но пережиточно сохраняющиеся различия в культуре и обычаях, связанные с религиозными предубеждениями, сравнительно долго сказываются на течении этнических процессов.

О роли межнациональных браков в интеграционных и ассимиляционных процессах и о направленности этих процессов свидетельствуют материалы по определению своей национальной принадлежности молодежь в межнациональных семьях. Если один из родителей — представитель МЭГ, а другой — коренного этноса, дети при выборе национальнойности отдают предпочтение последнему; если же один из родителей — русский, а другой — некоренной национальности, предпочтение отдается русской национальности³⁴. Таким образом, национально-смешанные браки способствуют не только языковой ассимиляции, формированию своеобразных черт в быту, культуре и т. п., но и, как правило, этническому растворению МЭГ в иноэтничной среде. «Из двух этносов, представители которых вступают в смешанные браки, обычно увеличивается тот, для которого характерно численное преобладание в соответствующем регионе»³⁵, — отмечает Ю. В. Бромлей.

Взаимодействие между малыми этническими группами и окружающим этносом — двустороннее. С одной стороны, представители МЭГ воспринимает рациональный опыт ведения хозяйства, элементы или отдельные комплексы материальной и духовной культуры окружающего этноса, с другой — сами оказывают в той или иной степени влияние на этническое большинство³⁶.

В различных социально-экономических и политических условиях этнические процессы у МЭГ характеризуются определенными особенностями. Как отмечал В. И. Ленин, развитию национальных отношений при капитализме присуща противоречивость³⁷. В дореволюционный период этнические процессы развивались двояко: естественно, свободно, подчиняясь закономерностям этнического развития, и насильственно, как выражение политики господствующих классов и наций. Правящие круги России, как и других многонациональных капиталистических стран, проводили политику ассимиляции мелких этнических групп и национальных меньшинств. Однако процессы интеграции и ассимиляции в условиях царской России сдерживались экономической отсталостью и политическим гнетом, национальными предубеждениями и враждой, насаждаемой духовенством рознью между представителями различных конфессий. В этих условиях этнические группы, в том числе и МЭГ, сохраняли обособленность. Часто в их среде возникали националистические настроения.

После Октябрьской революции в стране были устранены препятствия на пути сближения всех наций, народностей, а также этнических групп. Это нашло выражение в ликвидации всех форм и видов национального и политического гнета, национальной розни. Установление фактического равноправия народов нашей страны, претворение в жизнь ленинской национальной политики КПСС и Советского государства привели к ликвидации былой замкнутости наций, народностей и этнических групп и, как следствие этого, к их сближению, а в отдельных случаях к слиянию этнических групп с более крупными этническими общностями, т. е. к их естественной ассимиляции. Как указывал В. И. Ленин, естественная ас-

³⁴ *Калищев А. Б.* К вопросу об определении национальной принадлежности молодежи в межнациональных семьях. — Изв. АН КазССР. Серия общ. наук, Алма-Ата: Наука, 1983, № 3, с. 81—84; *Герентьева Л. Н.* Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях. — СЭ, 1969, № 3, с. 27—28; *Ганцкая О. А., Герентьева Л. Н.* Межнациональные браки и их роль в этнических процессах. — В кн.: Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977, с. 460—483 и др.

³⁵ *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография, с. 116.

³⁶ *Зеленчук В. С.* Указ. раб., с. 201, 212; Современные этнические процессы..., с. 193; *Волкова Н. Г.* Речи: вопросы этнокультурных связей. — В кн.: Полевые исследования Института этнографии. 1978. М.: Наука, 1980, с. 154, и др.

³⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 124.

симиляция всегда имела прогрессивное значение³⁸. Вместе с тем, наличие национально-государственных образований на территории СССР, осуществление ленинской национальной политики по отношению к малым народам, МЭГ и национальным группам в районах их проживания, разнообразные культурные, родственные и иные связи представителей МЭГ с этническим ядром, способствуют устойчивому сохранению у них этнического самосознания.

Рассмотренные стадии этнических процессов у МЭГ представляют взаимосвязанные, но в то же время в определенном смысле самостоятельные этапы единого очень длительного и сложного пути этнического развития малой группы в иноэтнической среде. Они могут доминировать поочередно или совпадать в том или другом соотношении. Каждая стадия характеризуется детерминирующей общностью определенной совокупности черт. Приведенная схема, на наш взгляд, может быть использована в качестве инструмента исследования этнических процессов, механизма поведения МЭГ в ино- или полиэтнической среде, с определенной корректировкой в зависимости от конкретной этнокультурной ситуации.

³⁸ Там же, с. 125, 127.

В. Г. Власов

РУССКИЙ НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Тема данной работы во многом подсказана А. Ермоловым¹, который собрал целую энциклопедию народной сельскохозяйственной мудрости, закреплённой в календарных приметах и рекомендациях, и считал, что дальнейшее тщательное изучение народного календаря приблизит нас к открытию коренных законов природы, предугаданных народной наблюдательностью. Одним из важнейших направлений исследований народного календаря должно быть установление его стиля, или, иначе, идентификация его дат с датами ныне принятого календаря.

Под «народным календарем», «месяцесловом», «календарными приметами» подразумеваются соответствующие понятия, зафиксированные собирателями в XIX—XX вв. и соотнесенные с датами юлианского календаря. Как известно, юлианский календарь неточен: его год длиннее тропического на 11 минут 14 секунд, погрешность в одни сутки накапливается за 128,2 года, или, усредненно, каждые 400 лет образуется расхождение в трое суток². В 325 г., когда юлианский календарь был принят для всего христианского мира, весеннее равноденствие приходилось на 21 марта, летнее солнцестояние — на 22 июня, зимнее солнцестояние — на 22 декабря. В X в. эти явления наблюдались соответственно 16 марта, 17 июня и 17 декабря (погрешность в пять суток) по юлианскому календарю, в XVI в. — 11 марта, 12 июня и 12 декабря (погрешность в 10 суток), в начале XX в. — 8 марта, 9 июня, 9 декабря (погрешность в 13 суток). Реформа календаря, проведенная в нашей стране в 1918 г., когда была ликвидирована 16-вековая погрешность юлианского календаря, возвратила календарную ситуацию IV в.: соответствующие астрономические явления снова пришлось на те же даты, что и во времена Никейского собора.

На этой подвижности юлианского календаря основано известное правило пересчета дат исторических событий на современный (григорианский) календарь. Даты событий, имевших место в IV в., отождествляются с датами современного календаря; даты событий V в. переводятся

¹ Ермолов А. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. I. СПб., 1901, с. 554.

² Селезников С. И. История календаря и хронология. М.: Наука, 1970, с. 63—68.

на него с поправкой в одни сутки; событий X в.—с поправкой в пять суток; событий XX в.—с поправкой в 13 суток³. Например: день Куликовской битвы, происшедшей 8 сентября 1380 г. по юлианскому календарю, в современном календаре приходится на 16 сентября, так как поправка для XIV в. составляет восемь суток.

Принятие народом юлианского календаря и совмещение с ним всего объема наблюдений, примет, предсказаний и т. п. было историческим событием, время которого надо определить, чтобы вычислить соответствующую поправку и пользоваться ею при пересчете выделенных народом дат.

Отметим сразу одну черту народного календаря, на первый взгляд довольно заурядную: каждая примета (или наблюдение) обычно жестко связана с определенным днем юлианского года, а не с двумя-тремя соседними днями, т. е. не размыта по календарю. Например, приметы: день ясный, солнечный — к урожаю яровых, особенно гречи, дождь — к урожаю ржи — падает на 25 марта, а не на интервал 24—25, 25—26 или 24—26 марта; если восход солнца в туманной дымке — год хлебородный, а если восход ясный — перепаживай озимое поле и засевай яровой — это решение принимали утром 10 апреля, но не 9-го или 11-го; молиться о защите от огня и молнии надо было 4 сентября (а не с 3-го по 5-е); быть у воды — 8 сентября (а не с 7-го по 9-е) и т. д. Эта конкретность, столь привычная для нас, несет ценную информацию: она говорит о том, что «встреча» народных примет и юлианского календаря произошла в течение довольно короткого времени — около 100 лет (когда погрешность юлианского календаря, определяемая простыми наблюдениями, не превышала одних суток). Кстати, некоторое представление о реальном интервале, необходимом для смены календарных стилей в бытовом плане, можно получить из опыта реформы 1918 г.: «старый стиль» как явление живое и полное глубокого смысла сохраняется в памяти одного-двух поколений — в активной жизни общества — не более 60 лет; затем оказывается, что пользоваться двумя календарями сразу неудобно и не нужно, и «старый стиль» постепенно забывается.

На вопрос, когда именно русский народ принял юлианский календарь, современная научная традиция дает невольный ответ, переводя приметные дни со старого стиля на новый с поправкой в 13 дней: она тем самым утверждает, что это событие произошло в первые 18 лет XX в., что явно не верно. Вместе с тем сам месяцеслов отвечает на этот вопрос ясно и однозначно. Днем летнего солнцестояния считается здесь 12 июня — день Петра Афонского («Петр-солнцеоборот»), днем зимнего солнцестояния — 12 декабря (день Спиридона-поворота). Солнцестояния в эти дни были в XVI—XVII вв., когда погрешность юлианского календаря достигла 10 суток. Реальность астрономических явлений — единственное достоверное объяснение того факта, что скромные христианские святые стали носителями отдельных черт солнечного культа. Вывод: русский народ соотносил свои календарные приметы и наблюдения с датами церковного календаря в период не более 100 лет, в течение XVI—XVII вв. Следовательно, даты месяцеслова надо переводить на современный календарь с поправкой не в 13, а в 10 дней (о возможных исключениях см. ниже).

Календарную систему, даты которой скорректированы по отношению к юлианскому календарю на 10 дней, правомочно считать особым календарным стилем, ибо подобным образом при григорианской реформе был получен так называемый «новый стиль». Поскольку рассматриваемая календарная система характеризуется не столько цифровыми соотношениями, сколько тем, что несет значительную хронологическую информацию, накопленную русским народом, эту систему предлагается назвать «русским календарным стилем» (по аналогии с ним возможны другие этнические календари, образованные подобным образом: уста-

³ Там же, с. 71—72.

новлением времени соединения предшествующего народного календаря с государственным подвижным календарем — юлианским, мусульманским и т. д.).

Возможность существования «русского календарного стиля» предполагал В. И. Чичеров: «Для времени оформления церковно-бытового обрядового календаря периода образования великорусского народа надо принять поправку в датах обрядов в количестве 8—10 дней»⁴. Однако он не настаивал на такой поправке (отличной от 13-дневной) и, главное, не уточнил ее, чем явно недооценил строгости календарных явлений. Примета, на основании которой строится предсказание, связана с конкретной датой, т. е. отстоит от дня солнцестояния на определенное число дней. Например: «На Самсона дождь — семь недель тож»; наблюдать дождь надо на Самсона-странноприимца — 27 июня по юлианскому календарю, в XVI в. он приходился на 15-й день после летнего солнцестояния (7 июля по григорианскому календарю). При сбое календаря на один день наблюдение за дождем будет производиться уже в 16-й день, при сбое в два — в 17-й и т. д., но народная мудрость вовсе не утверждает, что дожди и в эти дни предвещают семинедельную мокрядь (если 15-й день после летнего солнцестояния был сухим).

В виде иллюстрации ниже предлагается краткая выборка из народного календаря с переводом дат на «русский календарный стиль» (см. таблицу).

Проблема русского календаря проливает новый свет как на наши представления о народной культуре, так и на ряд явлений русской истории XVI в. По-новому вырисовывается построение народного дохристианского календаря, до этого времени весьма туманное. Достоверно было известно лишь то, что такой календарь существовал, т. е. что народ был знаком с принципами календарного счета. Это соответствовало общему представлению о народной культуре как об упрощенном варианте городской культуры. В действительности же русский календарь свидетельствует о том, что до принятия христианства народ пользовался автономной, тонко отлаженной календарной системой, сопоставимой с юлианской. Если учесть, что юлианский календарь был для своего времени грандиозным научным достижением, стройность и математическое изящество которого восхищали таких хронологов, как Ж. Скалигер, В. Болотов и др., то этот ракурс требует серьезного осмысления. Поэтому ниже будут кратко рассмотрены некоторые аспекты народного дохристианского календаря.

Русский календарный стиль (т. е. совмещение сельскохозяйственных примет и наблюдений русского народа с юлианским календарем) возник в XVI—XVII вв. Для этого были необходимы две предпосылки: 1) народные приметы древнее периода соединения их с юлианским календарем; 2) эти приметы опирались на строгий, астрономически точный календарь.

1) Древность русской фольклорной традиции (пословицы, поговорки, приметы), разделом которой является народная агрономия, доказательством не требует. Возможно, эта проблема нуждается в некотором уточнении в связи с календарным приурочением сельскохозяйственных примет.

Народный календарь как неотъемлемый компонент народной культуры — явление общепризнанное. «Наряду с официальным счетом времени... во всяком обществе существовал народный счет, применяемый в быту и тесно связанный с хозяйственной деятельностью»⁵. Необходимость в календаре появляется в раннем неолите в связи с возникновением земледелия и скотоводства⁶. Вместе с тем ясно, что изначально он был не просто «численником», а календарем аграрным: счет дням и сельскохозяйственные заметы были сплавлены в нем неразрывно, так

⁴ Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX вв. — В кн.: Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. XL. М.: Изд-во АН СССР, 1957, с. 24.

⁵ Пронштейн А. П., Кияшко В. Я. Хронология. М.: Высш. шк., 1981, с. 5.

⁶ Там же, с. 28.

что в целом «он может быть понят как созданный на ранних этапах земледелия свод указаний для практической деятельности человека»⁷. Третьим компонентом этого сплава была календарная роспись обрядов; исследователи согласны в том, что аграрные обряды русских крестьян глубоко архаичны, так как в их основе лежит «система магии растительного плодородия»⁸.

Языческая первооснова таких праздников, как Иван Купала, Ильин день, Рождество, Благовещение, изучена глубоко и всесторонне. Меньше внимания уделялось тем дням, в которые должны были проводиться языческие обряды. Например: в ночь на 28 января (здесь и далее ст. ст.) «закармливали» домового, ублажали его и 8 ноября, 18 января выгоняли ведьм, 3 апреля приносили жертву водяному, 15 сентября — водяному и домовому сразу, в ночь на 22 августа сторожили гумно от лешего, 10 мая праздновали именины Земли, 5 июля отмечали «месяцев праздник», 8 апреля — встречу Солнца и Месяца и т. д.⁹ Эти реликты языческих верований, жестко связанные с календарем, являются наиболее убедительным свидетельством древности всего народного календаря как единого целого, включая и его сельскохозяйственный пласт.

В качестве дополнительного аргумента в пользу сказанного может служить анализ набора христианских святых, именами которых обозначены даты месяцеслова. Если бы цикл примет строился на базе церковного календаря, то в первую очередь были бы упомянуты виднейшие фигуры христианского пантеона и столпы христианского учения. Это значит, что приметы должны были бы относиться к дням памяти именно этих деятелей; а при той обычной ситуации, когда на каждый день приходится несколько святых разной иерархии, дни должны называться по святому высшей категории. Однако на деле месяцеслов выглядит далеко не так; сплошь и рядом его календарные вехи — дни «второстепенных» мучеников или архиереев: Трифон (1 февраля), Фалалей (20 мая), Анкидин (2 ноября) и др., отмечены два чтеца — Федул (5 апреля) и Прокопий (22 ноября), но опущены праотец Авраам и его племянник Лот (9 октября), брат господень апостол Иуда (19 июля) и его родственник апостол Симеон (27 апреля), родители богоматери Иоаким и Анна (9 сентября), апостол и евангелист Лука (18 октября), большая часть апостолов из числа 70, большая половина ветхозаветных пророков. Нетрудно убедиться, что такая «несправедливость» выдержана по всему народному календарю: приметные дни в нем определяются отнюдь не авторитетом христианских святых. Это лишний раз доказывает, что при создании месяцеслова народ шел не от святцев, а от накопленного веками цикла календарных примет, освященного трудом и наблюдательностью дедов и прадедов.

2) Народный агрономический и обрядовый календарь был создан на основе определенных астрономических открытий. «Сперва астрономия, которая уже из-за времен года абсолютно необходима для земледельческих народов»¹⁰. Реальным свидетельством первых астрономических наблюдений считается появление своеобразных рисунков — кружков и полумесяцев в изобразительном искусстве неолита¹¹. Д. О. Святский приводит неолитические рисунки, трактуемые им как изображения созвездий Большой Медведицы и Плеяд¹². Впрочем, для целей сельского хозяйства достаточно наблюдений за Солнцем в его годовом цикле, так как именно его движение определяет ту периодичность жизни природы, которая проявляется в чередовании сезонов. Чтобы построить календарь, соответствующий природному ритму, надо сначала обнаружить, что высота полуденного Солнца над горизонтом в разные времена года

⁷ Чичеров В. И. Указ. раб., с. 16.

⁸ Рыбаков Б. А. Языческое мировоззрение русского средневековья. — Вопр. истории, 1974, № 1, с. 13.

⁹ Ермолов А. Указ. раб., с. 212, 215, 268, 371, 472, 425, 529.

¹⁰ Энгельс Ф. Диалектика природы. — В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20, с. 500.

¹¹ Диксит С. К. Введение в археологию. М.: Изд-во иностр. лит., 1960, с. 248.

¹² Святский Д. О. Очерки истории астрономии в Древней Руси. Ч. 2. — В кн.: Историко-астрономические исследования. Вып. VIII. М., 1962, с. 26.

неодинакова, затем суметь определить дни, когда оно достигает крайних положений (солнцестояний), и от одного из этих дней (или от одного из промежуточных — равноденствий) провести отсчет. Получается календарь, относящийся к категории «солнечных». Этот вывод стоит подчеркнуть: народный земледельческий календарь с необходимостью должен быть солнечным. Известные ныне народные календари подтверждают это: солнечным является хозяйственный календарь таджиков, «привязанный» к дню зимнего солнцестояния¹³; тяготеет к солнечному народный календарь Древней Греции¹⁴; высоко он ценился и в римское время: «Все наши нынешние знания о небе, полезные для сельского хозяйства, опираются главным образом на наблюдения ...четырех важнейших точек: двух тропиков, или солнцестояний, и двух равноденствий, которые делят год на четыре четверти по различным временам года»¹⁵. Память о том, что исконный славянский календарь был именно солнечным, сохранилась в убеждении, что славяне вели счет времени по сезонам¹⁶.

Народный календарь был неизмеримо более точным, чем юлианский. Это может показаться совершенно невероятным, если ныне принятый тип календаря мы будем считать единственно возможным. Назовем его «полным»; его основная черта — непрерывный счет дней в течение всего года. Поскольку длительность года не выражается целым числом дней, точность такого календаря зависит главным образом от того, насколько верно определена продолжительность солнечного («тропического») года. Египетско-европейская календарная традиция насчитывает около 6 тыс. лет, однако измерение длительности тропического года с точностью, достаточной для хозяйственных целей, было произведено только в середине XVI в. немецким астрономом Э. Рейнгольдом: его год равен 365 суткам, 5 часам, 49 минутам, 16 секундам¹⁷. Таким образом, большую часть времени своего существования полный солнечный календарь точным не был. На этом основании делается поспешный вывод, что астрономически точный календарь был введен сравнительно недавно; все, что было раньше, считается более примитивным. Это относится и к народным календарям — даже в научной литературе можно встретить суждения вроде следующего: «Способы определения времени в народных календарях не отличались большой точностью»¹⁸. При этом не учитывается, что само существование народного календаря как земледельческого теряет смысл, если его погрешность за обозримый промежуток времени превышает одни сутки: приметы, сместившиеся на сутки, перестают быть верными. И — что не менее важно — не допускается возможности того, что народные календари могли существовать в иных условиях, чем официальные.

Принципиальное отличие народного календаря от привычного для нас полного солнечного состояло в том, что непрерывный счет дней распространялся здесь только на часть года (пусть даже значительную); в этом смысле он являлся «неполным». Характерным примером может служить календарь, запечатленный на поверхности сосуда IV в., который (в расшифровке Б. А. Рыбакова) охватывал период с 1 апреля по 7 августа (с учетом верхнего пояса значков — квадратики)¹⁹. К этому типу относится, по-видимому, своеобразный вышитый календарь, бытовавший в Каргополье вплоть до конца XIX — начала XX в.²⁰ К сожа-

¹³ Пронштейн А. П., Кияшко В. Я. Указ. раб., с. 97—103.

¹⁴ Гесиод. Труды и дни.— В кн.: Эллинские поэты. М., 1963, с. 141—168.

¹⁵ Плиний Старший. Естественная история. Кн. XVIII. Гл. 25.

¹⁶ Селешников С. И. Указ. раб., с. 153; Каменцева Е. И. Хронология. М.: Высш. шк., 1967, с. 50.

¹⁷ Селешников С. И. Указ. раб., с. 66.

¹⁸ Пронштейн А. П., Кияшко В. Я. Указ. раб., с. 153; см. также: Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1976, с. 46.

¹⁹ Рыбаков Б. А. Календарь IV в. из земли полян.— Советская археология (далее — СА), 1962, № 4, с. 85—86.

²⁰ Дурасов Г. П. Каргопольские народные вышивки — месяцесловы.— Сов. этнография, 1978, № 3, с. 139—148.

лению, автор публикации без достаточных оснований совместил исследуемый им календарь с юлианским, не придав значения тем обстоятельствам, что кольцо вышито имеет разрыв и что число делений на нем не равно и не кратно числу дней юлианского года. По-видимому, это следует расценивать как ясное указание на «неполноту» изображенного календаря.

При всей парадоксальности (по современным понятиям) такого решения народного календаря оно ясно соответствовало понятию сезонности и именно тому обстоятельству, что сезоны весьма неравноценны как по интенсивности и разнообразию труда, так и по общей их значимости: календарному счету подвергались лишь некоторые, наиболее насыщенные периоды года. «Неполнота» этого календаря прямо соотносилась с характером крестьянского мышления: крестьянин «не думает силлогизмами, не мерит пространство геометрически, а время — правильными сроками, которые можно исчислить» (здесь и далее разрядка моя.— В. В.)²¹.

«Неполнота» календаря, возможно, была его недостатком, так как она требовала ежегодного подтверждения астрономическими наблюдениями. Зададимся вопросом: каким образом пользовались этим календарем в те времена, когда еще не существовало никакой другой календарной системы? Как от Безвременья переходили к Времени? Вчера был день никакой, позавчера — никакой, а сегодня, оказывается, 1 апреля — надо запрягать, пахать под яровые. Как узнавали, что наступил в природе день, который надо совместить с первым днем календарного счета? Поскольку справиться об этом было негде, кроме как у самой природы, ответ возможен только один: неполный календарь в качестве необходимого условия своего существования предполагал **ежегодные астрономические наблюдения** с целью определить какой-либо из основных дней солнечного цикла — солнцестояние или равноденствие. Но в то же время «неполнота» оказывалась преимуществом: эти наблюдения и ежегодная «привязка» к какой-либо точке солнечного цикла служили средством, обеспечивающим точность этого календаря. Отсюда ясно, что народ должен был пользоваться только им: никакой полный календарь (до появления григорианского) не мог удовлетворить крестьянина из-за своих погрешностей и неизбежно следовавших за ними корректировок.

При этом сразу возникает целый ряд вопросов: в состоянии ли были люди далекого прошлого вести тонкие астрономические наблюдения? Как, с помощью каких устройств и инструментов они могли проводить их? Есть ли какие-либо свидетельства того, что такие наблюдения действительно проводились? На все эти вопросы в последние 10 лет даны положительные ответы. Обнаружена и описана большая группа памятников IV—II тыс. до н. э., трактуемых как астрономические обсерватории для наблюдения определенных моментов в движении Солнца и Луны²². Во всех случаях параметром наблюдения являлась не высота светила над горизонтом, а азимуты точек восхода и захода. При наблюдениях Солнца учитывалось известное явление — в дни равноденствий точки восхода и захода лежат на линии восток — запад, летом они смещаются к северу, зимой — к югу, достигая крайних положений в дни солнцестояний. Для определения какой-либо одной точки достаточно иметь два визира (каменных или деревянных), сориентированных на эту точку²³. Поиск таких древних обсерваторий облегчается, если хотя бы один визир был выполнен в виде большого камня (мегалита, менгира); гораздо труднее обнаружить лунки от деревянных столбов и интерпретировать их как элементы обсерватории²⁴. И наконец, значительные трудности представляет случай, когда дальний визир вообще не создавался, а в качестве него использовалась какая-нибудь особенность

²¹ Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914, с. 220.

²² Вуд Дж. Солнце, Луна и древние камни. М.: Мир, 1981, с. 27—32, 106—123 и др.

²³ Хокинс Дж., Уайт Дж. Разгадка тайны Стоунхенджа. М.: Мир, 1973, с. 126, 158.

²⁴ Вуд Дж. Указ. раб., с. 110.

на линии горизонта²⁵. Во всех вариантах точность наблюдения тем выше, чем больше расстояние между визирами. Лисбая линия визирования, фиксирующая определенное положение Солнца в его годовом цикле, является в то же время календарной: она указывает дату этого события. Так, например, обсерватория в районе Баллохроя (Шотландия) служила для наблюдения захода Солнца в день летнего солнцестояния, обсерватория около деревушки Кинтро — для наблюдения его же в день зимнего солнцестояния²⁶. Недаром подобная обсерватория, отмеченная у индейцев хопи на юге США имела название «горизонтальный календарь». Обслуживающий ее жрец должен был предупреждать людей о наступлении важных дат²⁷.

Исследования английских ученых убедительно показали, что точная наблюдательная астрономия возникла на ранних, догосударственных стадиях развития человеческого общества, она — достояние не городской, а сельской земледельческой культуры. Этот вывод потребовал пересмотра привычных представлений о «неграмотной сельскохозяйственной общине, технология которой исчерпывалась обработкой камня и бронзы, а члены жили в тяжелых антисанитарных условиях, умирали рано и кое-как добывали себе пропитание с помощью примитивнейших способов обработки земли»²⁸; и заставил признать, что «первобытные люди Европы были гораздо более развиты в умственном отношении, чем это считалось прежде»²⁹.

Строительство мегалитических обсерваторий на Британских островах прекратилось в середине II тыс. до н. э.³⁰, однако связанная с ними астрономическая традиция и точный календарь не исчезли: их существование можно проследить в IV и даже в I вв. до н. э.³¹. Эти последние полторы тысячи лет надо рассматривать как время угасания мегалитической культуры, но отнюдь не исчезновения народной астрономии, которая не имеет однозначной связи с культом камня. Заметим, кстати, что и на Британских островах одновременно с каменными существовали деревянные обсерватории; о некоторых их следах упоминалось выше, следы деревянных визиров обнаружены вокруг знаменитого Стоунхенджа³². В 3 км от него найдены остатки святилища Вудхенджа, которое интерпретируется как деревянный прототип Стоунхенджа: ось Вудхенджа ориентирована на точку восхода Солнца в день летнего солнцестояния³³. Судьбы «деревянной астрономии», к сожалению, не привлекли к себе еще достаточного внимания исследователей. Однако все сказанное выше позволяет сделать предварительный вывод, что именно «деревянная астрономия» возникла вместе с земледелием и с потребностью в календаре и затем сопровождала земледельческую культуру в каждой этнической группе как неперенный ее атрибут. И дело здесь не только (и не столько) в технологической простоте и доступности деревянных визиров-идолов — дерево как объект поклонения на ранних стадиях религиозного сознания было сопряжено с земледельческими культами³⁴. «Деревянные боги могут быть поставлены в связь с сельскохозяйственными культами, далекими от зачатков государственности...»³⁵. Деревянные элементы обсерваторий в некоторых этнических культурах заменялись каменными: развивалась и угасала боковая ветвь народной астрономии — астрономия мегалитическая. Но несмотря на свою «эпизодичность», она донесла до нас общие принципы народной астрономии. Эти принципы можно кратко сформулировать следующим образом. 1. Народ-

²⁵ Там же, с. 112.

²⁶ Там же, с. 113—114.

²⁷ Там же, с. 244.

²⁸ Там же, с. 28.

²⁹ Хокинс Дж., Уайт Дж. Указ. раб., с. 203.

³⁰ Вуд Дж. Указ. раб., с. 249.

³¹ Там же, с. 251.

³² Там же, с. 210.

³³ Там же, с. 74; Хокинс Дж., Уайт Дж. Указ. раб., с. 109—110.

³⁴ Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1980, с. 137, 138, 140.

³⁵ Аничков Е. В. Указ. раб., с. 346.

ная астрономия носит азимутальный характер: объектами наблюдений являются точки восходов и заходов светил, для Солнца — точки восходов и заходов в дни солнцестояний или равноденствий. 2. Народная астрономия имеет прикладное значение. Являясь частью земледельческой культуры, она обслуживает нужды земледелия с помощью календаря и закрепленных в нем религиозных обрядов. 3. Народные астрономические наблюдения позволяют фиксировать положение Солнца в его годовом цикле с точностью до одного дня; народный календарь, основанный на этих наблюдениях, имеет высокую, «абсолютную» точность: его даты ежегодно приходятся на одни и те же дни солнечного года, отсчитываемые от соответствующих точек равноденствий или солнцестояний. 4. Поскольку народный календарь неполный, астрономические наблюдения представляются существеннейшей его частью, его сердцевинной; они проводятся ежегодно в течение всего времени, пока он действует (для народов Северной Европы — до момента принятия каждым из них церковного юлианского календаря).

Сказанное, безусловно, относится и к культуре славянской этнической общности, и к древнерусской народности. Будучи культурой земледельческой, она в глубокой древности должна была создать четкий календарь и разработать методы астрономических наблюдений, номенклатура которых определялась потребностями календаря и агрономии. Впрочем, «глубокая древность» по отношению к славянам — понятие спорное. По одной из современных теорий, специфически славянская культура сформировалась не ранее рубежа V—IV вв. до н. э.³⁶ В рамках этой теории можно предположить, что календарь был создан в предшествующие эпохи, до выделения славян из древнеевропейской общности. Но это, может быть, слишком осторожно. Б. А. Рыбаков просматривает черты протославянской культуры с конца III тыс. до н. э., праславянской — с середины II тыс. до н. э.³⁷ Вещественное доказательство существования славянского календаря относится к IV в. н. э. — это упоминавшийся выше календарь на сосуде из с. Ромашки Киевской области, найденный в ареале черняховской культуры. Общеизвестно упоминание названий славянских месяцев в памятниках письменности Древнерусского государства.

Славянский календарь опирался на астрономические наблюдения. В XII в. в знаменитом языческом храме на о. Рюген, в Арконе, летний праздник Святовита отмечался 15 июня по юлианскому календарю³⁸ — в истинный день солнцестояния в этом веке. К XVI в. погрешность юлианского календаря увеличилась еще на 3 дня, солнцестояния стали приходиться на 12 июня и 12 декабря, о чем народ знал. Последнее видно не только из того, что днями солнцеворотов в месяцеслове названы именно они (см. выше). Это подтверждается и своеобразным обрядом, совершавшимся в Московском кремле в XVI в. В день Спиридона перед царем предстал звонарный староста Московского собора как блюститель «часобития» (звона часов), бил челом и докладывал, что «отселе возврат Солнцу с зимы на лето, день прибывает, а ночь умалается». За эту радостную весть царь жаловал старосту деньгами — выдавалось 24 серебряных рубля. На летний солнцеворот (12 июня) тот же докладчик приносил весть: «отселе возврат Солнцу с лета на зиму, день умалается, а ночь прибывает». За эту прискорбную весть его запирали в темную палатку на Ивановской колокольне не менее чем на 24 часа³⁹.

Узнать о наступлении дня солнцестояния можно было только из непосредственных наблюдений; о том, что такие наблюдения велись в середине XVI в., свидетельствуют материалы Стоглавого собора, осудившего тех, которые «от бесовских научений... по звездам и по планитам

³⁶ Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979, с. 48—49.

³⁷ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981, с. 220—227, 230—284.

³⁸ Святский Д. О. Очерки истории астрономии в Древней Руси. Ч. I. — В кн.: Историко-астрономические исследования. Вып. VII. М., 1961, с. 78.

³⁹ Там же, с. 80.

глядяют и смотрят днем и часов»⁴⁰. Народные астрономические наблюдения, как отмечалось выше, имели азимутальный характер. Каждая обсерватория представляла собой систему визиров на точки восходов и заходов Солнца в дни летнего и зимнего солнцестояний. Эта гипотеза удовлетворительно объясняет специфические термины, которые так просто и непринужденно применяли русские летописцы для координирования небесных явлений. Так, например, комета, наблюдавшаяся зимой 1471/72 г., описана так: «Того же месяца декабря по рождестве Христове явися на небеси звезда велика, а луч от неа долог велми ... а въсходяше о шестом часе ночи с летнего въсхода, солнечного, и идяще к западу летнему же ... месяца того же генваря, по крещении, другая звезда явися хвостата над летным западом»⁴¹. Наблюдение за кометами в 30-е годы XVI в.: «Явльшеся звезда велиа над летным въсходом солнечным по многа зари утрения ... и последи, того же месяца, явльшеся та же звезда в вечерней зари ... и луч от неа сияше червлен вверх же над летним западом»⁴². Стоглавый собор не обошел молчанием и основы астрономии, прямо осудив наблюдения и наблюдателей солнечных восходов, — этот накал явно просвечивает в необычном пассаже в главе 2 «Стоглава», которая начинается удивительной поэтической зарисовкой восхода Солнца, а затем методично развенчивает «чювственное» светило⁴³. Глава 3 в перечень ужасов греха, от которого «многие грады разоришася, и людие без вести быша, и великия царствия заустеша», включает и «идолопоклонение»⁴⁴. Все это, конечно, не пустые слова: «Сей святыи собор многа обычаи древняя възбрани и отмета»⁴⁵. В данном случае вероятный объект борьбы — не символика язычества вообще, а капища-обсерватории, где среди визирных столбов находились идолы, нацеленные на определенные точки солнечных восходов.

Свидетельство «астрономичности» народного календаря можно видеть в одной особенности летописных датировок. Лишь в XI в. киевские книжники, отметившие существование народного календаря, сообщили славянские названия месяцев; с XII в. встречается иная терминология для обозначения категорий второй, неофициальной календарной системы: в 1136 г. «прииде Нсвугороду князь Святослав ... месяца июля в 19 день, а луны небесней в 19 день»⁴⁶. Эта традиция доживает до XV в.: полное затмение Луны 10 марта 1476 г. датировано так: «Месяца марта в 10 день, а небесного февраля в 15 день начат гинути месяц»⁴⁷. Думается, что термин «небесный февраль» ни в какой календарной системе не применялся, это — христианизированное понятие: в представлении летописца месяцы народного календаря имели непосредственное отношение к небесным явлениям, постоянно сверялись с ними в отличие от формализованных юлианских месяцев. Самый факт ссылки на народный календарь в летописях говорит о том, что он широко применялся в общественной жизни Руси.

Выше высказывалось суждение, что народная астрономия должна была быть сопряжена с религиозными культами. Это значит, что обсерваторий в чистом виде существовать не могло: место, где наблюдалось Солнце, было в то же время и местом, где отправлялся его культ; святилищем, мольбищем, капищем и т. п. В отношении западных славян хорошо известно, что их храмы служили и целям астрономии⁴⁸. Культ Солнца был присущ и восточным славянам: «...окаяньнии полуденье

⁴⁰ Стоглав. Казань, 1862 (гл. 41, вопр. 17, с. 179).

⁴¹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. VIII. СПб., 1859, с. 169.

⁴² Там же, с. 278.

⁴³ Стоглав, с. 22.

⁴⁴ Там же, с. 32—33.

⁴⁵ Там же, гл. 93, с. 402.

⁴⁶ Новгородская первая летопись. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1950, с. 24.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. VIII, СПб., 1859, с. 182.

⁴⁸ Срезневский И. Святилища и обряды языческого богослужения древних славян. Харьков, 1846, с. 41, 49—50, 93.

чтут и кланяются на полдень обратившиеся»⁴⁹. Культ справлялся здесь скромнее, чем на Западе: «...приступиша к идолом и начаша жрети молнии и грому, и солнцю, и луне»; некоторые идолы были каменными, или роль объектов поклонения исполняли особые (особым образом установленные?) камни: «...а друзии огневи и камению и рекам и источником...»⁵⁰. Площадка с расставленными идолами могла использоваться для астрономических наблюдений: визирами могли служить соответствующие пары идолов, или каждый из идолов мог применяться в качестве ближнего визира, если дальние расположены на окружающих площадку холмах. Подобную культово-астрономическую площадку можно видеть в славянском святилище X—XI вв. на берегу оз. Доброго (Святого) в днепровском левобережье, недалеко от г. Рогачева. Оно состояло из двух кругов, ограниченных кольцевыми канавками; снаружи большего круга имелось три или четыре небольших рва, сориентированных по странам света, снаружи малого круга два рва — с северной и южной сторон. В центрах кругов отмечены ямы, определенные как места установки идолов. Особенность святилища — обилие ямок от многочисленных столбов; некоторые из них исследователи отнесли к системам, задающим определенные направления, таковы столбы внутри малого круга и по концам восточного рва. Безусловно, сориентированными были и центральные объекты двух кругов. Авторы публикации пишут, что меньший круг расположен «к востоку» от большего, но по прилагаемой схеме это направление, взятое по центрам ям, ближе к северо-востоку (азимут прилб. 65°), что соответствует визированию точки восхода Солнца в день летнего солнцестояния⁵¹. Поскольку для астрономических наблюдений за каким-либо явлением достаточно двух визиров, значение может иметь и находка двух каменных идолов с острыми вершинами в с. Ставчаны Хмельницкой области⁵².

Увидеть астрономические площадки в историческое время гораздо труднее. О них намеками говорится в церковных поучениях периода Киевской Руси, порицавших идолопоклонение (см. выше; кстати, там прямо осуждались те, кто желал «оучитися острономии»⁵³; не отрицая за этим термином знаний, почерпнутых из народного источника, полагаем, однако, что он ближе к современному понятию «астрология»). Почти так же говорится о площадке в документе 30-х годов XVI в.: «Во многих Руских местех ...скверные молбиша идолские удержашася», представляя собой «лес и камене и реки и блага, источники и горы и холмы, солнце и месяц и звезды, и езера»⁵⁴. Знаменательно, что почитаемые камни были сравнительно небольшими: посланному на искоренение этих молебщ инок Илье оказалось по силам «камене же ...в воду метати»⁵⁵. Впрочем, на территории нашей страны имеются и мегалитические памятники, например, так называемый Конь-камень на берегу Красивой Мечи в современной Тульской области. Предварительное обследование этого сооружения весом 35 тонн показало, что основное его назначение — астрономическое: канавка «прицел» в верхней части камня направлена на точку восхода Солнца в день зимнего солнцестояния⁵⁶.

Правомерность идентификации подобных культовых объектов с сельскими обсерваториями основывается на реальности народной астроно-

⁴⁹ Слово св. Григорья, изобретено в толцех о том, како первое погани суще языци кланялися идолом... — В кн.: *Аничков Е. В.* Указ. раб., с. 386.

⁵⁰ Слово св. отца нашего Иоана Златоустого. — Там же, с. 89.

⁵¹ Куза А. В., Соловьева Г. Ф. Языческое святилище в земле радимичей. — СА, 1972, № 1, с. 146—153.

⁵² Винокур И. С., Хотюц Г. Н. Языческие изваяния из с. Ставчаны в Поднестровье. — СА, 1964, № 4, с. 211—214.

⁵³ «Слово от св. Евангелия» в рукописи Новгородского Софийского собора и сборнике Троице-Сергиевой лавры. — В кн.: *Аничков Е. В.* Указ. раб., с. 85.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. V. Спб., 1851, с. 73.

⁵⁵ Там же, с. 74.

⁵⁶ Левин А. Легенды каменных великанов. — Сов. Россия, 1984, 25 июля, № 170 (8521).

мической культуры, основные вехи которой: фактическое умение определять дни солнцестояний (обряд доклада царю об этих днях; дни солнцеворотов в месяцеслове); ясные свидетельства того, что календарные сведения добывались из астрономических наблюдений («Стоглав»: «по звездам и по планитам глядают и смотрят дней и часов»), и имели азимутальный характер («летний восток», «зимний запад» — в летописях).

К сожалению, систематическая работа по астрономической интерпретации славянских святилищ и более поздних мольбищ не проводилась. Однако подходить к проблеме народных обсерваторий по принципу «не обнаружено, следовательно, не было» недопустимо, хотя бы потому, что это значило повторять ошибки прошлого. Так, в начале нашего века утверждалось без тени сомнения: «Археологические памятники славян ничего не говорят об их культе; не найдено ни одного идола или какого-нибудь изображения, имеющего религиозный характер ...не было у них даже и таких жертвенных мест, какими для финнов служили некоторые из городищ Дьякова типа»⁵⁷ — заявление, опровергнутое ныне по всем пунктам.

Очень важным является вопрос о жрецах, которые отправляли культ Солнца и производили при этом соответствующие наблюдения. Астрономическая площадка без астрономов функционировать не может. Тем не менее существование жрецов у восточных славян порой полностью отрицалось: «Князь ставит идолов, князь приносит жертвы, толпа требует человеческой крови для богов, о жрецах ни слова; князь перемещает веру, все люди делают то же, и жрецы не только не противятся, но о них нет даже и помину»⁵⁸. Однако это явное преувеличение, так как при отсутствии жрецов язычество восточных славян не стало бы стройной системой, обладающей «учением», где соединялись «религиозная мудрость и таинственные знания»⁵⁹. Реальным свидетельством «системности» и организованности восточнославянского язычества является единый аграрно-обрядовый календарь. По Е. В. Аничкову, во времена Киевской Руси жрецов заменяли волхвы, которые «руководили религиозным сознанием, являлись прорицателями и пророками и таили в себе какие-то сокровенные знания»⁶⁰.

Институт волхвов безусловно дожил до XVI в. «Стоглав» называет волхвами и чародейниками именно тех, кто «по звездам и планитам глядают и смотрят дней и часов»⁶¹, — сообщение единичное, но многозначительное. По-видимому, волхвы были довольно обычным явлением русской действительности того времени, отношения между ними и населением были самые непринужденные: «...и к волхвам или к обавникам ходят или в дома своя тех призывают хотящие уведати от них некая неизреченная»⁶². С волхвами по-прежнему держали совет представители власти; так, решение Ивана Грозного выдвинуть подставного царя Симеона Бекбулатовича объяснялось тем, что «волхвы ему сказали, что в том году будет пременение: московскому царю смерть»⁶³. Вместе с тем ясно, что волхвы никогда не было так много, чтобы они могли руководить языческими обрядами в каждой семье, общине, деревне. Но этого, видимо, и не требовалось. Особенностью славянского, и в наибольшей степени восточнославянского, язычества было то, что с глубокой древности здесь кроме волхвов (которые представляются «верховными жрецами») действовал многочисленный отряд других жрецов: «При том быте, в котором жили славяне, в каждом роде старший был вместе

⁵⁷ Готье Ю. Железный век в Европе. М. — Л., 1930, с. 244—245.

⁵⁸ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1. М.: Соцэкгиз, 1959, с. 115.

⁵⁹ Аничков Е. В. Указ. раб., с. 236, 277.

⁶⁰ Там же, с. 270, 277.

⁶¹ Стоглав, с. 179.

⁶² Там же, гл. 93, с. 397.

⁶³ Пискаревский летописец. Материалы по истории СССР. Ч. II. М.: Изд-во АН СССР, 1955, с. 82.

и жрецом, он приносил жертвы, он гадал о будущем»⁶⁴. Что такое «совместительство» имело место и в XVI в., ясно из материалов Стоглавого собора, где домашние языческие обряды названы не иначе как «волхование»⁶⁵. Очевидно, и такой раздел волхования, как ежегодные астрономические наблюдения, необходимые для функционирования хозяйственного календаря, в России вплоть до XVI—XVII вв. был в состоянии выполнить каждый «большак». В трудных случаях он мог посоветоваться с волхвом.

Совокупность приведенных данных со всей очевидностью свидетельствует о том, что славяне-язычники владели астрономическими знаниями и навыками, которые, в частности, давали им возможность определять день летнего солнцестояния и, следовательно, из года в год вести точный календарь сельскохозяйственных работ, агрономических и метеорологических примет-предсказаний. Возникшие для удовлетворения потребностей сельскохозяйственного производства азимутальная астрономия и основанный на ней календарь составили неотъемлемую часть народной культуры. Вплоть до перехода сельского населения России на юлианский церковный календарь (в XVI—XVII вв.) они функционировали как заурядные явления крестьянского обихода.

На крестьянина, впервые соприкасавшегося с юлианским календарем, последний должен был производить впечатление занятой диковины: он исчислял весь год без единого пропуска, ему не требовалась ежегодная астрономическая сверка, так как он имел в себе механизм для поддержания своей точности в течение довольно долгого времени (система високоса). Поскольку принятие нового календаря народом означало не только переход на иной, специфический счет времени, но, главное, совмещение с ним знаний и представлений, связанных с доюлианским календарем, можно с уверенностью утверждать, что в течение ближайших ста с небольшим лет эта «календарная реформа» не отразилась на хозяйственной жизни страны. Но во второй половине XVII в. погрешность юлианского календаря превысила одни сутки, что вызвало сползание календарных дней по дням солнечного года и сразу же превратило народную календарную мудрость в фикцию. Народ стал строить приметы, формулировать предсказания и на их основании организовывать свою хозяйственную деятельность не по исконным приметным дням, а по соседним, следующим за ними. Иными словами, уже к концу XVII в. народ утратил правильность своего календаря. Помня пословицу: «День упустить — годом не наверстаешь», можно полагать, что это должно было иметь отрицательные последствия. В дальнейшем погрешность календаря продолжала расти: накануне XIX в. она составила уже 2 дня (относительно XVI в.), с начала XX в. — три дня. В эти три столетия народный календарь уже не выполнял своей культурно-хозяйственной функции; он представлял собой лишь внешнюю оболочку, лишенную реального смысла.

Некоторым подтверждением сказанному могут служить следующие данные. Известно, что нормой удобрений в XVI в. считалось 30 возов навоза на десятину⁶⁶; норма удобрений в первой половине XIX в. выросла до 60 возов на десятину⁶⁷. При этом если в XVI в. было отмечено 11 неурожая, в XVII — 12, то в XVIII — уже 34, а в первой половине XIX в. — 39⁶⁸. Безусловно, однозначной связи между сбоем календаря, вызвавшим нарушение всех агротехнических сроков, и ростом неурожайности нет; причин было много, но, несомненно, дефект календаря был одной из важнейших причин.

⁶⁴ Соловьев С. М. История..., с. 115.

⁶⁵ Стоглав, с. 402.

⁶⁶ Акты феодального землепользования и хозяйства. Ч. 2. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1956, № 175, с. 398.

⁶⁷ Горская Н. А. Земледелие и скотоводство.— В кн.: Очерки русской культуры XVI в. Ч. 1. М.: Изд-во МГУ, 1977, с. 54.

⁶⁸ Историческое и статистическое обозрение неурожая в России.— В кн.: Сборник статистических сведений о России. Кн. III. СПб., 1858, с. 491.

Юлианский календарь	Русский календарный стиль (даты по современному календарю)	Приметы	Юлианский календарь	Русский календарный стиль (даты по современному календарю)	Приметы
6 января	16 января	Крещение: облачно, пасмурно, туман, снег — к урожаю; полный месяц — к большому разливу	29 июня	9 июля	Петров день: дожди — к урожаю; если кукушка кукует после Петрова дня, лето будет хорошее и долгое
2 февраля	12 февраля	Сретенье: какая погода на сретенье, такая и весна; если солнце покажется перед закатом, больших морозов больше не будет	20 июля	30 июля	Ильин день: дожди — к обильному урожаю ржи на следующий год
1 марта	11 марта	Евдокия: какова Евдокия, таково и лето; откуда ветер на Евдокию, оттуда и во все лето	6 августа	16 августа	Второй Спас, Преображение: после Спаса много паутины — к урожаю ржи на следующий год
9 марта	19 марта	40 мучеников: какова погода в этот день, такова будет еще 40 дней	15 августа	25 августа**	Успение: если нет ветра и дождя — вся осень будет ясная и тихая
25 марта	21 марта*	Благовещение: день ясный, солнечный, морозный — к урожаю, но лето будет грозное	1 сентября	11 сентября	Симеон: на Семена ясно, тепло — вся осень ведряная, теплая; ветер — к неурожаю
8 апреля	18 апреля	Родион: в этот день встреча солнца с месяцем, начало пахоты.	1 октября	11 октября	Покров: какова погода на Покров — такова и зима; откуда ветер на Покров, оттуда будет во всю зиму
23 апреля	3 мая	Егорий: на Егория роса, дождь, снег, мороз — к урожаю, к легкому для скота году	8 ноября	18 ноября	Михаил: иней — к большим снегам; туман — к ростепели
2 мая	12 мая**	Борис и Глеб: запойт соловьи — к дружной весне	21 ноября	1 декабря	Введение: если ляжет глубокая зима — к богатому урожаю хлебов
9 мая	19 мая	Никола: дождь — к урожаю хлебов, Никола погоду устанавливает	26 ноября	6 декабря	Егорий (осенний): если на осеннего Егория выпадет много снега, то на весеннего будет трава
12 июня	22 июня	Петр Афонский: солнце на зиму, а лето на жары	6 декабря	16 декабря	Никола: мороз, иней — к урожаю; Никола погоду устанавливает
24 июня	22 июня*	Иван Купало: на Ивана ночь звездная — много будет грибов, роса — к урожаю огурцов	12 декабря	22 декабря	Спиридон: отколе ветер на Солноворот, оттоле будет стоять на 40 мучеников
27 июня	7 июля	Самсон: на Самсона дождь — 7 недель тож	25 декабря	22 декабря*	Рождество: холодно и вьюга — к урожаю хлеба. Рождество на ущербе месяца — лето будет сырое

Примечание. Предложенный способ пересчета дат надо рассматривать как основной, но не всеобъемлющий; некоторые из дат требуют более сложного пересчета. Ввиду неразработанности проблем народного календаря ниже следующие суждения предлагаются как предварительные.

* Дат, уходящие ко временам раннего христианства. Сюда прежде всего относятся дни Иоанна Крестителя (24 июня) и Рождество Христово (25 декабря) — оба по «старому стилю», эти дни прочно связаны с праздниками Купалы и Коляды, последние — с солнечными культами. У исследователей не вызывает сомнения, что языческое время этих празднеств — дни солнцестояний (Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М.: Наука, 1979, с. 228—250; Чичеров В. И. Указ. раб., с. 22). Солнцестояния в эти числа имели место в I—II вв.; ко времени никейского собора календарь ушел вперед на двое суток, но солнечные праздники закрепились за датами 24 июня и 25 декабря. В дни крещения Руси солнцестояния были уже 17 июня и 17 декабря; если бы жители древнерусских городов — вчерашние язычники — отразили в юлианском календаре свои солнечные праздники, то Купалой мы называли бы сегодня Мануилу, колядовать начинали бы с пророка Даниила. Но киевляне не посягнули на привезенный из Византии календарь, скромно сместив свои русалии — главные аграрные праздники языческого ритуального круга, посвященные плодородию полей, молениям о дожде и рождении новых колосьев (Рыбаков Б. А. Русалии и бог Симаргл-Перепплут. — Сов. археология, 1967, № 2, с. 101), на неделю. Народные русалии, видимо, оставались на своих местах. Когда русские земледельцы осваивали церковный календарь, днями солнцестояний были 12 июня и 12 декабря, но история повторилась: Петр Афонский стал всего лишь Петром-Поворотом, а купальские праздники остались за Иоанном Крестителем, отстоя от солнцестояния на 14 дней; то же и с зимним Спиридоном. Иногда утверждают, что дню зимнего солнцестояния повезло больше, чем дню летнего: «...все колядные обычаи огня передвинулись с даты 25 декабря на 12 декабря. Точно так же, как и в святки, на Спиридона стали жечь костры и катать с гор огненные колеса» (Святский Д. О. Указ. раб. Ч. 1, с. 79), но это, по-видимому, преувеличение. Так должно было быть, но на самом деле обряды на Спиридона несравненно беднее рождественских (Чичеров В. И. Указ. раб., с. 64).

К этой же группе дат относится Благовещение, 25 марта (по юлианскому календарю), трактуемое как праздник весеннего равноденствия.

Отношение к этим датам двойственное. С одной стороны, за ними ясно просматриваются традиционные языческие праздники астрономического характера. С другой стороны, нельзя не заметить, что в течение всей христианской истории эти календарные даты не соответствовали астрономическим явлениям, что почти безразлично для городской, но не для сельской культуры, где погрешность даже в одни сутки лишает календарь его внутреннего смысла. Оставляя за этими датами несомненное историческое значение, народные воззрения, связанные с ними, следует отнести к 22 июня — Иоанн Креститель, 22 декабря — Рождество и 21 марта — Благовещение.

** Даты праздников, введенных русской церковью в XI—XV вв. В тех случаях, когда они до конца XV в. оставались сугубо церковным достоянием, их следует переводить на «русский календарный стиль» обычным образом, с пересчетом в 10 дней. Иной прием следовало бы применить, если бы за этими датами стояли какие-то языческие реалии. Предположительно такие реалии связаны с днями Бориса и Глеба (2 мая) и Успения (15 августа).

По мнению Б. А. Рыбакова, праздник перенесения мощей кн. Бориса и Глеба был введен русской церковью в XII в. для того, чтобы «закрыть» им «языческий праздник первых яровых всходов» (Рыбаков Б. А. Языческое мировоззрение ..., с. 21). Погрешность юлианского календаря в XII в. составляла 7 суток, следовательно, праздник должен был приходиться на 9 мая по григорианскому календарю (или на 49-й день после весеннего равноденствия). Время шло, народ в деревне продолжал праздновать по-своему, и когда в XVI в. он совместил свой календарь с юлианским (ушедшим вперед еще на трое суток), этот праздник должен был переместиться на 29 апреля ст. ст. Таким образом, если русская церковь в XII в. действительно «закрывала» этим способом крупный языческий праздник, то его обрядность и связанные с ним приметы надо искать 29 апреля ст. ст. Однако этот день (девять мучеников Кизических, преподобного Мемнона-чудотворца, мучеников Лиодора и Родопиана ...) совершенно не отмечен народным месяцесловом. Это значит, что установление праздника Бориса и Глеба было вызвано не борьбой с язычеством, а какими-то иными, возможно политическими, причинами. 2 мая по юлианскому календарю надо рассматривать как рядовой день; хозяйственную окраску он приобрел в XVI в.

Аналогичная гипотеза высказана относительно праздника Успения Богородицы, который с XI в. усиленно насаждался русской церковью. «Сам по себе этот эпизод в церковной литературе незначителен и с основной линией евангелия не связан, но на Руси появились сотни Успенских церквей... Объяснение находим в том, что праздник Успения Богородицы, женского божества плодородия земли, приходится на 15 августа, когда почти во всех восточнославянских краях завершалась жатва яровых и праздновался сбор урожая» (Рыбаков Б. А. Языческое мировоззрение ..., с. 21). Предпримем ту же проверку. Погрешность юлианского календаря в XI в. составляла 6 суток, языческий праздник урожая должен был справляться 21 августа по григорианскому календарю (или на 60-й день после летнего солнцестояния). В XVI в. этот праздник должен совместиться с юлианским календарем (ушедшим вперед на 4 дня) и прийти на 11 августа ст. ст. Но, как и в предыдущем случае, этот день (мучеников Евла, Феодора и Василия Печерских, мученицы Сосанны девы ...) народным месяцесловом пропущен. Вывод: юлианский календарь запечатлел праздник урожая XVI в., его дата по григорианскому календарю — 25 августа (или 64-й день после летнего солнцестояния).

Из сказанного не вытекает, что оба эти праздника не существовали в домонгольской Руси, но они были в стороне от антиязыческой деятельности князей и церкви.

В XIX в. народный календарь привлек внимание ученых, и тогда же было отмечено, что к календарной агрономии народ относится критически, подчас даже с недоверием: «Кто по календарю сеет, тот редко (мало) веет»⁶⁹. Причины этого явления не объяснялись, не выяснялось и какая доля народных примет обращалась в практике сельского хозяйства. Современный исследователь В. А. Желнин утверждает, что из огромного количества народных примет-предсказаний сейчас соответствуют действительности только 5%⁷⁰. Таким образом, весь этот материал — творение народного гения, — накопленный в сотнях публикаций, представляет на сегодняшний день лишь чисто академический интерес. А он мог бы работать — пусть не в полном объеме, но в большей своей части.

Восстановить истинный народный календарь сегодня непросто. В этой работе ясно просматриваются два аспекта. Первый — исторический: необходимо воссоздать картину народного хозяйственного календаря с той же привязкой к дням солнцестояний, которая существовала у восточных славян и позже у русского народа до принятия христианства. Эту задачу можно решить, приняв «русский календарный стиль», характерная особенность которого состоит в том, что он получен путем прибавления к датам юлианского календаря поправки в 10 суток, так как именно такую погрешность имел юлианский календарь в XVI—XVII вв. Второй аспект — практический: ввести в практику современного сельского хозяйства народный опыт. Это большая и самостоятельная работа, требующая специальных исследований, так как метеорологическая обстановка, условия жизни и способы возделывания сельскохозяйственных растений за прошедшие четыре столетия, и особенно за последние полвека, претерпели кардинальные изменения. И тем не менее русский календарный стиль поможет использовать народные знания в современной земледелии, так как он представляет собой календарную систему, в которой вся совокупность подмеченных народом примет и наблюдений, весь объем народной сельскохозяйственной мудрости правильно соотносятся с современным календарем.

⁶⁹ Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М.: Изд-во худож. лит., 1957. с. 906.

⁷⁰ Раннаметс Л. Прогнозы Деда Погоды. — Комсомольская правда, 1984, 31 марта № 76 (17981).

Э. Л. Нитобург

О ХАРАКТЕРЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ АФРОАМЕРИКАНЦЕВ США

В странах Америки в отличие от стран Европы и Азии большинство современных этнических общностей появилось в эпоху становления капитализма и развивалось характерными для капитализма ускоренными темпами. Не представляет исключения в этом смысле и североамериканская нация. Она начала складываться еще в первой половине XVIII в. и спаялась в ходе Войны английских колоний в Северной Америке за независимость (1775—1783). Историческим рубежом, отметившим появление новой нации, как раз и были первая американская буржуазная революция и образование США. Но тогда сформировалось лишь ядро нации, процесс же ее дальнейшего этнического развития и консолидации не завершился и по сей день. Характерная его особенность — разновременность и неравномерность включения различных этнических и расовых элементов в структуру растущей нации¹.

¹ Национальные процессы в США. М.: Наука, 1973, с. 12, 20.

Из Войны за независимость США вышли англоязычной страной, и молодая североамериканская нация успела консолидироваться в своем первоначальном этническом составе как наследница английской культуры, хотя пятую часть населения республики тогда составляли негры, в подавляющем большинстве рабы. По мере захвата новых районов континента на территории страны оказалось и значительное индейское население (позже насильственно переселенное в отведенные для него резервации). Однако ни негры, ни индейцы в то время еще не входили в состав североамериканской нации. Между тем уже в XVIII, но особенно начиная с первой четверти XIX в., в США более ста лет в основном из Европы направлялся все возрастающий поток иммигрантов. Именно массовая иммиграция представляла собой главный механизм дальнейшего этнического становления и развития североамериканской нации. Не случайно президент Д. Ф. Кеннеди назвал ее «нацией иммигрантов».

Интенсивное взаимодействие вливавшихся в разное время в население страны масс людей различной национальной, а подчас и расовой принадлежности с прежним населением и между собой, экономическая, социальная и культурная их ассимиляция, а также физическое смешение различных этнических и расовых элементов — таковы основные аспекты продолжающегося и по сей день процесса этнического развития североамериканской нации. Как известно, ряд этнорасовых групп все еще продолжает борьбу за более полную интеграцию и равное положение в ней. На разных стадиях ассимиляции находятся и многие так называемые переходные иммигрантские группы².

По материалам переписи населения США 1980 г., индейцами там себя считают 1,4 млн. человек, однако более 7,8 млн. американцев указали на свое частично индейское происхождение. По тем же официальным данным, «черных», или афроамериканцев, насчитывалось 26,5 млн., лиц «испанского», т. е. мексиканского, пуэрториканского, кубинского и другого испаноязычного латиноамериканского происхождения, — 14,6 млн., китайского — 0,8 млн., филиппинского — около 0,8 млн., японского — 0,7 млн., корейского происхождения — 0,35 млн. и т. д. Наконец, по тем же данным, более 15 млн. иммигрантов первого поколения родились за пределами США и, естественно, не могут считаться североамериканцами³. Но и второе, а иногда даже и третье поколение иммигрантов можно характеризовать лишь как этнически переходные группы, оторвавшиеся от своего прежнего этноса, но еще не слившиеся с новым — североамериканским. Гораздо длительнее происходил и происходит процесс ассимиляции, а также интеграции в североамериканскую нацию таких этнорасовых групп, как потомки ввезенных в страну в XVII—XIX вв. черных рабов или темнокожих выходцев из латиноамериканских стран.

История США показала, что ассимиляция различных этнических и расовых компонентов — процесс весьма сложный, многосторонний и противоречивый. Далеко не завершена, например, интеграция в североамериканскую нацию десятков миллионов «цветных американцев». Важнейшими факторами, тормозившими ассимиляцию американских негров, были двухсотлетнее плантационное рабство и пришедшая на смену ему всеобъемлющая система расовой дискриминации и сегрегации, а также идеология расизма, всячески насаждавшаяся правящими классами и пропитавшая все поры американского общества. В результате негритянская проблема превратилась в одну из острейших проблем становления и консолидации североамериканской нации.

Проблема эта весьма многопланова, ибо тесно связана с важнейшими сферами жизни американского общества: экономикой, политикой, идеологией и духовной культурой, массовой психологией, общедемократической и классовой борьбой. Вплоть до нашего времени она влияет

² Подробнее см.: Там же, с. 58—95.

³ Statistical Abstract of the United States, 1982—1983. Washington, 1983, p. 32, 36, 37.

на всю систему общественных отношений в США и тормозит консолидацию гетерогенной североамериканской нации. За 60 лет существования Коммунистической партии США американские марксисты не случайно вынуждены были неоднократно обращаться к теоретической оценке характера «негритянской проблемы», а также к определению типа афроамериканской общности в США и перспектив ее дальнейшего развития — к интеграции в североамериканскую нацию или к образованию своей нации.

Истории известны многие случаи, когда в результате слияния нескольких гетерогенных групп людей не только различного этнического, но и расового происхождения сложились и консолидировались новые этнические общности, в том числе и нации (например, североамериканская, бразильская, венесуэльская и др.). Особый случай представляют этнорасовые общности, возникшие в результате своеобразной консолидации однорасовых групп людей различного этнического происхождения в условиях, когда отличительным признаком, сыгравшим своего рода этнодифференцирующую роль, явилось именно общее расовое, а не этническое происхождение. Одним из примеров такой начавшейся было не на этнической, а на расовой основе консолидации, происходившей в специфических социально-экономических условиях капиталистического развития Соединенных Штатов в эпоху империализма, как раз и явилось образование своеобразной переходной этнорасовой общности афроамериканцев США.

Система рабства в том виде, в каком она существовала в южных штатах, создала для негритянского населения США такие формы угнетения, которые не идут в сравнение с рабством негров в странах Латинской Америки⁴. Рабы, а позже их свободные потомки в течение ряда поколений находились на Юге США в положении социальной и духовной изоляции, что постепенно создало там (прежде всего в так называемом Черном поясе, где они вплоть до середины XX в. составляли большинство населения) объективную основу для возникновения сначала социально-расовой (как мы бы назвали класс рабов), а позже — этнорасовой общности. Такой основой были общность происхождения и исторических судеб, территории и культуры, в том числе столь важного элемента последней, как язык.

Рабы, привезенные из разных районов и государств Африки, принадлежали к разным племенам и народам, этническим и языковым группам, отличались друг от друга по своему образу жизни, культуре и физическим особенностям. На плантациях рабовладельцев им приходилось приспосабливаться к иной среде: осваивать английский язык, воспринимать новые трудовые навыки, нормы поведения, обычаи и т. д. Так начинался процесс ассимиляции — бытовой, культурной, социальной, но прежде всего языковой. «Новички» вынуждены были научиться языку своих хозяев — единственному, на котором говорили на плантации и на котором они могли общаться с другими рабами.

Правда, ко времени первой мировой войны африканская речь в США уже давно исчезла, и негритянское население здесь говорило только на английском языке, однако он отличался от языка белых англоязычных американцев. Поскольку различные слои, группы и отдельные представители негритянского населения к этому времени находились на разных стадиях процесса ассимиляции, то и языковые нормы, используемые ими, были различны. Речь потомков домашних слуг, обслуживавших усадьбу плантаторов, или потомков отпущенных рабовладельцами в свое время для работы в городах рабов-ремесленников, так же, как речь свободных еще в эпоху рабства негров и мулатов, проживавших в городах, особенно северных, почти соответствовала нормам литературного языка. Но большинство американских негров, чьи предки были на плантациях полевыми рабами, а позже арендаторами и батраками на Юге,

⁴ Американский историк С. Элкинс называет эту систему «самой ужасной из всех, какие когда-либо знал мир» (Elkins S. M. Slavery. N. Y., 1963, p. IX—XI).

говорило на своем южном сельском диалекте, заметно отличавшемся от языка белых горожан произношением отдельных слов и целых грамматических оборотов⁵.

Привезенные из разных районов Африки черные рабы обычно сравнительно быстро, в течение двух-трех поколений превращались в Америке из представителей народов йоруба, ибо, фульбе, ашанти, эве и т. д. в «негров» вообще. Однако в силу их рабского положения и изоляции на плантациях языковая ассимиляция негритянского населения США наметила опередила его этническую ассимиляцию. У черных рабов на основе общности происхождения и исторических судеб, территории и некоторых важных элементов культуры сначала постепенно начало возникать групповое социально-расовое самосознание. У свободных же негров (они составляли в 1790 г. 7,9, в 1860 — 10,9% негритянского населения США)⁶, вследствие социального расслоения, появления в их среде мелкобуржуазных элементов, а также интеллигенции, развернувшей активную борьбу за гражданское равноправие и ликвидацию рабства, уже в первой половине XIX в. возникло расово-этническое самосознание. Однако четкого этнического самосознания у американских негров так и не сложилось⁷. Летом 1973 г. негритянский журнал «Эбони» провел опрос общественного мнения афроамериканцев, который показал, что 1/8 опрошенных считают себя прежде американцами, а потом черными, около 2/3 — в равной мере американцами и черными, 1/4 — сначала черными, а затем уже американцами⁸. Даже у верхушки негритянской интеллигенции этническое самосознание вплоть до нашего времени отличается двойственностью, характерной для иммигрантских и других больших групп людей, находящихся в переходном этническом состоянии, процесс ассимиляции или консолидации которых еще не завершен.

Рабство и расизм, оказавшие глубокое влияние на психологию американских негров, наложили свой отпечаток и на психологию всей североамериканской нации, ибо постепенно расовые предрассудки укоренились в сознании белых американцев. Для ликвидации в США рабства потребовалась кровавая Гражданская война (1861—1865 гг.). Последовавшая за ней так называемая Реконструкция Юга (1867—1876 гг.), давшая бывшим рабам основные гражданские (в том числе политические) права⁹, покончила с их изоляцией и положила начало изменению взаимоотношений негров с белым населением. Все это заметно ускорило процесс дальнейшей социальной дифференциации среди американских негров. В последней трети XIX — начале XX в. в основном из бывшего класса черных рабов образовались сравнительно крупные классы, социальные слои и прослойки фермеров, пролетариев и полупролетариев города и деревни, мелкой и средней буржуазии. Заметно выросла и негритянская интеллигенция¹⁰.

В перспективе эти обстоятельства, несомненно, могли бы значительно ускорить процесс дальнейшей культурной и социальной, а тем самым и этнической ассимиляции американских негров, а также их физического смешения с белыми американцами. Однако господствующие классы не допустили реализации такой перспективы. С помощью созданной

⁵ См.: Bennet L. Before the Mayflower. A History of Black America. Chicago, 1969, p. 28; Dillard J. L. Black English. Its History and Usage in the United States. N. Y., 1972, p. 109.

⁶ Negro Population, 1790—1915. Washington, 1918, p. 53; Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957. Washington, 1960, p. 11—12.

⁷ См.: Нитобург Э. Л. Негры США (XVII — начало XX в.). Историко-этнографический очерк. М.: Наука, 1979, с. 184—198.

⁸ Нитобург Э. Л. Борьба черных американцев против расизма, за равноправие. М.: Знание, 1976, с. 49.

⁹ Иванов Р. Ф. Борьба негров за землю и свободу на Юге США. М., 1958, с. 147, 154—160, 183—195; Чиркин В. Е. Дискриминация национальных меньшинств в США. М., 1958, с. 27—28, 32—38; Аллен Д. Реконструкция: битва за демократию в США, 1865—1876. М.: Изд-во иностр. лит., 1963, с. 126—128, 240—242, 249—254; Фостер У. З. Негритянский народ в истории Америки. М., 1955, с. 407, 412; Du Bois W. E. B. Black Reconstruction. N. Y., 1936, p. 372, 402—404, 529, 541, 547, 557, 597—598, 663.

¹⁰ Нитобург Э. Л. Негры США, с. 237—243.

ими на рубеже XIX и XX вв. изоцированной системы Джим Кроу¹¹ — системы расовой дискриминации и сегрегации, снова лишившей негритянское население полученных в 60—70-х годах XIX в. гражданских прав¹², они надолго искусственно затормозили процесс включения его в основное русло американской жизни. «Без сегрегации и социального исключения ассимиляция негров в главном потоке американской культуры, вероятно, была бы довольно быстрой, — признают американские социологи Л. Брум и Н. Гленн. — Культурные различия между неграми и белыми не так велики, как различия между коренными американцами и многими из европейских иммигрантов, и негры — в отличие от некоторых иммигрантов — не имеют особого национального наследия и не противятся ассимиляции»¹³.

В классовом обществе конкретные формы проявления отношений между этническими группами в значительной мере определяются условиями классовой борьбы. Они создают потребность в завязывании контактов, их расширении и укреплении либо, наоборот, формируют атмосферу, способствующую свертыванию контактов и разобщению этих групп. В Соединенных Штатах конца XIX — начала XX в. под непосредственным воздействием расистской пропаганды оказались и в большей или меньшей степени поддались ей не только мелкая буржуазия и фермерство, но и широкие слои рабочего класса¹⁴. Многие белые американцы привыкли с юных лет смотреть на негров с презрением. А поскольку последние и после освобождения от рабства почти всегда находились на низших ступенях социальной лестницы, расовое и этническое начало (объективно и субъективно) переплеталось с социальным, классовым, социальная характеристика вплеталась в этнический стереотип.

Уже в первой трети XX в. 3/4 негритянского населения США были людьми смешанного расового происхождения, и граница между ними и белыми американцами не была строго расовой в антропологическом смысле¹⁵. Сами термины «негр» и «раса», были условными, имели не научное, а политическое и юридическое значение, и в каждом штате определялись по-своему¹⁶. Однако сохранившиеся внешние расовые различия между основной массой афроамериканцев и основной массой белых американцев в условиях системы Джим Кроу делали эту границу гораздо более определенной и прочной, чем этнические границы в пределах одной расы. Такая «наглядность» антропологических различий и более длительная устойчивость их по сравнению с языком и культурой, которые могут за какое-то сравнительно обозримое время быть изменены, придавала расовому фактору особое значение в появлении всякого рода расово-психологических стереотипов, возникновении расовых предрассудков и создании основы для бытового расизма.

В межрасовых и национальных отношениях в капиталистическом обществе социально-экономические проблемы неизбежно переплетаются с психологическими и в условиях насаждаемой правящими кругами расовой сегрегации и дискриминации неизбежно порождают расовые и

¹¹ Расистская система, созданная в южных штатах и просуществовавшая до 60-х годов XX в., включала как законы, так и «правила расового этикета». Отдельные элементы этой системы распространились и на остальные регионы США.

¹² Чиркин В. Е. Указ. раб., с. 50, 52, 54—55, 59, 61, 165—166; Vann Woodward C. *Origins of the New South, 1879—1913*. New Orleans, 1951, p. 211—212, 321, 332, 342—344, 351—352; *idem*. The Strange Career of Jim Crow. N. Y., 1964, p. 53—54, 97—98.

¹³ Broom L., Glenn N. D. Transformation of the Negro American. N. Y., 1965, p. 35.

¹⁴ Нитобург Э. Л. Негры США, с. 218—225.

¹⁵ Груботин Л. Э. Белые «негры». — Новая и новейшая история, 1985, № 1, с. 203—204; Hershkovits M. The Anthropometry of the American Negro. N. Y., 1930, p. 177; *idem*. The American Negro: a Study in Racial Crossing. Bloomington, 1964, p. 17; Du Bois W. E. B. The Negro. N. Y., 1915, p. 184—185; *idem*. Black Folk, Then and Now. N. Y., 1939, p. 177; Lips J. Forschungsreise in die Dämmerung Weimar, 1950, S. 11; Reuter E. B. The Mulatto in the United States. Boston, 1918, p. 82—83, 105—106, 117—119, 125.

¹⁶ Груботин Л. Э. Указ. раб., с. 202, 204; Чиркин В. Е. Указ. раб., с. 112; Mangum C. S. The Legal Status of the Negro. Chapel Hill, 1959, p. 47—51; Aptheker H. America's Racist Laws. N. Y., 1951, p. 12; Kennedy S. Jim Crow Guide to the U. S. A. L., 1959, p. 51; Bennet L. Op. cit., p. 286.

этнические предубеждения и стереотипы. А поскольку это общество основано на конкуренции, дискриминация негритянского меньшинства приносила не только прибыли его эксплуататорам, но и косвенную выгоду (в виде отстранения потенциальных конкурентов, получения определенных привилегий, сознания своего превосходства и т. д.) значительным слоям белых трудящихся. В результате фактическими соучастниками расовой дискриминации становились даже такие слои, которые на первый взгляд не имели к ней прямого отношения¹⁷. Буржуазии США удалось в конце XIX — начале XX в. расколоть фермерское и рабочее движение по расовому признаку, и это наложило свой отпечаток на дальнейшее развитие североамериканской нации¹⁸.

Естественно, угнетение, дискриминация и сегрегация вызывали у американских негров ответную реакцию, проявлявшуюся в разных формах, но прежде всего в развитии их этнорасового самосознания. Этническое самосознание — один из основных признаков и определителей этноса, он играет важную роль в функционировании этнических общностей¹⁹. В случае же с американскими неграми, имевшими общие язык, религию, территорию и в значительной степени культуру с окружавшими их белыми американцами, роль этого признака еще более возрастает. Но как и любая форма сознания, этническое самосознание — явление вторичное, производное от объективных факторов, и в конечном счете обусловлено особенностями социально-экономического развития страны и народа.

Это подтверждается всей историей американских негров, свидетельствующей о том, что наряду с объективным процессом ассимиляции и стремлением к полной интеграции в американское общество, в развитии их расово-этнического самосознания время от времени достаточно отчетливо проявлялась и другая — этноцентристская тенденция. Этому способствовала политика сохранения социальной обособленности и изоляции негров, проводимая господствующими классами на основе расового признака. Противоречивый комплекс внешних факторов, а также связанных с ними эмоций и побуждений, симпатий и антипатий, регулировавших расово-этническое самосознание американских негров, заставлял их снова и снова задумываться над тем, кто же они? «Вот в чем дилемма... Кто же я в конце концов? — такой вопрос еще в 1897 г. задавал себе молодой У. Дюбуа. — Американец или негр? Могу ли я быть и тем и другим? Или я должен как можно скорее перестать быть негром и стать американцем?»²⁰. И он же, пожалуй, раньше, яснее и убедительнее других негритянских деятелей показал воздействие этого противоречивого комплекса на самосознание афроамериканцев и возникновение в нем этнического дуализма, того, что он назвал «двойственным сознанием».

«Это особое ощущение. — иметь такое двойственное сознание, ощущение, будто смотришь на себя глазами других. как бы оцениваешь себя меркой мира, что смотрит на тебя с удивлением, смешанным с презрением и жалостью, — писал Дюбуа в 1897 г. — Всегда ощущаешь свою двойственность — американца и негра; две души, два мышления, два непримиримых стремления, два несовместимых идеала в одном черном теле, нечеловечья живучесть которого только и удерживает его от разрыва на две части.

История американского негра — история этого противоборства, этого страстного стремления достичь зрелого самосознания и слить его двойственное „я“ в лучшую и более полноценную личность. Но в этом сплыве он не хочет потерять ни одну из своих прежних личностей, — продолжал Дюбуа, излагая теперь уже свою собственную позицию. — Он не

¹⁷ Мюнстерберг Г. Американцы. Т. I. М., 1906, с. 227, 231, 232; Vann Woodward C. *Origins of the New South*, p. 351—352; *idem*. *The Strange Career...*, p. 55—56.

¹⁸ Нитобург Э. Л. Негры США, с. 218—225.

¹⁹ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983, с. 87, 173—182, 186, 189—199, 231, 295.

²⁰ W. E. B. Du Bois *Speaks*. V. I. N. Y., 1970, p. 79—80.

стремится африканизировать Америку, ибо она может многому научить мир и Африку. Не собирается он и отбелить в потоке белого американизма свою негритянскую душу, ибо верит, что ей также есть что сказать миру. Он просто хочет сделать возможным для человека быть как негром, так и американцем, не навлекая на себя проклятий и презрения...»²¹. Эта подмеченная У. Дюбуа еще на рубеже XIX и XX вв. амбивалентность, или двойственность, расово-этнического самосознания негров США свидетельствовала о его неустойчивости, обусловленной их угнетенным, приниженным социально-экономическим и юридическим положением в американском обществе.

Двойственность этнического самосознания, вообще говоря, не является чем-то необычным для американцев: на всем протяжении существования и развития североамериканской нации она была характерна для многих представителей этой нации, ведущих свое происхождение от иммигрантов из разных европейских стран. Но если у потомков европейских иммигрантов в США двойственность этнического самосознания обычно через несколько поколений практически почти исчезала, то у американских негров, а позже афроамериканцев, она существует уже около двух веков. Американские исследователи Э. Радунк и А. Мейер считают, что именно этническая двойственность, идентификация себя как с более крупным этносом — североамериканской нацией, так и с негритянским меньшинством являются центральным моментом для понимания особого характера негритянского национализма в США²².

Развитие расово-этнического самосознания американских негров, а в этой связи и их освободительного движения в огромной мере определялось постоянным «сосуществованием» и борьбой двух указанных тенденций. При этом ведущей, объективно направленной на ускорение консолидации североамериканской нации и поэтому прогрессивной была тенденция к ассимиляции и интеграции, т. е. к превращению американских негров в полноправную, органическую и неотъемлемую часть этой нации, хотя и с сохранением на какой-то период своей групповой идентичности.

Ей противостояла этноцентристская тенденция к изоляции — полной (сепаратизм) или частичной (сегрегационизм) — негров от белых американцев и выделению их в конечном счете в особую этнорасовую общность. Эта тенденция также на протяжении почти всей истории Соединенных Штатов присутствовала в той или иной степени в расово-этническом самосознании и общественной мысли американских негров, но преобладала лишь в совершенно определенные исторические периоды.

Как правило, усиление той или иной из этих двух противоположных тенденций было связано с подъемом или спадом демократических движений в Соединенных Штатах. В частности, разочарование негров в результатах первой американской революции и сохранение рабства в южных штатах привели к появлению в конце XVIII — начале XIX в. первых негритянских институтов и движений, носивших более или менее ясно выраженный сепаратистский характер. В последующие полвека борьба аболиционистов против рабства, принявшая весьма острый характер, вновь усилила у американских негров стремление к интеграции. Но и в этот период вторая тенденция не исчезла, а в 40-х и особенно в 50-х годах XIX в. вновь дала о себе знать. Однако ведущей, преобладающей тогда была тенденция к интеграции, достигшая своей кульминации в годы Гражданской войны, покончившей с рабством, и радикальной Реконструкции Юга, давшей неграм гражданские права и возможность на равной основе участвовать в общественной и политической жизни²³.

²¹ Du Bois W. E. B. Strivings of the Negro People. — Atlantic Monthly, August 1897, v. LXXX, p. 194—195; *idem*. The Souls of Black Folk. N. Y., 1961, p. 17.

²² Black Nationalism in America/Ed. by Bracey J. H., Meier A., Rudwick E. Indianapolis, 1970, p. LIII.

²³ Нитобург Э. Л. Негры США, с. 152—153, 155—156, 173—198, 213—216.

Сговор и компромисс, заключенный верхушкой буржуазии Севера в 1876 г. с новыми плантаторами Юга, предательство ею интересов своего союзника в Гражданской войне — негритянского народа и вывод из южных штатов в 1877 г. оккупационных войск²⁴, существенно изменили обстановку в стране. За этим последовали полвека жестокого угнетения, расистского террора, расцвета джимкромизма и судов Линча. В таких условиях надежды негров стать полноправной частью североамериканской нации почти исчезли и в то же время приобрели большую силу идеи негритянского национализма. Почти все влиятельные негритянские деятели той эпохи, в том числе даже Б. Т. Вашингтон, проповедовавший тесное сотрудничество с белым правящим классом, какое-то время стояли на националистических позициях. Однако уже в начале XX в. они столкнулись с растущим сопротивлением в кругах молодой негритянской интеллигенции во главе с У. Дюбуа, положившим начало так называемому Ниагарскому движению, в свою очередь подготовившему почву для создания в 1909 г. Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (НАСПЦН)²⁵.

Наиболее ярко выраженную расово-националистическую и сепаратистскую окраску носило утопическое по своему характеру массовое движение «Назад в Африку!» под руководством М. Гарви. Оно развернулось сразу же после первой мировой войны, когда по северным штатам прокатилась волна расовых погромов, а на Юге — зверских линчеваний негров, и пользовалось до середины 20-х годов довольно широкой популярностью²⁶.

Но в период с 1915 по 1940 г. с Юга на Север и Запад перебралось более 1,5 млн., а с 1940 по 1970 г. — еще 4,2 млн. афроамериканцев, и почти все они поселились в городах²⁷. Кроме того, многие сотни тысяч и миллионы их переселились за это время в города на самом Юге. В 1980 г. 85,3% афроамериканцев были горожанами и работали в промышленности, строительстве, сфере обслуживания, на транспорте. Там же были заняты не менее 10% афроамериканцев, живущих в сельских районах. Около 9/10 негритянского населения ныне представляет собой разные отряды современного рабочего класса²⁸.

Негритянская проблема, таким образом, в наше время, стала уже не региональной — «южной», а общенациональной; превращение же большинства афроамериканцев в городских пролетариев способствовало не только заметному росту их классового сознания, но и важным сдвигам в этнорасовом самосознании. Миллионам недавних переселенцев пришлось резко менять свой образ жизни. Постоянное общение на работе с людьми разного расового и этнического происхождения, совместное участие в производственном процессе и в борьбе за лучшие условия труда и гражданские права, чувство классовой солидарности — все это не могло не способствовать изменениям в психологии и поведении большинства афроамериканцев, а в конечном счете стремлению при определенных условиях к полной интеграции в американское общество. Не удивительно, что именно эта тенденция с конца 20-х годов и вплоть до наших дней остается ведущей в их этнорасовом самосознании²⁹.

Но в то же время существовали и факторы, действовавшие в противоположном направлении. В частности, около половины негритянского

²⁴ Блинов А. И. Критический период в истории Соединенных Штатов. Красноярск, 1957, с. 178—184; Du Bois W. E. B. Black Reconstruction, p. 674; A Documentary History of the Negro People in the United States. N. Y., 1951, p. 572—606.

²⁵ Нитобург Э. Л. Негры США, с. 249—264, 273—284.

²⁶ Нитобург Э. Л. Гарвизм. — Вопр. истории, 1977, № 7, с. 137—151; Marcus Garvey and the Vision of Africa. N. Y., 1974; The Marcus Garvey and Universal Negro Improvement Association Papers. V. 1—2. Berkeley, 1983—1984.

²⁷ The Social and Economic Status of the Black Population in the United States: An Historical View, 1790—1978. Washington, 1979, p. 7, 15; Demography, 1964, v. 1, № 1, p. 279; U. S. News and World Report, 15.III.1971, p. 24; Groh G. W. The Black Migration: the Journey to Urban America. N. Y., 1972, p. 48.

²⁸ Statistical Abstract of the United States, 1984. Washington, 1983, p. 26, 417.

²⁹ См.: Frazier E. F. The Negro in the United States. N. Y., 1949, p. 680—681.

населения городов оказалось загнанным в специально отведенные для черных кварталы. Уже к 1965 г. среди 100 крупнейших городов США не было ни одного без «черных гетто»³⁰, а растущая, несмотря на принятые в 60-х годах законы с гражданских правах, жилищная сегрегация привела к тому, что школьная система на Севере и Западе была фактически также сегрегированной³¹. Наряду с различными формами расового угнетения и дискриминации это не могло не усиливать у афроамериканцев чувства принадлежности к особой этнорасовой общности.

Кардинальные изменения в расселении и классовой структуре негритянского населения, связанные с внутренними социально-экономическими процессами и научно-технической революцией в США, а также прогрессирующий распад колониальной системы империализма и другие коренные перемены в международной обстановке после второй мировой войны привели к невиданному размаху движения афроамериканцев за равные права и принятию в 60-х годах законов о гражданских правах, запретивших расовую дискриминацию и сегрегацию. Руководили этим движением массовые негритянские организации, выступавшие с интеграционистских позиций: Южная конференция христианского руководства во главе с М. Л. Kingом, НАСПЦН, Конгресс расового равенства — КРР и др. Законы о гражданских правах резко увеличили число афроамериканцев в палате представителей федерального конгресса, легислатурах южных штатов и местных органах власти. Они также заметно улучшили положение буржуазных и примыкающих к ним слоев негритянского населения. Однако социально-экономическое положение миллионов обитателей гетто на Севере и Западе после принятия этих законов не только не улучшилось, а в ряде аспектов даже ухудшилось. Фактическая расовая дискриминация сохранилась, а растущий произвол полиции еще более накалил ситуацию в черных гетто. Там и раньше существовал ряд негритянских организаций сепаратистского толка, крупнейшей из которых была «Нация ислама». Но в обстановке жестокого подавления «расовых бунтов», охвативших во второй половине 60-х годов десятки американских городов, снова усилились националистические и сепаратистские настроения среди части афроамериканцев. Это нашло свое отражение в переходе на националистические позиции не только ряда негритянских интеграционистских ранее организаций (КРР, Студенческий координационный комитет, Черные пантеры), но и некоторых представителей негритянских церквей³². И в будущем — до тех пор, пока в США существует угнетение афроамериканцев на расовой основе, у определенной части их может сохраняться тенденция к групповому обособлению, выражающаяся в различных формах негритянского национализма и сепаратизма.

Такую возможность учитывают американские коммунисты. У. Фостер и Б. Девис в статье «Замечания по негритянскому вопросу», опубликованной в апреле 1959 г., предупреждали о необходимости всегда иметь в виду все три основных элемента этого вопроса — расовый, национальный и классовый. «Это особенно важно в связи с постоянно меняющейся ролью указанных трех элементов в борьбе негритянского народа. Мы должны постоянно сознавать, — подчеркивали они, — что борьба негритянского народа и его положение вообще не находятся в статическом состоянии, но постоянно изменяют свой характер в связи с быстрыми и радикальными изменениями в обстановке, в которой живет негритянский народ» (курсив наш. — Э. Н.)³³.

³⁰ Нитобург Э. Л. Субурбанизация и негритянское гетто в США. — Сов. этнография, 1968, № 5, с. 74; Geographical Review, 1965, v. 55, № 3, p. 339; Report of the National Advisory Commission on Civil Disorders. N. Y., 1968, p. 239—247.

³¹ Нитобург Э. Л. Черные гетто Америки. М.: Политиздат, 1971, с. 55—57, 60; Report of the National Advisory Commission..., p. 25.

³² Национальные процессы в США, с. 242—244; Нитобург Э. Л. Борьба черных американцев против расизма, с. 41—48.

³³ Political Affairs, April 1959, v. 38, № 4, p. 37, 41—42; см. также: Новая и новейшая история, 1963, № 5, с. 49.

На XVII съезде Коммунистической партии США (декабрь 1959 г.) была принята резолюция, в которой говорилось, что негры в Соединенных Штатах не составляют отдельной нации. «Негры,— отмечалось в ней,—обладают характерными чертами, позволяющими считать их отличающимся в расовом отношении народом или национальностью, составной частью американской нации, которая сама представляет исторически сложившееся национальное образование, смесь национальностей, в той или иной степени отличающихся друг от друга»³⁴.

В резолюции XIX съезда Коммунистической партии США (май 1969 г.) подчеркивалось, что, хотя американские негры и не являются нацией, коммунисты против «каких-либо ограничений их борьбы за осуществление своих чаяний, включая право на развитие самоуправления и осуществление права на самоопределение»³⁵.

Это положение вошло и в принятую в 1970 г. программу Коммунистической партии США³⁶. Наконец, в нынешней программе партии, одобренной ее XXII съездом (август 1979 г.), говорится: «Тридцать миллионов афроамериканцев составляют национальное меньшинство, которое подвергается национальному, расовому и классовому угнетению... Афроамериканцы составляют неотъемлемую часть той ткани, из которой соткана наша нация. Они внесли выдающийся вклад в развитие экономики, социальной жизни и культуры американского народа с первых дней существования нашей страны»³⁷.

Таким образом, хотя для этнической истории американских негров характерна была скорее тенденция к добровольной ассимиляции как основная ориентация их массового самосознания, правящие классы США как в эпоху рабства, так и после его ликвидации упорно ей противодействовали. Они всячески тормозили в течение длительного времени процесс культурной и особенно социальной ассимиляции американских негров, а тем самым и полной их интеграции в «большое» американское общество. Это обстоятельство явилось важнейшим фактором, способствовавшим переходу в последней трети XIX — начале XX в. у негритянского населения социально-расового самосознания в этнорасовое и образованию в первой трети XX в. в рамках гетерогенной североамериканской нации своего рода *переходной субэтнической* (по отношению к североамериканскому этносу) *общности афроамериканцев США*³⁸. Массовая миграция на Север и урбанизация афроамериканцев после второй мировой войны привели к радикальным изменениям в социальной структуре негритянского населения США, к перестройке всего

³⁴ The Negro Question in the United States. Resolution Adopted by the 17th National Convention of the Communist Party U. S. A., 1960, p. 2.

³⁵ Daily World, 6.V.1969; Political Affairs, July 1969, v. 48, № 7, p. 8.

³⁶ New Program of the Communist Party USA. N. Y., 1970, p. 55—56.

³⁷ См.: Новая программа Коммунистической партии США.— США. Экономика, политика, идеология. 1983, № 2, с. 124.

³⁸ В 1910 г. на Юге жили 89%, т. е. 9/10 американских негров (в том числе в Черном поясе 49,4%), а в 1940 г.—76,7%. В 1910 г. в городах их проживало 26,4%, а в 1940 г.—49% (The Social and Economic Status of the Black Population in the United States: An Historical View, 1790—1978, p. 14). Не случайно, характеризуя в этой связи период между 1918 и 1939 гг., крупнейший негритянский социолог Э. Ф. Фрэйзнер писал: «Только после мировой войны определилось положение негров как подлинного расового или культурного меньшинства. Впервые рабочий негр стал важным элементом в американской промышленности. В движении миллионов негров в северные города разрушалась социальная и духовная изоляция черных масс. Негры осознали свою расовую принадлежность в том смысле, что все они являются частью группы с общей историей и общностью судьбы. Жизнь их в Америке получила новую ориентацию и новую оценку, чему способствовали появление и успехи целой группы писателей и артистов, провозгласивших негритянский ренессанс. Этими процессами были затронуты не только негры. Значительные сдвиги произошли и в сознании белых американцев. И хотя негры продолжали оставаться исключенными из участия в американской жизни, уже начала складываться концепция о них как о расовом и культурном меньшинстве. Этот процесс завершился к началу второй мировой войны» (Frazier E. F. Op. cit., p. 680—681). См. также: Meier A. Negro Thought in America, 1880—1915. Ann Arbor, 1963, p. 316. О субэтносе см.: Бромлей Ю. В. Указ. раб., с. 14, 85, 288, 353; Брукс С. И., Чебоксаров Н. Н. Метаэтнические общности.— Расы и народы, 1976, вып. 6, с. 35.

социально-психологического облика афроамериканцев³⁹, а также к заметным сдвигам в их самосознании. Как известно, этническое самосознание не является врожденным, оно складывается и развивается при определенных социально-экономических условиях и в своем развитии обнаруживает гамму переходов — от слабо осознанной принадлежности к определенной общности людей до сильно развитого национального чувства. При этом большое значение имеют и социально-психологические факторы, которые, будучи обусловлены в конечном счете особенностями социально-экономического и политического развития, оказывают прямое, нередко очень сильное влияние не только на формирование этнического самосознания, но и на его трансформацию.

И в этом плане 40 лет, прошедших после второй мировой войны, явились важным этапом противоречивого процесса дальнейшего развития *переходной субэтнической общности афроамериканцев США*. С одной стороны, за эти четыре десятилетия небывало возросли темпы и масштабы урбанизации, развития в условиях научно-технической революции средств коммуникации, а также дальнейшей ассимиляции (в том числе социальной) негритянского населения привели к тому, что стала все более разрушаться социальная и духовная изоляция черных масс⁴⁰. Различия между афроамериканцами и белыми американцами в сфере не только материальной, но и духовной культуры еще более уменьшились. Но с другой стороны, постепенное ослабление, особенно в эти десятилетия, такого важнейшего носителя этнических свойств, как специфическая для данной общности культура, в огромной мере компенсировалось за счет укрепления в рассматриваемый период другой составляющей этнического самосознания афроамериканцев — представления об общности исторических судеб. Укреплению этого представления способствовали, в частности, такие факторы, как резко возросшие за эти десятилетия грамотность и образовательный уровень негритянского населения⁴¹, деятельность ряда массовых общественных, а также научных, просветительных и других негритянских организаций, появление новой плеяды афроамериканцев писателей, деятелей искусства и науки. Сыграли в этом свою роль негритянские издательства и бурный рост негритянской прессы. В результате сложившиеся стихийно (на основе преданий, легенд и других фольклорных традиций) в широких негритянских массах представления о своем прошлом стали все более вытесняться знаниями, основанными на специальных целенаправленно проводимых учеными (как афроамериканцами, так и другими) и популяризуемых изысканиях. Все это значительно повысило осведомленность широких масс афроамериканцев о своем прошлом и не могло не найти отражения в дальнейшей трансформации их этнического самосознания.

Успехи рабочего движения и борьбы за вовлечение в него афроамериканцев, а также огромные перемены в мире за эти 40 лет способствовали освобождению определенной части белых американцев от расовых предрассудков и несколько ослабили существующую в США систему расовой стратификации. Но в то же время в городах этой страны об-

³⁹ В 1940 г. в городах проживало 49%, а в 1980 г. — 85,3% афроамериканцев. В 1940 г. промышленный, строительный, транспортный рабочий класс составлял 28%, работники конторские, торговые и сферы обслуживания — 35, фермерство и батраки — 33, интеллигенция — 2% работавшего по найму негритянского населения, а в 1980 г. соответственно — 35,1; 46,7; 1,6; 15,6% (The Social and Economic Status... 1790—1978, p. 74—77; Statistical Abstract... 1964, p. 618; Ibidem... 1984, p. 417, 420).

⁴⁰ «Традиционные представления о неграх растворяются в темпе городской жизни вместе со всеми „табу“, — писал еще в 1949 г. тот же Э. Ф. Фрэйзнер. — По мере того как негры становятся частью проблем, вырастающих из столкновения экономических и классовых интересов американского общества, их существование теряет значение расовой проблемы». (Frazier E. F. Op. cit., p. 698).

⁴¹ В 1947 г. неграмотность среди афроамериканцев составляла 11%, среди белых американцев — 2, а в 1979 г. — соответственно 0,4 и 1,6%; разрыв между ними в среднем общеобразовательном уровне сократился с более чем трех лет в 1940 г. до полугода в 1980 г. (The Social and Economic Status... 1790—1978, p. 92; Statistical Abstract... 1984, p. 144, 146; Broom L., Glenn N. D. Op. cit., p. 89).

разовались растущие с каждым годом «черные гетто», отделенные от «белых» кварталов невидимой стеной жесткой системы фактической расовой сегрегации. Повысившаяся социальная мобильность афроамериканцев, которая в данных конкретных условиях и масштабах неизбежно несла также социально-этническую, хотя и диалектически противоречивую нагрузку, оказалась связана как с процессами этнического объединения, так и разъединения, как с интеграцией, так и с дифференциацией и консолидацией.

Американский капитализм, создавший сначала — исходя из своих экономических потребностей — предпосылки для максимального отделения темнокожего населения страны от белого и появления в XX в. в США особой переходной афроамериканской субэтнической общности, позже — опять-таки в своих интересах — пошел на ослабление способствовавших ее дальнейшему развитию и консолидации расовых барьеров. Однако он отнюдь не желает их абсолютной ликвидации. Полная интеграция афроамериканцев в американское общество при капитализме вообще невозможна. Несмотря на принятые в 60-х годах законы о гражданских правах, запретившие расовую дискриминацию и сегрегацию и в определенной мере улучшившие социально-экономическое положение некоторых слоев афроамериканского населения, фактическая ситуация в 70 и 80-х годах лишний раз подтверждает известное ленинское положение о том, что «капитализм не может дать полного освобождения ни даже полного равенства...»⁴². В отличие от некоторых теоретиков, считавших, что искоренить расизм можно и при капиталистическом строе, разрешение «негритянского вопроса» в США, как нам представляется, станет возможным только в условиях социалистических общественных отношений.

⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22, с. 346.

В. А. Тишков

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЕ ДВУЯЗЫЧИЕ В КАНАДЕ

Лингвистические аспекты этнических процессов и языковая политика в области межэтнических отношений в Канаде в силу ряда причин выдвигаются на передний план, как, скажем, расовый аспект в США или религиозный аспект в Северной Ирландии. Анализ этнолингвистической ситуации в Канаде, в том числе вопросов распространения и функционирования двуязычия, представляет бесспорный интерес при сравнительном изучении этнических процессов.

В принятой в 1867 г. и действовавшей до 1981 г. конституции Канады единственной статьей, отражавшей двунациональный состав государства, было признание права выступать на французском языке в федеральном парламенте и предоставление некоторых языковых и религиозных прав франкоязычной провинции Квебек. История показала, что это были только иллюзии национального равенства. За 100 лет существования канадской федерации сложилась система неравенства двух основных языков во всех сферах общественной жизни¹. Языковая ситуация стала одним из важных факторов, обусловивших обострение национального вопроса и подъем франкоканадского национально-освободительного движения в 1960-х — начале 1970-х годов. Популярным лозунгом этого движения стало требование равноправия двух языков, сохранения на-

¹ Об этом см. Lieberson S. Language and Ethnic Relations in Canada. Toronto, 1970; Joy R. J. Languages in Conflict: The Canadian Experience. Toronto, 1972.

циональной общности франкоканадцев путем развития франкоязычного образования и культуры. Чтобы нейтрализовать франкоканадское национальное движение и найти такую форму национального союза, которая удовлетворяла бы обе основные этнические группы, федеральный парламент еще в 1963 г. образовал специальную королевскую комиссию по двуязычию и бикультуре. Эта комиссия, истратив 10 млн. дол., к началу 70-х годов завершила свою работу, представив парламенту шеститомный доклад.

Авторы доклада приняли за основу язык и культуру, а не этническую принадлежность той или иной группы населения. Этим подходом фактически элиминировался вопрос о двунациональном и мультиэтническом составе населения канадского государства, сам факт неравного положения франкоканадской нации в сравнении с господствующим англоканадским большинством. Центр проблемы перемещался на ее культурно-лингвистические аспекты. Именно поэтому комиссия отказалась от терминов «англоканадец» и «франкоканадец», взяв на вооружение более расплывчатые и менее определенные термины «англофоны» и «франкофоны», означающие франкоязычную и англоязычную группы населения. Не две нации, а две категории граждан, отличные по языку, — таков один из основных принципов, которым руководствовалась комиссия, а позднее — канадские власти.

Касаясь проблемы официальных языков Канады, комиссия пришла к выводу, что в стране нет не только фактического, но и формального равенства двух языков. В связи с этим были выработаны рекомендации и предложена программа реформ в сфере языковой политики. Рекомендовалось преобразовать все федеральные институты так, чтобы они действительно отражали лингвистический дуализм Канады и были способны общаться с гражданами как на английском, так и на французском языках. Все канадские провинции должны были официально признать двуязычие. В сфере образования рекомендации были направлены на обеспечение «равных возможностей» для двух языковых общин, на признание права родителей обучать своих детей на одном из двух языков по выбору, ориентацию всей системы образования на поощрение «лингвистического дуализма Канады» и «сотрудничества между двумя общинами». Что касается частного сектора, то здесь комиссия призвала фирмы и компании, действующие в Квебеке (большинство их представляло англоканадский и американский капитал), обеспечить французскому языку положение основного рабочего языка, а также содействовать найму и служебному продвижению франкофонов.

Первым крупным шагом правительства либералов было проведение через парламент закона об официальных языках, который вступил в силу 7 сентября 1969 г. Закон гласит, что «английский и французский языки являются официальными языками Канады и обладают равными статусами и правами». Однако правительство пояснило, что установление в стране двух официальных языков есть лишь констатация того факта, что подавляющее большинство канадцев говорит именно на этих двух языках, и термин «официальный» имеет значение только в плане признания этого языка как средства коммуникации, а не как выражение какого-либо национального или культурного начала. «Именно для этой практической цели, а не из-за некоего рационалистического рассуждения о „нациях-основательницах“, эти два языка приобрели официальный характер в Канаде»², — пояснил премьер-министр П. Трюдо.

Вполне понятно, что закон остался бы на бумаге, если бы не был подкреплен серьезными и целенаправленными мерами по обеспечению двуязычия. С этой целью была принята «программа по развитию двуязычия»³, выполнение которой в 70—80-е годы столкнулось с большими трудностями. В частности, к началу 80-х годов не было реализовано одно

² *Trudeau P. E. Conversations with Canadians. Toronto, 1973, p. 36.*

³ Подробнее о программах в области двуязычия см.: *Тишков В. А. Политика двуязычия в Канаде. — В кн.: Расы и народы, 7. М.: Наука, 1977.*

Население Канады по знанию официальных языков

Год	Все население	Знает только английский		Знает только французский		Английский и французский		Или тот, или другой	
		число	%	число	%	число	%	число	%
1931	10 376 786	6 999 913	67,5	1 779 338	17,1	1 322 370	12,7	275 165	2,7
1941	11 506 655	7 735 486	67,2	2 181 746	19,0	1 474 009	12,8	115 414	1,0
1951	14 009 429	9 387 395	67,0	2 741 812	19,6	1 727 447	12,3	152 775	1,1
1961	18 238 247	12 284 762	67,4	3 489 866	19,1	2 231 172	12,2	232 447	1,3
1971	21 568 310	14 469 540	67,1	3 879 255	18,0	2 900 155	13,5	319 360	1,5
1981	24 083 500	16 122 900	66,9	3 987 240	16,0	3 681 960	15,3	291 395	1,2

из наиболее существенных положений закона 1968 г. о создании в Квебеке и других провинциях так называемых двуязычных дистриктов — территориальных единиц, где меньшинство, говорящее на одном из двух официальных языков, составляет не менее 10% населения и где должно было быть предусмотрено, что во всех правительственных учреждениях делопроизводство и общение с гражданами должно обязательно вестись на обоих языках. По мнению некоторых канадских специалистов, неудача с осуществлением идеи двуязычных районов поставила под вопрос возможность вообще осуществить в Канаде федеральное законодательство об официальных языках. «Сомнения относительно способности закона стать средством развития бикультурной нации неуклонно нарастали с момента его вступления в силу в 1969 г., — отмечает, например, Д. Картрайт. — Возможно, что выдвинутые федеральными правительством амбициозные программы не способны учесть интересы и потребности различных по характеру общин страны со смешанным официально двуязычным населением»⁴.

Однако только ли в разнообразии исторических условий формирования и современной специфики районов со смешанным англо- и франкоязычным населением заключаются главные трудности на пути гармоничного развития процессов двуязычия и осуществления официальной языковой политики? Ответ на этот вопрос в значительной мере может дать анализ основных тенденций взаимодействия двух основных языков канадского общества с учетом более широкого контекста межэтнических отношений в стране.

В Канаде преобладающим типом двуязычия является англо-французское, или «официальное», двуязычие, т. е. способность разговаривать на двух официальных языках. Именно этот тип двуязычия фиксируется материалами переписей, на основе которых мы можем дать за последние 50 лет как численное выражение, так и процентное соотношение четырех категорий населения: знающих из двух официальных языков только английский, только французский, тот и другой (официально-двуязычных), не знающих официальных языков (табл. 1).

Из этих данных мы можем сделать заключение о наличии в стране более или менее стабильной демолингвистической ситуации на протяжении последнего полустолетия: прирост доли официально-двуязычных канадцев (около 2%) произошел только в последнее десятилетие, причем доля чисто англоязычных канадцев остается фактически неизменной, а доля чисто франкоязычных сокращается в последние десятилетия: именно за счет этой группы и происходит пополнение двуязычного населения.

Чем объяснить рост доли двуязычных канадцев в 70-е годы? Мало вероятно, чтобы это было вызвано мерами по развитию двуязычия: несколько сот обученных второму официальному языку государственных служащих за счет скудных ассигнований едва ли способны оказать значительное влияние на демолингвистические процессы. Гораздо более убе-

⁴ Cartwright D. G. Official Language Populations in Canada: Patterns and Contacts. The Institute for Research on Public Policy. Occasional Paper № 16. Montreal, 1980, p. 5—6.

дительным представляется заключение, что «это недавнее увеличение двуязычного компонента можно определенно объяснить уменьшением относительного числа молодых граждан (вслед за упадком рождаемости), поскольку среди двуязычных более вероятно присутствие взрослых»⁵.

Интересный парадокс! В Советском Союзе относительным снижением рождаемости и сокращением численности граждан молодых возрастов специалисты объясняют снижение темпов роста двуязычного населения (например, в Эстонии) и, наоборот, высокой рождаемостью — рост темпов двуязычия (например, в Узбекистане)⁶. В Канаде же исследователи к числу безоговорочных относят тезис о том, что у старших возрастов процент двуязычных больше, чем у младших. Исходное рассуждение здесь, видимо, таково: не школа, а жизненный опыт — главный источник приобретения знаний второго языка. Хотя и косвенно, но это прежде всего негативно характеризует канадскую систему образования и отражает реальную ситуацию.

Действительно, одним из препятствий к распространению двуязычия является общий низкий уровень преподавания второго языка в Канаде. Затраченные в последние годы средства на исправление дефектов в системе образования положения существенно не изменили. «Наша страна в обучении второму официальному языку продолжает предлагать своим школьникам „двуязычные подтяжки“ вместо требуемых массивных доз „лингвистических витаминов“». Это признание сделано в одном из ежегодных отчетов государственной службы по официальным языкам⁷. Там же содержатся конкретные данные о положении в области преподавания второго официального языка, которое представляет собой, по мнению многих, настоящую «общенациональную катастрофу». Единственное, что можно отметить: в 70-е годы в начальной школе число изучающих французский язык за пределами Квебека несколько выросло (номинальный рост числа учащихся — около 20%), но этот рост за пять лет, как признается в вышеупомянутом отчете, «остается настолько низким, что его вряд ли можно назвать широкой и повсеместной реформой, ... это едва ли революция, даже если сама тенденция обнадеживающая»⁸. К тому же объем времени для обучения второму языку остается неизменным. Гораздо хуже дело обстоит в средней школе, где тенденция вообще противоположна. Во многих школах английской Канады изучение французского языка не является обязательным, преподавание занимает всего около 20 мин в день, а после VI класса прекращается вообще. В 1974 г. в Канаде лишь один из трех учеников средних школ изучал французский язык. Во многих университетах администрация отказывается требовать знания французского языка при поступлении в университет⁹.

Основные параметры канадского официального двуязычия самым тесным образом связаны с этническими факторами: тот факт, что 93% населения говорит на английском или французском языках, т. е. языковой дуализм, отражает прежде всего двунациональный характер канадского государства. Однако англо-французский дуализм не просто отражение существования двух основных этнических общностей — англоканадцев и франкоканадцев. Как показал проведенный нами анализ материалов общеканадских переписей, соотношение и динамика основных компонентов лингвистической и этнической структур канадского общества имеют существенные различия. Приведем данные о составе населения страны по этническому происхождению за последние 20 лет

⁵ *Lachapelle R., Henripin J. The Demolinguistic Situation in Canada. Past Trends and Future Prospects. Montreal, 1982, p. 32.*

⁶ См.: *Губогло М. Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. М.: Наука, 1984.*

⁷ *Commissioner of Official Languages. Fourth Annual Report, 1973—1974. Ottawa, 1975, p. 27.*

⁸ *Ibid., p. 30.*

⁹ *The Globe and Mail, 1974, 29 Oct.; The Toronto Star, 1974, 25 Nov.*

Основные группы населения Канады по этническому происхождению

Год	Британская группа		Французская группа		Другие группы	
	число	%	число	%	число	%
1961	7 996 669	43,8	5 540 346	30,4	4 701 232	25,8
1971	9 624 120	44,6	6 180 120	28,6	5 764 070	26,8
1981*	9 674 245	40,2	6 439 100	26,7	6 131 540	25,5

* Перепись 1981 г. вела показатель смешанного этнического происхождения. 1 838 615 чел. (7,6%) сообщили, что едут сего происхождения от разных этнических групп, из них 76% назвали британский компонент одним из источников своего этнического происхождения. Они в таблицу не включены.

Таблица 3

Основные группы населения Канады по родному языку

Год	Английский		Французский		Неофициальные языки	
	число	%	число	%	число	%
1961	10 660 534	58,4	5 123 151	28,1	2 454 562	13,5
1971	12 973 810	60,2	5 793 650	26,8	2 800 850	13,0
1981	14 918 445	61,3	6 249 095	25,6	3 175 640	13,1

Таблица 4

Основные группы населения Канады по языку домашнего общения

Год	Английский		Французский		Неофициальные языки	
	число	%	число	%	число	%
1971	14 446 235	67,0	5 546 025	25,7	1 576 050	7,3
1981	16 425 905	68,2	5 923 010	24,6	1 734 580	7,2

(табл. 2). Эти данные дополним сведениями о родном языке, который определяется как первый выученный разговорный язык и понимание которого сохраняется (табл. 3). И наконец, последние данные, необходимые для выяснения соотношения языковой и этнической структур населения;— это сведения о языке домашнего общения, которые фиксируются в переписях с 1971 г. (табл. 4).

Со всей определенностью можно говорить о доминирующем положении и благоприятной тенденции для английского языка в Канаде. Хотя доля канадцев британского происхождения на протяжении последних 20 лет составляет стабильно 43—44% (к данным 1981 г. необходимо добавить часть лиц со смешанным этническим происхождением), доля канадцев, считающих английский язык своим родным, постоянно возрастала и составила в 1981 г. 61,3%. Это означает, что примерно 5,2 млн. (около 20%) канадцев небританского (или смешанного) происхождения считают своим родным языком английский язык, а не язык своей национальности (за исключением относительно небольшого числа иммигрантов из других англоязычных стран). Еще больше разрыв между численностью канадцев британского происхождения и теми, кто считает английский язык своим разговорным, или языком домашнего общения. Последних в Канаде в 1981 г. было 16,4 млн. чел. (68,2%), т. е. почти четверть канадского населения разговаривает не на языке своей этнической группы, из них 1,5 млн. (7%)— даже не на своем родном языке, т. е. сменили язык при жизни одного поколения.

Совсем иная картина наблюдается среди франкоязычных канадцев. Здесь ситуация отражает неблагоприятную тенденцию как для этнических, так и лингвистических параметров этой группы населения. Доля канадцев французского происхождения, как это было и в предыдущие

Соотношение основных групп населения Канады по этническому происхождению, родному языку и языку домашнего общения (1981 г.)

Происхождение и язык	Британская группа, %	Французская группа, %	Другие группы, %
Этническое происхождение*	40,2	26,7	25,5
Родной язык	61,3	25,6	13,1
Язык домашнего общения	68,2	24,6	7,2

* Без лиц смешанного этнического происхождения.

периоды истории, в последние десятилетия сокращается и в 1981 г. составила 26,7% (без лиц смешанного происхождения). Несколько меньше число канадцев, считающих своим родным языком французский, и это число также сокращается. В 1981 г. доля канадцев с родным французским языком составила 25,6%. Это означает, что 190 тыс. канадцев, считающих свое происхождение французским, уже родились в англоязычных семьях или по крайней мере впервые учились говорить на английском языке. Еще меньше доля канадцев, для которых французский язык является основным разговорным языком, т. е. языком домашнего общения. Она составила в 1981 г. 24,6%, а численный разрыв между франкоязычными канадцами (франкофонами) и канадцами французского происхождения (франкоканадцами) составил 516 тыс. чел., т. е. полмиллиона франкоканадцев утратили язык своей национальности в пользу английского.

Таким образом, несмотря на формально провозглашенное официальное двуязычие и равенство двух языков, на самом деле в Канаде существует тенденция поглощения французского языка английским и языковой ассимиляции франкоканадцев в англоязычную среду. Эта тенденция не столь сильна, чтобы можно было говорить об угрозе исчезновения французского языка в Канаде в ближайшем будущем, как это неосторожно сделали некоторые авторы¹⁰, но все же она реально существует.

Гораздо более крупные масштабы носит языковая ассимиляция среди канадских этнических меньшинств, к которым мы относим в данном случае иммигрантские группы и аборигенное население (индейцев и эскимосов). Этот так называемый третий компонент канадского общества в последние два десятилетия численно стабилен и составляет около 1/4 населения страны (свыше 6 млн. чел.), но среди них только половина (около 3 млн. чел.) называет в качестве родного язык своей этнической группы и еще меньше (1,7 млн. чел.) продолжает дома разговаривать на этом языке. Все это означает, что около 4,4 млн. ныне живущих канадцев небританского и нефранцузского происхождения подверглись языковой ассимиляции, в том числе более 1,4 млн. чел. сами сменили язык.

Соотношение между этнической и языковой структурами населения по данным переписи 1981 г. можно наглядно представить в следующем виде (см. табл. 5).

Поскольку около 80% канадцев французского происхождения проживает компактно на территории провинции Квебек, официальное канадское двуязычие, или языковой дуализм, имеет четко выраженные территориальные характеристики. Данные переписи 1981 г. о распределении официального двуязычия по провинциям Канады свидетельствуют, что из 3 681 960 канадцев, владеющих обоими официальными языками, 2 065 100 чел., или 56%, проживают в одной из 10 канадских провинций — в Квебеке, где они составляют 32,4% от всего населения. Около 1 млн. двуязычных проживает в провинции Онтарио, где они составляют

¹⁰ Реферовская Е. А. Французский язык в Канаде. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972, с. 57.

Таблица 6

Население Квебека по знанию официальных языков

Год	Всего	Только английский		Только французский		Английский и французский		Ни тот, ни другой	
		число	%	число	%	число	%	число	%
1931	2 874 255	395 995	13,8	1 615 155	56,2	842 369	29,3	20 736	0,7
1941	3 331 882	410 721	12,3	2 016 089	60,5	892 984	26,8	12 088	0,4
1951	4 055 681	462 813	11,4	2 534 242	62,5	1 038 130	25,6	20 496	0,5
1961	5 259 211	608 635	11,6	3 254 850	61,9	1 338 878	25,5	56 848	1,0
1971	6 027 765	632 515	10,5	3 668 015	60,8	1 663 790	27,6	63 445	1,1
1981	6 369 065	426 240	6,7	3 826 610	60,1	2 065 100	32,4	51 120	0,8

Таблица 7

Население Канады (без Квебека) по знанию официальных языков

Год	Всего	Только английский		Только французский		Английский и французский		Ни тот, ни другой	
		число	%	число	%	число	%	число	%
1931	7 502 531	6 603 918	88,0	164 183	2,2	480 001	6,4	254 429	3,4
1941	8 174 773	7 324 765	89,6	165 657	2,0	581 025	7,1	103 326	1,3
1951	9 953 748	8 924 582	89,7	207 570	2,0	689 317	7,0	137 279	1,3
1961	12 979 036	11 676 127	90,0	235 016	1,8	892 294	6,9	175 599	1,3
1971	15 540 545	13 837 025	89,0	211 240	1,4	1 236 365	8,0	255 915	1,6
1981	17 714 435	15 696 660	88,6	160 630	0,9	1 616 860	9,1	240 275	1,3

10,8% населения, и 182,5 тыс. — в Нью-Брансуике, где они составляют 26,5% населения провинции.

Чтобы выявить более полно территориальные параметры официального двуязычия, а также тенденции их развития, рассмотрим отдельно состав населения по знанию официальных языков (Квебек и Канада без Квебека) в историческом ракурсе по данным переписей 1931—1981 гг. (табл. 6 и 7). Из этих данных видно, что в провинции Квебек доля владеющих только английским языком постоянно сокращается на протяжении последних 50 лет. Особенно сильное сокращение (более чем на 200 тыс. чел.!) произошло в 70-е годы. Объясняется последнее, на наш взгляд, двумя факторами. Во-первых, гораздо более интенсивным переездом из Квебека в другие провинции не знающих французского языка англофонов. Хорошо известно, что рост франкоканадского национального движения в 70-е годы, особенно принятие в 1974 г. провинциального закона о французском языке, объявившего последний (в пику федеральному закону) единственным официальным языком провинции¹¹, серьезно напугал многих англоязычных жителей Квебека, особенно представителей деловых кругов, инженерно-технической и научной интеллигенции. Именно в середине 70-х годов у особняков в фешенебельном англоязычном районе Монреаля Вестмаунте довольно часто появлялись вызывающие объявления: «Я уезжаю!». Во-вторых, резкому уменьшению англофонов-монолингвов также могли способствовать растущий престиж и влияние французского языка в Квебеке, желание и реальные усилия выучить этот язык, что, возможно, позволило во время последней переписи гораздо большему числу англоязычных квебекцев отнести себя к категории знающих оба официальных языка.

Доля одноязычных франкофонов в Квебеке росла до 50-х годов, а затем наблюдается тенденция к сокращению и этой группы. Зато группа двуязычных квебекцев, сильно сократившись в 30—60-е годы, заметно увеличилась за последние 20 лет и составила в 1981 г. почти 1/3 всего населения провинции. Что касается остальной территории Канады, то

¹¹ Об этом см.: Банцкин Н. Б., Тишков В. А. Квебек на перепутье. — В кн.: Канада на пороге 80-х годов. Экономика и политика. М.: Наука, 1979, с. 231—258.

Население Квебека по родному языку

Год	Английский		Французский		Другой	
	число	%	число	%	число	%
1931	429 613	14,9	2 292 193	79,8	152 449	5,3
1941	468 996	14,0	2 717 287	81,6	145 599	4,4
1951	558 256	13,8	3 347 030	82,5	150 395	3,7
1961	697 402	13,2	4 269 689	81,2	292 120	5,6
1971	789 185	13,1	4 867 250	80,7	371 330	6,2
1981	706 115	11,0	5 307 010	82,4	425 275	6,6

Таблица 9

Население Канады (без Квебека) по родному языку

Год	Английский		Французский		Другой	
	число	%	число	%	число	%
1931	5 484 789	73,1	540 105	7,2	1 477 637	19,7
1941	6 019 194	73,6	637 466	7,8	1 518 113	18,6
1951	7 722 553	77,6	721 820	7,2	1 509 375	15,2
1961	9 963 132	76,8	853 462	6,6	2 162 442	16,6
1971	12 184 625	78,4	926 400	5,9	2 429 520	15,7
1981	14 212 330	79,4	942 085	5,2	2 750 365	15,4

здесь одноязычных франкофонов практически не осталось, причем наиболее заметное сокращение произошло в последние два десятилетия. Доля официально-двуязычных канадцев за 50 лет выросла незначительно — с 6,4 до 9,1 %.

Дополнительной иллюстрацией к территориальной характеристике официального двуязычия может быть также подсчет той доли, которую занимают проживающие в Квебеке канадцы по знанию официальных языков в целом среди всего населения страны. Из этого подсчета видно не только то, что Квебек имеет гораздо большую долю двуязычных (в 3—5 раз больше, чем в других провинциях), но и то, что одновременно несколько сокращается доля двуязычных квебекцев среди официально-двуязычных канадцев в целом (с 63,7% в 1931 г. до 56,0% в 1981 г.). Не менее важно для выявления тенденций этнолингвистического развития явное увеличение концентрации одноязычных франкофонов Канады в провинции Квебек, а одноязычных англофонов в других провинциях. Доля канадцев, говорящих только на английском языке, в Квебеке за последние 50 лет сократилась с 5,7 до 2,6%, причем наибольшее сокращение произошло в 70-е годы. Не является ли это основанием для заключения, что в Канаде в настоящее время идет консолидация франко-канадской нации на исконной этнической территории в Квебеке, а англо-канадской — в остальной части страны? Возможно, франкоканадцы концентрируются в Квебеке, где, бесспорно, лучшие условия для сохранения своего языка и культурной самобытности, т. е. идет скрытый процесс не только языкового, но и в целом этнического обособления, усиливающий исторически унаследованное деление территории страны на две части — английскую и французскую?

Это предположение вполне обосновано, ибо оно подтверждается данными о численности канадцев по родному языку. В отличие от данных по официальным языкам эти сведения исключают овладевших французским языком иммигрантов, а также англоканадцев, подвергшихся в Квебеке языковой ассимиляции или же просто изучивших французский язык, т. е. они позволяют говорить уже не о франкофонах, а именно о франкоканадцах (сюда могут входить иммигранты из франкоязычных стран, но их мало). Сведения переписей о родном языке (табл. 8, 9) свидетельствуют о возрастании пропорции проживающих в Квебеке канадцев с родным

французским языком (с 79,8% в 1931 г. до 82,4% в 1981 г.) и пропорции проживающих в остальной части страны канадцев с родным английским языком (с 73,1% в 1931 г. до 79,4% в 1981 г.).

Таким образом, официальное двуязычие в Канаде имеет своей важнейшей характеристикой своеобразный «несбалансированный дуализм», основанный на усиливающейся гомогенности проживания в стране двух основных этнических общностей, а также сохраняющегося доминирующего положения англоканадской культуры, включая и ее важнейший элемент — английский язык.

Все проведенные исследования подтверждают вывод, что языковая ассимиляция в Канаде идет преимущественно в англоязычную среду. Гораздо менее благоприятна этнолингвистическая ситуация для франкоязычного населения и крайне неблагоприятна для индейцев и остального населения, говорящего на «неофициальных» языках. 80% канадцев, чей родной язык относится к числу неофициальных (не считая индейцев), если они родились в Канаде, по достижении взрослого возраста переходят на английский язык в качестве разговорного. Среди тех, кто совершил языковый переход, 97% случаев смены языка происходит в пользу английского и 3% случаев — в пользу французского¹².

Высокая степень языковой ассимиляции среди не владеющих официальными языками не представляет собой исключительно канадское явление. За этим процессом стоит феномен иммиграции новых жителей из других стран. Аналогичная ситуация наблюдается и в США, где среди американцев немецкого, французского, итальянского и португальского происхождения столь же высокая степень языковой ассимиляции. Исключение составляют представители испаноязычной группы — выходцы из Мексики, проживающие в штатах Аризона, Техас, Нью-Мексико, Калифорния. Среди них приверженность языку своего этнического происхождения такая же, как у французской группы в Канаде.

Мы не имеем полных данных о распространении двуязычия и тенденциях языковой мобильности в различных провинциях, кроме Квебека, где специалисты различают так называемые контактные районы, где англоязычное и франкоязычное население живет смешанно (район Монреаля и др.), и районы полного преобладания франкофонов (внутренние области провинции, Север, п-ов Гаспе). Проведенные региональные обследования выявили, что в контактных районах увеличение числа двуязычных канадцев происходит в том числе и за счет сокращения одноязычных англофонов, хотя для последних это не означает неизбежной утраты родного языка. Что касается районов с преобладанием франкоязычного населения, то здесь некоторое увеличение двуязычия идет за счет одноязычных франкофонов¹³.

В целом же в городской местности доля двуязычного населения выше, чем в сельской, что является универсальной тенденцией для многих стран. Кроме этого, следует отметить, что меры правительства Квебека по укреплению статуса французского языка привели к уменьшению доли двуязычных граждан среди канадцев французского происхождения. Однако именно франкоязычные жители продолжают утрачивать свой язык при культурных контактах с англоязычными жителями, за исключением внутренних районов Квебека и периферии провинции, где языковые переходы сбалансированы между двумя группами. Но здесь англофоны составляют менее 5% населения. В Монреальском регионе, где англоязычное население составляет около 20% населения, 70% языковых переходов из неофициально-язычных групп происходит на английский. Франкофоны также несут некоторые потери в пользу англофонов, но компенсируют их переходами из других языковых групп. Аналогичная ситуация наблюдается в провинции Нью-Брансуик. В юго-восточных и северо-восточных районах Онтарио, где франкофоны составляют 25—30% населения, франкоязычная группа ощутимо уменьшается. Во всех

¹² Lachapelle R., Henripin J. Op. cit., p. 180.

¹³ Ibid., p. 47—53.

же остальных районах страны с явным преобладанием англоязычного населения языковые переходы из франкоязычной группы столь велики, что их невозможно компенсировать без дополнительного притока франкоязычного населения из других регионов страны или из-за рубежа¹⁴.

Если говорить о тенденции, то степень языковой ассимиляции среди франкоязычных жителей за пределами провинции Квебек усиливается во всех районах, кроме Нью-Брансуика, где она стала слабее в 70-е годы. Предпринятые в этой провинции меры в области школьного образования, возможно, помогли приостановить процесс усиления языковой ассимиляции франкофонов. В целом на сегодняшний день почти во всех случаях, когда франкоязычные канадцы составляют менее 95% населения, они теряют носителей языка при культурных контактах в пользу англофонов.

При рассмотрении тенденций двуязычия важен вопрос о выборе языка общения в смешанных семьях. Ясно, что языковая мобильность для всех групп ниже в моноязычных семьях, чем в разноязычных. В тех случаях, когда смешанные пары состоят из англофонов и франкофонов, вероятность принятия английского языка как языка домашнего общения гораздо больше, чем французского языка, причем эта закономерность действует независимо от пола и во всех районах страны, включая Квебек¹⁵.

Подводя итог сказанному, можно сделать заключение, что тенденции языкового (англо-французского) дуализма, или так называемого официального двуязычия, в Канаде не свидетельствуют об этнокультурном сближении двух канадских наций. Некоторое увеличение численности билингвов под влиянием прежде всего демографического фактора, а также урбанизации, роста культурно-образовательного уровня населения и целенаправленных мер в области языковой политики скорее отражает происходящий через двуязычие процесс языковой ассимиляции, которая обычно предшествует ассимиляции этнической. Двуязычие действует в пользу англоязычного населения, вызывая и усиливая явления этнической разобщенности между англоканадцами и франкоканадцами. Что же касается официальной политики двуязычия, то можно вполне определенно сказать, что она не достигла цели укрепления единства канадской федерации на основе формирования «бикультурной нации». Путь малоэффективных частичных уступок франкоканадцам, в том числе некоторого повышения их языкового статуса в обществе, без решительных перемен в социально-экономической системе и правовом положении Квебека оказался неспособным как-то существенно повлиять на общую этническую ситуацию, отмеченную прежде всего приниженным статусом одной из двух основных этнических общностей страны — франкоканадской нации.

¹⁴ Ibid., p. 175.

¹⁵ Ibid., p. 178.

П. В. Грибанов

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГАИАНЕ

По характеру формирования населения Гайана — небольшая страна на Северо-Востоке Южной Америки — больше напоминает англоязычные островные государства Карибского моря, в прошлом называвшиеся Британской Вест-Индией, чем соседние латиноамериканские страны.

Как известно, современное население Нового Света складывалось в результате взаимодействия индейских народов и групп иностранцев, появившихся здесь вследствие двух волн иммиграции: 1) XVI—XVII вв. — европейцы (в Северной Америке выходцы из Британии, Ирландии и Франции, в Южной Америке — из Испании и Португалии)

и (в меньшей степени) рабы-африканцы; 2) XIX — начало XX в. — выходцы из тех же государств и, кроме того, из Италии, стран Восточной и Центральной Европы, а также (значительно меньше) Азии и Африки. Британская Вест-Индия тоже приняла две волны иммигрантов, но в XVI—XVIII вв. это были преимущественно рабы-африканцы, а в XIX—XX вв. — выходцы из стран Азии. Относительно небольшое индейское коренное население почти не участвовало в формировании новых этнических общностей. Белое население было немногочисленно, но составило правящий слой, и его культура оказала большое влияние на культуру других этнических компонентов колониальных обществ.

Длительная колониальная зависимость обусловила современные экономические, социальные и политические особенности англоязычных стран Карибского бассейна. После распада колониальной системы и образования самостоятельных государств сохраняется стремление к единству внутри всего Карибского комплекса, чему способствует деятельность КАРИКОМ (Карибского сообщества), направленная не только на экономическую интеграцию, но и на дальнейшее сближение культур входящих в него стран¹.

Вместе с тем политические, экономические и культурные изменения способствуют усилению процесса формирования наций — ямайской, барбадосской, гренадской и др.

Одновременно в ряде стран б. Британской Вест-Индии с полиэтническим населением (Гайана, Тринидад и Тобаго, Белиз), а также в Суринаме проявляется и тенденция к консолидации отдельных этнических групп. Ю. В. Бромлей отмечает, что этнические процессы «могут идти как бы на разных ярусах, и притом подчас даже в разных направлениях»². Действительно, в Гайане процесс формирования новой «гайанской» этнической общности мало заметен на фоне консолидации двух основных этнических групп — индогайанцев и афрогайанцев (креолов)³. Высказывалось мнение, что в дальнейшем эти группы превратятся в «микронации»⁴. Как правило, в Гайане сознание на уровне этнических групп играет большую роль, чем общегосударственное, что находит выражение и в этнонимах. Гайанец африканского происхождения называет себя «креолом», «африканцем», «гайанцем» (в зависимости от конкретной ситуации), иногда «цветным» (если это мулат) или «черным»; гайанец индийского происхождения — «индийцем», однако, приехав в Великобританию, — «индийцем из Гайаны», а в Индию — «гайанцем». Кроме того, в Великобритании уроженцы Гайаны и островных англоязычных стран нередко называют себя «вест-индцами»⁵. Как видим, существует своеобразная иерархичность этнического самосознания, по-разному проявляющаяся в разном этническом окружении, что отражает объективный ход этнических процессов.

Проблема соотношения этнического и социального в Гайане в разные периоды ее истории и на современном этапе советской наукой почти не освещалась, в то время как на материале островных государств Карибского бассейна подобные исследования уже осуществлены⁶; имеется также статья об этнических и социальных процессах в Белизе⁷. Гайан-

¹ Нитобург Э. Л. Введение к кн. «Этнические процессы в странах Карибского моря». М.: Наука, 1982, с. 22.

² Бромлей Ю. В. К типологизации этнических процессов. — В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979, с. 8.

³ В Гайане и других англоязычных странах Карибского бассейна в отличие от стран Латинской Америки креолами называют потомков рабов-африканцев.

⁴ Кочнев В. И. Гайана: Формирование современного этнического состава. — В кн.: Этнические процессы в странах Южной Америки. М.: Наука, 1981, с. 474.

⁵ Нитобург Э. Л. Указ. раб., с. 22.

⁶ Дрицко А. Д. Индийцы Ямайки. — Расы и народы, т. 5. М.: Наука, 1975; *его же*. Этнокультурные процессы в Вест-Индии. Л.: Наука, 1978; *его же*. Тринидад и Тобаго. — В кн.: Этнические процессы в странах Карибского моря. М.: Наука, 1982; *его же*. Ямайка. — Там же.

⁷ Грибанов П. В. Население Белиза: этнополитическая общность в процессе становления. — Сов. этнография, 1983, № 1.

ской ситуации посвящены в основном работы обзорного характера⁸. Удачная попытка анализа процесса формирования современного этнического состава страны была предпринята В. И. Кочневым⁹. Однако в целом, на наш взгляд, проблема нуждается в специальном рассмотрении.

Настоящая работа, разумеется, не преследует цель окончательно решить вопрос о причинах сложившегося соотношения этнического и социального компонентов в структуре гайанского общества. Мы попытаемся осветить лишь ряд моментов, которые, по нашему мнению, определили современный этносоциальный облик страны.

Как отмечал Ю. В. Бромлей, существуют две стороны национальных процессов — социальная и этническая¹⁰, точнее этнокультурная. Этнические и социальные процессы в конечном счете и определяют характер того или иного этносоциального организма. Поэтому основное внимание мы уделим именно этносоциальным процессам в их историческом развитии, опираясь на ленинское положение о необходимости конкретно-исторического подхода к анализу общественных явлений¹¹.

По данным С. И. Брука, в Гайане в 1978 г. проживало 400 тыс. индогайанцев (48,8% всего населения) и 360 тыс. афрогайанцев (43,9%)¹². Наряду с этими основными группами в стране живут потомки выходцев из Китая, португальцев с Мадейры и Азорских островов, а также около 37 тыс. индейцев — коренных жителей. Имеются небольшие группы англичан, американцев США, англо-канадцев и «сирийцев» (потомков выходцев из стран Ближнего Востока). Необходимо также отметить, что внутри индо- и афрогайанской общностей выделяются еще этнорасовые группы. Мулаты, метисы и негры отличаются не только расовыми, но и этнокультурными особенностями и осознают себя как отдельные, хотя и близкие между собой, группы. В индогайанской общности выделяются потомки темнокожих иммигрантов из Южной Индии. Коренное население состоит из нескольких племен, говорящих на языках трех различных языковых семей, — андо-экваториальной, же-пано-карибской и макро-чибча.

Географически население распределено крайне неравномерно. В целом Гайану можно разделить на две области — побережье (узкая полоса вдоль берега Атлантического океана от р. Померун до границы с Суринамом), где сосредоточена основная часть населения, и внутренние районы, заселенные преимущественно индейцами (другие этнические группы весьма малочисленны).

Население побережья в культурном, этническом и расовом отношении гетерогенно. Здесь также существует определенная локальная обособленность представителей различных этносов. В сельской местности побережья индогайанцы и креолы живут обычно в разных селениях¹³, а в городах можно выделить кварталы с преимущественно афро- и индогайанским населением. Вместе с тем, на наш взгляд, большую роль играет социальная, а не географическая обособленность различных этнических групп. Индогайанцы — в основном рабочие сахарных плантаций и фермеры-рисоводы, реже — предприниматели. Имеется также интеллигенция индийского происхождения. Афрогайанцы — главным образом рабочие промышленных предприятий, бокситовых разработок, служащие; число фермеров и сельскохозяйственных рабочих африканского и смешанного происхождения незначительно. Португальцы и китайцы — мелкие предприниматели и работники сферы обслуживания, хотя из их среды выдвинулись и крупные чиновники. Англичане и американцы США —

⁸ Софинский В. Н. Население Британской Гвианы. — В кн.: Нации Латинской Америки. М.: Наука, 1964; *его же*. Британская Гвиана. — В кн.: Гвиана. Гайана. Гвиана Французская. Суринам. М.: Наука, 1969; *его же*. Национальный вопрос в Гайане. — Расы и народы, т. 1. М.: Наука, 1971.

⁹ Кочнев В. И. Указ. раб.

¹⁰ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 155.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 265.

¹² Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М.: Наука, 1981, с. 731.

¹³ Tinker J. The Banyan Tree. Oxf., 1977, p. 89.

преимущественно технические специалисты, большинство «сирийцев» занято мелкой торговлей в городах. Индейцы — коренное население страны — в значительной степени сохраняют традиционные занятия: потребительское земледелие, охоту и рыболовство, хотя некоторые из них работают по найму на лесозаготовках, в строительстве, на золотых и алмазных копях, а также пастухами (в саванне Рупунуни).

Подобное соотношение этнического и социального было, на наш взгляд, обусловлено исторически. История Гайаны являет собой пример того, как европейские колонизаторы, руководствуясь интересами получения прибыли, создали систему зависимой экономики, определившей формирование своеобразной социальной структуры и этнически гетерогенного состава населения.

Независимость страны была провозглашена в 1966 г.; до этого Гайана была колонией и называлась Британской Гвианой. В ней за время колониального владычества Великобритании сложился тип общества, во многом аналогичный существовавшим в колониальных странах Азии и Африки. Д. А. Ольдерогге, характеризуя этносоциальную ситуацию в Тропической Африке, отмечал, что «почти столетнее порабощение ее народов создало особый тип общества, который следует назвать колониальным обществом»¹⁴. При всем отличии Британской Гвианы от африканских стран термин «колониальное общество» здесь, по нашему мнению, также вполне применим. Расовая неравноценность, выделяемая Д. А. Ольдерогге как одна из основных черт колониального общества¹⁵, легла в основу известной зависимости социального положения человека от его расовой и этнокультурной принадлежности.

История Гайаны делится на ряд этапов, каждый из которых характеризуется значительными изменениями социальной и этнической структуры. В доколониальный период население страны представляло собой конгломерат племен охотников, собирателей и земледельцев. В результате европейской колонизации здесь было создано плантационное хозяйство (середина XVII в.). С этого времени политической и экономической жизнью руководили европейцы. Вплоть до начала XIX в. территория современной Гайаны была объектом борьбы между Великобританией, Нидерландами, Францией и Испанией. Этнический состав плантаторов в этот период был довольно пестрым: «рядом с англичанами и голландцами жили сефарды и французские гугеноты»¹⁶. Однако уже в конце XVIII в. плантации стали сосредотачиваться в руках англичан (несмотря на то, что страна находилась под властью Нидерландов)¹⁷, а установление господства Великобритании в 1814 г. повлекло за собой окончательную «англизацию» высшего слоя колониального общества.

Коренное население почти не участвовало в создании плантационного хозяйства. Основной рабочей силой на плантациях были рабы из разных районов Западной Африки. Африканцы и их потомки к концу XVIII — началу XIX в. составили большинство населения побережья и стали основой формирующейся в стране новой этнической общности¹⁸. Ввоз африканцев и явился здесь, по сути дела, иммиграцией «первой волны». В начале XIX в. среди рабов развернулась деятельность английских протестантских миссионеров, обусловившая переход большинства африканцев и их потомков к христианству. В результате взаимодействия английской и традиционных африканских культур складывался этнокультурный облик новой общности — креольской¹⁹.

¹⁴ Ольдерогге Д. А. Колониальное общество — этап в этническом развитии Тропической Африки (постановка проблемы). — В кн.: Проблемы населения и хозяйства стран Африки. Л.: Наука, 1973, с. 4.

¹⁵ Там же, с. 8.

¹⁶ Lowenthal D. Population Contrasts in the Guyanas. — Geograph. Rev. N. Y., 1960, v. L, 1/1, p. 48.

¹⁷ Rodway J. Guiana: British, Dutch and French. L., 1912, p. 88.

¹⁸ В 1828 г. на территории современной Гайаны жило 100 тыс. рабов (африканцев и креолов) и 3529 европейцев. См. Despres L. Differential Adaptation and Micro-Cultural Evolution in Guyana. — South Western J. Anthropol., 1969, № 25, p. 20.

¹⁹ Подробнее см. Грибанов П. В. История этнокультурных изменений и формирования креольской этнической общности в Британской Гвиане (XVII — первая половина

Промежуточное положение между рабами-чернокожими и рабовладельцами-белыми занимали свободные негры и мулаты — ремесленники, а также надсмотрщики на плантациях (мулаты, как правило, — дети белых плантаторов и их чернокожих наложниц). Социальная принадлежность человека определялась в большинстве случаев цветом его кожи и в какой-то мере культурной близостью к европейцам. Поэтому мулаты свысока смотрели на негров и, как и свободные негры, стремились «англизироваться». После отмены в 1834 г. рабства усилился процесс креолизации, т. е. взаимодействия и взаимопроникновения двух элементов — африканского и европейского, и «англизация» бывших рабов являлась составной его частью.

Отмена рабства и начавшаяся почти сразу же иммиграция законтрактанных рабочих положили начало новому этапу социальной и этнической истории колонии. Большинство освобожденных рабов стало мелкими фермерами. Развитие креольского фермерства с самого начала ограничивалось нехваткой земли, узостью внутреннего рынка сбыта сельскохозяйственной продукции. Фермеры-креолы вынуждены были заниматься приработком на плантациях. Некоторое число освобожденных рабов переселилось в города, став ремесленниками и рабочими.

В результате иммиграции «второй волны» (1838—1917 гг.) в Британской Гвиане появились португальцы, индийцы и китайцы. Первоначально они ввозились для работы на плантациях в качестве законтрактанных рабочих, но впоследствии в их среде произошла дифференциация. Португальцы, отработав срок контракта, становились преимущественно мелкими торговцами, сравнительно легко получая необходимые для этого кредиты; последнему немало способствовала их расовая близость к плантаторам и чиновникам колониальной администрации. С начала 60-х годов XIX в. относительно большие размеры приобрела «свободная» иммиграция жителей Мадейры и Азорских островов. Португальцы прибывали целыми семьями, рассчитывая с помощью ранее приехавших соотечественников заняться торговлей²⁰. Они становились «средним классом» колонии, занимая промежуточное положение между англичанами и остальным населением. Уже во втором и особенно в третьем поколениях португальцы Британской Гвианы переходили на английский язык. Англичане иногда вступали в браки с представительницами зажиточных португальских семейств, однако в целом португальцы в колонии были обособлены от других европейцев. Они сохраняли многие особенности быта, а также приверженность к католической религии.

Значительная часть китайцев, отработав срок контракта, покинула страну. В 1881 г. в Британской Гвиане проживало 5234 китайца, а к 1911 г. — 2622²¹. Часть китайцев продолжала работать на плантациях, но большинство стало мелкими торговцами и работниками сферы обслуживания. Повышение социального статуса выходцев из Китая и их потомков было в определенной мере связано с переходом в христианство: в 1946 г. в колонии оставалось лишь 7 буддистов и 4 конфуцианца²². Потомки выходцев из Китая сохраняли (и до сих пор сохраняют) некоторые особенности быта, в первую очередь кухни. Женщин было меньше, чем мужчин, поэтому последним приходилось вступать в браки с креолами.

Португальцы и китайцы расселились дисперсно в городах и креольских селениях, что в известной степени затрудняло сохранение их этнической самобытности. Тем не менее к концу XIX — началу XX в. португальцы и китайцы составляли отдельные группы в структуре колониального общества. К этому времени в стране появились китайские и португальские культурные и просветительские организации.

XIX века). — В кн.: Этнокультурные процессы: методы исторического и синхронного изучения. М., 1982 (потапринт).

²⁰ Laurence K. O. The Establishment of the Portuguese Community in British Guiana. — *Jamaican Historical Rev.*, 1965, v. 5, № 2, p. 72.

²¹ Campbell P. C. Chinese Coolie Emigration to Countries within the British Empire. L., 1923, p. 160.

²² Smith R. J. The British Guiana. L., 1962, p. 120.

Иммиграция с Мадейры, Азорских островов и из Китая не могла до конца решить проблему дешевой рабочей силы для плантаций. Ввоз законтрактованных рабочих из Индии полностью удовлетворил потребности плантационного хозяйства. Начался он в 1838 г. и продолжался (с перерывами) до 1917 г.²³, когда контрактация была запрещена властями Британской Индии; всего было ввезено около 240 тыс. человек²⁴. Основная масса индийцев оставалась рабочими плантаций, но постепенно появились торговцы и фермеры, а позже и представители интеллигенции. С середины 70-х годов XIX в. колониальные власти стали предоставлять индийцам, пожелавшим остаться в стране, вместо оплаты обратного проезда участок земли для занятия сельским хозяйством. Кроме того, индийцы покупали землю у частных лиц. Если в 1890 г. вне плантационных поселков проживало около 30% всего населения индийского происхождения, то в 1911 г. — уже 50%. Значительная часть выходцев из Индии и их потомков становилась фермерами-рисоводами. Многие из них совмещали труд на собственных фермах с работой на плантациях. Сельскохозяйственным рабочим на плантациях также предоставлялись участки для занятия рисоводством и огородничеством²⁵. Индийская группа дифференцировалась социально, хотя в целом и оставалась «сельской». В 1911 г. 94% индийцев жило в сельской местности и 92% совершеннолетних мужчин было занято в сельском хозяйстве²⁶. Численность городского населения индийского происхождения была невелика.

Постепенно менялся и этнокультурный облик выходцев из Индии и их потомков. В Британскую Гвиану прибывали индийцы различной конфессиональной, этнической, кастовой и даже расовой принадлежности²⁷. Однако инородное этническое окружение способствовало укреплению связей внутри группы выходцев из Индии. Под влиянием конкретных условий жизни в колонии происходили изменения в традиционной культуре индийцев, хотя и не имевшие столь радикального характера, как в XVII—XVIII вв. у рабов-африканцев. Система контрактов, во многом напоминавшая рабство, все же не была эквивалентна последнему²⁸. Законтрактованные рабочие пользовались личной свободой, могли сохранять любые формы культуры, не наносящие ущерба производственному режиму на плантациях²⁹. С появлением индийского фермерства и отменной в 1917 г. системы контрактов эта возможность значительно расширилась.

В начале XX в. отмечается активизация религиозной и культурной жизни индийцев в колонии. Стремительно растет число храмов индуистов и мечетей (в 1870 г. — 2, в 1917 г. — 43)³⁰, появляются культурные и спортивные общества. В 1916 г. возникает Ассоциация индийцев Британской Гвианы, провозгласившая своей задачей «борьбу за прогресс индийского населения страны»³¹. Относительно большая численность выходцев из Индии и их потомков, как и локальная и социальная обособленность значительной их части от других этнических групп, способствовала более устойчивой передаче ряда элементов традиционной культуры от поколения к поколению. Сохранялись приверженность к традиционным религиям — индуизму и исламу³², одежда (прежде всего

²³ Необходимо отметить, что отдельные группы индийцев прибывали в Британскую Гвиану до 1926 г.

²⁴ *Reno Ph. The Ordeal of British Guiana. L., 1962, p. 5.*

²⁵ *Cumpston I. M. A. Survey of Indian Immigration to British Tropical Colonies to 1910. — Population Studies, 1956, v. 10, № 2, p. 163.*

²⁶ *Roberts G. W. Some Observations on the Population of British Guiana. 1911—1948. — Population Studies, 1948, v. 11, № 2, p. 186.*

²⁷ Подробнее об индийской иммиграции см.: *Кочнев В. И. Указ. раб., с. 468—472.*

²⁸ Подробнее о системе контрактов см.: *Джаган Ч. Запад на скамье подсудимых. М.: Мысль, 1969; Софинский В. Н. Британская Гвиана.*

²⁹ *Smith R. T., Jayawardena Ch. Caste and Social Status among the Indians of Guyana. — In: Caste in Overseas Indian Communities. San Francisco, 1967, p. 324.*

³⁰ *Nath Dw. A History of Indians in British Guiana. L., 1950, p. 145.*

³¹ *Ruhomon P. Centenary History of the East Indians in British Guiana. 1838—1938. Georgetown, 1947, p. 78.*

³² По данным, приводимым Ч. Джаяварденой, удельный вес представителей разных конфессий в индогвианской группе был следующим (в %):

традиционное женское сари), кухня, особенности семейной организации и быта. В то же время вытеснялись традиционные языки, на смену которым приходил английский креоль. В целом можно сказать, что в конце XIX — начале XX в. в основном завершилось формирование новой этнической общности — индогвианской.

Необходимо обратить внимание на то, что в колониальных обществах с этнически неоднородным населением представители британского правящего слоя делили все остальное население на группы, границы которых часто не совпадали с этническими. Например, население Маврикия делилось на «белых», «цветных», «черных», «индийцев» и «китайцев»³³, население Британской Гвианы — на «португальцев», «других европейцев», или «других белых», «цветных»; или «смешанных», «негров», «индийцев», «китайцев» и «индейцев». Главным в глазах колониального чиновника был не этнический, конфессиональный или даже расовый, а в первую очередь социальный критерий. Как отмечалось, «смешанные» и «негры» отличались друг от друга преимущественно в расовом и, особенно, в социальном, а не в этнокультурном плане. «Индийцы» говорили на разных языках, принадлежали к различным конфессиям и кастам, но с точки зрения колониальной администрации представляли собой единое целое, так как культура всех их значительно отличалась от английской и, что крайне важно, все они прибыли в страну в качестве законtracted рабочих.

Критерии правящих кругов в оценке различных групп населения воспринимались, и другими жителями страны. В глазах креола или португальца все выходцы из Индии и их потомки были «индийцами». Потомки иммигрантов с Индостана в ходе этнокультурных изменений, вызванных новыми жизненными условиями и новым этническим окружением, сами начинали ощущать и называть себя «индийцами». Собственно «гвианское» самосознание проявлялось не столь отчетливо, но, приезжая в Индию, рожденный в Британской Гвиане «индеец» становился «гвианцем». В XX в. «индийцы» в Британской Гвиане, в сущности, стали больше «гвианцами», нежели «индийцами», ибо считали эту страну своей родиной. Немаловажную роль в изменении этнического самосознания сыграла и утрата традиционных языков, которые в настоящее время отчасти сохраняются лишь в религиозной практике (хинди и урду) и песенном творчестве (диалект хинди)³⁴.

Как отмечал Д. А. Ольдерогге, «этнонимы меняют свой характер и содержание в процессе исторического развития общества... Весьма распространенное мнение об этнонимах как о неизменном или, скажем осторожнее, устойчивом признаке принадлежности к определенной общественной группе ошибочно»³⁵. Содержание понятия «индеец», как мы уже говорили, менялось, и в XX в. потомков выходцев из Индии уместнее, на наш взгляд, называть «индогвианцами», а после провозглашения независимости страны и изменения ее названия — «индогайанцами» (или гайанцами-индопакистанцами).

Процесс формирования индогвианской этнической общности — тема специального исследования, однако и приведенный нами небольшой материал в общем позволяет предположить, что группа индийского проис-

	1931 г.	1946 г.	1960 г.
индуисты	74,6	72,3	70,0
мусульмане	16,7	17,9	18,3
христиане	6,9	9,2	10,6
атеисты и неустановленные	1,8	0,6	1,1

См. *Jayawardena Ch. Religious Belief and Social Change: Aspects of Development of Hinduism in British Guiana.* — In: *Comparative Studies in Society and History.* The Hague, 1966, v. VIII, p. 211.

³³ *Burton B. Stratification in Plural Societies.* — *Amer. Anthropologist*, 1962, v. 64, № 6, p. 1238—1239.

³⁴ *Tinker J. Op. cit.*, p. 94.

³⁵ *Ольдерогге Д. А. Проблемы этнической истории Африки.* — В кн.: *Этническая история Африки.* М.: Наука, 1977, с. 9.

хождение развивалась в целом аналогично индийцам Тринидада (подробно исследованы А. Д. Дридзо)³⁶, и становление новых общностей в обеих странах проходило примерно в одно и то же время — в первой половине XX в.

Значительный рост населения колонии в результате иммиграции «второй волны» потребовал увеличения административного аппарата. Кадры полицейских и низших чиновников комплектовались в основном из креолов, умевших объясняться, читать и писать на английском. «Креолизация» низших звеньев административного аппарата была связана с более высоким юридическим статусом освобожденных рабов-креолов по сравнению с «рабами по контракту» индийского происхождения, а также с их языковой и конфессиональной близостью британским правящим кругам.

В XX в. креольская этническая группа становилась преимущественно городской группой населения. Переселение креолов в города началось сразу после отмены рабства, и доля их там увеличивалась с каждым годом, что в значительной степени было связано с разорением креольских ферм. Крах афрогвианского фермерства в колонии объясняется целым комплексом причин, в том числе и конкуренцией с фермерами индогвианцами³⁷. В городах креолы пополняли преимущественно ряды служащих, ремесленников, пролетариата и люмпен-пролетариата. С 1891 по 1921 г. общая численность креолов выросла на 2,23%, а в городах — на 10,18%.³⁸ В 1940 г. в городах проживало 49% всех афрогвианцев (они составляли почти половину городского населения колонии) и 14% индогвианцев (21% городского населения)³⁹. Сельские креолы поддерживали тесную связь со своими родственниками в городах, часто совмещали труд на собственных фермах с работой в городах, на бокситовых разработках и плантациях, причем на плантациях они выполняли наиболее квалифицированные виды труда. Кроме того, они занимались сезонными работами, например уборкой тростника на сафре, т. е. опять-таки были «профессионально» обособлены от индогвианцев.

Таким образом, в этносоциальной истории страны колониальный период довольно четко делится на три этапа. На первом этапе — с середины XVII по 30-е годы XIX в. — здесь на основе плантационной экономики сложилось колониальное рабовладельческое общество, в котором этно-расовая принадлежность прямо коррелировалась с социальной. На втором этапе — с 30-х годов XIX в. по 1917 г. — социальная структура и этнический состав населения колонии в результате отмены рабства и иммиграции законтрактованных рабочих значительно изменились. Именно на этом этапе в целом завершилось формирование афрогвианской этнической общности. В стране появились три «иммигрантские» группы — индийская, португальская и китайская, первая из которых, прежде всего вследствие своей большой численности, начинала постепенно консолидироваться в новую этническую общность. На третьем этапе — с 1918 г. до провозглашения независимости в 1966 г. — внутри колониального общества сохранялись те же этнические компоненты, что и в конце второго этапа, но изменилась его социальная структура. Консолидировались афро- и индогвианские общности. И афро-, и индогвианцы ощущали себя гвианцами, но сознавали и свое отличие друг от друга. Сохранялась внутригрупповая эндогамия.

В колониальном обществе менялись этнический состав и внутренняя структура, но в нем продолжала сохраняться прямая связь расовой и этнической принадлежности человека с его социальным статусом. Колониальные власти стремились сохранить эту связь и использовать ее в своих интересах, намеренно предоставляя некоторые льготы индогвианцам за счет креолов (например, в наделении землей) и креолам за счет

³⁶ См. Дридзо А. Д. Этнокультурные процессы в Вест-Индии.

³⁷ Despres L. Op. cit., p. 33—37.

³⁸ Ibid., p. 54.

³⁹ Despres L. Ethnicity and Resource Competition in Guyanese Society.— In: Ethnicity and Resource Competition in Plural Societies. The Hague — Paris, 1975, p. 93.

индогвианцев (в привлечении на службу в колониальный аппарат). Чтобы закрепить в стране сельскохозяйственных рабочих индийского происхождения, им выделялись небольшие участки для ведения собственных хозяйств. Административные кадры пополнялись креолами, ибо индогвианцы в большинстве своем не имели необходимого для этого образования. Существовала и прямая заинтересованность плантаторов и колониальных властей в разобщенности эксплуатируемых. Можно согласиться с выводом американского исследователя Л. Депре о том, что в течение всей колониальной истории Гайаны ее население «различно эксплуатировалось и различно приспособилось к условиям эксплуатации»⁴⁰.

В Британской Гвиане в 50-е годы XX в. афро- и индогвианцы совместно боролись против колониального угнетения и эксплуатации под руководством Народной Прогрессивной Партии (НПП). Борьбе НПП, расколу в ней в 1956 г., созданию партии Народный Национальный Конгресс (ННК), руководимой Ф. Бернхемом, и поляризации политических сил страны по этническому признаку на завершающем этапе борьбы за независимость, посвящены исследования советских авторов, а также работы лидера гайанских марксистов Ч. Джагана⁴¹, поэтому мы не будем останавливаться на этих вопросах.

В получившей автономию Британской Гвиане правительство НПП (1959—1964 гг.), стремясь проводить независимую от иностранных монополий экономическую политику, предпочитало вкладывать основные средства в рисоводство как в чисто «местную» отрасль экономики. Это вызывало недовольство рабочих и служащих креолов. События 1964 г. повлекшие за собой отставку правительства лидера НПП Ч. Джагана были, в частности, вызваны предложенным правящей партией проектом государственного бюджета, предусматривавшим значительные вложения именно в развитие рисоводства. Немалую роль в нагнетании напряженности в стране в этот период сыграли разведывательные органы США, что признают и американские авторы⁴². Однако, как нам представляется главной причиной сложившейся ситуации было все-таки различие в социальном положении большинства членов двух основных этнических групп населения. Креолы и индогвианцы, как и их лидеры, в известной степени по-разному видели будущее своей страны. В результате потери большинства на очередных выборах, НПП уступила власть «более умеренному», афрогвианскому по своему составу, ННК.

Следует отметить, что разобщенность этнических групп населения колонии на завершающем этапе борьбы за независимость, вызвавшая определенную поляризацию политических сил по этническому признаку не является спецификой Британской Гвианы. Подобное положение характерно для колониальных стран с этнически неоднородным составом населения. Р. Н. Исмагилова, анализируя ситуацию в странах Тропической Африки, отмечала, что пока народы боролись против колониального порабощения, против общего врага, вопросы этнических отношений отходили на второй план, несмотря на то, что колониальные власти инспирировали межэтническую вражду⁴³, а после достижения независимости этнические отношения обострились.

В конце 60-х годов XX в. этническая и социальная история стран вступила в новый этап. Провозглашение независимости Гайаны, национализация в 70-х годах собственности иностранных сахарных и бокситовых компаний⁴⁴, а также «гайанизация» административно-управленческого аппарата повлекли за собой важные изменения в социальной струк-

⁴⁰ Despres L. Ethnicity and Resource Competition..., p. 110.

⁴¹ Джаган Ч. Указ. раб.; см. также: Ковальская А. С. На пути к свободе. М. Мысль, 1973; Богословский В. Н. Борьба Народной Прогрессивной Партии за независимость страны.— В кн.: Гвиана...

⁴² Martin J. B. United States Policy in the Caribbean. Bolder, Colorado, 1978 p. 136—137.

⁴³ Исмагилова Р. Н. Этнические проблемы современной Африки. М.: Наука, 1978 с. 27.

⁴⁴ Подробнее см. Бороздина Р. И. Экономика Гайаны: 15 лет независимого развития.— Латинская Америка, 1981, № 10, с. 19—34.

туре. Стоящее у власти руководство партии ННК, на словах выступая за единство всего трудового народа страны, на деле проводило политику, часто ущемлявшую интересы трудящихся индогайанцев; практически оно не уделяло внимания тем сферам экономики, в которых преимущественно были заняты представители этой этнической общности, например рисоводству, о чем свидетельствуют и правительственные издания⁴⁵. В стране, как отмечает канадский исследователь Д. Бартелс, фактически сложилась политическая элита, опирающаяся на армию и полицию⁴⁶. Партия ННК выражала в основном интересы мелкой буржуазии и чиновничества африканского происхождения, хотя пользовалась поддержкой креольского пролетариата.

Создание собственной государственности повлекло за собой замену англичан в аппарате государственного управления преимущественно креолами и появление афрогайанской политической элиты; «гайанизация» экономики привела к созданию афрогайанской же административно-управленческой элиты в руководстве национализированными предприятиями. Гайанский экономист К. Томас указывает, что национализация и «гайанизация» экономики в условиях сохранения Гайаны в рамках мировой капиталистической системы способствовали не достижению подлинной независимости, а началу формирования в стране управленческой, в сущности, неокомпрадорской элиты⁴⁷.

Появление нового правящего класса — креольского — закономерно вызывает обострение межэтнических отношений. Как известно, совпадение социально-классовых и этнических различий является существенным источником межэтнических противоречий. Кроме «гайанизации», на практике превращающейся в «афрогайанизацию» административно-управленческого аппарата, необходимо в этой связи отметить и изменение социальной ориентации масс индогайанцев. Английский исследователь Р. Смит в начале 60-х годов писал, что если афрогвианцы стремились стать квалифицированными рабочими или занять посты в управленческом аппарате, то большинство индогвианцев связывало повышение своего социального статуса с занятиями рисоводством, а также с торговлей или «свободными профессиями». Не объясняя причин столь разной социальной ориентации представителей двух основных этнических групп, он вместе с тем отмечал, что «в последние годы положение стало меняться»⁴⁸. Проводивший сбор полевого материала в Гайане в конце 60-х годов пакистанский исследователь М. Рауф считает, что социальная ориентация в большинстве случаев менялась у третьего поколения представителей группы индийского происхождения⁴⁹. Вряд ли можно точно определить временной и «поколенный» рубеж смены ориентации, так как, на наш взгляд, он не мог совпадать у жителей разных районов страны, у городских и у сельских. Однако в целом этот рубеж был связан, очевидно, с изменением этнокультурного облика потомков выходцев с Индостана и знаменовал новый этап в становлении и развитии индогайанской общности. Сейчас это изменение ориентации проявляется сильнее, однако получившие образование и специальность индогайанцы не могут найти работы в «афрогайанизированном» административно-управленческом аппарате страны и вынуждены искать ее за рубежом, преимущественно в США, Канаде и Великобритании.

Наряду с ростом межэтнических противоречий имеет место и усиливающаяся поляризация общества по социально-классовому признаку. Трудящиеся афро- и индогайанцы все чаще выступают совместно в за-

⁴⁵ Decade of Agriculture: 1966—1976. Georgetown, 1976.

⁴⁶ Bartels D. Catastrophe: Theory and Dialectical Change in Guyanese Race and Class Relations. — Current Anthropology, 1981, v. 22, № 4, p. 435.

⁴⁷ Thomas C. Meaning Participation: The Fraud of It. — In: The Aftermath of Sovereignty: West Indian Perspectives. N. Y., 1973, p. 356.

⁴⁸ Smith R. T. Ethnic Difference and Peasant Economy in British Guiana. — Capital, Saving and Credit in Peasant Societies. Chicago, 1964, p. 329.

⁴⁹ Rauf M. Indian Village in Guyana. Leiden, 1974, p. 52—53.

щиту своих интересов⁵⁰. Вместе с тем руководство индогайанской марксистско-ленинской Народной Прогрессивной Партии продолжает учитывать возможность совместных действий с ННК в борьбе за демократическое переустройство общества⁵¹, так как значительное число афрогайанцев поддерживает правящую партию — ННК, считая, что НПП выражает интересы лишь лиц индийского происхождения. Следует отметить, что начиная с середины 1970-х годов правительство ННК проводит активную антиимпериалистическую внешнюю политику, участвует в Движении неприсоединения; и внутриэкономические мероприятия правительства сохраняют свое объективно прогрессивное значение. Все это создает основу для совместных действий ННК и НПП в борьбе против колониализма, за построение в стране подлинно справедливого демократического общества.

Итак, после провозглашения независимости экономика Гайаны сохраняет в сущности колониальный характер, и социальная структура также все еще остается, пользуясь терминологией Д. А. Ольдерогге, структурой колониального общества. В значительной степени продолжает сохраняться зависимость социального статуса человека от его этнической принадлежности. Соответственно межэтническая интеграция объективно затруднена различиями в социальном и профессиональном положении основной массы представителей двух разных этнических групп населения страны — афро- и индогайанцев. Совместная борьба политических партий и других массовых организаций за уничтожение наследия колониализма может способствовать достижению единства трудящихся Гайаны и в дальнейшем послужить объективной основой для ликвидации этнических противоречий.

⁵⁰ *Колимор К.* Силы солидарности в борьбе.— Всемирное профсоюзное движение. 1980, № 1, с. 14.

⁵¹ *Джаган Джанет.* За дело рабочего класса, за интересы трудящихся.— Проблемы мира и социализма. 1982, № 11, с. 32.

ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЕЙ М. Н. ШМЕЛЕВОЙ И С. И. ВАЙНШТЕЙНА О ПРОБЛЕМАХ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ *

Г. В. Старовойтова

Содержательные выступления С. И. Вайнштейна и М. Н. Шмелевой отвечают давно назревавшей потребности обсудить методы полевой работы этнографов. Почти со всеми мыслями и предложениями авторов хочется согласиться, но тема заставляет посмотреть на проблему несколько шире, не касаясь деталей.

Своевременность настоящей дискуссии связана с двумя обстоятельствами: а) расширением предметной области нашей науки, в частности, включением в ее проблематику изучения современности; б) досадным методическим и особенно методологическим отставанием ее исследовательских средств — по сравнению как с близкородственными естественными науками (антропологией, географией), так и со смежными гуманитарными дисциплинами (прежде всего, лингвистикой и эмпирической социологией)¹. Говоря о методологии, мы имеем в виду науку о методах — постоянно развивающуюся часть теории познания.

В обсуждаемых статьях значительное место отводится размышлениям об объектах исследования (производственный коллектив, семья, территориальная единица), методах (опрос, наблюдение и др.), средствах фиксации данных (записи, зарисовки, фонограммы и др.) — короче, большое внимание уделяется решению вопроса «Как?», хотя в тени остается вопрос «Что?» — исследовать в поле.

Особенно остро этот вопрос стоит при этнографическом изучении современности — если иметь в виду не столько хронологическую современность (все пласты культуры, существующие сегодня), сколько стадиальную — лишь типичное для современности или несущее в себе зародыш будущего. Например, что следует наблюдать этнографу, решившемуся изучать население современной Москвы? Или Нью-Йорка? Токио? Вероятно, ответы на эти вопросы будут далеки от полноты и ясности. Думается, что это тема особого разговора, к которой стоит вернуться. На сегодня же бытует негласное представление, что стоит выйти «в поле», и этнографическая действительность сама предоставит внимательному наблюдателю широкий ассортимент научных фактов. При этом упускается из вида методологическое положение о том, что факт становится научным только в рамках какой-либо концепции относительно предмета исследования. Любое, сколь угодно большое количество эмпирических наблюдений не гарантирует правильности их истолкования. Само профессиональное восприятие подготовлено обоснованной теорией².

* См. Сов. этнография, 1985, № 3.

¹ Заметим, что рассказ о правилах применения анкетных методов в полевой практике, имеющийся в статье М. Н. Шмелевой, выполняет полезную функцию социологического «ликбеза», но не может освободить этнографа, решившего использовать массовый опрос, от необходимости обратиться к специальным учебникам по методике и технике конкретного социологического исследования.

² Подробнее об этом см.: Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983; Швырев В. С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М.: Наука, 1978.

Нечеткость исследовательских программ, недостаточность этапа камеральной обработки предыдущих материалов таят пресловутую угрозу «ползучего эмпиризма». Уместно вспомнить слова А. Эйнштейна о том, что в принципе абсолютно неправильно пытаться обосновать теорию с помощью одних только наблюдений, поскольку именно теория решает, что мы должны наблюдать. Выбор конкретных методов исследования диктуется развивающимися представлениями о предмете нашей науки.

Некоторые методологические проблемы познания, разработанные вслед за физикой в социологии³, еще, к сожалению, не учитываются этнографами. Назовем две из них.

Принцип дополнительности. Идея дополнительности (комплементарности) отражает разные аспекты исследовательского вмешательства в реальность. Этнограф-полевик неизбежно взаимодействует («полевой ситуацией» и оставляет в поле «следы» своего пребывания. Сам процесс наблюдения (или опроса) обычно влияет на изучаемую этнографическую реальность, и исследователь не получает данных в чистом виде, не зависящих от метода их сбора. Так, В. С. Кондратьев было показано влияние национальности интервьюера (в сопоставлении с национальностью респондента) на достоверность получаемой информации⁴. Непрофессионально составленные вопросы этносоциологической анкеты тоже могут предопределять содержание ответов.

Отношение к исследователю, посещающему семью (допустим, в абхазском селе), как к гостю вводит в действие «гостевой» этикет, определяет наличие мясных блюд во время трапезы и т. п. При повторении ситуации и в других домах доверчивый исследователь может заключить, что подобный стиль общения является повседневным у сельских абхазов.

Остаточные «возмущения» в поле, вызванные присутствием этнографа, могут исказить картину, увиденную им же или другим исследователем при следующем обращении к тому же объекту, а иногда и повлиять на реальную этнокультурную ситуацию. Так, население, подвергнутое однажды опросу, в следующий раз будет давать ответы, соответствующие сложившимся в этой среде представлениям об ожиданиях исследователя, демонстрировать свою осведомленность о его целях и т. п.

Массовый этносоциологический опрос, уделяющий большое внимание сохранности этнической специфики в группе, стоящей на пути к естественной ассимиляции, может приостановить этот процесс, спровоцировать актуализацию этнического самосознания.

Закупка предметов народных промыслов для этнографических музеев повышает в глазах владельцев их ценность (а затем и закупочную цену) и может стимулировать возрождение традиционного производства для сбыта его изделий туристам и т. д.

Проблема «ролевого расстояния». Человек в своей профессиональной роли не тождествен личности в целом. Ролевое расстояние предполагает отстраненность профессионального сознания от обычного — и особое профессиональное видение объекта. К этому же отнесется методическое требование такого смещения профессионального восприятия, которое налагает запрет на аксиологические суждения с позиций здравого смысла. Например, объективному анализу явлений канализации не будут способствовать используемые исследователем в житейской практике представления о добре и зле.

Профессиональное сознание этнографа с легкостью «включается» в тех случаях, когда он находится в иноэтнической, тем более — в экзотической среде, или сталкивается с архаическими явлениями собственного этноса (архаика — его «экзотика»). Гораздо труднее осознать собственную обыденную жизнедеятельность как явление, этнически и эпохаль-

³ Например, идея комплементарности, дополнительности, см. Bohr N. Atomic Physics and Human Knowledge. N. Y., 1958; Алексеев Н., Бородин Ф. Принцип дополнительности в социологии. — В кн.: Количественные методы в социальных исследованиях. М., 1968.

⁴ Кондратьев В. С. Эксперимент ex post facto в социологическом исследовании. Сов. этнография, 1974, № 2.

своеобразное, — т. е. как предмет своей науки. В этом случае до сих пор не вполне преодолена та недооценка местной специфики, которая встречалась в ответах корреспондентов на программу Русского Географического общества («соха — обыкновенная» и т. п.). Дальнейшее уяснение границ предметной области нашей науки могло бы облегчить проведение демаркационной линии между профессиональным и обыденным сознанием этнографа-полевика.

Учет этих и других методологических проблем полевого исследования позволит уменьшить искажения этнографической реальности в научном отражении.

В статье С. И. Вайнштейна выражена понятная тревога, связанная с быстрым исчезновением незафиксированных памятников культуры и быта. Автор призывает описать их «с максимально возможной тщательностью и полнотой», с чем трудно не согласиться. С другой стороны, не будем забывать, что охранная деятельность и охранное законодательство в сфере истории культуры — явления относительно недавние. Вся история мировой культуры — это, в известной степени, история безвозвратной гибели отдельных памятников и целых культурных пластов. Погибли Древний Рим и города американских индейцев, великие цивилизации Азии. Только в XVII веке от случайного взрыва хранящегося в нем пороха разрушен афинский Акрополь... Осознание ценности культурного наследия — продукт общества, внимательно рефлексирующего самое себя и свои исторические истоки.

Однако масштабы этой рефлексии принципиально ограничены людскими, временными и материальными ресурсами. Тотальная фиксация всех явлений традиционно-бытовой культуры (уходящих или реально существующих в современности) во всем их региональном разнообразии, у всех многочисленных народов нашей страны — задача явно невыполнимая (вероятно, даже при условии неограниченности ресурсов общества). Ведь речь идет не только об элементах материальной культуры, но и о целых комплексах застройки, бытовых укладах, целостных системах духовной культуры — не так ли? Полная фиксация всего контекста уходящего образа жизни непроизвольно способствовала бы частичной консервации архаики.

Ограниченность масштабов доступной в сегодняшнем этнографическом поле информации, которая может быть зафиксирована, выдвигает проблему очередности или приоритета — что следует фиксировать в первую очередь? То, что быстрее исчезает? То, что кажется ценнее с точки зрения истории культуры или практических нужд сегодняшнего дня, например, народные знания, связанные с системами традиционного жизнеобеспечения в конкретных экологических условиях, — в сведениях такого рода часто испытывает потребность современное сельскохозяйственное производство. С. И. Вайнштейн остановился, главным образом, на «пробелах» в изучении народного искусства, но, наверное, не менее насущно изучение экологически разумных систем природопользования, способов изготовления и методов работы традиционных орудий труда и т. д. — носители этих знаний уходят на глазах.

Наконец, в связи с размышлениями об охране памятников культуры и быта, можно поставить вопрос об определении этнокультурного памятника и выделении его специфики по сравнению с археологическим, историческим, фольклорным памятником. Выработка такой дефиниции служила бы развитию методологии полевого этнографической работы. Не претендуя на решение этой задачи, выскажем некоторые соображения. Представляется, что в число этнокультурных памятников должны войти комплексы традиционной деятельности и традиционной духовной культуры народов — в отличие от памятников так называемой материальной культуры, которые во многих случаях можно отнести в разряд археологических или памятников искусства. Иначе говоря, памятники этнической культуры и быта могут быть не только «привычно-материальными» (это качество — прерогатива археологических памятников) и не обязательно воплощают *продукты* человеческой деятельности, но также и

способы деятельности, передающиеся преимущественно визуальным путем. В связи с этим дополним список средств фиксации, предлагаемый М. Н. Шмелевой, киносъемкой и видеозаписью; более того, поставим их на первое место и выразим сожаление, что студенты-этнографы пока не получают соответствующих навыков.

Другая особенность этнокультурных памятников — их массовость, типичность, заурядность — скажем, по сравнению с памятниками искусства, отличающимися своей художественной исключительностью. Явления традиционной духовной культуры — памятники особого рода: нередко они сохраняются только в этническом сознании носителей культур и ненаблюдаемы (нужны специальные средства для их «извлечения»). Можно допустить, что «памятники» такого рода тоже нуждаются в охране — как и природная компонента этноэкологии. Весьма вероятно, что скоро мы будем ставить вопрос о защите и сохранении некоторых этнических стереотипов поведения, элементов этикета и других ценностей этнических культур — например, представление о ценности личности, уважение к старикам, гостеприимство, традиции трудового воспитания детей и др. Думається, что проблеме сохранения духовного богатства этноса можно отнести к числу этноэкологических проблем. Таковы предварительные замечания о методологии полевых исследований и о рамках охранной деятельности в сфере этнической культуры.

В. И. Козлов

Я не считаю себя профессиональным этнографом-полевиком, однако за длительный период занятия этнографией мне пришлось неоднократно участвовать в этнографических экспедициях либо иметь дело с материалами таких экспедиций, а последние 5 лет я бывал куратором или руководителем нескольких этнографических отрядов, работавших в республиках Закавказья по комплексному изучению явлений «группового (популяционного) долгожительства». В связи с начатой журналом дискуссией об актуальных вопросах полевых этнографических исследований хочется высказать некоторые соображения.

Приходится прежде всего отметить, что статьи, открывшие дискуссию, не столько ставят вопросы для обсуждения, сколько дают к этому повод. Так, видимо, никто не будет оспаривать положение С. И. Вайнштейна о необходимости изучения традиционной культуры, в том числе и ее «старотрадиционных» элементов, возникших в докапиталистический период. И, конечно, очень жаль, когда какие-то элементы культуры или даже ее региональные комплексы исчезают еще до того, как их надлежащим образом зафиксировали в материалах этнографических экспедиций и изучили. Думаю, никто не будет оспаривать и желательность ликвидации различных «белых пятен», относящихся, например, в Сибири к области «народных знаний» (этнокосмология, этномедицина, этноэкология и др.), а также целесообразность создания и расширения особой службы по «охране и изучению материальных этнографических объектов (жилищные и хозяйственные постройки, культовые сооружения и пр.), которым грозит разрушение в зоне новостроек». Все это — не «актуальные вопросы», как заявлено в названии статьи С. И. Вайнштейна, а давно известные установки, либо более или менее актуальные проекты. Реальные вопросы, если угодно, заключаются в том, сколько научных и научно-технических сотрудников, сколько времени и средств потребуется для осуществления этих проектов и где взять эти силы: средства, какая роль в этом отводится Институту этнографии АН СССР и какая — местным этнографическим и краеведческим работникам, и т. д. и т. п.

Замечу также, что «белые пятна» лучше всего выявляются при сплошном картографировании тех или иных этнографических объектов

и явлений, но каждый, кто с этим сталкивался (а мне пришлось заниматься этим при курировании работ по историко-этнографическим атласам «Русские» и «Народы Прибалтики»), знает, как много сил и времени уходит на эту работу и какой малоблагодарной в научном отношении она нередко оказывается. Случается, что трудоемкий сбор полевых или архивных материалов при ликвидации того или иного «белого пятна» не имеет сколько-нибудь существенного научного значения, что фиксация проводится в лучшем случае лишь для частичного уточнения «типологизации», что составленные этнографические карты не подвергаются должному сравнительному научному анализу и просто пополняют обширные груды «этнографических источников». Возможно, эти груды заинтересуют наших коллег в будущем, и те, покопавшись в них, напишут еще сотню кандидатских, а то и докторских диссертаций, но для нашей «лихорадки буден» они, к сожалению, малополезны. Мне представляется, что эти обстоятельства в немалой степени вызвали постепенное угасание интереса к развернутой лет 15 назад работе по созданию серии историко-этнографических атласов различных регионов страны.

Что касается статьи М. Н. Шмелевой, то в ней особых вопросов для обсуждения также нет, хотя некоторые ее положения представляются дискуссионными. Заявление о том, что этнографы-полевики должны изучать современность «с целью поиска и фиксации бытовых форм и явлений», выглядит не менее правильно, чем призыв С. И. Вайнштейна изучать «традиционное». Некоторое возражение вызывает лишь определение автором «современности». «В применении к нашей стране,— пишет М. Н. Шмелева,— современность в узком значении — это период развития социализма, в широком — более длительный исторический период. Думается, современность во втором значении вполне правомерно рассматривать как исторический период, начавшийся после победы Великой Октябрьской социалистической революции, положившей начало коренным изменениям в культуре и быте народов СССР. Так, собственно, и принято в советской этнографической литературе». Не спорю, что в духовной культуре народов СССР 1920-е годы были очень важным этапом, хотя считать все нововведения тех лет «современными» было бы, видимо, неправильно. Мне понятно и чем-то вызванное желание некоторых этнографов изучать, например, лапти и соху, широко бытовавшие в начале 1920-х годов и, кстати, мало отличавшиеся от лаптей и сох, бытовавших в дореформенной России, но выглядеть при этом исследователями «современности». Тем не менее в такой сдобородой «современности» столь же мало смысла, сколь и в обличенном одним из героев романа «Мастер и Маргарита» понятии «осетрина второй свежести». Современность — это, на мой взгляд, период, отстоящий от настоящего времени лишь на 10—20 лет, и его, видимо, вряд ли стоит прямо связывать даже с эпохой развитого социализма, которая, очевидно, продлится еще длительное время, когда многих современников этой дискуссии, увы, уже не будет в живых, и появится новая «современность».

В другом месте статьи М. Н. Шмелева более правильно определяет «основу полевой собирательской работы этнографов» как «непосредственное наблюдение жизни народа». Хорошо читаются и другие истины, например о том, что нужно «адекватно отображать действительность», выделяя при этом «старое, консервативное, пережиточное, и новое, прогрессивное». Но здесь хочется заметить, что, к сожалению, не всякое «новое» является прогрессивным. Нельзя не поддержать и призыв вскрывать «исторические корни функционирующих этнографических явлений», что смыкается с призывом С. И. Вайнштейна изучать традиционное. Некоторое сомнение вызывает лишь предложение М. Н. Шмелевой полагать основной единицей этнографического обследования «трудовой коллектив». «Выделение трудового коллектива в качестве единицы обследования современного сельского и особенно городского (?) населения как своего рода базы для углубленного изучения не только производственного и общественного, но в известной степени и домашнего быта обусловлено той большой ролью, которую играет само обществен-

ное производство в жизни народа». Аргументация со ссылкой на «большую роль» общественного производства здесь не вполне убедительна. Конечно, этнографы должны изучать этнографическую роль производственных коллективов, но в отличие от экономистов и социологов они призваны концентрировать внимание не на «производственном и общественном», а главным образом на домашнем быте, причем этот быт связан с трудовым коллективом, особенно в городе, не в «известной», а нередко лишь в малой степени; иногда (например, в сфере родильных обрядов) он с ним почти совсем не связан. Поэтому основной единицей этнографических обследований, по моему мнению, была и, очевидно, остается семья, взаимодействующая так или иначе с другими семьями не только в производственном, но и в других отношениях (например, в территориально-соседских).

Каждому научному работнику, в данном случае этнографу-полевiku, приходится сталкиваться с вопросами: «Что» (и «Где») изучать? «Зачем изучать» и «Как изучать?» На вопрос «Что изучать?» С. И. Вайнштейн и М. Н. Шмелева отвечают весьма широко: изучаться должны все этнографические объекты и явления — от старотрадиционных до современных; круг этот поистине необъятен, и каждый может найти в нем привлекательную в том или ином отношении «экологическую нишу», чтобы фиксировать и изучать соответствующие объекты и явления. Вопрос: «Зачем изучать?» (и «Зачем фиксировать?») перед авторами не встает; видимо, считается, что уж такая эта наука, что призывает изучать все неизученное или малоизученное. Остается вопрос: «Как изучать?» С. И. Вайнштейн пишет, что нужно совершенствовать методику полевых исследований, а М. Н. Шмелева перечисляет основные методы сбора материалов, включая массовые анкетные обследования. Возражать против таких общих, а то и идеализированных положений не вполне удобно и даже как-то не «академично», но без этого, видимо, не обойтись.

На этом я заканчиваю краткий обзор статей С. И. Вайнштейна и М. Н. Шмелевой и перехожу по необходимости к столь же краткому изложению некоторых дополнительных соображений, связанных с полевой работой этнографов вообще, и сотрудников Института этнографии АН СССР в частности. Эта конкретизация представляется необходимой из-за сильного изменения научно-этнографической ситуации в нашей стране за последние десятилетия. В 1950-х годах, когда еще молодой (по времени основания) Институт этнографии развертывал свои исследования, в том числе и экспедиционную деятельность, в научных учреждениях и краеведческих музеях национальных республик и областей этнографических кадров почти не было. Поэтому сотрудникам Института этнографии приходилось работать почти везде, фиксировать и изучать почти все, фактически же из-за недостатка сил и средств работать кое-где, а фиксировать и изучать кое-что. С того времени научных кадров в соответствующих секторах Института прибавилось не так уж много, но зато на местах появилось значительное число этнографов, археологов, краеведов. Только в Азербайджанской ССР, например, имеется несколько десятков специалистов, занимающихся фиксацией и изучением местных этнографических объектов и явлений, в то время как в секторе народов Кавказа Института этнографии нет ни одного специалиста по Азербайджану или по азербайджанцам. В Азербайджане, конечно, еще осталось множество «белых» в этнографическом отношении «пятен», но это не значит, что Институт этнографии должен организовывать экспедиции для их ликвидации — а именно это следует из призыва С. И. Вайнштейна. Вряд ли целесообразно нацеливать научных сотрудников центрального академического учреждения страны и на полевые работы по фиксации исчезающих старотрадиционных этнографических объектов, если такую работу могут и должны выполнять научно-технические сотрудники местных научных учреждений.

Если не витать в облаках, а оставаться, так сказать на грешной земле, то приходится исходить из того, что фиксировать и изучать, видимо, надо не все, а лишь то, что важно и актуально как в научном, так и в

практическом отношении, причем сотрудники Института этнографии АН СССР в своих полевых исследованиях вряд ли должны стремиться как-то дополнять работу местных этнографов. Их основные задачи, очевидно, другие. Важной задачей является, например, апробация новых перспективных методов этнографической работы по традиционной или какой-то новой проблематике, а также организация и проведение таких исследований. Одним из хороших примеров является деятельность В. В. Пименова и ряда других сотрудников Института этнографии по системному изучению этноса с количественными характеристиками различных его компонент и взаимосвязей между ними в ряде национальных республик страны. Уместно привести и пример полевых работ по оригинальной теме исследования явлений долгожительства в тесной кооперации этнографов с антропологами, медиками и другими специалистами и с использованием новых, в том числе и зарубежных, методик. Местные этнографы обычно играют в подобных работах вначале лишь вспомогательную роль, но, приобщаясь к ним, сами поднимаются на новую исследовательскую ступень. Важной задачей является сбор, а чаще — добор материала для широких обобщающих или сравнительных (межэтнических или кросскультурных) исследований, на которые местные этнографы, ограничивающие свои задачи изучением основной коренной национальности республики, обычно не решаются. Почти все другие задачи полевых этнографических работ в большинстве регионов страны для сотрудников Института этнографии АН СССР представляются, на мой взгляд, частными и относительно маловажными. Впрочем, здесь возможны и исключения, особенно в плане этнографического изучения русского населения, так как за неимением национальной Российской Академии наук с соответствующими институтами все гуманитарные институты Академии наук СССР в той или иной степени принимают на себя связанные с этим обязанности.

А. Н. Жилина

Совершенно закономерна и крайне своевременна поднятая С. И. Вайнштейном проблема скорейшего изучения исчезающих элементов традиционной (по терминологии автора «старотрадиционной») культуры, которые еще сохранились и не зафиксированы исследователями. К сожалению, таких не изученных компонентов культуры у народов Советского Союза довольно много.

Мой опыт участия в работе над историко-этнографическим атласом Средней Азии и Казахстана показывает, что значительной части необходимых для составления этого капитального труда сведений явно не хватает, и получить их сейчас, ликвидировать «белые пятна» почти невозможно.

Атлас составляется на основе материалов, собранных учеными начиная с дореволюционного периода и до наших дней. Экспедиции последних лет привозят крайне мало сведений по традиционной культуре, отдельные элементы которой катастрофически быстро исчезают. Это и понятно: социалистические преобразования экономики и культуры народов Средней Азии и Казахстана коренным образом изменили их образ жизни, материальную и духовную культуру. Почти полностью сменилась одежда, исчезли многие детали традиционного костюма, позволяющие восстановить его эволюцию; «воссоздать» эти элементы можно преимущественно опросным путем. Перестали существовать отдельные виды ремесел, ушла в прошлое часть праздников, обычаев и обрядов. Не зафиксированные своевременно этнографами компоненты культуры можно считать утраченными для истории народа.

Сейчас практически невозможно найти жилище, построенное в конце XIX — начале XX в., не говоря уже о жилище более раннего времени. Причем процесс смены типов сельских жилых домов происходит повсеместно как в пригородных районах, так и в отдаленных от центров

местах, где еще до недавнего времени бытовали локальные типы традиционного жилища.

В последние годы в Средней Азии и Казахстане постепенно меняется облик сельских поселков, которые застраиваются домами внешне почти не отличающимися от сельских домов других регионов Советского Союза: те же строительные материалы (обожженный кирпич, бетон, панели заводского изготовления), сходная планировка, одинаковые коммунальные удобства (электричество, газ, водопровод).

Безусловно, переход к благоустроенному жилью в поселках, где сосредоточены культурные, административные и торговые центры, отвечающие требованиям современной жизни, — процесс прогрессивный. Но здесь таится и опасность распространения единых стандартов, которые вытеснят национальные особенности поселений и жилища, приведут к утрате экологически разумных приемов домостроительства, к унификации многих сторон бытовой культуры. Поэтому совершенно правомерна постановка С. И. Вайнштейном вопроса о скорейшем создании музеев под открытым небом, этой сокровищницы бытовой традиционной культуры народа, в тех республиках и областях, где они отсутствуют. С сожалением приходится констатировать, что в таком огромном регионе, как Средняя Азия, подобного музея нет. Если же принять во внимание, что подавляющее большинство сельских жилищ в прошлом строилось из глины, материала недолговечного, легко поддающегося разрушению, станет ясно, насколько актуальна здесь эта проблема.

Уже исчезли такие удивительные виды построек, как укрепленные усадьбы — дома-крепости в Хорезме, оборонительные башни-динги в Туркмении, древнейший тип дома, имеющий в потолке светодымовое отверстие, оформленное в виде сруба и т. д. Перечислять все здесь не имеет смысла. При создании музеев под открытым небом эти постройки придется возводить заново по тем чертежам, рисункам и описаниям, которые были сделаны в свое время этнографами.

Пока еще живо поколение носителей традиционной культуры, способное восполнить некоторые пробелы в наших знаниях. Но этим людям сейчас от 70 до 80-ти лет и больше — возраст весьма критический. Следующее поколение, родившееся и выросшее в советский период, знает уже намного меньше о культуре своего народа в прошлом. Значит необходима скорейшая организация полевых исследований для изучения «белых пятен» в традиционной культуре народов Советского Союза.

Из сказанного вытекает и еще один аспект этой проблемы — важность правильной организации экспедиционной работы. Здесь не хотелось бы говорить о сложностях, с которыми начальники отрядов сталкиваются каждый год — нехватка машин, устаревшее оборудование, подчас отсутствие современной аппаратуры — магнитофонов, фото- и киноаппаратов. Но именно в них, на мой взгляд, причина сокращения числа больших экспедиций и увеличения индивидуальных и групповых (2—3 человека) выездов. Последние, разумеется, не в состоянии всесторонне изучить круг необходимых вопросов и собирают материал, как правило, по своей теме. Кроме того, в небольших группах (не говоря об индивидуальных поездках) обычно отсутствуют художники и фотографы. Это привело к некоторому сокращению числа профессионально выполненных рисунков и фотографий, что, кстати, выявилось при подготовке в Институте этнографии АН СССР выставки, посвященной 60-летию образования СССР. А ведь рисунки, чертежи и фотографии имеют не меньшее значение, чем полевые записи.

Однако организация комплексных экспедиций только для изучения исчезающих компонентов традиционной культуры, как предлагает С. И. Вайнштейн, на мой взгляд, не совсем правомерна. Многие традиционные элементы органически вошли в современную культуру, образовав с нею тот сплав, который и составляет нашу действительность. Иде непрерывный процесс изменения и преобразования одних традиций, отмирания других, возникновения и формирования третьих. Отделить друг от друга иногда бывает крайне сложно и, очевидно, не всегда нуж

но. Поэтому мне представляется наиболее эффективным «глубинный», если можно так выразиться, сбор полевых сведений — от реликтов традиционной культуры до материалов по современным проблемам, которыми живет изучаемая группа населения (ведь повторного ее исследования может и не быть!). Для этого в отрядах должно быть несколько научных сотрудников, лаборанты, фотограф и художник. Опыт организации таких комплексных экспедиций в Институте есть. Пройдет еще 20—30 лет и о нашем времени можно будет судить по тем сведениям, которые собрали этнографы сейчас.

Не менее важен вопрос о качестве полевых записей и экспедиционных отчетов, которые, к сожалению, не приравняются к научной продукции сотрудников, отсюда и отношение к ним как к работе второго плана. Причина, на мой взгляд, в отсутствии четких требований к отчетам. В результате одни отчеты содержат лишь перечень собранных сведений и обследованных пунктов, другие — не только подробное описание полученного материала, но и предварительные выводы. Последнее, разумеется, весьма трудоемко, так как требует тщательной обработки полевых записей.

Важным путем повышения эффективности и качества собранных полевых материалов и научных отчетов является разработка и совершенствование методики экспедиционных исследований. Многие имеющиеся программы и вопросники просто устарели. Поэтому участники экспедиции вынуждены вносить в них свои коррективы, что приводит к несопоставимости собранных материалов и научных отчетов.

Новые методические разработки должны быть подготовлены с учетом не только возможных особенностей малоисследованных исчезающих компонентов традиционной культуры, но и максимально полной фиксации материалов по современности.

Важность научных экспедиционных отчетов и полевых записей, составленных по единой методике, очевидна, ибо именно эти материалы служат основой для разработки крупных теоретических проблем.

Г. Н. Грачева

Постановка и обсуждение проблем полевой этнографической работы на страницах центрального органа нашей науки весьма своевременны. Профессионально собранный в поле материал представляет неоценимый исторический источник, к которому постоянно обращаются многие поколения исследователей, рассматривающих вопросы этногенеза и этнической истории, культурного и социального развития, взаимовлияния культур, динамики мировоззрения, или занимающихся проблемами типологизаций, формализации этнографического знания.

Полевой материал этнографа, какой бы области народной жизни он ни касался, обладает счастливой особенностью всегда интересовать представителей многих, если не всех гуманитарных наук. И не только гуманитарных. Архаичные формы мировосприятия, объяснения мира, обряды или обычаи, бытовое поведение, которые воспроизводятся и фиксируются, могут служить иллюстрацией не только социальных процессов, религиозного мировоззрения или верований, но и процесса развития знаний о мире, а в сопоставлении с данными смежных наук — развития процессов познаний. Можно сказать, что этнографический материал входит в сферу любой науки либо как ее история, либо как смежная дисциплина и занимает важное место во всей системе человекознания.

Каждый, кто занимается историческими разработками, знает, какую ценность представляют этнографические источники прошлых лет, как вылавливается по крупицам нужная информация, и как благодарен исследователь тем немногим свидетельствам, которые дают возможность воссоздать бытовую обстановку, нормы поведения, черты миропонима-

ния, элементы культовой практики отдаленных от нас временем этносов. Поэтому, в частности, так важна квалифицированная фиксация этнографических фактов и процессов. То, что фиксируется сейчас, в эпоху широкого промышленного освоения земли, интенсивных процессов метизации, замены этнических форм культуры надэтническими, то, что этнограф сумеет запечатлеть в своих полевых записях, останется неповторимым историческим источником фундаментом дальнейших научных поисков.

Вместе с тем каждая эпоха, каждая следующая ступень развития науки выдвигает новые задачи, которые изменяют уровень и направление полевой работы, заставляют подойти по-иному к сбору и фиксации получаемых в процессе полевой работы данных. Опыт многих поколений этнографов, работавших в области духовной культуры, показывает, что на их восприятие, способы фиксирования и интерпретации полевых данных всегда в той или иной мере оказывает влияние теоретическое состояние современного им знания. С этих позиций создаются программы сбора материала, планы, вопросники. Они обычно направлены на выявление определенной группы фактов или информации по определенному кругу явлений. Хорошо составленный, продуманный до мелочей вопросник очень полезен для начального этапа сбора материала по любой теме, для опоры на общие моменты этнических культур определенного ареала. В море локального и индивидуального разнообразия вариантов традиционных явлений он может быть сравним с неким поплавком или спасательным кругом, который берет с собой человек, теоретически знающий как можно плавать.

Вместе с тем иногда вопросник, составленный на основании знания одной или нескольких локальных культур, примененный для сбора материала в другой культурной среде, накладывает на получаемые полевые данные определенную печать. Он часто мешает выявлению своеобразия и вариативности традиции, отчасти диктует предвзятый подход к материалу. Наблюдения и работа за пределами вопросника всегда выявляют особенности и уникальные черты, которые не были обнаружены в других регионах. Однако, при перепроверке может оказаться, что там они упущены. Бытовые ситуации чрезвычайно разнообразны, интерпретация одних и тех же действий в разных ситуациях может быть неоднозначной, что уловить бывает довольно трудно. Показательно, что черта или особенность, подмеченная исследователем в одном районе, составляет при работе и в другом районе обратить на это внимание. Нередко в той или иной форме подобные черты выявляются, или же они отсутствуют, что уже служит показателем для определенного круга бытования элемента культуры и включения его в дальнейшие межэтнические разработки.

Та или иная тема или поставленная задача диктует и определенную методику сбора данных. Если ставится сверхзадача «собрать все», исследователь, конечно, получит материал, все-таки распределив это «все» по разделам и в силу своих возможностей соответственно постарается по-разному подойти к каждому из них. Но он не затронет глубинных слоев культуры, знание которых так необходимо науке. В этом случае при отдаленных тематических сравнительных разработках необходимые моменты наверняка окажутся упущенными. Мы давно уже сетуем на то, что отсутствуют сравнимые данные, так как нет единых методик сбора полевых материалов. Такие единые методики, думается, могут быть лишь тематическими. В этом отношении историко-этнографические атласы и ареальные исследования служат прекрасными примерами реализации результатов целенаправленной единой методики сбора сравнительно ограниченного круга фактов.

Комплексные полевые исследования могут также проводиться с применением тематических методик. При постановке иных задач снова окажется, что фактов недостаточно и нет сравнимого материала. Этот процесс постоянен, как постоянно расширение наших знаний о мире и его закономерностях.

Этнография знает разные методы и приемы сбора полевого материала. От широкого обследования обширного по территории района, например зоны затопления, до длительной работы только с одним представителем этноса, от краткой поездки до многолетнего проживания в инокультурной среде. Этнографы-сибиреведы не могут отрицать огромного значения, какое имеют для получения картины жизни этноса опубликованные Б. О. Долгих «Бытовые рассказы энцев» (М., 1962) — редчайший и великолепный пример почти полной публикации полученного полевого материала, сгруппированного вокруг одного стержня. Все «рассказы», включая и автобиографию, были записаны у одного человека, Романа Алексеевича Силкина — Дели Пэдахаз Бай. «Для этнографии, — писал Б. О. Долгих в Предисловии, — бытовые рассказы Р. А. Силкина представляют ценность не только по массе вкрапленных в них бытовых деталей, сведений об обычаях, верованиях и т. д., но своим общим духом, отражением характера взаимоотношений между людьми, вскрывающими такие оттенки этого быта, которые не фиксируются никакими другими методами исследования этнографических явлений» (с. 5).

При разработке отдельных сторон культуры этноса необходима операция с представителями смежных наук. Без их участия сейчас зачастую невозможен научный подход к анализу динамики некоторых сторон народной жизни. Но картина народного быта в его этническом аспекте, того, что можно было бы сравнить с пушкинской строкой «здесь русский дух, здесь Русью пахнет», всегда останется задачей полевых исследований исключительно этнографов.

С развитием музейного дела, с организацией широкой сети школьных, сельских, городских, окружных, республиканских краеведческих музеев возможности этнографической работы неизмеримо расширились. Любители краеведы, школьные кружки вносят в нее свой вклад. В некоторых районах музеи для пополнения коллекций, да и просто для того, чтобы уходящие из быта предметы не погибли, применяют подворные обходы для их выявления и по возможности закупки. Благодаря такой кропотливой работе краеведческие музеи обладают сейчас великолепными коллекциями предметов старого быта и культа. Эти вещи не только служат уникальным историческим источником; они — бесценное национальное богатство нашей страны. Вопросы их хранения остро нуждаются в обсуждении.

Наверное никто не станет возражать, что предметные описи или документы паспортизации тоже являются историческим источником. В них должны быть зафиксированы такие детали, чтобы каждый предмет звучал в неповторимом своеобразии своего бытового национального колорита. Для этого при его приобретении необходимо получить и документировать максимум информации. Можно быть уверенным, что при тщательной вещеведческой работе, достаточно полной регистрации, уже будут ликвидированы многие будущие «белые пятна».

Нельзя сказать, что эта работа везде поставлена на достаточно высокий уровень. Очевидно, нужен пересмотр инструкций по регистрации предметов музеев и обращению с вновь поступающими вещами. Научная музейная регистрация требует максимального знания быта изучаемой народности.

Думается, что большой разговор о задачах нашей полевой работы, неотделимой от собирательской вещеведческой и хранительской, давно назрел. Весьма желательным было бы проведение Институтом этнографии АН СССР широкой представительной всесоюзной конференции с участием работников краеведческих музеев различных уровней (вплоть до школьных), местных краеведов-собирателей. Наши стремления в деле сохранения для истории уходящих предметов, черт и явлений быта, а значит — в деле формирования полноценных историко-этнографических источников, едины. Обсудить задачи пополнения и состояния нашей современной и будущей научной базы необходимо.

О. Г. Гордеева

ДВЕ КОЖАНЫЕ МАСКИ ИЗ КОЛЛЕКЦИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРДЕНА ЛЕНИНА ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В собрании предметов быта народов Восточной Сибири, хранящихся в отделе тканей и костюма ГИМ, привлекают внимание две маски. Обе они в составе коллекции, насчитывающей 200 археологических и этнографических предметов, поступили в музей в 1937 г. из Зоотехнического института пушно-сырьевого хозяйства. Маски очень схожи между собой, хотя есть и некоторые различия.

Первая маска¹ (рис. 1), сшитая из двух кусков выделанной оленьей замши (ровдуги) темно-коричневого цвета, имеет форму мешка. Выступающий нос шит в виде треугольника из той же замши с мехом внутри (для уплотнения). На маске три прорези — для глаз и для рта. Прорези обшиты жгутиком из белых жестких оленьих волос, закрепленным крупными стежками из жильных нитей светло-коричневого цвета. На носу две полосы, прошитые таким же способом. У рта в виде бороды, на месте ушей и на макушке прикреплены пучки длинных светлых жестких оленьих волос. На макушке маска не сшита, а имеет круглое отверстие. Длина маски — 28 см, диаметр нижнего отверстия — 28, верхнего — 10, размеры носа — 13×4, глазные прорезы — 5, ротовая прорезь — 6 см.

Вторая маска² (рис. 2), сшитая из тонкой светло-коричневой ровдуги со вставками из замши охристого цвета, по форме аналогична первой. Выступающий нос в виде треугольника шит из охристой замши с мехом внутри (для уплотнения). На маске прорезы для глаз и рта. На лбу две полоски жгутиков из белого жесткого оленьего волоса, прошитых оленьими жильными нитками, крупными стежками. Вокруг глаз таким же способом сделана обшивка двойной линией с извивающимся концом. Ротовое отверстие обшито полоской замши (имитация губ), прошито белым оленьим волосом и жильной ниткой. Под нижней губой рыжеватые волоски, имитирующие бороду. На макушке — пучки белого жесткого оленьего волоса. Отверстия на макушке, как у первой маски, нет. Оно зашито охристой замшей. Длина маски — 32 см, диаметр нижнего отверстия — 27, диаметр маски на макушке — 12, размер носа — 6×4, глазные прорезы — 4,5, ротовая прорезь — 6 см.

Согласно типологической классификации А. Д. Авдеева, по способу ношения обе маски могут быть определены как индивидуальные маски-головы, изображающие голову человека или человекоподобного существа и закрывающие ее целиком. А. Д. Авдеев в свое время дал, на наш взгляд, точное и емкое определение этнографических масок. Маска — это специальное изображение какого-либо существа, надеваемое или носимое с целью преобразования в данное существо³. Постараемся проследить по имеющимся в нашем распоряжении этнографическим материа-

¹ Государственный исторический музей (ГИМ) 78649, Е-519.

² ГИМ 78649, Е-518.

³ Авдеев А. Д. Маски (опыт типологической классификации по этнографическим материалам). — В кн.: Сб. МАЭ, т. XVII. М. — Л.: Изд-во И СССР, 1957, с. 270, 236.

лам, с каким кругом образов, обрядов, верований связаны исследуемые маски. Но первоначально необходимо уточнить их этническую принадлежность.

Маски поступили в музей с ярлыком, написанным от руки. Надпись гласит: «Маски водяного духа *ьгняннэ*, сделанные из выделанной оленьей шкуры-ровдуги. Этими масками взрослые кочевые коряки пускают своих детей, стоя весной на берегу, а детей в это время выводят из юрты и показывают на маску у реки. Приобретены в 1927 г. у кочевого коряка в бассейне р. Таловка в Пенжинском районе Камчатского округа. К. Бауэрман». Это один из немногих счастливых случаев, когда мы знаем имя собирателя. К. И. Бауэрман был в числе тех, кто проводил Приполярную перепись 1926/27 г. Во время переписи в Камчатском округе собран большой этнографический материал, позволивший опубликовать очерки и обзоры по отдельным районам. В 1930 г., после образования Корякского национального округа и организации Пенжинской культбазы, усиливается работа по изучению коряков. В эти годы К. И. Бауэрман, командированный Комитетом Севера для организации кузнечной мастерской в с. Парень, принимал активное участие в работе культбазы⁴.

Таким образом, запись на ярлыке не случайна. Личность К. И. Бауэрмана, его долголетняя работа среди населения Пенжинского района позволяют положиться на точность определения им этнической принадлежности масок. Это маски коряков-чавчувзнов бассейна р. Таловка. Мы можем даже отнести их к группе ракинниковских или отавпелевских племени коряков.

Связав кожаные маски-головы с кочевыми коряками, попробуем проследить, есть ли какие-нибудь данные о них в научной литературе. В специальном издании «Маски народов Сибири» (подготовлено С. В. Ивановым), где представлено большинство хранящихся в МАЭ памятников, корякам, чукчам и эскимосам посвящена целая глава. Автор приводит данные о том, что чукотские антропоморфные маски, сшитые из кожи, употреблялись на празднике Кереткуна — хозяина морских зверей. Подобные маски еще в 1930 г. изготовлялись и азиатскими эскимосами. Интереснее всего то, что С. В. Иванов со ссылкой на монографию В. Йохельсона упоминает, что оленные коряки пользовались иногда кожаными личинами, изображавшими людоедов⁵.

В книге В. Йохельсона описываются известные ему корякские маски, сделанные из травы и дерева. Маски из травы — это маски-повязки или наголовники, пучки травы, укрепленные надо лбом и спускающиеся почти до пояса, скрывая лицо. Маски из дерева — это маски-личины с прорезями для глаз, носа и рта. Маски антропоморфны, имеют даже индивидуальные черты и антропологические особенности. Бытовали они среди оседлых коряков — охотников на морского зверя. Для нас самое важное, что в труде В. Йохельсона приводится рисунок маски, почти полностью идентичной обоим нашим маскам⁶. Исследователь пишет, что ему не приходилось видеть масок из травы или дерева среди кочевых оленных коряков (за исключением алыторских). Среди оленных коряков на р. Тылхай он нашел только кожаную маску людоеда-кала, которая, по словам коряков, не использовалась ни в какой церемонии. Женщины надевают такие маски, чтобы напугать детей⁷.

Йохельсон и Бауэрман утверждают, что маски используют для устрашения детей, причем Йохельсон считает маску образом духа-людоеда-кала, а Бауэрман — образом водяного духа.

Обратимся теперь к этнографическим материалам по родственным корякам палеоазиатским народам. В. Г. Богораз-Тан в монографии, посвященной чукчам, отмечает: «Мне неизвестно употребление масок на

⁴ Подробнее см.: *Антропова В. В.* Культура и быт коряков. Л., 1971, с. 9, 14.

⁵ *Иванов С. В.* Маски народов Сибири. Л.: Наука, 1979, с. 22.

⁶ *Yochelson W.* The Koryak (Religions and Myths). Leiden — New York, 1905, p. 80, 86, fig. № 63, 89.

⁷ *Ibid.*, p. 86.

а

б

Рис. 1. Кожаная маска «водяного духа» у коряков-чавчуэнов: а — вид спереди, б — вид сбоку (ГИМ 78649 Е — 519)

праздниках у чукоч и азиатских эскимосов. У приморских чукоч я, правда, нашел пару масок, сделанных из оленьей шкуры. Они называют их «волосяное лицо». У коряков деревянные маски, употребляемые на некоторых праздниках, называются «деревянными лицами». «Волосяные лица» чукоч, однако, совершенно не связаны с праздниками, по крайней мере в настоящее время. По объяснению владельцев, маски употребляют матери, чтобы поуготать детей и заставить их слушаться. Мать надевает маску и делает вид, что она кель, пришедший за непослушным ребенком»⁸. Рисунок в книге В. Г. Богораза характерными нучками волос на макушке и над глазами, выступающим носом, крупными стежками прошивки весь — напоминает маску, приводимую Йохельсоном, и маску из Исторического музея. Однако чукотская маска сужена к подбородку, и, возможно, представляет собой маску-личину, а не маску-голову. К сожалению, по рисунку сказать что-либо определенное затруднительно. В. Йохельсон упоминает в сносках, что эскимосы страны Баффин используют кожаные маски во время праздников, а юкагиры надевают кожаные маски, когда вскрывают умерших шаманов¹⁰. С. В. Иванов свидетельствует, что маски, подобные чукотскому «волосяному лицу», употреблялись как чукчами, так и азиатскими эскимосами¹¹. Авторы трех известных нам источников (запись К. И. Бауэрмана на ярлыке, монографии В. Йохельсона и В. Г. Богораза) связывают антропоморфные кожаные маски с *келет* или *кала*, отмечая, что они служат для устрашения детей.

У В. Г. Богораза мы находим развернутое описание представления чукчей о *келет*, причем автор специально оговаривается, что они соответствуют корякскому *кала*¹². Как и все представления чукчей и коряков о сверхъестественном, представления о *келет* противоречивы, не определены, логически не завершены, непоследовательны. Те же самы

⁸ Богораз В. Г. Чукчи. Религия. Ч. II. Л., 1939, с. 70.

⁹ Там же, рис. 63.

¹⁰ Yochelson W. Op. cit., p. 141.

¹¹ Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири. — Т. Ин-та этнографии АН СССР, т. XXII. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1954, с. 233.

¹² Богораз В. П. Указ. раб., с. 12—14.

Рис. 2. Кожаная маска «водяного духа» у коряков-чавчуэнов: а — вид спереди, б — вид сбоку (ГИМ 78649 Е — 518)

келет мыслятся то как сверхъестественные существа, то как люди. Они то преследуют людей, то оказывают им содействие¹³.

Для нас важно, что почти все известные нам авторы, касающиеся вопроса об использовании кожаных масок палеоазиатами, отмечают, что это не ритуальные маски, которые надевали во время промысловых или религиозных праздников. Ими пользовались в обыденных обстоятельствах, требующих вмешательства сверхъестественного. Видимо, повлиять на поведение ребенка можно было, только призвав на помощь *кала-келет*, т. е. временно «перевоплотившись» в духа.

Отрывочные сведения К. И. Бауэрмана на ярлыке несколько шире данных, приводимых В. Йохельсоном и В. Г. Богоразом. На наш взгляд, они свидетельствуют о существовании у коряков в прошлом какого-то очистительного или охранительного обряда. Взрослые стоят на берегу, одетые в маски, детей выводят из жилища и показывают им *кала*, находящихся у реки. В связи с этим интересно замечание В. Богораза, что *келет* никогда не приходят с моря, так как, согласно чукотской поговорке, «никакой злой дух не может прийти с моря»¹⁴. В нашем случае действие обряда устрашения детей происходит на берегу реки, у воды. Фрагментарность записи не позволяет понять, изгоняется ли злой дух в воду или вызывается из воды.

Возможно и иное толкование обрядового характера кожаных масок и их назначения. Так, С. В. Иванов предполагает, что «волосяное лицо» чукчей и эскимосов связано с праздником хозяина моря Кереткуна или Косака — хозяина китов.

Он приводит рассказ известного чукотского резчика Вуквола. Во время праздников кожаная маска подвешивалась к главному столбу яранги. Кто-либо из мужчин, хорошо знавший танцы, незаметно выходил из толпы, шел к полке, где лежала одежда, выбирал себе мужскую или женскую меховую одежду и надевал ее. Затем он надевал маску и выходил танцевать. Что именно изображала маска и сам танцующий, Вуквол объяснить не мог. Заслуживает внимания то обстоятельство, что мас-

¹³ Вдовин И. С. Природа и человек в религиозных представлениях чукчей. — В кн.: Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976, с. 249.

¹⁴ Богораз В. Г. Указ. раб., с. 13.

ка перед надеванием вешалась на главный (праздничный) столб яранги. Есть основания предполагать, что с этим столбом связывалось представление о морском духе и столб в известной мере олицетворял его. По мнению участников праздника Саяк, в столбе находилось то живое существо, в честь которого устраивался праздник и от которого будто бы зависел успех будущей охоты¹⁵.

Связь «волосяного лица» чукчей и коряков и их кожаных масок из ровдуги с хозяином китов представляется нам сомнительной. Можно предположить, что маски, связанные с заклинаниями духа моря, хозяина китов Кереткуна-Косака, должны были изготавливаться из шкур морских зверей — нерп, тюленей и т. п. Подобные маски существовали. Мы уже приводили данные С. В. Иванова о нерпичьих масках чукчей и эскимосов. В честь праздника кита чукчи наносили татуировку на лица в виде плавников, хвостов кита¹⁶.

Итак, в собрании Исторического музея хранятся уникальные памятники духовной культуры коряков. Если верно утверждение С. В. Иванова о том, что в музеях СССР нет кожаных масок чукчей, эскимосов и коряков, то ГИМ является их единственным обладателем¹⁷.

Кожаные маски-головы, по всей вероятности, были связаны с верой во вредоносных духов *кала-келет*, возможно, с очистительными или охранительными обрядами. Не являясь атрибутом праздников, они использовались в повседневной жизни, когда требовалось вмешательство сверхъестественных сил.

Отрывочность сведений в литературе и источниках об использовании кожаных масок — свидетельство того, что к началу XX в. обряды, связанные с ними, уже уходили из практики населения и забывались. Много, касающееся корякских кожаных масок, осталось неясным, скрытым, необъяснимым. Настоящая публикация — первая попытка заставить заговорить столь долго молчавшие памятники древней культуры.

¹⁵ Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири, с. 433, 435, 442.

¹⁶ Там же, с. 433.

¹⁷ Иванов С. В. Маски народов Сибири, с. 22.

Ю. Д. Дмитриевский

О КРИТЕРИЯХ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ

В исторической перспективе этнография и география в своем развитии обычно шли рядом, взаимно обогащая друг друга. Более того, можно утверждать, что многие географические проблемы не могли быть решены без привлечения данных этнографии, так же как этнографические — без серьезного географического анализа, о чем свидетельствует опыт и мировой, и отечественной науки. В последние годы на это обращалось внимание в работах как этнографов, так и географов (Ю. В. Бромлей, В. И. Козлова, Я. Г. Машбица, В. В. Покшишевского и др.)¹. Практическим воплощением творческого содружества географов и этнографов стала изданная ныне многотомная серия «Страны и народы».

Один из центральных вопросов этнографии — формирование этнических общностей (этносов). Как принято считать, «этнос представляет собой особый вид социальной общности людей, определяемый совокупностью ряда признаков: общностью языка и территории, близостью культуры и быта, общностью исторических судеб, а в некоторых случаях — принадлежностью к одному государству»². Отсюда следует, что историко-географический и политико-географический аспекты обязательно должны учитываться в анализе.

Самой новой и наиболее высокой (если не считать новой исторической общности — советский народ) стадией (типом) этносов является нация (буржуазная — в капиталистическом обществе, социалистическая — в социалистическом). Для нее кроме названных выше признаков характерна общность экономической жизни.

Если ход этнических процессов приводит к формированию этнических общностей определенного уровня (стадии) — от племени до нации, то в ходе экономических (экономико-географических) процессов формируются различные территориально-экономические (экономико-географические) общности (от экономических очагов до экономических районов).

Каждой стадии формирования этнической общности более или менее адекватна определенная стадия экономической (экономико-географической) общности. Более того, уровень общности хозяйственной жизни, т. е. экономико-географический уровень (стадия) развития экономико-географического процесса и формирования экономико-географиче-

¹ См.: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973; его же. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981, а также библиография к этим работам. Автор настоящей статьи была опубликована работа: «Экономико-географический аспект проблемы формирования этнических общностей в Африке» (Изв. ВГО, 1975, № 3), переведенная вскоре в США в журнале «Soviet Geography», 1976, v. 17, № 7.

² Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М.: Наука, 1981, с. 71.

ской общности, является одним из признаков формирования уровня (стадии) этнической общности.

Наивысший уровень экономической общности сложился в СССР в процессе создания исторической общности — советского народа, хотя полиязычного, но пользующегося русским языком в качестве инструмента межэтнического общения. Естественно, изучить процесс сложения этой высшей общности без глубокого экономико- и социально-географического анализа, исследования внутригосударственной территориальной дифференциации и концентрации экономических явлений в их связи с явлениями этнографическими невозможно.

Экономико-географические и социально-географические аспекты исследования неотделимы от аспектов экономико- и социально-экологических, которые, на наш взгляд³, давно изучаются системой географических наук. И здесь намечается связь с этноэкологическими процессами.

Влияние природной среды и природных ресурсов на этногенез, на формирующиеся в ходе его этнические общности — весьма широкая проблема, включающая множество аспектов. Один из них — исследование о носителе прямого воздействия природы и природных ресурсов на этногенез. Оно особенно проявляется в районах, где население занято основном собирательством, охотой или простейшим рыболовством, что типично главным образом для многих приэкваториальных, тропических или высокогорных районов развивающихся стран. Однако для населения земного шара в целом значительно важнее процесс косвенного, опосредованного социальными отношениями воздействия природы и природных ресурсов на этногенез. В первую очередь это касается влияния первичных, сырьевых отраслей хозяйства на ход этнических процессов. Минерально-сырьевые районы представляют собой, как правило, ареалы иммиграции, где более интенсивно протекают процессы этнической ассимиляции и этнической конфронтации. Пожалуй, такая же, но менее отчетливая картина наблюдается в ряде стран в районах лесозаготовок, добычи рыбы в озерах и реках и т. п.

В ходе развития общества по мере усложнения его социальной структуры и внедрения в хозяйство достижений научно-технического прогресса усложняются связи общества с природой, природной средой. Усложняются, но не ослабевают. К. Маркс писал: «Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и во всех возможных способах производства. С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того, чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости»⁴.

Роль природной среды в жизни человеческого общества изменяется в пространстве и во времени: она различна в разных регионах, в разных исторические эпохи. В ходе развития общества происходит изменение от «жесткой» зависимости к подвижной, эластичной, «мягкой». Относительное ослабление зависимости общества от природы имеет место лишь в том смысле, что от отсутствия возможностей выбора связей с природой общество переходит ко все более сложной системе выбора, его многовариантности.

³ См., например: *Дмитревский Ю. Д., Лавров С. Б.* Экономико-экологические проблемы капиталистических и развивающихся стран. М.: Просвещение, 1968, и др.

⁴ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. II. М., 1962, с. 387.

В настоящее время на земном шаре еще сохранились районы, в дебрях экваториальных лесов, в обширных пустынях и полупустынях, где связи современных человеческих коллективов с природой просты и «жестки», где охота, собиравательство или кочевое животноводство представляют собой круг хозяйственных занятий людей. С другой стороны, в наиболее развитых экономических районах земного шара связи общества с природой, природными ресурсами чрезвычайно сложны и многообразны, что усложняет и процессы развития этносов.

Экономическая география накопила достаточно большой арсенал исследований процессов формирования отраслевых районов в государствах разного типа, разного уровня развития, которые, несомненно, могут стать важной вехой на пути к решению вопроса о сложении этносов.

В разных случаях создаются моно- или полиэтнические районы. Моноэтнические отраслевые районы более типичны для территорий с господством традиционных форм ведения хозяйства, в первую очередь сельского или даже присваивающего. Полиэтнические отраслевые районы более характерны для территорий, где развита современная промышленность (чаще всего — добывающая), и для вновь осваиваемых регионов (с разной специализацией, промышленной или сельскохозяйственной, в том числе на вновь орошенных землях).

Чрезвычайно важна в экономической географии проблема формирования интегральных экономических районов разного уровня. Хорошо известно, что к их образованию приводит весь ход экономических и экономико-географических процессов. При этом во многих странах, особенно развивающихся, большую роль в процессах районообразования играет этнический фактор. Поэтому проблема соотношения этнографического и экономического районирования имеет важное значение.

В странах капиталистического мира основными показателями выделения экономического района являются уровень и формы развития капиталистических отношений. Вторичный признак — хозяйственная специализация территории. Известно также, что и стадия формирования этнической общности (нации) в капиталистических странах зависит от уровня (и форм) развития товарно-денежных, капиталистических отношений. Поэтому можно высказать предположение, что процессы формирования наций и экономических районов связаны между собой корреляционно.

В развивающихся странах, где уровень развития капиталистических отношений в большинстве случаев низок (и соответственно большую роль играют отношения докапиталистические), и процесс образования экономических районов, и процесс формирования наций еще далеки от завершения. Более того, во многих странах и районах эти процессы находятся еще на своих ранних стадиях. Таким образом, можно говорить о формирующихся экономических районах, экономических очагах и ядрах и соответственно о формирующихся нациях, национальных очагах ядрах. При этом территория и границы названных образований (экономических и этнических) нередко приблизительно совпадают. Часто границы формирующихся экономических районов дают возможность определить или уточнить этнические границы или наоборот. Конечно, это положение далеко не универсально: в этнически однородных странах этнос не может служить индикатором для выявления или уточнения границ экономических районов. То же относится к районам нового освоения с полиэтническим населением, состоящим в основном из иммигрантов.

Особое место среди развивающихся государств занимают страны социалистической ориентации. Капиталистические отношения в этих странах принципе ограничиваются. Можно полагать, что уровень развития этих государств и их отдельных районов все в большей мере будет зависеть от степени развития общественных форм хозяйства — государственного сектора и различных типов кооперации. В связи с этим здесь по-иному начинают протекать и этнические процессы, особенно процессы формирования наций. В них появляется все больше элементов, типичных

для соответствующих процессов в социалистических государствах, что появление этих элементов и сдерживается тем обстоятельством, что страны социалистической ориентации вместе со всем развивающимся миром остаются пока в орбите мирового капиталистического хозяйства.

Социально-географический аспект формирования этнических общностей вытекает из самого предмета социальной географии, ее взаимосвязанности с географией населения. Вероятно, вообще очень трудно наметить четкие водоразделы между объектами изучения социальной географии, демогеографии, этногеографии. «Зона перекрытия» здесь, по-видимому, очень обширна. Среди проблем, изучаемых социальной географией и географией населения, — география социальной инфраструктуры (образования, культуры, здравоохранения и пр.). Несомненно, для ее исследования чрезвычайно важен этногеографический аспект. С другой стороны, понимание последнего невозможно без включения в анализ социально-географической составляющей. При этом важно учитывать социально-экономические особенности, тип страны или района, который определяет в конечном счете особенности социально- и этногеографических процессов.

Каждый этнос характеризуется особенностями его расселения. Географы много занимались именно проблемами расселения, и разработанный ими методический и понятийный аппарат может быть чрезвычайно полезен при анализе названного аспекта формирования этносов. При анализе типов расселения и типов населенных пунктов географо-населенческий и этногеографический аспекты исследования просто не могут существовать раздельно. Это относится и к сельскому расселению, и к сельским населенным пунктам, и (в более сложной системе связей и опосредований) к городским поселениям.

Развитие и рост последних — следствие весьма сложного процесса урбанизации, особенности которого очень разнообразны в странах различного типа, в различных экономических и этнических ареалах. С точки зрения этногеографической, особенно важно изучение этнического аспекта урбанизации в полиэтнических государствах.

Наиболее остро эта проблема стоит ныне в развивающихся странах Азии и Африки, где городское население и города растут особенно быстро в связи с естественным приростом и массовыми миграциями из сельской местности. В городах этих стран, куда после освобождения бурно ринулись массы населения (очень часто разноязыкого, со своими племенными, этническими и конфессиональными традициями) происходят очень сложные процессы ассимиляции, консолидации, конфронтации. Возникают проблемы формирования городской элиты и пролетариата, изменения внутренней географии городов (основанной на дифференциации — экономической, социальной, этнической). Все названные проблемы, экономико-географические по существу, являются одновременно и этногеографическими. Отсюда и необходимость сопряженного, многофакторного анализа.

Комплексное изучение городов может способствовать выяснению множества экономико-, политико-, социально-, этногеографических вопросов, включая один из центральных — формирование наций в развивающихся странах.

Названные выше некоторые аспекты использования экономико- и социально-географического анализа при изучении этнических проблем, том числе формирования этнических общностей, позволяют говорить о целесообразности применения учеными-этнографами экономико-географических методов и количественных показателей, принятых в экономической и социальной географии. Для многих из этих методов и показателей характерна типичная для географии комплексность.

Среди старых и вечно новых методов выделяется полевой, экспедиционный. Именно он может наиболее точно показать ареалы тех или иных этнических общностей и границы их распространения. Этот полевой метод непосредственно связан с другим, старым и вечно новым картографическим. Надо сказать, что последний имеет не только пр

кладное, иллюстративное, но и самостоятельное значение. Картографирование позволяет делать самостоятельные выводы, являясь одним из аналитических методов изучения экономико-, социально- и этногеографических процессов. Возможности этого метода еще далеко не исчерпаны⁵.

К числу старых относится и географо-статистический метод, являющийся по существу одним из математических методов, сложная система которых столь популярна среди части ученых в наши дни.

Названные и некоторые другие методы включают в себя использование различных количественных показателей, более или менее сложных. Среди них балльные, по существу своему экспертные оценки, методика которых все усложняется, а результаты уточняются⁶. Некоторые из балльных оценок⁷ обогащают арсенал средств при анализе влияния природных условий и ресурсов на процессы формирования этнических общностей. В качестве примеров количественных показателей, имеющих прямое отношение к анализу вышеназванных процессов, можно назвать отдельные коэффициенты.

К их числу относится показатель концентрации населения, предложенный А. А. Долининым⁸:

$$K = \frac{\Pi_b}{\Pi},$$

где Π_b — плотность населения территории, на которой она превышает заранее заданную величину (граница плотностей); Π — средняя плотность населения ареала. За границу плотностей, по мнению автора показателя, следует принимать число, в несколько раз превосходящее среднюю плотность населения ареала.

Самое прямое отношение к процессам этногенеза имеет целая группа количественных показателей. Наиболее простым среди них является предложенный Ю. Г. Липецом коэффициент этнической общности⁹

$$K = K_1 K_2,$$

где K_1 — доля населения (или группы) в населении данной территории; K_2 — доля народа, живущего на данной территории, в общей численности учитываемого народа.

Интересен показатель социоэтнической плотности¹⁰

$$S = \frac{\sum_{i=1}^k n_i^2}{N^2} \cdot 100,$$

где n_i — численность данной этнической группы в стране (районе); k — число этнических групп; N — численность всего населения страны (района).

Степень разнообразия этносов страны (района) характеризует индекс этнической мозаичности Б. М. Эккеля¹¹

$$P_j = 1 - \sum_{i=1}^m (\pi_i)^2,$$

⁵ См., например: *Кильошневская Л. К., Озерова Г. Н.* Применение картографического метода для решения некоторых задач экономического районирования. — Изв. ВГО, 1974, т. 105, вып. 5.

⁶ *Арманд Д. Л.* Балльные шкалы в географии. — Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1973, № 2.

⁷ См., например: *Дмитревский Ю. Д.* Природный потенциал и его количественная оценка. — Изв. ВГО, 1971, т. 103, вып. 1.

⁸ *Долинин А. А.* Население и трудовые ресурсы Андских стран: Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра геогр. наук. Л., 1969, с. 26.

⁹ См.: *Чижов Н. Н.* Танзания. М.: Мысль, 1972, с. 79.

¹⁰ *Piasecki E.* Cestość zaludnienia a zróżnicowanie etniczne. — Przegląd geogr., 1977, т. 49, № 1.

¹¹ *Эккель Б. М.* Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР. — Сов. этнография, 1976, № 2.

где m — количество национальностей (этнических групп) в j -й стране (районе), π_i — доля j -й национальности во всем населении страны (района).

Есть и другие показатели, которые могут быть использованы при экономико- и социально-экономическом анализе процесса формирования этнических общностей и вообще пространственных аспектов этнических процессов.

Для географии всегда были характерны типологические и региональные подходы. Выявление типов и районов распространения какого-либо физико-, экономико-, социально- или политико-географического явления — и инструмент, и итог географического исследования. Несомненно, типологические подходы и методы районирования, разработанные географической наукой, могут быть широко использованы при этнографическом анализе, выявлении стадий и тем самым типов, а также районов формирования различных этнических общностей. И в этом — тоже большие возможности использования географического аппарата в этногеографических исследованиях.

К. Е. Корепова, Т. И. Белоус

ОБРЯДЫ «ПРОВОДОВ ВЕСНЫ»

В БЫТУ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В Поволжье и ряде мест Центральной России существовал обычай провожать весну в дни русальной недели — в русалкино (петровское) загосенье или в ближайшие к нему дни. Проводы весны принимали форму ритуальных похорон-проводов различных мифологических существ: русалки, Костромы, Ярилы, Горюна, Чехони, Соловушки и т. п. В Тульской, Костромской, Нижегородской, Саратовской, Симбирской губерниях объект ритуальных похорон называли «весной»¹, и это давало основание некоторым ученым видеть смысл обрядов в символике смены времен года².

Более убедительно мнение тех, кто считает, что название «весна» в применении к антропоморфному образу появилось сравнительно поздно³ и заменило собой русалку или Кострому⁴. Выражение «проводить весну», употребляемое в народе, вероятно, указывало на сезонное приурочение обрядов. Похороны Костромы, проводы русалки и другие сходные обряды совершались на границе весны и лета, ими завершался весенний цикл и открывался летне-осенний, связанный с ожиданием уже созревающего урожая, охраной его и уборкой. В этнографической литературе неоднократно отмечалось, что после русальной недели у русских обычно кончались весенние игры и хороводы, вскоре начинался сенокос, затем жатва. Именно в этом смысле обряды были прощанием с весной.

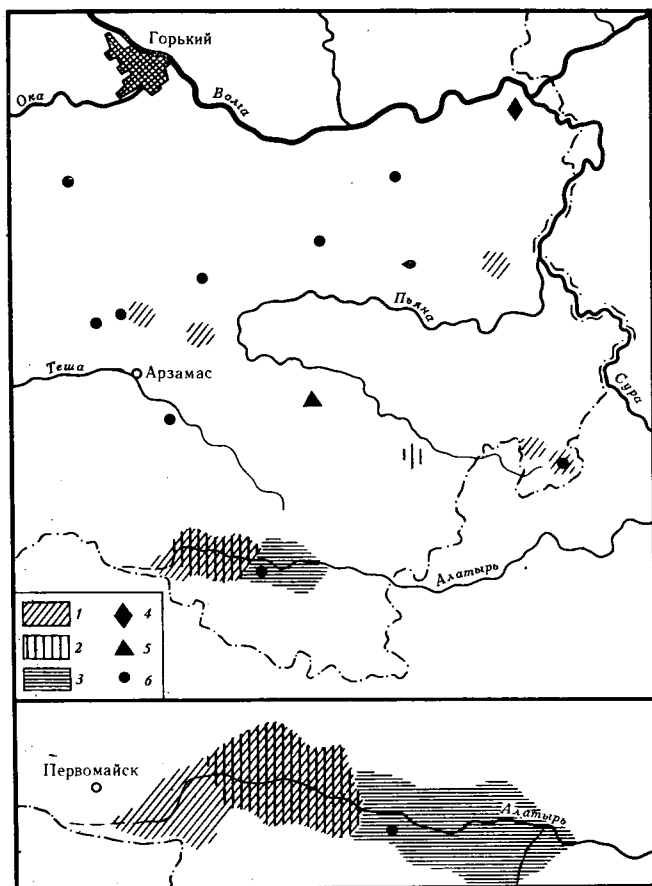
Проводы весны, как и другие обряды, имеющие аграрную направленность, были развиты преимущественно в правобережной части Горьковской области. Разнообразием форм они отличались в южных районах,

¹ Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И. Сахаровым. Т. II. Кн. 7. СПб., 1836, с. 93.

² Свод научных трактовок дан в статье: *Зилинский О.* Из истории восточнославянских народных игр (Кострома-Коструб). Исторические связи в славянском фольклоре. — Русский фольклор, XI. М. — Л., 1968, с. 206, 207.

³ *Зеленин Д. К.* К вопросу о русалках (Куль покойников, умерших неестественной смертью, у русских и финнов). — Живая старина, 1911, в. 3—4; 1912, с. 416; *Соколова В. К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX в. М.: Наука, 1979, с. 214.

⁴ *Зилинский О.* Указ. раб., с. 208, 209; *Соколова В. К.* Указ. раб., с. 214.

Распространение обрядов «проводов весны» в Горьковской области: 1 — вождение кобылы, 2 — похороны Костромы, 3 — проводы соловушки, 4 — похороны весны, 5 — похороны воробья, 6 — Ярилин день

по рекам Пяна, Алатырь, частично Теша. Здесь кроме проводов русалки⁵ и похорон Костромы⁶, широко распространенных у восточных славян, отмечены в узком ареале проводы соловушки⁷ и похороны воробья⁸ — обряды, пока не зафиксированные нигде более и совсем еще не изученные.

Разнообразие форм объясняется особенностями формирования населения края. Южная часть территории нынешней Горьковской области стала заселяться русскими сравнительно поздно — в XVI в. Сюда, на земли, дарованные Иваном Грозным участникам Казанского похода,

⁵ Доброздравов М. Село Ульяновка Нижегородской губернии Лукояновского уезда — Этнографический сборник, в. 1. Спб., 1853, с. 56; Егоров Б. Ф. Добролюбов — собиратель и исследователь народного творчества Нижегородской губернии. Горький, 1956, с. 95—96; Новые поступления в фольклорный архив кафедры русской литературы ГГУ. 1976—1983 гг. Календарные обряды/Сост. К. Е. Корепова. Горький, 1982, № 594, 596, 600, 606, 609—611.

⁶ М-ский М. Из приходской жизни села Молчанова Сергачского уезда. — Нижегородские губернские ведомости (в дальнейшем — НГВ), 1891, № 26, 28; Новые поступления в фольклорный архив... № 594, 596, 598, 603; П. И. Мельников-Печерский в романе «В лесах» писал, что обычай хоронить Кострому «наблюдается... местами в Нижегородском Заволжье» (Мельников П. И. В лесах. Кн. II. Горький, 1956, с. 358), но мы пока не располагаем фактами, подтверждающими научную достоверность свидетельства писателя.

⁷ Библиографический указатель материалов фольклорного архива кафедры русской литературы Горьковского университета. В. II. Ч. 1/Сост. Корепова К. Е., Эйдельман Ф. С. № 261—262. Горький, 1977; Новые поступления в фольклорный архив, № 595, 604, 605.

⁸ Фольклорный архив ГГУ (далее — ФА ГГУ), колл. 46, ед. хр. 7, № 74.

крестьяне привозились из разных мест Русского государства, что создавало особую пестроту в диалектах, фольклоре и обрядах.

Общий процесс изживания архаических календарных обрядов, начавшийся в середине XIX в., вызванный коренными социально-экономическими переменами в деревне, захватил и Нижегородское Поволжье, и здесь он протекал замедленно, особенно в районах, где русское население проживало в соседстве с мордвой. Как можно судить сейчас по рассказам людей в возрасте 50—70 лет, в Горьковской области проводы весны в форме веселых народных праздников сохранялись в быту вплоть до послевоенных 50-х годов.

В 60—70-е годы, когда перестройка бытового уклада в сельской местности шла особенно стремительно, архаические обряды стали уходить из жизни, но не одновременно на всей территории. Они задержались дольше не в маленьких деревнях, как можно было предполагать, а в некоторых больших селах, там, где сохранился значительный контингент коренных жителей, носителей местной традиции, и где всегда находилось несколько «заводил» — пожилых активных людей, бравших на себя в течение ряда лет инициативу в организации массового празднества. Таким образом, в поддержании традиции.

Различные обряды отмирали по-разному. Те, что на последней стадии своей жизни имели игровой характер, утратив магический смысл, и были скреплены развитым сюжетом, например «похороны», до самого исчезновения сохранили относительную целостность морфологической структуры. Те, что представляли собой комплекс элементов, внешне не скрепленных единым драматургическим сюжетом, разрушались путем постепенного выпадения отдельных компонентов.

Чтобы проверить выводы о степени сохранности обрядовой традиции в наши дни, сделанные в результате опроса населения, проведенного фольклористами Горьковского университета в 1977—1982 гг., летом 1983 г. они провели визуальные наблюдения в ряде селений Первомайского и Шатковского районов. Для этой цели были выбраны большие села и мелкие деревни с русским населением, по-разному удаленные от райцентра, но расположенные в непосредственной близости от мордовских сел.

Картина, полученная в ходе наблюдений, оказалась очень пестрой как по разнообразию обрядов, так и по степени сохранности их в наши дни. В большинстве селений в 1983 г. проводы весны уже не отмечались, хотя обряды еще живы в памяти не только пожилых людей, но и представителей среднего поколения. Жители рассказывали, как раньше в селах Нелей и Крамзинка, д. Бутская и др. в послетроицкое воскресенье водили «кобылу», а вечером провожали ее в жито.

Описанная церемония — поволжская форма проводов русалки⁹. Термин «русалка» в применении к ряженому коню в Горьковской области не встречается, хотя выражение «русалкино заговенье» отмечено в Лукояновском уезде¹⁰, где, впрочем, проживало много выходцев из южных русских и белорусско-украинских областей. Не называют здесь «коня» «весной», хотя, рассказывая об обряде, говорят: «Это было, когда весну провожали».

В с. Шарипово Шатковского района в день проводов весны хоронили воровба: кто-нибудь из мужчин ложился на носилки, изображая покойника, и его с плачем и смехом несли в жито¹¹.

В с. Кардавилъ, где проживает обрусевшая мордва, проводы весны дублировали троицкие обряды. В настоящее время традиция здесь разрушается и праздник перестал быть массовым, но обычаи еще не исчезли.

⁹ Зеленин Д. К. Указ. раб.; Гринкова Н. П. Обряд «вождения русалки» в с. Вереяка Воронежской области. — Сов. этнография, 1947, № 1, с. 178—184; Крюкова Т. А. «Вождение русалки» в с. Оськине Воронежской области. — Там же, с. 185—192; Соколова В. К. Указ. раб., с. 213—223.

¹⁰ Добродрагов М. Указ. раб.

¹¹ ФА ГГУ, колл. 46, ед. хр. 7, № 74.

совсем: одни элементы обрядового комплекса сохраняются в быту до сих пор, другие отмечаются эпизодически. В последние 2—3 года проводы весны ограничивались тем, что группы женщин средних лет, собравшись после работы компаниями, устраивали совместное угощение. Но в 1983 г., возможно, под влиянием интереса к обрядам фольклористов женщины украсили лентами березку («розан»), прошлись с ней по селу, распевая песни и частушки, затем у пруда, попрощавшись с березкой и спев обрядовую троицкую песню, бросили ее в воду¹².

Сходную ситуацию мы обнаружили и в с. Красный Бор Шатковского района. Это село входит в обширную зону распространения праздника Ярилина дня, который в Нижегородском Поволжье осмыслялся как последний день весны и первый день лета¹³. Ярилин день, по мнению современных исследователей,— архаическая форма купальского обряда¹⁴. В Нижегородской губернии в начале XX в. праздник включал в себя как обязательные действия: обливание водой или купание в реке, ряжение и ночные игры молодежи¹⁵. В пережиточной форме сохранялись и эротические элементы: разгар веселья приходился на ночь, в ряжении преобладали парные маски (барин и барыня, мордвин и мордовка, казак и казачка).

Обряды Ярилина дня начали отмирать раньше, чем театрализованные игрища-похороны, причем в данном случае шло разрушение самой структуры обряда. Прежде всего исчезли эротические элементы как не соответствующие новым нормам морали и быта. В с. Красный Бор даже пожилые люди не помнят сейчас о ночных играх молодежи и ряжении. Но до сих пор сохранилось обливание водой как бытовой игровой обычай. 4 июля 1983 г. в Красном Бору по селу бегали дети с пластмассовыми бутылками, наполненными водой, и брызгали во всех прохожих, что никем не осуждалось. Пожилая хозяйка, у которой жили фольклористы, из такой же бутылки брызнула в своих уже немолодых снох, когда они зашли к ней по делам¹⁶. Смысл обливания как способа вызывания дождя здесь забыт, но сам обычай сохранился¹⁷.

На общем фоне затухания архаической обрядовой традиции удивительной сохранностью структуры обрядового комплекса, развитостью отдельных его компонентов отличаются похороны Костромы, которые до сих пор разыгрываются в с. Шутилово Первомайского района в послетроицкое воскресенье. Фольклористы записали рассказы о «похоронах» в 1982 г.¹⁸ и наблюдали празднество 3 июля 1983 г.¹⁹

Шутилово — старинное русское село, в прошлом центр волости, сейчас — сельсовета. Здесь похороны Костромы проходят из года в год, участвуют в них люди разных возрастов и профессий, т. е. обрядовая традиция остается живой и хорошо вписывается в современный быт. Традиционный праздник дает людям повод для живого общения вне деловой и обычной обстановки, он позволяет каждому быть не только зрителем, но и активным участником, импровизатором, творцом, а традиция облегчает осуществление процесса творчества.

Похороны Костромы в Шутилове издавна устраиваются по улицам. Явление это, вероятно, местное и объясняется спецификой истории села.

¹² Там же, ед. хр. 11, № 1а. Запись В. Б. Греховой и Е. С. Соболевой.

¹³ Анфилов Н. Ярило: языческий праздник проводов весны в Нижегородской губернии. — НГВ, 1900, № 32.

¹⁴ Соколова В. К. Указ. раб., с. 252; Смирнов В. А., Смирнова Е. М. О русско-украинских фольклорных связях (по материалам, собранным в Ивановской области). — Фольклор народов РСФСР, IX: Уфа, 1982, с. 54.

¹⁵ Анфилов Н. Указ. раб.

¹⁶ ФА ГГУ, колл. 46, ед. хр. 10, № 216. Запись наблюдений И. А. Зубковой.

¹⁷ Встречается в Горьковской области и обратная картина: обычай исчез, но в памяти людей сохраняется его бывшее функциональное назначение («бегают, водой обливаются, когда дождя, вроде, нет»). См.: Новые поступления в фольклорный архив... № 477. Сеченовский р-н, с. Скрипино.

¹⁸ ФА ГГУ, колл. 45, ед. хр. 1, № 206.

¹⁹ Там же, колл. 46, ед. хр. 10, № 217. Запись наблюдений К. Е. Кореповой и И. А. Зубковой.

В прошлом оно принадлежало двум помещикам, имело два церковных прихода, и некоторая исторически сложившаяся обособленность «концов» сохраняется до сих пор. В 1983 г. «похороны» устраивались в центре села и на выезде из него, а в 1981 г.— даже в четырех местах. В июле 1983 г. в центре они были многолюдными и шумными, на выезде собрали меньше народу, и женщины-организаторы все время сетовали на это. По их мнению, праздник оказался менее многолюдным, чем всегда, потому что совпал со свадьбой, которая одновременно игралась на их улице.

Инициатива в организации «похорон» в Шутилове принадлежит пожилым женщинам²⁰. Они «рядят» Кострому, т. е. изготавливают чучело. Обычно в течение ряда лет этим занимаются одни и те же люди, в последние годы в одном конце М. В. Брызгалова (1909 г. рож.), в другом — Н. С. Титаева (1907 г. рожд.).

Антропоморфное чучело в рост человека делается из соломы, но, поскольку древняя связь соломы с аграрной магией уже забыта, ее теперь иногда заменяют травой или сеном. В солому вставляются палки — руки и ноги. Лицо раньше рисовали на белой тряпке, сейчас используют готовые новогодние маски старух.

Кострома в Шутилове всегда мыслится как старуха — «бабушка Строма». Ее одевают по-старушечьи в старый темный сарафан или кофту с юбкой, обувают в резиновые сапоги (раньше в лапти). На голову повязывают темный платок. Атрибутом, подчеркивающим старость, служит также клюка, которую вставляют ей в руку. Вполне возможно, что в Шутилове сохранился архаический тип образа. В большинстве известных описаний обряда нет сведений о возрасте Костромы. Там, где обряд разыгрывался в молодежной среде, ее могла изображать девушка или молодая женщина²¹, но в варианте из брянского села Дорожево Кострома — замужняя женщина²². В детской игре Кострома — девочка, но рядом с ней изображается мать²³. Вероятно, при переходе обряда в субстанцию детской игры произошло раздвоение традиционного образа Костромы-старухи. Следы архаической формы иногда прослеживаются в тексте песни, сопровождающей игру:

Кострома, Кострома!
Победная голова!
Состарилась...²⁴

В Шутилове архаические черты сохранились до сих пор и в структуре обряда. Если в большинстве русских локальных вариантов изображаются главным образом похороны Костромы, то здесь значительное место в обрядовом сюжете отводится событиям, предшествующим смерти. В этом отношении местный вариант ближе всего версии обряда из брянского села Дорожево²⁵. Много сходства у него и с сюжетом детской игровой песни о Костроме.

Во времена молодости теперешних исполнительниц, т. е. в 20—30-е годы, в Шутилове обряд разыгрывался в течение шести дней, причём

²⁰ Только пожилые женщины участвовали в «похоронах Костромы» в XIX в. в Сердобском уезде Саратовской губ. (см. *Соколова В. К.* Указ. раб., с. 218). На Украине игра в Коструба была девичьей или женской (см. *Зилинский О.* Указ. раб., с. 198—201). В некоторых местностях в детской игре в «Кострому» участвовали только девочки. См.: Этнографическое обозрение (в дальнейшем — ЭО), 1904, № 1, с. 119—120; ЭО, 1914, № 3—4, с. 181—184; Игры народов СССР. Сб. материалов, составленный Всеволодским-Гернгросс В. Н., Ковалевой В. С., Степановой Е. И. М.—Л., 1933, с. 309—310.

²¹ Великорусы в своих песнях, обрядах, обычаях... Материалы, собранные П. В. Шейном. Т. 1. Спб., 1898, с. 370.

²² Кулаковский Л. У истоков русской народной музыкальной культуры. Очерк второй: брянский хороводный спектакль «Кострома». — Сов. музыка, 1940, № 11.

²³ Покровский Е. А. Детские игры, преимущественно русские. М., 1887, № 198; Шингарев А. Детская игра «Кострома». — ЭО, 1900, № 1; Мелков А. Л. Некоторые детские игры в Курской губернии. — ЭО, 1914, № 3—4.

²⁴ Покровский Е. А. Указ. раб., с. 198.

²⁵ Кулаковский Л. Указ. раб.

большую часть времени, от вторника до воскресенья, чучело изображало живую Кострому, что, должно быть, имело когда-то существенное значение в общем смысле обряда. Сейчас эта, на наш взгляд, наиболее архаическая часть значительно сократилась во времени, но все действия по-прежнему разыгрываются. Чучело теперь делают в субботу утром и Кострому как живую сажают на лавку под окно дома. Все прохожие с поклоном здороваются с ней, спрашивают о здоровье, оказывают всяческие знаки почтения. Одновременно идут приготовления к поминкам: люди кладут в специальную коробочку, стоящую на скамье возле Костромы, мелкие деньги, а рядом с ней продукты для общей трапезы. Хозяйка дома тут же приглашает людей на поминки, которые состоятся в воскресенье. О поминальном угощении еще до смерти Костромы упоминается и в ряде детских песен из разных мест России²⁶, что может свидетельствовать об исконности данного мотива в структуре обряда.

Сцена болезни Костромы разыгрывалась в субботу вечером. Женщины, причитая, положили чучело на носилки и понесли в медпункт. Там в игру включилась медсестра. Она с серьезным видом осмотрела Кострому, прослушала стетоскопом и сообщила, что ничем уже помочь не может. Процессия двинулась обратно.

В структуре обряда сцена болезни кажется не совсем логичной: она должна бы предшествовать приготовлениям к поминкам. Создается впечатление, что она в обряде вторична и возникла, когда появилась потребность мотивировать смерть. Оказание почестей и приготовление к поминкам при живой Костроме — мотивы более ранние, по-видимому, они составляют архаическое ядро сюжета.

Похороны Костромы разыгрывались в воскресенье. Утром чучело уложили перед домом на лавку, теперь уже по-покойнически: сунули под голову сухую траву, руки сложили на груди, накрыли белым покрывалом. Опять поставили коробочку для подаваний на поминки. В другом конце села организаторы обряда вынесли из дома на улицу стол с поминальной едой, уже приготовленной хозяйкой из заранее собранных продуктов. Тут были пироги с творогом и яйцами, крашеные яйца, приготовленный квас и консервы, купленные на собранные деньги. Иногда женщины в субботу обходят дворы и таким образом собирают продукты, т. е. сохраняется архаическая форма организации общей трапезы.

Детям, подходящим посмотреть на Кострому, как на настоящих поминках, подавали яичко и конфету. Когда собрался народ, женщины обнесли всех хмельной «медовухой».

Подошедших фольклористов попытались сразу втянуть в игру: «У нас вот похороны. Бабушку нашу хороним. Вчера с веревочки сняли»²⁷.

Мотивировка смерти — самая импровизационная часть, наиболее открытая для вторжения современности в традиционную схему обряда. Версии в толпе выдвигались разнообразные, порой исключаящие одна другую. Мужчины говорили о самоубийстве. Они показывали фольклористам сук, на котором якобы Кострома повесилась, и кусок веревки от петли. По их словам старуха «совсем пропилась». Как известно, в некоторых региональных версиях Кострома изображается «гульливой»²⁸, но в Шутилове рассказ мужчин скорее всего — импровизация и был вызван стремлением к фарсовости.

У женщин преобладало почтительное отношение к Кострове, по-местному Строме. По их мнению, она умерла своей смертью. Иногда здесь разыгрывается освидетельствование трупа «врачом» и «милиционером», которые констатируют естественную смерть от старости. В интерпретации женщин Кострома — старуха, одиноко доживающая жизнь в деревне.

Тема взаимоотношений родителей и взрослых детей, глубоко волнующая сейчас пожилых женщин, все время врывается в игру. Кто-то гово-

²⁶ На это обратил внимание О. Зилинский (указ. раб., с. 209).

²⁷ ФА ГГУ, колл. 46, ед. хр. 10, № 216.

²⁸ Д. К. Зеленин придавал особое значение этому, видя в Костроме заложного покойника (см. Зеленин Д. К. К вопросу о русалках, с. 417).

рил, что «бабушка из-за сына умерла: он у нее денег на машину требовал, она не дала»²⁹. По словам других, у нее дочь три тысячи на кооперативную квартиру требовала. Женщины спрашивали друг у друга, подали ли телеграммы детям Костромы, которые работают на Севере, рассуждали, успеют ли они прилететь к похоронам, говорили о сыне-солдате. В то же время в причитаниях чаще упоминали о безродности и безбрачии Костромы:

В девчонках весь век прожила
Соломинки не видала...³⁰

А когда мимо проезжал в машине председатель сельсовета, женщины преградили ему путь и начали упрекать, что колхоз и сельсовет плохо о стариках заботятся, «безродную старуху похоронить не могут». На это председатель, приняв игру, совершенно серьезно ответил: «Оформляйте счет, подпишу».

Время от времени кто-нибудь садился на скамью рядом с Костромой и начинал причитать:

Ах ты наша милая бабушка,
Бабушка ты наша хорошая,
На кого же ты нас оставила,
Сироты мы горемычные³¹.

В Шутилове нет обрядовых песен, связанных с похоронами Костромы, и та информация о событиях, предшествующих смерти, которая в детской игре содержится в песенном тексте, здесь сообщается в причитаниях:

Ткала она, пряла,
Чулочки всем вязала...³²
Ходила ты детей лечила,
Кто их теперь лечить будет?³³

В разговорах Кострому называли «старухой-повитухой», говорили также, что «она детей крестила».

Если ткачество и прядение как занятия Костромы упоминаются в ряде русских вариантов, причем удаленных друг от друга территориально³⁴, то осмысление Костромы как повивальной бабки встречается лишь в узком ареале Горьковской области, охватывающем ряд селений по р. Алатырь³⁵. Возможно, характеристика Костромы как повитухи появилась в результате переосмысления мотива «Кострома-кума»³⁶, где слово «кума» первоначально могло означать «родственница, представительница определенной половозрастной группы».

Плач по Костроме постоянно прерывался смехом. Комический эффект создавало включение в текст бытовых деталей, необычных для ритуального текста, стоящих вне эстетики жанра и потому звучащих сниженно. При этом комическое начало исходило в основном из толпы, откуда раздавались реплики, комментировавшие или дополнявшие голошеие солистки.

Фарсовый характер обряду придавали и ряженые: «врач», «сын» Костромы, ее «сестра», «милиционер», «поп». Сына-солдата изображал в этот раз молодой мужчина, но, по рассказам жителей, сыном чаще переодевается кто-либо из женщин, соответственно сестрой или дочерью—

²⁹ ФА ГГУ, колл. 46, ед. хр. 10, № 216.

³⁰ Там же, № 218.

³¹ Там же, № 217.

³² Там же, № 218.

³³ Там же, № 217.

³⁴ Зилинский О. Указ. раб., с. 209.

³⁵ В. д. Бутская, рядом с Шутиловым, Кострому называют «бабушкой Варварой» (ФА ГГУ, колл. 45, ед. хр. 5, № 71). Возможно, здесь произошло смысловое сближение Костромы и св. Варвары, которой в народе также приписывались функции повивальной бабки. См.: Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков. (Очерки по истории народных верований.— Труды Ин-та этнографии АН СССР. М., 1957, т. XL, с. 42).

³⁶ Игры народов СССР..., с. 310, № 705;

что-либо из мужчин, т. е. травестизм, обычный для обрядового ряжения, еще сохраняется, хотя строго не выдерживается.

Около трех часов, когда собралось много народу, чучело переложили на носилки. По традиции, Кострому должны нести девочки или девушки. В этот раз в одном конце села, соблюдая обычай, носилки дали девочкам, а когда они уставали, их подменяли девушки, в другом конце — девочки и мальчики лет 7—9.

Обычно процессию возглавляет «поп», который «кадит» камнем. В последние годы его играл начальник местного отделения почты, мужчина средних лет. В этот раз он не смог принять участия в игре, о чем все сожалели.

На улице, ведущей к ржаному полю, обе процессии слились, и оба чучела понесли рядом. Из домов выходили люди всех возрастов, вливались в толпу. Собралось более ста человек. Играла гармошка, слышались притворный плач и веселое пение плясовых песен, шутки и смех. В поле чучело разодрали, солому разбросали, а одежду и маски сложили в мешок, чтобы сохранить до следующего года. Сразу после похорон прямо на улице, у домов, где лежали раньше чучела, начались общие поминки — обычное деревенское гуляние с закуской, плясками, песнями.

Похороны Костромы в Шутилове дополняются вождением кобылы. «Кобылу» «рядят» всегда мужчины: двое держат деревянный остов, на них накидывают «торпище» — домотканый полог, из-под него высовывают на палке лошадиный череп. «Кобыла» пугает детей, лягает девушек, падает, ее продают и т. п. К ночи ее, как и Кострому, провожают в поле, обязательно в ржаное. Этим заканчиваются проводы весны.

Присутствие в одной локальной традиции одновременно похорон Костромы и проводов коня (русалки) несколько необычно. По мнению некоторых исследователей, оба обряда — лишь локальные разновидности единого комплекса. Так, В. А. Смирнов, добавляя к ним еще похороны Ярилы и крещение кукушки, писал обо всех: «...эти обряды являются локальными вариантами бывших древнеязыческих русалий, молений о дожде. Разные местности дают нам различные способы проведения обряда»³⁷.

Действительно, в структуре всех названных обрядов много общего. Они состоят из «одинаковых слагаемых»³⁸, но при этом каждый обрядовый комплекс сохранял вплоть до последних дней своего бытования специфику и отличался по составу участников, атрибутам объекта похорон и т. п.³⁹ Поэтому на современном этапе развития науки, когда в общем плане выяснены исторические корни отдельных мотивов-слагаемых, важно сосредоточить внимание на изучении специфики каждого комплекса, истории формирования каждого обрядового сюжета. В решении этих вопросов могут помочь современные записи, а также наблюдения за обрядами, дожившими до наших дней.

³⁷ Смирнов В. А. Обряд «крещения и похорон кукушки». — Русский фольклор, XX. Фольклор и историческая действительность. Л., 1981, с. 69.

³⁸ Пропп В. Русские аграрные праздники (Опыт историко-этнографического исследования). Л.: Изд-во ЛГУ, 1963, с. 12.

³⁹ Своеобразие обряда «крещения и похорон кукушки» в общем цикле обрядов «похорон» убедительно раскрыл недавно Т. А. Бернштам. См.: Бернштам Т. А. Обряд «крещения и похорон кукушки». — Сб. МАЭ, т. XXXVII. Л.: Наука, 1981, с. 179—201.

КУЛЬТОВЫЕ ОБЪЕКТЫ ФЕРГАНЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ОРОШАЕМОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

История развития земледелия в Узбекистане, в частности в Ферганской долине, — проблема, достаточно разработанная в отечественной историографии¹. Весьма обширен и круг источников, в основном археологических и письменных, привлекаемых для ее исследования. Это не исключает, однако, поиска и использования новых материалов, прежде всего этнографических и ономастических. Существенно расширяет наши представления об изучаемой проблеме и такой интересный источник как культовые традиции.

Исследовавшие автором культовые объекты располагались в долинах рек от истоков до устья, т. е. в горах, предгорьях и на равнинах в районах с различными природными и хозяйственными условиями. Многие мусульманские «святыни» и кладбища при них отмечены. Фергане уже в эпоху Саманидов, т. е. в IX—X вв., и, как правило, в местах, где происходило отправление домусульманских культов. Традиционно в истоках рек население Ферганской долины выделяло семь наиболее значительных «святых» мест, известных даже за пределами Ферганы. Одной из наиболее почитаемых была «святыня» Оша, древнейшего из городов Ферганской долины. Происхождение и название г. Оша народная легенда связывает с первым земледельцем Адамом, который якобы довел до этого места свою первую борозду и произнес слова: «Ош, хош»². Вокруг Оша все считалось «священным», а потоки и целебным: земля, пыль, горы, вода, растения. Паломники, посещавшие, например, находившуюся вблизи гору Сулеймантау, прикасались к камням и земле руками, а затем проводили ими по лицу; воду и землю они уносили с собой.

Вторым по значению культовым центром считались «священный Джелалабад и его окрестности, где было много целебных водных источников. Возникновение этого города связывалось с именами пророков Айюба и Сулеймана. Третий центр находился к западу от Джелалабада и Оша, в горах, у истока р. Араван, недалеко от одноименного селения здесь, согласно поверьям, имелись следы пребывания четвертого халифа — Хазрат Али, зятя Мухаммеда. С Али связывались и целебные источники, и мазар Дульдутьота. С ним соотносили и четвертую «святыню», расположенную на берегах Карадарьи, выше селения Кампирават. В истоках таких крупных рек южной окраины Ферганы, как Исфайрам и Шахимардан, были известны еще две «святыни». По местному преданию, Али боролся с неверными около селений Хайдаркан и Кадамджой, в названиях которых сохранилась память об Али (хайдар — «лев», кадамджой — «место следа»). Другим, особо почитавшимся центром культа «святых» была «гробница» Али в сел. Шахимардан. Само это название отражало почетный эпитет Али — «царь мужей, богат

¹ См., например: Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. — В кн.: Сочинения. Т. III. М.: Наука, 1965, с. 5—31; его же. История культурной жизни Туркестана. В кн.: Сочинения. Т. II. Ч. 1. М.: Изд-во вост. лит., 1963, с. 1—66; Батраков В. С. Характерные черты сельского хозяйства Ферганской долины в период Кокандского ханства. — В кн.: Тр. Среднеаз. гос. ун-та. Вып. II. Ташкент: Изд-во САГУ, 1955; Андреев М. С. Таджики долины Хуф. Вып. I. Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1953, с. 8; Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памира. Алая. — В кн.: Материалы и исследования по археологии СССР. № 26. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1952; Миддендорф А. Очерки Ферганской долины. СПб., 1872.

² Бернштам А. Н. Древняя Фергана. Ташкент, 1951. Памятуя доброе отношение земледельца Адама к волам, ферганские крестьяне считали большим грехом грубое обращение с этими животными. Во время пахоты, когда волов погоняли, их называли ласковыми словами, например «джанувар» — «имеющий душу».

рей»³. Согласно легенде, сражаясь с «неверными», а по другой версии — с дземами, покровителями «неверных», именно в этом месте Али якобы погиб в неравном бою. Приходившие сюда паломники приносили жертвы около оз. Курбанкуль («озеро жертвы») и в самом кишлаке, у слияния рек Карасу и Аксу, неподалеку от «могилы» Али.

У западной границы Ферганской долины, в горах, на р. Сох, находилась седьмая «святыня» — мазар Йигит-Али-пирим, также связанная с Хазратом Али. В ее названии отразилось представление об Али как о покровителе молодых мужчин — «йигитлар пири». К этому мазару в течение всего года, особенно перед окончанием праздничных гуляний («сайль»), приходили молодые и средних лет мужчины и приносили жертвы в честь «его преподобия» (Хазрат) Али. Паломники наполняли свои сосуды водой из Соха и его притоков, на которых находились «святыни», брали немного земли и по возвращении домой обсыпали ею мальчиков. Создается впечатление, что именно в этих местах Ферганы, на ее южной, горной окраине, Хазрат Али пользовался особым почитанием. Во время провеивания зерна в этих же районах крестьяне обращались именно к Али («О, мир Хайдар!») с просьбой послать им ветер.

К названным культовым объектам паломники приходили не только из Ферганской долины, но также из Ташкентского оазиса, Зеравшанской долины, низовьев Сырдарьи. Жители Ферганы считали, что человек обязан посетить эти семь «святых мест» в течение жизни не менее семи раз. Большинство же паломников приезжало в эти места один-два раза в жизни. При этом в течение одной поездки, занимавшей в зависимости от разных обстоятельств полтора-два месяца, состоятельные люди имели возможность увидеть все семь «святых мест». Первый раз человека привозили к «святыням» еще ребенком, причем к захоронению того «святого», которому посвящались его волосы. Одно из последних посещений приурочивалось к 63 годам — возрасту пророка.

Култ «святых» повсеместно был обусловлен верой в их чудодейственную силу, способность предотвращать несчастья, наделять людей благополучием, исцелять от болезней. Например, закалывая жертвенное животное на берегу водных источников, стремились, чтобы кровь стекала в воду. При этом каждый из участников жертвоприношения молился прежде всего о том, чтобы вода не иссякала, была обильной, и лишь затем перечислял другие свои просьбы. Жертву посвящали тому «святому», у мазара которого было убито животное.

Кроме упомянутых крупных культовых мест значительные объекты поклонения имелись в начале оросительных магистралей, выведенных из Соха, Исфайрама, Карадарьи и т. д. Священные захоронения на кладбищах этих мест окрестные жители связывали с реальными лицами из группы, носившей чаще всего название «ходжа». Многочисленные потомки их проживали в крупных селениях данной водной системы и в городах.

По преданию, на земли сел. Вуадиль (оно расположено в начале первых отводов из р. Шахимардан, на каналах Арабтепасай и Маргелансай) первые каналы провели «святые» Абдували Ходжа и Чинор-ота и сначала посадили здесь сад. Верующие считали, что эти «святые» распоряжались водой р. Шахимардан; они могли увеличить или уменьшить и даже остановить приток воды. Поэтому их могилы и почитались земледельцами всей водной системы Шахимардан. Так как мазары названных «святых» находились на путях к горным кишлакам, в скотоводческие районы или к перевалам, они привлекали внимание всех путников, особенно пастухов, осенью пригонявших скот в долину. Мимо этих мазаров полагалось проходить только пешком, произнося при этом: «Да озарится светом его могила..., да соберет он воду в единый поток

³ Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана, с. 134; его же. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — В кн.: Сочинения. Т. 1. М.: Изд-во вост. лит., 1963, с. 213—217; Масальский В. И. Туркестанский край. Россия. Т. XIX. СПб., 1913, с. 707, 713; Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 1. СПб., 1869, с. 663.

и ниспошлет нам божью благодать!» Здесь же приносили жертву, чаще всего барана.

На кладбище сел. Сарыкурбан, рядом с которым начинаются первые магистрали из р. Соха — Нурсук и Риштан, имеется мавзолей широко известного «святого» Гаусал Агзама (также из среды «ходжа»). Крестьяне считали его «хозяином» сохской воды. «Хозяином» же карадарьинских каналов Андижансай, Шарихансай был «святой» Кампыр-рават ходжа. И здесь эти «святые» — «хозяева» воды, по представлениям местных жителей, регулировали поступление и режим воды, определявшие особенности земледелия в каждой водной системе. Им и приносили жертвы. До Великой Октябрьской социалистической революции выборные представители водной администрации один раз в году собирали со всех жителей средства на приобретение животных для жертвоприношений у мазаров, расположенных в истоках первых магистральных каналов. Жертвы «святым», от которых якобы зависел оптимальный водный режим в течение всего цикла развития сельскохозяйственных культур, начинали приносить с поздней весны или начала лета, т. е. перед наступлением первого паводка («саратон су»), имевшего большое значение для урожая, его количества и качества. Поэтому, несмотря на обременительность расходов, крестьяне участвовали во всех таких действиях. В качестве жертвы закалывали любое животное, как говорили, «лишь бы выпустить кровь». Обычно резали овцу. Однако если вода приходила на поля слишком поздно или ее было очень мало, то в западной части Ферганской долины, особенно в Сохском бассейне, предпочитали закалывать козу, резвость которой, согласно поверью, способствовала появлению бурного потока. В восточной части долины при длительной задержке воды вместо обычного барана резали верблюда как символ изобилия. Если же воды было слишком много, полагалось приносить жертвы тем же «святым», но запрещалось заклание «неспокойной» скотины. На мазарах, расположенных у начала магистралей, как и на всех других крупных «святынях», обязательно отводились места для приготовления ритуальной пищи; здесь же хранилась и специальная посуда. Рядом жили смотрители мазаров — шейхи (ходжа), считавшиеся потомками захороненного в этом месте «святого». Участниками обряда жертвоприношения на мазарах были, как правило, представители водной администрации, значительная часть которых принадлежала к тем же ходжам, а также известные в данном районе почтенные люди.

Не менее интересны «святыни», сосредоточенные в самых низовьях водных бассейнов, — «дайровод» или «корадайровод» и на хакобных землях. Здесь оканчивались самые крупные магистральные каналы, сохранявшие на всем своем протяжении одно и то же название. В системе Шахимардансая и Исфайрамсая особо почитаемые населением «святыни» находились на концах магистральных каналов. Из многочисленных магистральных каналов, по словам местных жителей, нужно выделять здесь следующие семь наиболее значительных: Хангиз, Чимион, Арсиф, Файзабад, Ярмазар, Садкак, Найман. В конце этих каналов, в окрестностях одноименных селений, находились и семь «святынь», где, по преданиям, погребены семь братьев и одна сестра — Буви-она. Около этих «святынь» сложились большие кладбища.

В наше время многие традиционные представления местным населением утрачены. Информаторы, в частности, не знают всех семи «святынь». Например, в нижней и средней частях Сохского бассейна старожилы называют лишь пять кишлаков, связанных с крупными сохскими «святынями».

Могила сестры указывали на кладбище сел. Бувайда (в соседних селениях имя этой «святой» произносили как Хувиона или Хувайда). Могила самого старшего из братьев, Ходжа Турапа, который по преданию был военачальником, расположена на кладбище кишлака Найман. Жители кишлака Мазар считали, что на их кладбище похоронен «святой» Султан Баяз, второй брат; по словам стариков, он служил конюхом у крупного арабского военачальника (по преданиям, возможно

даже у самого Кутейбы). Третий брат, имя которого уже забыто, был якобы сборщиком налога («баджир»). Возможно, именно он и захоронен в кишлаке Бачкир. Помимо этих, очевидно, реальных лиц в легендах отразилось немало мифических элементов, связанных с древнеанимистическими представлениями. По рассказам старых мирабов и крестьян, Ходжа Турап ежегодно являлся к ним при наступлении весеннего паводка, связанного с «оживлением» этого «святого». Весной он будто бы отправлялся с низовьев бассейна к его верховьям, на Сох-сай. Здесь он встречался с другим «святым», Хызром, с которым также связывались существование и режим р. Сох, и принимал у него воду, приведенную тем с гор. По бытовавшим в Сохском бассейне поверьям, с окончанием 90-дневного зимнего периода («токсан») пророк Хызр направлялся с низин, от Коканд-сая, где терялась р. Сох, в ее верховья, в горную теснину, и прибывал туда ко времени летнего паводка («киргин»). Здесь он будто бы предотвращал угрозу водного потопа, распределяя воду пятью растопыренными пальцами по пяти рукавам. В этом ему помогал в горах Хазрат Али — покровитель мужчин. Наступление летнего паводка воспринималось крестьянами как встреча Хызра и Али. Местные жители считали также, что Хызр снова соединял пять рукавов р. Сох в один поток у Сарыкургана, т. е. там, где начинается ровный и спокойный рельеф, и доводил воду до присырдарьинских хакобов и песков, после чего исчезал. Существовала поговорка: «Пока Ходжа Турап не пойдет за водой навстречу Хызру, паводок в Сохе не наступит».

В Ферганской долине, особенно в районах Сохской и Исфайрамско-Шахимарданской систем, можно найти немало мест, где сохранилась вера в «святого» Хызра. Некоторые исследователи усматривают связь этого образа с древними представлениями об умирающем и воскресающем божестве. Появляясь неожиданно в самых различных видах во всякое время года, Хызр, по поверьям, оказывал людям помощь, принося им благодать. Желанием встретиться с ним объясняли обычай рано вставать, а также долго оставлять дверь во двор открытой. Он постоянно странствовал, нигде не останавливаясь надолго и постоянно проявляя свою чудесную силу. Так, рассказывали, что по пути следования Хызра от сел. Ташлак до Яккатута (по дороге Маргелан — Кува) от удара его посоха в семи местах забили родники и выросли деревья: чинар, тут, туг, карагач. В этих местах, которые стали считаться «святыми», селились люди и начинали заниматься земледелием. По мере расширения поселений «священные» деревья частично оказывались внутри их территории или вблизи от них, причем нередко — именно на кладбищах. Под «священными» деревьями по определенным дням зажигали лучины, обмотанные ватой и пропитанные маслом; огонь посвящался душам умерших предков. Здесь же устраивались парикмахеры; считалось, что «священное» дерево якобы предотвращало порчу, которую через остриженные волосы можно было нанести на человека. При первом и последнем поливах зерновых культур воду пускали в первую очередь под «святые» деревья или хотя бы выливали в бороздки, выкопанную вокруг них, ведра два воды. В последний день старого года и в первый день нового жители кишлаков приходили с детьми к своим «священным» родникам и совершали омовение.

К сохским семи «святыням» каждую осень стекались земледельцы, ремесленники, торговцы и скотоводы всего Сохского бассейна. По словам старых мирабов, они шли сюда на праздник земледельцев-водопользователей «обхур дехканлар сайил», известный также и как праздник дынь — «кавун сайль»⁴. В Сохском бассейне большие народные

⁴ Еще в начале XX в. в разных местах Средней Азии устраивались народные гулянья «сайль», приуроченные к тем или иным событиям. Все они проводились в местах, имевших культовое значение. Наибольшей известностью пользовались новогодние гулянья, которые назывались в Самарканде «афраснаб сайль», в предгорных и горных окраинах Ферганской долины и в Нурате — «лола (или кизил гуль) сайль», «шуроз сайль». Жители же долинных частей Ферганы, особенно низовьев водных бас-

гуляния, связанные с созревaniem урожая (в данном случае дынь), происходили в конце августа — начале сентября и должны были по традиции продолжаться семь дней. Но, как правило, праздник длился 11—13 дней. За этот срок полагалось посетить все семь мазаров и принести жертву на каждом из них. При этом время пребывания на тех или иных мазарах обычно зависело от значимости «святыни». Наибольшее внимание уделяли мазару Ходжа Турапа, расположенному у конца магистрального канала Найман (недалеко от северо-западной окраины г. Коканда), и мазару Султан Баяза, находившемуся в конце канала Картан (около сел. Мазар). От одного из этих мазаров люди начинали свое путешествие по местам поклонения или завершали здесь свой путь, останавливаясь у «святыни» на более длительный срок.

Обычно к мазарам не ходили в одиночку. Как и при любом путешествии или поездке в гости, собирались группы односельчан, к которым могли присоединиться также родственники и знакомые из других кишлаков. При этом полагалось, чтобы группы, направлявшиеся на каву сайль к мазарам в низовьях Соха, включали не менее семи человек. Состав же групп определялся связями, которые возникали в общине в течение земледельческого года между людьми, постоянно оказывавшими друг другу трудовую и материальную помощь.

Согласно давней традиции, верующие шли сначала к месту захоронения «святого», затем обходили различные его «следы», собирая травы, камни, наполняя свои сосуды водой; потом резали жертвенное животное и съедали его мясо. Эти ритуалы соблюдались и на упоминаемых семи мазарах в низовьях сохских оросительных магистралей. Однако следует отметить и некоторые специфические обряды, характерные только для низовьев сохских магистральных каналов. Здесь паломники должны были в первую очередь посетить находящиеся поблизости от мазаров открытые безводные возвышенности, где земледельцы могли возделывать растения лишь в расчете на дождь, или низинные поля, питаемые грунтовыми водами, т. е. хакобные земли. Такие земли пользовались особым почитанием паломников, и они обходили их по несколько раз, касаясь почвы руками, которыми затем проводили по лицу. При этом полагалось восхвалять окрестности мазаров, где якобы все лучше: ветер здоровее и мягче, и солнце не так обжигает. И действительно в конце лета — начале осени в низовьях Соха устанавливалась наиболее благоприятная погода. Со спадом летнего паводка поливы здесь сокращались, а следовательно, уменьшались и испарения, воздух становился суше, западные ветры затихали. Несмотря на все еще сильную жару в тени уже было относительно прохладно, особенно к вечеру. Почитание неполивных земель верующие объясняли тем, что они якобы были отмечены «божьей силой», в связи с чем и растения на них произрастали без особого труда человека.

На низинных участках почва была рыхлой вследствие большой примеси песка, а ее плодородие постоянно восстанавливалось паводками; главное, высоким уровнем грунтовых вод. Все это вполне обеспечивало растения влагой в течение всего периода вегетации. Дыни, выращенные в этих местах, были необыкновенно вкусны. Почвы же тех возсохших земель, где возделывали лишь неполивную пшеницу, не уплотнились искусственным орошением и поэтому оставались относительно мягкими; их вспахивали неглубоко и лишь один раз (после посева, чтобы закрыть семена землей). Плодородие же поддерживалось за счет прироста залежной системы. Как видим, в низовьях Сохской системы осо-

сейнов, отрицают существование в прошлом здесь весенних гуляний, утверждая, что весной сайли устраивали лишь в таджикских районах. Узбеки отмечали наступление весны скромно и в пределах своих общин. В эти дни местные жители обязательно омылись в «священных» родниках селений. Мужчины устраивали общественные тазы — «дарвишона» в общинных мечетях или на кладбищах, используя при этом общественные котлы и другую посуду. Женщины, собравшись в доме, где должна была состояться трапеза, вскладчину варили мучной кисель на солоде — «сумалак»; готовили его в каждом доме по очереди.

лчитались земли, обработка которых, действительно, не требовала большого труда; поэтому здесь сохранились облегченные формы хозяйственной деятельности.

Осенние сохские праздники способствовали оживлению торговли. В селениях, ближайших от популярных мазаров, устраивались еженедельные торги. Во время праздников здесь открывались ярмарки. Самым крупным торговым центром был г. Коканд, выросший рядом с наиболее известным мазаром Ходжа Турапа. Бувайда со своим базаром также располагался недалеко от популярного мазара Буви-она. Совсем близко от этих мест возник крупный торговый центр Янги-курбан. Такое совпадение пунктов паломничества и торговых центров в Ферганской долине неслучайно. Использование мусульманской религией старых культовых мест, связанных с торговыми селениями, отмечено исследователями в более раннее время в других районах, в частности в Зеравшанской долине⁵.

Остановимся на традиционных воззрениях населения, связанных с различными оросительными каналами. Местные земледельцы, как и старые мирабы, считали, что есть два типа сохских каналов (общее число их доходило до 100). К первому типу относили крупные, многоводные каналы, на всем протяжении имеющие одно и то же название, которое совпадало с названием кишлака в самом конце магистрали (Риштан, Кенегез, Найман, Хан, Картан, Задийн). Эти каналы сосредоточивались в основном на юго-восточной окраине Сохской оросительной системы и доходили до солончаково-песчаной пустыни. Их считали наиболее древними и глубокими. Ко второму типу, по словам стариков более позднего, причисляли каналы, имевшие двойные наименования. В средней части канала этого рода располагалось селение, название которого совпадало с названием его верхней половины; в конце канала было другое селение, одноименное с названием его нижней части. Некоторые каналы второго типа выведены непосредственно из Сохсай; другие же представляют собой отводы крупных каналов, в свою очередь служивших магистралями для более мелких. Все они, обычно более короткие, не доходят до периферии Сохской системы и орошают район галечниковых сероземов с наклонной поверхностью и глубоким залеганием подпочвенных вод. Район их распространения примерно соответствует средней части Сохского оросительного веера.

Древность некоторых протяженных и многоводных каналов с единым названием население обосновывало также обилием здесь «священных» мест, почитаемых деревьев (джигда-лох янгок — дерево грецкого ореха, тут, карагач, чинар), больших камней причудливой формы, даже оврагов и пустырей, где по народным поверьям, случались вихри, а также слышались непонятные завывания. В каждой водной системе были одна-две подобные магистрали: в Исфайрамской системе — Язъявансай, в Шахмарданской — Маргелансай и его продолжение Пинниканарык, в Сохской — Кокандсай. Ирригаторы и местные жители относят теперь эти каналы к запасным, водосбросным и считают их как бы продолжением естественного русла рек. Вероятно, именно поэтому их нередко называют «сай», а не «арык». Среди населения существовало особое отношение к ним. Приближаясь к каналам, где находились почитаемые объекты, или проезжая через них, люди обязательно произносили молитву и проводили по лицу руками (даже если поблизости не было ни кладбищ, ни «святых» могил); сами каналы старались пересечь пешком. Вода здесь считалась опасной («одами уруш мумкин» — «человека может ударить», т. е. повредить) и в то же время благодатной («баракали»), особенно полезной для посевов, хотя источником являлась одна и та же река — Сох, Исфайрам и т. д.

Вдоль каналов второго типа, т. е. имевших два разных названия, значительных «святых» мест было мало. Расположенные здесь могилы

⁵ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана, с. 21, 213—217; Смирнова О. И. Очерки истории Согда. М.: Наука, 1970, с. 139—155.

«святых» пользовались известностью у жителей ограниченного круга селений. Считалось, что это захоронения известных людей, память о которых сохранялась среди местных жителей. Вдоль мелких каналов, проведенных сравнительно поздно, объектами поклонения служили не «святыни», а места для жертвоприношений («курбон-джой», «курбон-гох»).

Изложенные материалы позволяют нам сделать некоторые предположения. Так, вырисовывается взаимосвязь между характером и степенью почитания «святынь» и древностью канала, кишлака, давностью освоения данной территории и развития на ней орошаемого земледелия. Около самых древних из упомянутых каналов располагались и наиболее известные «святыни». Крупные культовые объекты, расположенные в горах, по течению рек, обеспечивавших орошение земель и в долине, связаны с мифическими персонажами или ставшими легендарными историческими лицами, жившими в глубокой древности. Почитаемые «святыне», чьи «могилы» или «следы» пребывания были окружены особым поклонением, не сохранили связи с какими-то определенными слоями населения и служили объектами всеобщего поклонения.

В долине наиболее древней областью освоения были самые низовья р. Сох, земли ляльми и хакоб, где возделывание растений осуществлялось без искусственного орошения. Разливавшаяся вода реки использовалась вначале лишь для примитивных способов орошения. Как мы видели, в долине, в местах почитания особенно значительных «святынь», т. е. в низовьях рек и наиболее крупных древних магистралей, главными объектами в ритуалах поклонения «святым» выступали земля (возделывание последней не представляло больших трудностей благодаря грунтовым водам и атмосферным осадкам) и выращиваемые на ней культуры (дыни, пшеница). Здесь в сочетании с культом мусульманских «святынь» еще живо сохранились пережитки древних анимистических представлений.

Дальнейшее освоение земель шло к верховьям рек и сопровождалось осложнением оросительных систем и самих приемов земледелия. В этой средней части Сохского бассейна и культовые места, связанные чаще с короткими каналами, были более позднего происхождения. Еще сохранялись весьма близкие и реальные связи между похороненными здесь «святыми» и определенной группой местного населения; все они обычно причислялись к ходжам (известны также под названиями «тура», «саид», «зодиён» и т. д.).

Последовательность освоения различных частей речных бассейнов Ферганской долины подтверждается, на наш взгляд, материалами о погребальных традициях населения. Мазары, завершающие крупные магистральные каналы Соха или отдельные их части, обычно служили средоточием кладбищ, причем кладбища вокруг широко известных «святынь» принадлежали многим селениям, расположенным в окрестностях данного мазара, в радиусе до 10—15 км. Кладбищем мазара Ходжа Турапа пользовались ближайшие 40 селений; «святыни» Шахмарданско-Исфайрамской системы зачастую служили центром кладбища, общего для 10 селений. Обычно называется 24 селения, цифра, характерная для местного традиционного фольклора. Число селений четко выявлялось в дни жертвоприношений, связанных с поминанием усопших, коллективных жертвоприношений во время «сайлов» и «дарвишона». В этих случаях по обычаю жители окрестных селений доставляли по одному из своих общинных котлов на мазары и здесь устраивали ритуальную трапезу. Число шкур жертвенных животных также соответствовало числу селений, пользовавшихся данным кладбищем⁶. Эта

⁶ В настоящее время на таких крупных кладбищах хоронят лишь глубоких стариков, когда, по местным обычаям, траур превращается в веселье («марака туйга ай-ланди»), или уважаемых в обществе людей. Свое пожелание быть похороненным на старом общем кладбище, среди могил своих родственников, они изъявляли в общественных местах, на собраниях. Здесь хоронят также и тех ходжей, которые генеалогически связывают себя с покоящимися в мазаре «святыми». Эта традиция особенно чет-

традиция соблюдалась весьма строго вплоть до конца прошлого столетия. Еще лет 100—200 тому назад в большинстве селений нижней части бассейна отсутствовали места захоронений людей старшего возраста в 9 из 10, в 23 из 24 и в 39 из 40 селений. По словам стариков, при таких селениях имелись только детские кладбища «чака (чакалак) мазар», или «куинди». Сначала здесь хоронили лишь младенцев, умерших до достижения ими сорокодневья. Затем постепенно возраст погребавшихся «безгрешных» детей увеличили до 9 для девочек и 12 лет для мальчиков. Детские кладбища не служили объектами поклонения. Сюда приходили лишь родители и близкие родственники умерших. Для посещения таких кладбищ, как и любых других, существовали специальные дни: канун нового года, праздники жертвоприношения и окончания поста, день поминания душ умерших.

Иначе обстояло дело в средней части Сохской системы, где условия для земледелия были менее благоприятны и, главное, более сложны. Водных магистралей было мало, к тому же они неразветвленные и короткие. Селения, обычно мелкие, были удалены друг от друга. Здесь не встречаются и крупные общие кладбища, подобные кладбищам в низовьях. В обследованных нами районах, например в округах Яйпана, Задиёна и др., на общих кладбищах хоронили умерших только из четырех окрестных селений, и они имели лишь местное значение. «Святые» же, захороненные здесь, как уже упоминалось, были реальными лицами, хорошо известными населению, и их потомки в окрестностях немногочисленны.

Рядом с некоторыми крупными селениями встречается несколько кладбищ — по числу проживающих в кишлаке семейно-родственных групп, или кварталов⁷. Так, в таджикском селении Бурбалык насчитывалось четыре кладбища, что соответствовало числу и названиям его кварталов: Юкори мазар, Кабристони махалла и Паст (или Куи), Миён (или Рохи Катпут) и Богот. В сартском селении Кургантепа (недалеко от сел. Чимиён) также было несколько кладбищ. Они отражали число и названия семейно-родственных групп старых жителей (Ахмадбуо уруги, Мирзакарим уруги, Бойлар тупи, Элликбоши тупи, Шолар тупи) и этническую принадлежность поздних переселенцев (кипчок-чуулдок, араб, мазанг). Здесь, как и всюду, место захоронения ходжей выделялось особо. На отдельных детских кладбищах, если таковые имелись, хоронили детей обоего пола, умерших до 9—12 лет, или только девочек. Жители средней части Сохского бассейна считали, что появление детских кладбищ предшествовало образованию особого кладбища того или иного селения.

Создание новых кладбищ здесь также шло от низовьев ирригационной системы к ее верховьям. Население указывало следующие причины их образования: дальность расстояния сел переселенцев от родовых кладбищ, большое число людей, переселившихся в эти места из разных районов, необходимость поддерживать связь с предками на новом месте. Кладбища около новых, поздних селений обычно основывали первые поселенцы, а люди, обосновавшиеся здесь позднее, еще некоторое время продолжали хоронить родственников на кладбищах тех мест, откуда они были родом. Мы видим, что появление новых кладбищ шло с низовьев каналов к их истокам. Это направление также отражало ход освоения земель.

ко сохраняется на кладбищах тех селений, земли которых орошаются из каналов, считающихся продолжением самой реки, т. е. естественных, а потому и древнейших источников воды. Одним из признаков таких каналов является сохранение в их названиях слова «сай», хотя имеются названия и без этого слова: Кокан-сай, Язъявон-сай, Пиникан и т. д. Термин «заур» также указывает на древность канала.

⁷ В сел. Чадак отмечен весьма необычный и сложный принцип выбора мест для захоронения умершего. Здесь, как и всюду, учитывается принадлежность покойного к той или иной семейно-родственной группе, ведущей счет происхождения по мужской линии. Кроме того, имели значение также наличие на кладбище крупной «святыни», принадлежность к родственной группе по женской линии, возраст покойного. Значимость этих факторов в разных кварталах оказалась неодинаковой.

Наши выводы о развитии земледелия и ирригации, сделанные на основе этнографических материалов, в известной мере подтверждаются археологическими исследованиями, проведенными в Ферганской долине (без горных районов), в частности в той же Сохской системе. Б. А. Латынин в результате многолетнего изучения истории орошения разных частей Ферганы намечает этапы развития ирригации, определяя и их хронологические рамки⁸. Он считает, что наиболее примитивная первичная форма земледелия сложилась в низинах, в заболоченных теперь речных поймах, т. е. в «корадайровых» на хакобных землях; здесь применялись лиманный и каирный способы орошения. Участки орошали естественным разливом потоков и использовали сезонно. Второй период развития ирригации и земледелия Б. А. Латынин характеризует началом освоения небольших оросительных систем с искусственным водосбором на нижней окраине предгорий для поливов высоко расположенных мест. В этих районах и сохранились поклонение неполивным землям, а также общие кладбища вокруг наиболее почитавшихся «святынь». И наконец, сложением больших разветвленных веерных систем магистралей, по мнению Б. А. Латынина, характеризуется третий этап освоения Ферганской долины. По-видимому, к этим районам относится предгорная равнина. Здесь отсутствовали крупные «святыни» и общие для многих селений кладбища; в этих местах магистральные каналы носили два названия.

На основе приведенных этнографических и археологических данных можно предположить, что развитие орошаемого земледелия в Ферганской долине шло от нижних частей водного бассейна, более доступных для древнего человека, к средней и верхней частям оросительных магистралей.

⁸ Латынин Б. А. К вопросу об истории ирригации.— Сборник АН СССР, посвященный акад. Н. Я. Марру. М.—Л., 1935, с. 697—708; *его же*. Вопросы ирригации древней Ферганы.— Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры, 1956, вып. 64, с. 15—26.

Ш. А. Богина

ОБ ИЗУЧЕНИИ ЭТНИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ АМЕРИКАНСКОЙ СЕМЬИ

Исследование семейного строя народов мира стало одной из важных тем советской этнографии. Начатое в этой связи Сектором народов Америки Института этнографии АН СССР изучение семьи у народов Америки ориентировано на выяснение связей семьи и этнических процессов во временных рамках XX в. Оно связано со значительными трудностями ввиду большого этнического и расового разнообразия американского населения и различия исторических стадий, переживаемых разными его частями — от родового общества индейских племен Амазонии до развитых капиталистических обществ Северной Америки и социалистического строя Кубы.

Однако можно, пожалуй, сказать, что преобладающим типом (иногда тенденцией) семейного развития во всех странах Америки стала нуклеарная семья городского типа в ее современных разновидностях. Этому способствовала урбанизация, возобладавшая в Северной Америке и бурно развивающаяся в Америке Латинской.

Далее будет сделана попытка показать в предварительном порядке, как характеризуется семья в США (к которой очень близка семья Канады) новейшей американской литературой. Именно в США в значительных размерах с начала XX в. и особенно усиленно в последнее десяти-

тылетие (с середины 70-х годов) наиболее интенсивно ведется изучение семьи не только своей страны, но и других американских стран. Занимается проблемами семьи главным образом социология. Семью коренных народов изучали и изучают антропологи (в нашем словоупотреблении — этнографы). В социологических трудах по семье исследуются особенности семейного строя негров. Но за этим исключением, семья этнических (и этнорасовых) элементов американского общества, т. е. иммигрантских групп, специально исследована мало. Эта совокупность проблем разрабатывается по преимуществу в общих иммигрантоведческих работах по той или иной этнической группе.

В современной исторической и социологической американской литературе возобладавал взгляд, согласно которому нуклеарная семья господствует в Америке с колониального периода. Этот вывод сделан на основании новых материалов, впервые введенных в научный оборот, и при помощи новых методов, особенно математических. Таким образом, серьезное значение большой, или расширенной семьи¹ отвергается не только для настоящего, но и для прошлого. Однако исследователи находят ее элементы в современности. Предложен даже термин «измененная расширенная семья»; под ним подразумевается сохранение эмоциональных связей между выросшими детьми и родителями, которые не живут вместе².

В американской литературе принято различать «ориентационную семью» (family of orientation), т. е. ту семью, из которой человек происходит, и «прокреационную семью» (family of procreation), т. е. семью, дающую потомство. Следует также учесть, что термины «домохозяйство» (household, иногда по-русски дается как «хаусхолд») и «семья» (family) различаются очень резко, причем первое понимается в экономическом и территориальном смысле, а второе иногда в смысле родства.

Каковы же основные разновидности нынешней американской семьи, какими их освещает современная литература США? Господствует нуклеарная семья, состоящая лишь из двух поколений. По данным 1970 г., только в 7,5% семей имелись родственники помимо родителей и детей³. При этом жены почти в половине случаев работают. Это, по мнению американских авторов, ведет к эгалитарности в семье. Некоторые английские социологи, подчеркивая отказ от патриархальности, назвали современную семью «симметричной семьей»⁴.

Выросши, дети в очень многих случаях уходят из семьи. При вступлении в брак это — правило. Для родительской семьи наступает период так называемого «пустого гнезда». Однако родственные связи сохраняются, зачастую не только эмоциональные, но и в смысле практической помощи. В большей степени это относится к афроамериканцам, пуэрториканцам, итальянцам и ряду других этнических групп.

Быстро растет число браков фактических или «сожительства» (cohabitation families), которые не зарегистрированы никаким официальным порядком и легко распадаются. В 1982 г. таких семей было более 1,8 млн.⁵ Добрачные половые связи вошли в правило.

Значительную и растущую категорию нуклеарных семейств представляют семьи, состоящие из одного родителя (в подавляющем большинстве случаев матери) и детей, т. е. практически матрифокальные семьи. Это результат разводов (официальных или фактических) и внебрачных рождений. В таких семьях живет не менее 20% американских детей⁶. Наиболее часты подобные семьи в малообеспеченных слоях.

¹ См. Бромлей Ю. В., Кашуба М. С. Брак и семья у народов Югославии. М.: Наука, 1982, с. 82, 83.

² Reiss I. L. Family Systems in America. N. Y., 1980, pp. 418, 419.

³ Bane M. J. Here to Stay. American Families in the Twentieth Century. N. Y., 1976, p. 39.

⁴ Degler C. N. At Odds Women and the Family in America from the Revolution to the Present. New York — Oxford, 1—80, p. 452, 453.

⁵ Current Population Reports, 1982, P-20, № 372, IV (цит. по реф. журн. «География Америки, Австралии, Океании и Антарктики», 07К, 1983, № 2, 2К34).

⁶ Там же.

Матрифокальные семьи до недавних пор считались в США неким отклонением от нормы и потому всерьез не исследовались. Особенно это относилось к негритянскому населению, в среде которого матрифокальные семьи встречаются чаще всего и к быту которого особенно усердно приклеивался ярлык патологичности. Такая оценка была опровергнута серьезными исследованиями.

По данным Национальной городской лиги (видная негритянская организация), в 1980 г. 42% негритянских семей возглавлялись женщинами⁷. В 1979 г. 54,6% рожденных черными матерями детей были внебрачными⁸. Остроте этих явлений в афроамериканской среде способствует общий демографический недостаток мужчин (в частности из-за повышенной смертности), высокий уровень безработицы среди них и малая материальная обеспеченность. Негритянке легче найти работу, чем негру.

Трудности матрифокальных негритянских семей отчасти преодолеваются с помощью родственников, особенно родственников. Крепость уз родства является давней и устойчивой афроамериканской традицией.

США отличаются среди других стран очень высоким уровнем разводов. В 1981 г. на 1000 состоящих в браке и живших совместно американцев приходилось 109 разведенных, т. е. вдвое больше, чем десятилетие тому назад⁹. Подобные, как и некоторые другие отмечавшиеся выше тенденции, возбуждали тревогу у обществественности, делались предсказания о распаде американской семьи. Один из сборников по семейным проблемам, вышедший в 1979 г., имел характерное название — «Американская семья: умирает она или развивается?»¹⁰. На журнальной картине один пожилой американец говорил другому: «Сперва у нас была расширенная семья, потом у нас была нуклеарная семья, а теперь мы в разводе»¹¹. Рост разводов усугубляется массовой безработицей последнего периода: частый распад семей безработных установлен многими наблюдателями. Пессимистические прогнозы развития американской семьи оспариваются рядом авторов, ссылающихся на то, что разведенные супруги часто вступают в новый брак¹². Правда, вторые, третьи и т. д. браки распадаются еще чаще, чем первые.

Повторные браки стали настолько массовым явлением, что создали новый тип семейных и родственных связей. Антрополог П. Боханнан предложил для их обозначения термины «цепи разводов» и «квазиродство»¹³. Нововведения в семейной структуре больше всего касаются детей, а по данным 1978 г., каждый восьмой американский ребенок, живущий в семье, возглавляемой двумя супругами, имеет отчима или мачеху¹⁴. Социолог Э. Черлин дал в своей книге схему, на которой изображены связи детей повторной семьи от первых браков мужа и жены с родным отцом (матерью) и их новыми семьями, со сводными братьями и сестрами и т. д.¹⁵

Новым типом семьи в Америке стали так называемые групповые семьи, возникновение которых возводят обычно к течениям «контркультуры» 60-х годов. Это своего рода общины, иногда коммуны, объединяющие (по данным одного калифорнийского исследования) от трех до нескольких сотен человек. Группы эти часто носят религиозный характер, притом разнообразных толков — от восточных религиозно-философских культов до протестантского фундаментализма. Семьи обычно жи-

⁷ Daily World, Feb. 24, 1983, p. 11.

⁸ Jones G. E. As-Black Leaders Look Ahead to New Worries.— U. S. News and World Reports, March 1, 1982, p. 63.

⁹ Current Population Reports, 1982, p. 20.

¹⁰ The American Family: Dying or Developing/Eds Reiss D., Hoffman H. A. New York—London, 1979.

¹¹ The Journal of Interdisciplinary History, Autumn 1975, v. VI, № 2, p. 1.

¹² См., напр.: Cherlin A. J. Marriage, Divorce, Remarriage. Cambridge (Mass)—London, 1981; Bane M. J. Op. cit.

¹³ Cherlin A. J. Op. cit., p. 87.

¹⁴ Ibid., p. 30.

¹⁵ Ibid., p. 86.

вуд в отдельных домиках, но весь быт регламентирован, уход за детьми централизован. Воспитание детей зависит от направления каждой общины. В городах общины иногда занимают целый большой дом¹⁶.

Групповые семьи представляют собой хозяйственно-бытовые, объединенные верованиями общины, но существует также институт группового брака, означающий обмен брачными партнерами между двумя или более брачными парами. Это так называемые суингеры (swingers)¹⁷, составляющие, по мнению исследователей, до 2% брачных пар. А. Рейсс резонно замечает, что явление это поколениями бытует в американском обществе, но ныне оно стало более заметным и популярным. Суингеры имеют свои клубы и журналы¹⁸.

Американская статистика регистрирует значительное и быстро растущее число одиночных «хаусхолдов» — домохозяйств, состоящих из одного человека. В 1981 г. они составляли почти четверть всех домохозяйств в стране¹⁹. Считать таких одиночек семьями, разумеется, нельзя, но они — результат процессов, происходящих в семье, иногда ее обломки. Это люди разных возрастов — не вступавшие в брак, разведенные, вдовы, вдовцы. В большинстве это старики. Если в начале века одинокие старики обычно жили с детьми, то ныне это не так. Правда, во многих случаях старики селятся поблизости от взрослых детей.

Этническая пестрота населения США обусловила и разнообразные черты его семейного развития. Выше уже отмечались некоторые черты семейного строя афроамериканцев. В той или иной степени они свойственны пуэрториканцам и некоторым другим этническим группам, занимающим сходное с неграми место в общественной иерархии. Для всех иммигрантских групп характерна большая, чем у старожилов американского населения, крепость родственных уз. Она сказывается не в сохранении больших семей — домохозяйств (это бывает редко), а в родственной взаимопомощи, в эмоциональных связях, в традиции семейных сборищ и т. д. Эта особенность в разных формах характерна для таких различных этнических групп, как чиканос (мексиканоамериканцы), американские японцы, американские итальянцы и многие другие. Ряд исследователей справедливо подчеркивает, что крепкие узы родства (как ряд других этнокультурных особенностей) смогли сохраниться и даже развиться потому, что были не просто остаточной формой прошлого быта, но имели функциональную ценность для группы и ее членов в новой, американской обстановке. Известно, что новичкам-иммигрантам помогали устраиваться на работу обосновавшиеся в Америке родственники, что у них же эти новички нередко «обживались», что родственные отношения давали людям эмоциональную опору и т. д. У американских японцев родственные связи составляли основу экономического быта. У итальянцев (особенно в начале века) родственные семьи часто селились в одном большом доме, иногда принадлежавшем родственнику же. Какое значение имеет поддержка родственников для матрифокальных семей, говорилось уже выше. Подобную роль зачастую играет и родство ритуальное (compadrazgo), в частности у пуэрториканцев и других выходцев из Латинской Америки. Таким образом, некоторые традиционные для иммигрантских групп черты включались в новую этнокультурную систему, приспособляясь к ней, но тем самым изменяя и ее.

Однако в ходе ассимиляционных процессов строй иммигрантской семьи менялся, все более уподобляясь семейному строю принимающего общества с его классовой структурой. Снижалась рождаемость в иммигрантских семьях, первоначально более высокая, чем у окружающего населения. Все более практиковалось планирование семьи. Увеличивалась роль женщины в семье. Это отчасти было подготовлено ходом ми-

¹⁶ Eiduson B. E. Emergent Families of the 1970s: Values, Practices and Impact on Children.— In: The American Family: Dying or Developing, p. 160—196.

¹⁷ От swing — качаться.

¹⁸ Reiss I. L. Op. cit., p. 298—302.

¹⁹ Furstenberg F. F., Jr. The Contemporary American Family in Historical Perspective.— Paper Prepared for Trip to the USSR, June, 1983, p. 5.

грации, при которой женщина могла надолго оставаться единственной опорой семьи в стране выхода. Особенно это сказалось к середине XX в. по мере вовлечения женщин в общественное производство. Все более брало верх нуклеарная семья (особенно в смысле домохозяйства). На более резко изменялась социализация детей, которые обретали большую самостоятельность, а также отношение поколений в семье. Влияние американской среды на потомков иммигрантов явно брало верх над их семейными традициями. На этой основе вызревали внутрисемейные конфликты между поколениями и даже внутрисемейные конфликты представителей младших поколений.

Конфликты эти начинались для иммигрантских детей еще в школьные годы. Установки американской школы зачастую противоречили нормам иммигрантской семьи. Для итальянской группы это исследовал крупный италоамериканский педагог Л. Ковелло²⁰. Выросши, юные италоамериканцы, скрепя сердце, отдавали свои заработки в семью (это считалось само собой разумеющимся, американским же нравам противоречило), но брачных партнеров уже выбирали самостоятельно. Формы заключения брака менялись у всех иммигрантских групп, обладавших патриархальными традициями. В Америке родители уже не могли женить детей — дети сами находили себе пару, хотя и считались с склонностями своей «ориентационной» семьи²¹.

Все описанные явления представляют собою и результат, и орудие ассимиляционных процессов. Особенно показательны в этом смысле смешанные, межэтнические браки. Как известно, каждая этническая группа в принципе стремится соблюдать эндогамию как средство сохранения своей целостности. Однако нарушение этого принципа для общностей, находящихся в иноэтническом окружении, едва ли можно считать, как это иногда делают, чуть ли не единственным показателем и средством межэтнической интеграции. Ассимиляции подвергаются и группы, сохраняющие в основном эндогамию. Но частота межэтнических браков свидетельствует об уровне, достигнутом ассимиляцией, о степени ее интенсивности.

В течение XX в. число и частота смешанных браков в США неуклонно возрастали, что касалось самых различных этнических групп. Сильное ускорение этого процесса наметилось после второй мировой войны, затрагивая и этнорасовые группы. По данным середины 70-х годов треть американских японцев состояла в смешанных браках. Для самых молодых, от 16 до 24 лет, эта доля повышалась до 46%. Притом с каждым следующим иммигрантским поколением она возрастала²². Молодые китайки и китайцы все чаще вступают в браки с белыми²³.

Часты смешанные браки у индейцев (около половины которых живет теперь в городах) — как межплеменные, так и с неиндейцами. Что касается браков афроамериканцев с белыми, то их частота растет быстро, но абсолютное число еще невелико. В 1977 г. таких пар было 125 тыс.²⁴

Межэтнические браки относительно чаще заключаются людьми, воспитанными в одной и той же религии. Факты этого рода послужили в свое время основанием для теории «тройного плавильного котла», несостоятельность которой подтверждается опытом последних десятилетий. Межконфессиональные браки также учащаются.

²⁰ Covello L. The Social Background of the Italo-American School Child. Leiden 1967.

²¹ Об итало-американской семье см. Богина Ш. А. Иммигрантское население США Л.: Наука, 1976, с. 105—118.

²² Kitano H., Kikumura A. The Japanese-American Family.— In: Ethnic Families in America. Patterns and Variations/Eds. Mindel Ch. H., Habenstein R. W. New York—Oxford — Amsterdam, 1976, p. 50.

²³ Huang L. J. The Chinese-American Family.— In: Ethnic Families in America. p. 132.

²⁴ Statistical Abstract U. S., 1980, p. 44.

²⁵ См. Богина Ш. А. Иммигрантское население современных США.— В кн.: Национальные процессы в США. М.: Наука, 1973, с. 354—356.

Во втором десятилетии нашего века известные ученые Томас и Знанецкий усмотрели в иммигрантской семье — на примере польской иммиграции — распад и разложение²⁶. Однако эти их выводы и прогнозы не подтвердились. В последние десятилетия в американской иммигрантоведческой литературе проявляется иногда тенденция к преувеличению достоинств и значения иммигрантской семьи. Особенно это сказывается в работах по италоамериканцам. Так, Ричард Гамбино²⁷ считает южно-итальянскую семейную систему, принесенную иммигрантами в Америку, основой всей их жизни, самым для нее существенным и определяющим. Воззрения такого характера, разделяемые и некоторыми другими авторами, можно, вероятно, поставить в связь с современной идеологией «этнического возрождения». Предпринимаются, правда, попытки практически вернуть этническую семью к ее «исконным» началам (так, в афроамериканской среде пропагандировался возврат к полигамии²⁸), но в действительности структура и функции этнических семей развиваются в зависимости от развития всего общества.

Как видим, при детальном статистическом и социологическом изучении американской семьи вообще, динамика и тенденции развития семьи в этнических и этнорасовых группах, составляющих американское население, исследованы еще недостаточно полно.

Советские этнографы-американисты делают первые шаги в изучении американской семьи. Их задача — исследовать взаимодействие, взаимовлияние развития семьи и этнических процессов.

²⁶ Thomas W. J., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. V. 1—2. N. Y., 1927.

²⁷ Gambino R. Blood of my Blood. The Dilemma of the Italian-Americans. N. Y., 1974.

²⁸ Staples R. The Black American Family.— In: Ethnic Families in America, p. 241.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Ю. Д. Анчабадзе

«ПРЕКРАСНЫЙ ОБЫЧАЙ ГОСТЕПРИИМСТВА...»

С начала прошлого века в русских периодических изданиях стали появляться многочисленные публикации, авторы которых рассказывали о днях, проведенных ими по долгу службы на Кавказе. Авторами были взявшиеся на склоне лет за перо армейские офицеры или гражданские чиновники, подталкиваемые, вероятно, на литературную стезю тем интересом к «кавказской» тематике, который был столь характерен для русского общества того времени. Читать эти воспоминания необычайно интересно. Личностное восприятие сложных и неоднозначных событий тех лет, ценные для историка подробности, запечатленные памятью рассказчика, хороший литературный слог, присущий большинству публикаций, — все это делает чтение их увлекательнейшим и полезным занятием.

По понятным причинам, наибольший интерес для меня представляют страницы записок, которые содержат сведения о быте и культуре местных народов. Нужно сказать, что эта сторона кавказской действительности почти всегда была в поле зрения авторов, и они старались донести до читателя свои впечатления об экзотическом крае, его обычаях и людях. Последние, правда, обрисованы наименее отчетливо. Обобщенные характеристики «горцев» или «черкесов», как в обыденной речи именовали тогда жителей Кавказа, обычно отражали не непосредственный опыт общения авторов с представителями коренного населения, а сложившийся стереотип восприятия народов иной, непонятной, культуры. Поэтому оценки страдают вопиющей односторонностью: горцы либо варвары, дикари, лишенные всяких человеческих чувств и побуждений, либо благородные дети природы, которым по-своему понятен смысл человеческого бытия; они либо трусы, вероломно нападающие из засады, либо беззаветные храбрецы, фанатики свободы, самопожертвование которых достойно восхищения, и т. д.

Однако при этом можно заметить одну деталь. Даже при самом негативном отношении автора к горцам, он все же считает своим долгом упомянуть о крайне удивительной для него черте местных обычаев — гостеприимстве. Действительно, сведений о гостеприимстве кавказских народов — бесчисленное множество. Все побывавшие на Кавказе в своих описаниях уделяли гостеприимству такое значительное место, что едва ли какая-либо другая сторона кавказского быта, за исключением, пожалуй, кровной мести, может быть поставлена рядом с гостеприимством по обилию и полноте литературных описаний. Впечатление, которое производили на наблюдателей примеры кавказского гостеприимства, было огромным. Сталкиваясь с патриархальной простотой и искренностью местных нравов, они никогда не могли дать им правильное толкование. Единственное, что им удавалось, это выразить неподдельное восхищение «прекрасным обычаем гостеприимства горцев, удивительным в народе полудиком»¹.

¹ Савинов В. Достоверные рассказы об Абазии. — Пантеон. СПб., 1850, т. I, кн. 2, с. 18.

Обычаю гостеприимства немало внимания уделяло и научное кавказоведение. Ни один серьезный исследователь традиционного быта народов Кавказа не мог пройти мимо того факта, что данный обычай играл выдающуюся роль в жизни местных народов. На это обратили внимание еще дореволюционные кавказоведы²; советские исследователи также обращались к институту гостеприимства, однако изучался он крайне односторонне, и в большинстве случаев дело не шло дальше простой констатации факта его функционирования в традиционном быту того или иного этноса и более или менее детального описания соответствующих этикетно-ритуальных действий.

Между тем, при таком подходе трудно понять истинную роль данного социального института у народов Кавказа и причины его столь длительного бытования³. Поэтому представляется очевидным, что новый уровень в изучении проблемы возможен лишь на основе обобщения общекавказского материала, выявления социальных функций обычая гостеприимства, определения его места в соционормативной культуре традиционных обществ Кавказа.

Различаясь в деталях, обычай гостеприимства был одинаков у всех народов Кавказа. Его главнейшей и наиболее архаической чертой было правило, согласно которому хозяин должен был предоставить приют, угощение и защиту любому человеку, в том числе и незнакомому, переступившему порог его дома. Готовность хозяина в любое время оказать гостеприимство находила выражение в ряде моментов. Прежде всего, в каждом кавказском доме имелось специальное помещение для приема гостей — обычно одна из комнат дома, где жила семья. Однако богатые хозяева возводили для приема гостей отдельное строение, известное в историко-этнографической литературе под названием «кунацкая»⁴. Двери кунцкой, как и двери основного дома, никогда не закрывались. В противном случае это могло быть расценено как нежелание хозяина видеть у себя гостей. У порога находилась конюшня, что также считалось важным показателем гостеприимства хозяев, ибо означало, что даже в отсутствие последних приезжий мог оставить здесь свою лошадь и пройти в дом. «Конюшня первой встречает гостя», — говорили абхазы⁵. У карачаевцев гость, привязывая к конюшни лошадь, давал тем самым понять хозяевам, что хочет у них остановиться⁶.

Вообще гость мог либо обратиться к хозяевам с просьбой принять его, либо, не спрашивая разрешения, войти в дом или в кунцкую. Недалеко у адыгов было принято периодически заглядывать в кунцкую, так как там мог оказаться гость⁷.

Появление гостя всегда вызывало в доме большое оживление. С первых же минут церемониал его приема выливался в очень сложную систему этикетных действий, которой обе стороны неукоснительно следовали. Навстречу гостю обычно выходили глава семьи и его сыновья.

² Наиболее полное описание обычая см. в известном труде М. М. Ковалевского «Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении», т. 1—2. М., 1886.

³ Обычай гостеприимства зародился в эпоху доклассовой формации. В период изложения первобытнообщинного строя он «получил особое значение... как универсально распространенный механизм преодоления племенной замкнутости и облегчения межплеменных контактов». (Периц А. И. Традиции и культурно-исторический процесс. — Народы Азии и Африки, 1981, № 4, с. 75—76). Универсальный характер обычая подтверждается его поэтизированной распространенностью в обществах, находившихся на определенной стадии развития, причем, как неоднократно отмечалось в литературе, формы проявления обычая были практически идентичными независимо от этнической среды, в которой они фиксировались (см., например: Иванова Ю. В. Институт гостеприимства у горских народов Балканского полуострова и Кавказа. — В кн.: Проблемы истории и культуры. М.: Наука, 1976).

⁴ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М.: Изд-во вост. лит., 1961, с. 126—129.

⁵ Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми: Алашара, 1965, с. 423.

⁶ Карачаевцы. Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отд-ние, 1978, 213.

⁷ Мамбетов Г. Х. О гостеприимстве и застольном этикете адыгов. — Уч. зап. Адыгского НИИ языка, литературы и истории. Т. VIII. Этнография. Майкоп, 1968, с. 231.

В кунацкой (рисунок из кн.: Longworth J. A Year among the Circassians. L., 1840)

В случае отсутствия мужчин гостя могла встретить старшая женщина. Гостю помогали сойти с коня, снимали с него оружие, бурку и препровождали в кунацкую или гостевую комнату дома. У тушин, например, встретить гостя выходила вся семья. По обычаю, девушки или молодые невестки выносили шубу и, поздоровавшись с гостем, набрасывали ее ему на спину⁸. У армян Ахалцихского уезда было принято, чтобы красивая девушка или кто-нибудь из женщин снимал с гостя *коши* (обувь).

В доме гостю давали умыться, переодеться и усаживали на самое почетное место. У грузин-хевсур, например, ему предоставляли кресло, которое в обычное время мог занимать лишь глава семьи. Абхазы, усадив гостя на почетном месте, сами (в том числе и глава семьи) садились не сразу. Это «стояние» перед гостем считалось признаком уважения к нему¹⁰. Карачаевцы обязательно расстилали перед сидящим гостем узорный войлок¹¹.

Не полагалось проявлять какой-либо интерес к личности гостя, спрашивать его о цели приезда, планах, круге его знакомства и т. д. В то же время гость имел полное право хранить инкогнито. Он мог прожить в доме сколько угодно, так и не открыв ни своего имени, ни своих планов и намерений. В этом случае хозяин и члены его семьи обязаны были заботиться о неразглашении связанной с пребыванием гостя тайны, если она из-за нескромности хозяйна оказывалась раскрываемой и это какой-то мере наносило ущерб гостю, считалось, что хозяин нарушил обычай гостеприимства. Если же у гостя не было нужды скрывать свое присутствие, то очень скоро о нем узнавал весь квартал, и тогда в доме, где проживал гость, начинали собираться многочисленные соседи. С этого момента рядом с гостем постоянно находились люди, так как оставить гостя в одиночестве — значило выказать ему непочтение. «Чем больше посторонних в кунацкой в присутствии гостя, — замечал И. Д. К.

⁸ Мачабели М. В. Экономический быт государственных крестьян Тионетского уезда Тифлиской губернии. — В кн.: Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края (далее — МИЭБГКЗК). Т. V. Тифлис, 1887, с. 497.

⁹ Вермишев Х. А. Экономический быт государственных крестьян Ахалцихского Ахалкалакского уездов Тифлиской губернии. — МИЭБГКЗК, т. III, 1886, ч. 2, с. 10.

¹⁰ Инал-ипа Ш. Д. Указ. раб., с. 423.

¹¹ Карачаевцы, с. 213.

куков, — тем более сему последнему почет»¹². Гость не должен был скучать. Часто для его развлечения молодежь танцевала, исполняла песни и т. д.

Важнейшим моментом в церемонии приема гостей было угощение, которое устраивалось хозяевами по возможности богатым и обильным. Плохо угостить гостя, не подать все лучшее, что имелось в доме, — значит нарушить обычный гостеприимства в существенной его части.

Застольный этикет в полной мере отражал церемониальный характер обычая. Каждый момент за гостевым столом был тщательно регламентирован, каждому присутствующему отведена особая роль. При этом учитывались малейшие детали, характеризующие гостя и хозяина, — их возраст, социальное положение, степень знакомства и т. д. В соответствии с этим принимали те или иные формы все элементы гостевого застолья — от ритуального омовения рук перед трапезой и места, занимаемого каждым участником, до очередности произносимых тостов.

Приведем несколько примеров, свидетельствующих о церемониальном характере застольного этикета. Обязательное мытье рук, принятое абхазов перед началом и по окончании трапезы, часто выливалось в ритуальные, но, разумеется, вполне дружелюбные препирательства о том, кто первым должен совершить данную процедуру. Гость и хозяин поперебой старались уступить это право друг другу. Часто ситуация неосмысленно указывала, кому следует первым вымыть руки. Если, допустим, гость был молод, а хозяин стар, то последний в силу старшинства и должен был вымыть руки первым. Тем не менее старик-хозяин церемонно предлагал сделать это своему гостю¹³. Описывая застольный этикет адыгов, очевидцы отмечали, что «пока гость ест, хозяин дома прислуживает за его столом и притом с непокрытой головой..., а сам сидит лишь по просьбе гостя»¹⁴. А. Л. Зиссерман, посетивший в 30-х годах прошлого века горное общество Цори (Ингушетия), писал: «Хозяин все время стоял, прислуживая нам; подавая кому-нибудь воду, он брал папаху и не надевал, пока не возвращали ему кувшина»¹⁵.

Гости, находившиеся на территории общины, включались до известной степени в сложившуюся здесь систему связей и отношений и могли быть полноправными участниками всех событий внутриобщинной жизни. Так, тушин, устраивающий поминальное или свадебное угощение, вручал одному из своих друзей, имевшему зычный голос, пригласить на трапезу всех присутствовавших в селении. Тот взбирался на какое-либо возвышение, чаще на крышу дома, и громко оповещал односельчан о предстоящем событии: «Не оставайтесь дома никто, ни мужчины, ни женщины, ни дети, и непременно пригласите с собой ваших гостей без всякого различия». По обычаю, гостям нельзя было отказаться от приглашения¹⁶. У абхазов гости могли присутствовать на таком важном событии внутриобщинной жизни, как сельский сход. Более того, гостям оказывали особое внимание и почет, предоставляли лучшие места.

Отъезд гостя обставлялся весьма торжественно. Все домоладцы выносили во двор, чтобы проститься с ним. Мужчины поддерживали стремя, помогая гостю сесть в седло. Иногда стремя поддерживали пять человек. Гости обычно провожали до границы села и возвращались домой лишь после того, как удаляющегося всадника уже невозможно было различить.

¹² И. К. Характерные обычаи у осетин, кабардинцев и чеченцев. — Кавказ, 1876, № 148.

¹³ Инал-ипа Ш. Д. Указ. раб., с. 426.

¹⁴ Описание Черного моря и Татарии составил доминиканец Эмиддио Дортелли Асколи, префект Каффы, Татарии и проч., 1634. — В кн.: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. (далее — АБКИЕА) / Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам Гарданова В. К. Нальчик: Эльбрус, 1974, с. 64.

¹⁵ Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе. 1842—1867. Ч. I. Спб., 1879, с. 173.

¹⁶ Мачабели М. В. Указ. раб., с. 372.

Прием и обслуживание гостя были весьма обременительным делом. Помимо того, что хозяин должен был оставить все свои дела и заниматься только приемом гостя, пребывание последнего в доме зачастую наносило семье хозяина чувствительный материальный урон. Тем не менее гость не мог предложить хозяину какую-нибудь компенсацию за оказанные услуги. «Не слыхано в Черкесии, — отмечал Хан-Гирей, — чтобы гость покупал когда-либо что-нибудь для своего продовольствия»¹⁷. О абхазах писали: «Предложить что-нибудь за ночлег или ужин хозяину — это кровно обидеть его; если вы человек новый, не знающий обычая народа, он отклонит ваше предложение вежливо, но если вы пробьете некоторое время в крае, он без церемоний при вас швырнет деньги какому-нибудь ахашалу [рабу. — Ю. А.]»¹⁸.

Хозяин обязан был исполнить любую просьбу своего гостя, содействовать ему в любом его предприятии. «Хозяин, — пишет С. Пушкирев, — говорит со стыда, когда не имеет возможности помочь в нужде своего гостю»¹⁹. Далее автор описывает любопытный эпизод, происшедший с ним во время путешествия по абхазскому побережью. Остановившись в качестве гостя в абхазском доме, он обратился к хозяину с просьбой дать ему коня. Тот с готовностью вызвался сделать это и куда-то ушел. Долго ждал Пушкирев его возвращения. Наконец, когда терпение иссякло, он зашел к старику-хозяину соседнего дома. Выслушав рассказ Пушкирева о его злоключениях, старик сказал: «Тебе нужна лошадь и ты ждешь ее целый день? Зачем же ты не пришел ко мне прежде. Твой кунак усладил свою лошадь в другой аул, но так как он не в ладах с соседями, то ему достать другую очень трудно. Вот он со стыда, что не может служить тебе лошадей, скрылся от тебя и явится не прежде, как отыщет лошадь, может завтра». С этими словами старик мигом оседлал две лошади — для гостя и для себя, чтобы сопроводить его. Этот эпизод вполне согласуется со словами Г. Ф. Чурсина: «В своем желании не допустить ни малейшего нарушения обычая гостеприимства некоторые абхазские семьи доходили до абсурда»²⁰.

Важнейшей обязанностью хозяина по отношению к гостю было обеспечение его безопасности. Любой человек, вступавший под крышу кабардинского дома, одновременно вступал под защиту его хозяев. Нанесенный гостю ущерб — значило нанести оскорбление хозяину, которое в известных случаях смывалось только кровью. В. Швецов, наблюдавший в 20-х годах прошлого века быт горцев Северо-Западного Кавказа, обратил внимание на то, что больше всего крови проливается за нарушение обычая гостеприимства: здесь грозит месть всего аула, и виновный избежит смерти и разорения²¹. То же самое отмечалось и у хевсур. «Сохрани бог обидеть его (гостя. — Ю. А.), — писал А. Л. Зиссерман, — обидчик навлечет страшную месть всей Хевсурии»²². Дело доходило иногда чуть ли не до политических конфликтов. В 1806 г. владетельный князь Абхазии Келеш-бей Шервашидзе предоставил убежище бежавшему из Турции видному сановнику Теер-паше. «Султан потребовал выдачи его. Но Келеш-бей, отговариваясь невозможностью нарушить права гостеприимства, ограничился тем, что выслал его из своих владений и дал средства уйти в пределы Российские»²³.

Данная норма обычая привела к широко развившемуся на Кавказе в конце XIX — начале XX в. «гостеприимному скрыванию» преступников, доставлявшему много хлопот царской администрации. Люди, скрывавшиеся от преследований властей, находили приют у родственников

¹⁷ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978, с. 300.

¹⁸ Введенский А. Н. Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. — В кн.: Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 6. Тифлис, 1872, с. 10.

¹⁹ Пушкирев С. Абхазия и абхазцы. — Кавказ, 1854, № 61.

²⁰ Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми: Абгиз, 1956, с. 21.

²¹ Швецов В. Очерк о кавказских горских племенах с их обрядами и обычаями в гражданском, воинственном и домашнем духе. М., 1856, с. 44—45.

²² Зиссерман А. Л. Указ. раб., с. 214.

²³ Центральный государственный военно-исторический архив СССР. Колл. 41 д. 301, ч. 1, л. 5 об.

знакомых, которые всеми силами старались не допустить ареста в своем доме. Сталкиваясь с такими фактами, начальству приходилось иногда устраивать настоящие карательные экспедиции для розыска и ареста скрывавшихся лиц. Так, в октябре 1912 г. начальник Сухумского округа доносил в канцелярию наместника Кавказа о «сформировании отдельного отряда стражи» и «посылке этого отряда в Кодорский участок с специальной целью преследования и истребления беглецов, систематически укрываемых жителями этого участка»²⁴.

Огромную роль в поддержании обычая гостеприимства в традиционных обществах Кавказа играло общественное мнение. Так, об абхазах писали, что «хозяин обесчестит себя, если откажет в ночлеге и ужине каким бы то ни было случаем заехавшему к нему незнакомому гостю»²⁵. У адыгов людей, нарушивших обычай гостеприимства, встречали «на каждом шагу оскорбительные упреки...», а в прежние времена подобные изверги вовсе были изгоняемы из общества людей чтимых и даже нередко лишаемы жизни своими родственниками за нанесенное всему их роду неизгладимое посярмление»²⁶. У балкарцев человек, отказавший гостю в приеме, покрывал позором не только себя и свою семью, но и всю «фамилию», где бы ни жили ее члены²⁷.

Обычай гостеприимства получил еще в древности религиозное обоснование. Об этом, в частности, свидетельствуют такие абхазские фразеологизмы, как: «Да милует и поможет тебе твое хлебосольство!», с которым обращались к гостеприимному хозяину, и «Да будет проклятием, тяжким бременем для тебя хлеб-соль!» — к тому, кто нарушил обычай²⁸, и осетинское выражение «Гость — божий гость»²⁹. У состоятельных карачаевцев коновязь перед домом, обычно богато орнаментированная, имела вдобавок и надписи религиозного содержания³⁰. У адыгов Хан-Гирей зафиксировал любопытный обряд в честь Саусрока — одного из героев нартовского эпоса: «В известную зимнюю ночь совершали в честь его пиршества, причем относили в гостиный дом лучшую пищу и питье для Саусрока, а в конюшне приготавливали сено и овес для его лошади. Разумеется, Саусрока не бывало, но случайно заехавший гость заменял его, и пирующее семейство, приезд гостя почитая за хорошее предзнаменование, с радостью угощало его; когда же не случалось приехать гостю в ту ночь, то радость семейства не столь бывала торжественна. Таким образом, и самое суеверие содействовало черкесов хлебосолами», — заключал Хан-Гирей³¹. В другом месте Хан-Гирей замечает, что «черкесы вообще, принимая гостей, уверены в том, что делают угодное творцу»³².

Итак, обычай гостеприимства был важнейшей нормой общественной жизни в традиционном быту народов Кавказа. По крайней мере факты свидетельствуют о том, что обычай гостеприимства превосходил по своему значению все другие общественные институты, и необходимость его выполнения оттесняла на второй план обязанность следовать другим нормам поведения. Так, в быту многих кавказских народов хорошо известны многочисленные факты, когда кровник освобождался от возмездия, если он оказывался в доме обиженной им стороны. Зная это, кровник иногда искал спасения в доме своего кровомстителя, являясь туда в качестве гостя. В любом другом случае при любых обстоятельствах его неизменно настигла бы пуля или кинжал мстителя, но в данной ситуации совершить месть значило бы совершить нечто противное уста-

²⁴ Центральный государственный исторический архив СССР. Ф. 13, оп. 21, д. 1735, л. 20 об.

²⁵ Введенский А. Н. Указ. раб., с. 10.

²⁶ Хан-Гирей. Указ. раб., с. 301.

²⁷ Мусукаев А. И. Балкарский тукум. Нальчик: Эльбрус, 1978, с. 133.

²⁸ Басария С. П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-Кале, 1923, с. 66.

²⁹ Калоев Б. А. Осетины. М.: Наука, 1971, с. 195.

³⁰ Карачаевцы, с. 213.

³¹ Хан-Гирей. Указ. раб., с. 98.

³² Там же, с. 302.

новлениям адатов, навечно покрыть себя позором, ибо в этом случае нарушался священный обычай гостеприимства. Во все время своего пребывания в данном доме кровник рассматривался лишь как гость, любые действия, наносящие ему ущерб, в особенности лишение его жизни, были совершенно недопустимы. «Обычай гостеприимства до такой степени считается священным в глазах туземцев, что даже враги и лица замешанные по кровомщению, находят безопасный приют у своих врагов; но это только на время, пока они находятся под кровлей своего хозяина»³³. Действительно, стоило кровнику покинуть дом своих врагов, т. е. перестать быть их гостем, как он мог быть тут же убит уже во исполнение другого обычая — кровной мести.

Таким образом, при столкновении двух древних норм обычного права, имевших выдающееся значение в традиционном общественном быте народов Кавказа (а все современники сходились во мнении, что именно гостеприимство и кровная месть играли наиболее значительную роль в общественной жизни края), второй обычай всегда отступал перед необходимостью исполнить первый. Там, где начинал действовать обычай гостеприимства, переставал действовать обычай кровной мести; и наоборот, когда переставал действовать обычай гостеприимства, кровомщение вновь вступало в свои права. Такое соотношение двух норм обычного права сложилось, вероятно, еще в древности и объяснялось более значимыми социальными функциями гостеприимства по сравнению с кровной мстью. Остановимся на них подробнее.

Прежде всего обычай гостеприимства давал возможность населению Кавказа беспрепятственно путешествовать по краю, не заботясь о месте для ночлега, о пище для себя и корме для своего коня. Все это можно было получить в любое время и в любом месте, где бы путнику повстречалось человеческое жилье. На эту важнейшую функцию обычая гостеприимства обратил внимание В. К. Гарданов: «Уже сама по себе возможность всякому проезжему человеку остановиться в незнакомом для него доме, где застанет его ночь или непогода, будучи уверенным, что его примут с охотой и без всяких отговорок, делала гостеприимство очень важным и необходимым обычаем у горцев, не имевших в то время ни гостиниц, ни постоялых дворов, ни каких-либо других учреждений обслуживающих путешественников»³⁴. Если поездка была деловой, успеху способствовали нормы обычая, по которым хозяин должен был всеми силами помогать гостю в осуществлении задуманного им предприятия, заботиться о его безопасности и неприкосновенности. Помимо поездок в рамках обычая гостеприимства осуществлялись также широко известные на дореволюционном Кавказе миграции отдельных лиц, иногда и целых семей, вынужденных бежать с насиженных мест из опасения быть подвергнутыми кровомщению. Пришельцы появлялись на новом месте в качестве гостей, которых по истечении определенного срока адаптировала данная община, причем если мигранты оказывались в иноэтническом окружении, то более или менее длительное пребывание на новом месте постепенно вело к их этнической ассимиляции. Таким образом, в условиях замкнутого патриархального кавказского быта обычай гостеприимства был действенным инструментом, обеспечивавшим мобильность местного населения, одним из каналов межэтнического общения.

Другой важной функцией обычая гостеприимства была своеобразная межличностная передача информации. По существу единственным источником информации на дореволюционном Кавказе был гость, который по прибытии сообщал массу интересного о виденном и слышанном, жизни в других местах Кавказа и т. д. Отчасти поэтому приезд незнакомца в село вызывал среди его жителей большое волнение и интерес.

³³ Статистическое описание губерний и областей Российской империи. Т. X. Ч. 5. СПб., 1858, с. 266.

³⁴ Гарданов В. К. Гостеприимство, куначество и патронат у адыгов (черкесов) в XVIII — первой половине XIX в. — Сов. этнография, 1964, № 1, с. 36.

и если путнику не было нужды хранить инкогнито, то в отведенной ему хозяином комнате или кунацкой всегда собиралось много людей, с увлечением его слушающих и расспрашивающих. Интерес к гостю повышался, если он был представителем другого этноса. В этом случае объем информации намного расширялся, выходил за рамки известного хозяевам региона, что давало им возможность познакомиться с явлениями и понятиями иной культуры, иного жизненного уклада.

Выше говорилось, что приезжего гостя обязательно старались развлечь, затеявая для него пляски, исполняя песни и т. д. В дом приглашались юноши и девушки, которые своим искусством доставляли удовольствие не только гостю, но и всем пришедшим посмотреть на приезжего и выразить ему почтение. Таким образом, собираясь в дом, который посетил гость, односельчане не упускали и возможности развлечься, а также увидаться друг с другом, обменяться новостями. Эта черта народного быта, связанная с обычаем гостеприимства, выступает как форма проведения досуга. Исследования показывают, что она занимала важное место в общей структуре традиционных видов развлечений дореволюционного кавказского крестьянства³⁵.

Общественное мнение всегда считало хлебосольство одной из главных человеческих добродетелей. Поэтому прослыть человеком, к которому часто наезжают гости, значило заслужить почет и уважение односельчан и, кроме того, приобрести в их глазах ряд лестных социальных характеристик. В частности, гостеприимство хозяина свидетельствовало о том, что данный человек богат, так как только состоятельным людям был по силам частый прием гостей. Это свидетельствовало также о том, что данный человек весьма влиятелен и обладает обширными связями в общинах, к которым принадлежат его гости. Последние обязаны были в случае необходимости оказывать ему всяческую помощь и поддержку. Тот, к кому часто приезжали гости и чей дом соответственно становился центром внимания, повышал тем самым свой социальный статус в местной среде. В этом смысле гостеприимство было своего рода престижным знаком, который весьма охотно демонстрировали. Лонгворт дал правильное объяснение первоначальной холодности посетившего его Ислам-Гери: «Он и его семья чувствовали себя обиженными и в какой-то мере встревоженными тем, что на время пребывания в Пшаде я не захотел воспользоваться его гостеприимством в знак уважения, к которому обязывало их положение в здешних краях»³⁶. Ошибка Лонгворта ясна. По прибытии в Пшаду он должен был остановиться именно у Ислам-Гери, как у самого влиятельного и уважаемого лица в округе. Не сделав этого, Лонгворт явно нанес удар его репутации.

Отражение обычая гостеприимства можно найти в самых разных сферах народного быта, ничем не связанных на первый взгляд с данным институтом. Он играл, например, весьма своеобразную роль в сватовстве. И. А. Аджинджал, собиравший в 1940—1950-е годы полевой материал о традиционном быте абхазов, пишет, что молодой человек, желая посмотреть на девушку, которую родители прочили ему в жены, прибегал к хитрости. Со своим ближайшим товарищем он отправлялся в дом, где жила невеста. «Они старались прийти в дом невесты поздно вечером, под видом путников, которых, по существовавшему в стране обычаю гостеприимства, принимали во всякое время дня и ночи, не спрашивая, кто они... И молодой человек легко мог рассмотреть избранную ему родными невесту и составить о ней свое мнение»³⁷.

³⁵ Дзадзиев А. Б. Традиционные формы проведения свободного времени осетинского крестьянства в конце XIX — начале XX в. — В кн.: Этнокультурные процессы в современных и традиционных обществах. М., 1979, с. 97; Анчабадзе Ю. Д. Традиционные развлечения абхазского крестьянства в конце XIX — начале XX в. — Сов. этнография, 1981, № 4, с. 111.

³⁶ Лонгворт Дж. А. Год среди черкесов. — АБКИЕА, с. 537.

³⁷ Аджинджал И. А. Обычай в дореволюционной Абхазии. — Арх. Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР (далее — АИЯЛИ). Фонд И. А. Аджинджала, с. 46.

Таким образом, юноша, пользуясь обычаем гостеприимства, мог, выдавая своих намерений, щадя стыдливость девушки и самолюбие родителей, выполнить столь важное для себя дело. Аналогичным способом пользовались обычаем гостеприимства и в Балкарии³⁸.

Выше упоминалось о роли обычая гостеприимства в кровомществе: когда кровник в качестве гостя скрывался в доме своего кровомстителя. Обычай гостеприимства смягчал кровомщение и в другой ситуации. В случае неожиданной встречи в чужом доме двух лиц, состоявших в кровной вражде, оба не должны были дать волю чувствам. Нужно было сделать вид, что не замечаешь врага, и держаться от него подальше, либо удалиться из дома.

Своеобразное проявление обычая гостеприимства можно усмотреть в следующем моменте абхазского быта конца XIX — начала XX в. Абхазы имели обыкновение в память об умершем близком родственнике строить маленькие домики, которые располагались обычно у дорог, речных переправ и т. д. Внутреннее убранство такого домика было непременным — стол и скамья. Родственники покойного регулярно приносили туда и ставляли на столе питье и еду. Любой путник мог заглянуть в домик, отдохнуть, переждать непогоду, подкрепиться и снова отправиться в путь. Т. Сахокиа, впервые описавший эти домики, сравнивал их с «бесплатными гостиницами»³⁹. Путник, находясь какое-то время под его крышей и пользуясь припасами, оставленными там хозяевами, был как бы у них в гостях, хотя, как правило, гость и хозяева в таких случаях даже не встречались. Только увидев, что кто-то воспользовался оставленными в домике припасами, хозяева понимали, что здесь побывал гость.

На первый взгляд может показаться, что на протяжении столетий обычай гостеприимства претерпел мало изменений. Действительно, даже в такую отдаленную от времени его возникновения эпоху, как конец XIX в., он занимал весьма прочные позиции в общественном быту народов Кавказа, его проявления были ярки и повсеместны, а сохранившиеся описания очевидцев рисуют картину нравов чуть ли не доклассоводревности.

Однако исследования показывают, что это был уже глубоко трансформированный временем институт, сохранявший лишь архаическую оболочку и некоторые прежние функции. Феодализованный обычай гостеприимства во многом утратил свою первоначальную сущность, и был наполнен новым, несвойственным ему содержанием. Гибкость и приспособляемость этого социального института к новым условиям обеспечили его функционирование и в феодальном обществе. Более того, «в период феодального развития народов Кавказа ни один обычай не был так широко использован господствующим классом для обслуживания его интересов, как гостеприимство и тесно связанные с ним куначество и патронат», — подчеркивает В. К. Гарданов⁴⁰.

Действительно, отныне социальные характеристики являлись весьма важным элементом, непосредственно определяющим конкретные проявления обычая. Чем выше данное лицо стояло на ступенях социальной лестницы, тем богаче и торжественнее должен был быть оказываемый ему прием: князя принимали более почетно, чем дворянина, последний — более почетно, чем крестьянина.

Приобретая феодальный характер, гостеприимство стало также одной из форм феодальных повинностей крестьян по отношению к своим сюзеренам. Прежде всего это выразилось в развитии постоянного права. Крестьяне обязаны были беспрекословно принимать дворян и князей, которые имели обыкновение со своей многочисленной свитой периодически

³⁸ Мусукаев А. И. Указ. раб., с. 136.

³⁹ Сахокиа Т. Путешествия. Тбилиси, 1950, с. 314 (на груз. яз.).

⁴⁰ Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.). М.: Наука, 1967, с. 289—290.

ски объезжать все крестьянские дворы в подвластной округе⁴¹. Хотя феодалы в этом случае формально были гостями, фактически они, пользуясь обычаем гостеприимства, осуществляли своеобразную эксплуатацию крестьянства. Такого рода визиты ложились тяжким бременем на плечи простого народа, ибо на угощение гостей-феодалов уходили почти все продовольственные запасы крестьян.

Современник по этому поводу писал: «Когда какой-нибудь князь, оказав своим посещением с огромной свитой честь крестьянину, уничтожает его годовой запас продовольствия, этот, зная, что ни ему, ни семейству его нечего уже есть, целует полу черкески князя и в то же время тайно помышляет о скорейшем отъезде почетного посетителя»⁴². Приведенное свидетельство современника показывает, что глубокая феодализация обычая гостеприимства отразилась также и в изменении самого этикета приема гостя. По обычаю, хозяин обязан был оказывать гостю знаки всяческого внимания и уважения, но отнюдь не показное раболепие. Здесь же хозяин, прощаясь с знатным гостем, целует полу его черкески, демонстрируя ему свою преданность и подчиненность.

Представители феодальной верхушки вообще могли безнаказанно попираť древние нормы обычая, рассматривая случайно попавших к ним гостей в качестве людей, полностью зависимых от их власти. Так, уцмий Кайтагский не очень любезно обошелся со следовавшим в Грузию в 10-х годах XVII в. русским посольством во главе с Ефимом Мышецким. При этом уцмий считал: «...мои де они гости... хочу их в горы продать или, перепоров, в море помечу»⁴³.

В дореволюционной Абхазии под покровом обычая гостеприимства развился весьма своеобразный обычай, вошедший в историческую литературу под названием «асаство» (об абхазского слова «асас» — гость). Его зарождение относится к периоду усиления феодализации абхазского общества и ухудшения положения крестьян. В этих условиях характерной чертой социальной жизни Абхазии стали участвовавшие переходы крестьян от одного феодала к другому. Пользуясь правом свободного перехода, крестьяне в связи с усиливавшейся феодальной эксплуатацией уходили от своего владельца под покровительство другого в надежде, что это улучшит их положение. Естественно, принять под покровительство ушедших от другого феодала крестьян мог только весьма влиятельный представитель феодальной верхушки — чаще всего это был кто-либо из абхазских князей. Согласно обычаю, явившегося искать покровительства крестьянина князь принимал в качестве своего гостя, требуя от него, однако, взамен оказываемого покровительства выполнения различных повинностей. Таким образом, обычай гостеприимства в данном случае служил прикрытием феодальной формы патроната, которую на адыгском материале раскрыл и подробно охарактеризовал В. К. Гарданов⁴⁴. Такова в общих чертах была роль обычая гостеприимства в системе традиционного общественного быта народов Кавказа.

Великая Октябрьская социалистическая революция коренным образом преобразила жизнь народов бывших окраин Российской империи. В процессе переустройства их быта на социалистических основах окончательно ушли в прошлое многие традиции, не совместимые с советским образом жизни. В то же время утверждавшаяся мораль социалистического общества наполнила новым содержанием те народные традиции, которые, обладая высоким гуманистическим смыслом общечеловеческой культуры, органично вписались в кодекс нравственных ценностей советского человека. В этих условиях древний обычай гостеприимства народов Кавказа продолжал оставаться неотъемлемой частью их быта. Е. М. Шиллинг, побывавший в Абхазии в 1925 г., отмечал значительную

⁴¹ Инал-ипа Ш. Д. Указ. раб., с. 429; Калмыков И. Х. Черкесы, Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отд-ние, 1974, с. 196.

⁴² Чернышев В. Еще об Абхазии. — Кавказ, 1854, № 32.

⁴³ Цит. по: Волкова Н. Г. Статейные списки русских посольств XVI—XVII вв. как этнографический источник. — В кн.: Кавказский этнографический сборник (далее — КЭС). Вып. VI. М.: Наука, 1976, с. 263.

⁴⁴ Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов..., с. 321—326.

традиционность местного гостеприимного этикета⁴⁵. Е. Пчелина, собравшая в конце 20-х — начале 30-х годов материал в Южной Осетии, также зафиксировала бытование многих традиционных черт обычая.

И сегодня гостеприимство в широком, общечеловеческом смысле слова является устойчивой чертой поведенческого стереотипа народов Кавказа, в некотором смысле элементом их этнической психологии. Недаром в обыденном представлении иноэтничных групп народы Кавказа славятся именно этим своим качеством. Человек, который гостит в каком-нибудь кавказском доме, в полной мере может почувствовать на себе заботу и внимание, оказываемые ему хозяевами. Уже давно на Кавказе не строят кунацких, но гостю обязательно предоставляют лучшую и особенно хорошо обставленную комнату дома. Как правило, сами хозяева в ней не живут, но постоянно поддерживают там идеальный порядок специально на случай приезда гостей. Обильное угощение, которое является обязательным элементом современного гостеприимного этикета, сохраняет церемониальный и во многом традиционный характер.

Таким образом, налицо удивительная сохранность элементов древнего обычая в современном быту. Это объясняется рядом обстоятельств. Обычай гостеприимства относился к тем важнейшим устоям бытового уклада патриархальных обществ дореволюционного Кавказа, которые еще в начале XX в. оказывали существенное влияние на психологию людей и их поведение. Однако упорная борьба с вредными обычаями прошлого (кровная месть, умыкание женщин и др.), ведущаяся в первые годы Советской власти, не распространялась на обычай гостеприимства, так как он был по своей сути во всяком случае нейтральным и не сопрягался в повседневном быту и общественной практике с какими-либо значимыми негативными оценками. Поэтому в новых условиях старинный обычай не угас, хотя, конечно, претерпел существенные изменения. Последние прежде всего выразились в том, что исчезла социальная база обычая, ибо то, что делало его столь значимым в дореволюционном быту народов Кавказа, потеряло свою актуальность.

Ныне путешественникам по Кавказу не нужно искать ночлега в незнакомых домах: к их услугам гостиницы, дома приезжих, турбазы, кемпинги. Современные средства массовой информации оперативно доносят новости до жителей самых высокогорных сел. Рассказ гостя по-прежнему может заинтересовать хозяев, но он не является единственным, уникальным источником информации о событиях внешнего мира. Стали бессмысленными и другие, некогда весьма полезные функции обычая.

Обычай гостеприимства исчез в качестве *социального института*, но остались *морально-этические установки*, основанные на существовавшей когда-то социально-бытовой норме. Поэтому гостеприимство как крайне желательный элемент межличностного общения продолжало и продолжает удерживаться как в быту, так и в психологии народов Кавказа.

Есть еще один момент, который играет в данном случае немаловажную роль. Многими представителями народов Кавказа гостеприимство оценивается как исконная национальная традиция. Оказывая кому-нибудь гостеприимство, особенно представителю другого этноса, кавказцы как бы демонстрируют неотъемлемую черту своей национальной культуры. Благодаря этому гостеприимство приобрело этнознаковую функцию в известном противопоставлении «мы — они», интегрируя группу носителей данной черты бытовой культуры и противопоставляя ее по этому признаку остальным. В современных условиях этот момент явно оказывает влияние на психологическое обоснование самого обычая, способствует поддержанию его отдельных внешних атрибутов.

⁴⁵ Шиллинг Е. М. В Гудаутской Абхазии. — Этнография, 1926, № 1—2, с. 73—75. О характере бытования обычая гостеприимства в Абхазии в 1940—1950-х годах см. Акаба Л. Х. Абхазы Очамчирского района. — КЭС, 1955, I, с. 102; Смирнова Я. С. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины в прошлом и настоящем. — Там же, с. 178.

⁴⁶ Пчелина Е. Обряд гостеприимства в Осетии. — Сов. этнография, 1932, № 5—6.

Наши ЮБИЛЯРЫ

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ

доктора исторических наук
ВЛАДИМИРА РАФАИЛОВИЧА КАБО
(К 60-летию со дня рождения)

- А. Л. Яценко и его путешествие в Австралию.— Сов. этнография (далее — СЭ), 1957, № 6, с. 59—61.
- Памяти Н. Н. Миклухо-Маклая.— СЭ, 1958, № 5, с. 132—134.
- Этнографические материалы в журнале «Океания» (1955—1956).— СЭ, 1958, № 4, с. 141—145.
- Рец. на кн.: *Harney W. E. Life among the Aborigines. L., 1957; Mountford C. Art, Myth and Symbolism. Melbourne, 1956.*— СЭ, 1958, № 6, с. 183—184.
- Некоторые проблемы культуры австралийских аборигенов.— Вестн. истории мировой культуры (далее — ВИМК), 1959, № 6, с. 65—81.
- Описание австралийской коллекции А. Л. Яценко в Музее антропологии и этнографии.— Сборник Музея антропологии и этнографии (далее — Сб. МАЭ), 1960, т. 19, с. 111—167.
- Рец. на кн.: *McCarthy F. D. Australia's Aborigines, their Life and Culture. Melbourne, 1957.*— ВИМК, 1960, № 2, с. 134—137.
- Искусство Австралии и Океании.— В кн.: Всеобщая история искусств. Т. 2. Кн. 2. М.: Искусство, 1961, с. 515—525.
- Искусство папуасов в трудах Н. Н. Миклухо-Маклая.— СЭ, 1961, № 6, с. 41—50.
- К вопросу о происхождении австралийцев и древности заселения Австралии (по антропологическим материалам).— Вопр. антропологии, 1961, вып. 7, с. 77—94.
- Коллекция с о. Гроут-Эйландт (Северная Австралия).— Сб. МАЭ, 1961, т. 20, с. 154—172.
- Рец. на кн.: *Виккерс Ф. Мираж. М., 1960.*— СЭ, 1961, № 4, с. 235—238.
- Искусство аборигенов Австралии.— В кн.: Искусство стран и народов мира: Краткая художественная энциклопедия. Т. 1, М., 1962, с. 7.
- Каменные орудия австралийцев.— В кн.: Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов (Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. 80). М.— Л., 1962, с. 3—106.
- Современное положение аборигенов Австралии.— СЭ, 1962, № 5, с. 57—68.
- Рец. на кн.: *Mountford C. P. The Tiwi, Their Art, Myth and Ceremony. L., 1958; Hart C. W., Pilling A. R. The Tiwi of North Australia. N. Y., 1960.*— СЭ, 1962, № 2, с. 173—177.
- Каменные орудия труда австралийцев в собраниях МАЭ.— Сб. МАЭ, 1963, т. 21, с. 120—148.
- Байинги — примитивные земледельцы Океании (этнографический очерк).— В кн.: Страны и народы Востока. География, этнография, история, 1964, вып. 3, с. 42—68.
- К проблеме этногенеза аборигенов Австралии. М.: Наука, 1964. 12 с. [Доклад на УП МКАЭН]. (Опубл. также на англ. яз.).
- Методологическая роль статистического метода в этнографических исследованиях.— Научные доклады высшей школы. Философские науки, 1964, № 6, с. 96—101 (в соавт. с Е. О. Кабо).
- Кто такие австралийцы? — Наука и религия, 1965, № 8, с. 46—48.
- Проблема пережитков в этнографии.— В кн.: Географическое общество СССР. Доклады Восточной комиссии, 1965, вып. 1 (2), с. 51—61.

- Юго-Восточная Азия и ее место в формировании австралоидов.— *Вопр. антропологии* 1965, вып. 21, с. 175—180.
- Рец. на кн.: *Reim H. Die Insektennahrung der Australischen Ureinwohner*. В., 1962.— *СЭ*, 1965, № 1, с. 181—182.
- Биндибу.— *Вокруг света*, 1966, № 2, с. 29—32.
- Мотив лабиринта в австралийском искусстве и проблема этногенеза австралийцев.— *Сб. МАЭ*, 1966, т. 23, с. 254—267.
- Первоначальное заселение и древнейшая этническая история.— В кн.: *Народы Юго Восточной Азии* (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М.: Наука, 1966, т. 23—26 (в соавт. с Н. Н. Чебоксаровым).
- Предисловие к кн.: *Д'Эрвилли. Приключения доисторического мальчика*. Л.: Дет. лит. 1966, с. 3—12.
- Становление классового общества у народов Океании.— *Народы Азии и Африки*, 1966, № 2, с. 57—68.
- The Prehistory of the Australian Aborigines in the Light of the New Discoveries.— *Abstracts of Papers Related with Social Sciences and Anthropology. Proceed. 11-th Pacific Science. Congr. V. 9. Tokyo*, 1966, p. 3—4.
- Искусство аборигенов Австралии.— В кн.: *Географическое общество СССР. Доклады Восточной комиссии*, 1967, вып. 4, с. 54—69.
- Просвещение в Австралии.— В кн.: *Просвещение в странах мира* (словарь-справочник) М., 1967, с. 19—22.
- Отв. ред. (совместно с Борисковским П. И.) кн.: *Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке*. Л.: Наука, 1968, 362 с.
- Первобытная община охотников и собирателей (по австралийским материалам).— В кн. *Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1*. М.: Наука, 1968, с. 223—265.
- Происхождение австралийцев в свете новых открытий.— В кн.: *Страны и народы Востока*, вып. 6, с. 246—263.
- Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М.: Наука, 1969. 408 с.
- Этнос как социальное и биологическое явление (по австрало-океаническим материалам).— *Тез. докл. годичной научной сессии 1969 г. Ин-т этнографии АН СССР. Ленингр. отд.-ние*. Л., 1969, с. 18—22.
- Австралия. Музыка.— *Большая Советская Энциклопедия*. Т. 1. М., 1970, с. 86—87.
- Древнейшее прошлое аборигенов Австралии.— В кн.: *Австралия и Океания (История и современность)*. М.: Наука, 1970, с. 53—68.
- Первобытное искусство и его общественная роль.— *Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ин-та этнографии АН СССР. 1969 г.* Л., 1970, с. 105—107.
- On the Ethnic Origin of the Australian Aborigines.— *Труды VII МКАЭН*. Т. 9. М., 1970, с. 60—67.
- Рец. на кн.: *Friendly Mission. The Tasmanian Journals and Papers of George Augustus Robinson, 1829—1834*. Kingsgrove, 1966.— *СЭ*, 1970, № 6, с. 166—168.
- Древний человек в Океании.— *Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ин-та этнографии АН СССР. 1970 г.* Л., 1971, с. 6—8.
- Океания.— В кн.: *Искусство стран и народов мира. Краткая художественная энциклопедия*. Т. 3. М., 1971, с. 144—152.
- Отв. ред. кн.: *Локауд Д. Я — абориген*. М.: Наука, 1971, 223 с.; автор. примеч. и послесл. (с. 212—222). (Опубл. также на латыш. яз.).
- Австралийская музыка.— *Музыкальная энциклопедия*. Т. 1. М., 1972, с. 14—16.
- История первобытного общества и этнография (К проблеме реконструкции прошлого по данным этнографии).— В кн.: *Охотники, собиратели, рыболовы*. Л.: Наука, 1972, с. 53—67.
- Обмен и его социальная роль в первобытном обществе.— *Краткие тезисы докладов симпозиума ЛОИА АН СССР «Обмен и торговля в древних обществах»*. Л., 1971, с. 3—4.
- Синкретизм первобытного искусства (По материалам австралийского изобразительного искусства).— В кн.: *Ранние формы искусства*. М.: Искусство, 1972, с. 275—294 (Опубл. также в Венгрии).
- Отв. ред. кн.: *Роуз Ф. Аборигены, кенгуру и реактивные лайнеры*. М.: Наука, 1971, 279 с.; автор. примеч. и послесл. (с. 270—278).
- Рец. на кн.: *Lommel A. Masken, Gesichter der Menschheit*. Zürich, 1970.— *СЭ*, 1972, № 1, с. 146—149.

- Тасманийская проблема (К изучению ранних стадий этногенеза и социогенеза народов мира). М.: Наука, 1973, 14 с. [Доклад на IX МКАЭН]. (Опубл. также на англ. яз.). Отв. ред. кн.: Риделанд Ф. Остров в Меланезии. М.: Наука, 1973, 144 с.; автор примеч. и послесл. (с. 137—143).
- Рец. на кн.: Lommel A. Fortschritt ins Nichts. Zürich, 1969.— Current Anthropology, 1973, v. 14, № 4, p. 457—458.
- К берегам озера Вечной Молодости (Из истории русской этнографии).— Сб. МАЭ, 1974, т. 30, с. 181—186.
- Место тасманийцев на шкале развития общественных форм.— Бюл. Сов. нац. Тихоокеан. ком. АН СССР, 1974, № 1, с. 14—15.
- Океанийская коллекция И. М. Симонова.— Сб. МАЭ, 1974, т. 30, с. 101—111 (в соавт. с Н. М. Бондаревой).
- Предыстория производящей экономики.— В кн.: Тез. докл. конф. «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя». М., 1974, с. 30—34.
- Ethnography and History of Primitive Society.— Critique of Anthropology, 1974, v. 1, № 2.
- The Origin of Australians in the Light of New Discoveries.— In: The Countries and Peoples of the East. М.: Наука, 1974, p. 297—313.
- Аинская проблема в новой перспективе.— СЭ, 1975, № 6, с. 42—50.
- Север Тихого океана: этногенетические проблемы.— В кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975, с. 142—153.
- Тасманийцы и тасманийская проблема. М.: Наука, 1975. 199 с.
- Этногенетические проблемы северной части Тихого океана.— Информ. сообщения Сов. нац. Тихоокеан. ком. АН СССР, 1975, янв.— март, с. 23—25.
- Отв. ред. кн.: Бринке Й. Окно в каменный век. М.: Мысль, 1975, 204 с.; автор послесл. (с. 197—203).
- Археология и этнография: к проблеме реконструкции первобытности.— В кн.: Тез. докл. конф. «Историзм археологии: методологические проблемы». М., 1976, с. 44—48.
- Die Geschichte der Urgesellschaft und die Ethnographie.— Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift, 1976, Jg. 17, H. 2, S. 253—269.
- Австралийская община.— Информ. сообщения Сов. нац. Тихоокеан. ком. АН СССР, 1977, март-апр., с. 15—18.
- Тасманийцы: структура общественного производства.— Информ. сообщения Сов. нац. Тихоокеан. ком. АН СССР, 1978, янв.— март, с. 23—26.
- Рец. на кн.: Смоляк А. В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. М.: Наука, 1975.— СЭ, 1978, № 2, с. 160—163.
- Die australische Lokalgruppe.— Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift, 1978, Jg. 19, H. 4, S. 583—599.
- Problems of the Economy of Hunters-Gatherers Societies.— Soviet Studies in Ethnography. Problems of the Contemporary World. № 72. М., 1978, p. 106—116. (Опубл. также на четырех языках).
- Австралийская община.— В кн.: Прошлое и настоящее Австралии и Океании. М.: Наука, 1979, с. 139—171.
- Природа и первобытное общество: проблемы социальной адаптации.— Природа, 1979, № 4, с. 84—92.
- Теоретические проблемы реконструкции первобытности.— В кн.: Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М.: Наука, 1979, с. 60—107.
- Рец. на кн.: Fried M. H. The Notion of Tribe. Menlo Park, 1975.— Народы Азии и Африки, 1979, № 2, с. 229—234.
- Некоторые особенности первобытного общественного сознания.— В кн.: Тез. докл. конф. «Идеологические представления древнейших обществ». М., 1980, с. 21—25.
- Тасманийцы: структура общественного производства.— В кн.: Страны Южных морей. М.: Наука, 1980, с. 164—177.
- У истоков производящей экономики.— В кн.: Ранние земледельцы. Л.: Наука, 1980, с. 59—85.
- Nature and Primitive Society.— Soc. Sciences, 1980, v. 11, № 2, p. 213—222.
- Культура аборигенов Австралии.— В кн.: Страны и народы. Австралия и Океания. Антарктида. М.: Мысль, 1981, с. 11—13, 67—71.
- Община и род у нивхов.— В кн.: Пути развития Австралии и Океании. М.: Наука, 1981, с. 198—219.

- Первобытное общество и природа.— В кн.: Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия. М.: Наука, 1981, с. 149—158.
- Природа и первобытное сознание.— Природа, 1981, № 8, с. 88—95.
- Социальная структура первобытного доземледельческого общества: единство и многообразие.— В кн.: Тез. докл. конф. «Марксистско-ленинская философия и вопросы методологии истории и археологии». Ашхабад, 1981, с. 79—83.
- Рец. на кн.: Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. М., 1980.— СЭ, 1981, № 6, с. 152—155.
- Отв. ред. кн.: Берндт Р. М., Берндт К. Х. Мир первых австралийцев. М.: Наука, 1981, 447 с.; автор предисл. (с. 3—16).
- Отв. ред. кн.: Макконнел У. Мифы мункан. М.: Наука, 1981, 156 с.
- Отв. ред. кн.: Роуз Ф. Аборигены Австралии: их прошлое и настоящее. М.: Наука, 1981, 160 с.; автор послесл. (с. 155—158).
- La communauté chez les prédateurs (D'après des données australiennes).— In: La communauté et ses types. Etudes ethnographiques en URSS. № 2. М., 1982, p. 61—105 (Опубл. также на англ. и нем. яз.).
- The Problem of Ethnographic Reconstruction of Primeval Hunter-Gatherer Society.— Problems of the European Ethnography and Folklore. II Congress of the International Society for European Ethnology and Folklore. М., 1982, p. 191—192.
- Die Struktur des urwüchsigen gesellschaftlichen Bewusstseins.— Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift, 1982, Jg. 23, H. 3, S. 385—408.
- Thiên nhiên và tri thức người nguyên thủy.— Khảo cổ học, 1982, № 2, p. 71—77.
- Die Urgemeinschaft nach Aussage der paläolithischen Befunde.— Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig, 1982, B. 34, S. 61—92.
- Археология и экология. У истоков неолитического природопользования.— Человек и природа, 1983, № 8, с. 3—17.
- Society and Culture of Hunters and Gatherers: the Common and the Specific.— Studies on Ethnography and Anthropology. Papers Presented by Soviet Participants to XII ICAES. Pt. 2. М., 1983, p. 32—38.
- Аборигены Австралии.— Вопр. истории, 1984, № 6, с. 101—112.
- У истоков неолитического природопользования.— В кн.: Земля людей. Вып. 6. М.: Знание, 1984, с. 25—40.
- У истоков религии.— Природа, 1984, № 3, с. 51—60.
- Рец. на кн.: Путилов Б. Н. Песни Южных морей. М.: Наука, 1978; его же. Миф — обряд — песня Новой Гвинеи. М.: Наука, 1980; его же. Н. Н. Миклухо-Маклай. М.: Наука, 1981, и др. работы.— СЭ, 1984, № 2, с. 167—170.

20-я СЕССИЯ ВСЕСОЮЗНОГО СИМПОЗИУМА ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ

24—28 сентября 1984 г. в Таллине проходила 20-я сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории, организованная Институтом истории АН СССР совместно с Институтом истории АН Эстонской ССР. Уже четверть века регулярно проводятся встречи ученых, на которых обсуждаются методология и методика исследования аграрной истории. Первый симпозиум был организован в Таллине в 1958 г. Постепенно расширяясь, проблематика симпозиумов охватила кроме аграрной истории европейской части страны Кавказ, Урал и Сибирь. Сложилась четкая структура организации секций, в основе которой лежит хронологический принцип (I секция — «История сельского хозяйства и крестьянства СССР»; II — «Вторая половина XIX в. — 1917 г.»; III — «Первая половина XIX в.»; IV — «XVIII век»; V — «По XVII в. включительно»).

За четверть века определился и круг обсуждаемых проблем. Это социально-экономические факторы, влияющие на развитие сельскохозяйственного производства, а также явления, вызванные изменениями в хозяйственной жизни тех или иных народов, районов, областей. Рассматриваемые проблемы близки этнографам, поэтому с 1960 г. представители этнографической науки вошли в состав оргкомитета симпозиума, а участие этнографов-славистов в его работе стало регулярным.

В работе юбилейной сессии 1984 г. приняли участие более 170 представителей высших учебных заведений, научно-исследовательских институтов и музеев многих союзных и автономных республик страны (историки, экономисты, социологи, демографы, этнографы). Сессия была посвящена социально-демографическим аспектам развития производительных сил деревни¹.

В ходе сессии состоялись два пленарных заседания, работали пять секций. Симпозиум открыл председатель оргкомитета, заместитель академика-секретаря Отделения истории АН СССР, чл.-корр. АН СССР И. Д. Ковальченко (Москва), который подвел итоги исследований в области аграрной истории за четверть века, отметив преемственность их основных направлений, актуализацию теоретических и методических основ, расширение проблематики, связь с практическими задачами современности. Докладчик подчеркнул, что изучение современного развитого социализма станет эффективным, если его проблемы будут рассматриваться на широком историческом фоне, в частности, на фоне изучения социально-демографических аспектов развития производительных сил деревни на всех этапах ее истории.

В совместном докладе Ю. А. Полякова, В. З. Дробижева и Д. К. Шелестова (Москва) «Историческая демография: проблемы изучения» были определены актуальные задачи по изучению народонаселения, вытекающие из решений XVI съезда КПСС.

Ю. Ю. Какх (Таллин), рассмотрев относительное значение и взаимодействие социально-экономических и демографических факторов в аграрном развитии, показал определяющую роль в этом развитии социально-экономических факторов (индустриализации, урбанизации, роста образования и др.).

Впервые за время работы симпозиума на секциях обсуждались социально-демографические аспекты аграрной истории (в частности, миграция населения). Рассмотрению демографических процессов, как и миграций населения, было посвящено более 40 докладов и сообщений, структуре сельского населения — 14, производительным силам села — 10, трудовым ресурсам — 12, структуре и численности семьи — 8, трудовым традициям и производительному опыту — 6, историографии и источниковедению — 4.

На I секции («История сельского хозяйства и крестьянства СССР») было заслушано 25 докладов и сообщений. Во многих из них, а также в дискуссии существенное внимание уделялось влиянию демографических (в частности, миграционных) и социально-экономических факторов на развитие сельского хозяйства и состояние трудовых ресурсов. В ряде докладов убедительно показывалось, что изменения в численности и составе сельского населения происходили под воздействием комплекса факторов: научно-технического прогресса, а также социальной и демографической политики Пар-

¹ Тезисы докладов и сообщений опубликованы в кн.: Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни (М., 1984). В соответствии с установившейся традицией тексты докладов и основных сообщений будут опубликованы.

тии и Советского государства (доклады М. А. Вылцана и А. П. Тюриной — Москва; В. Б. Островского — Саратов; И. Я. Гущина, Т. М. Бадалаян, Л. И. Дремовой — Новосибирск; Н. В. Ефременкова, И. Г. Сергиной — Калинин; П. П. Панченко — Киев; А. А. Рубана — Гомель; В. И. Царанов, Ю. П. Датия — Кишинев; Р. Х. Аминовой — Ташкент).

На II секции («Вторая половина XIX в. — 1917 г.») было заслушано 15 докладов и сообщений по проблемам капиталистического развития в сельском хозяйстве России. Некоторые доклады, основанные на материалах, которые используются этнографами, смыслились с этнографической тематикой: Н. Б. Селунская (Москва) — «Перепись 1917 г. как источник социально-демографической характеристики крестьянства Европейской России накануне Октября»; В. П. Панютин (Минск) — «Социальная структура белорусской деревни во второй половине XIX в.»; П. Г. Рындзюнский (Москва) — «Демографические процессы и состояние сельского населения (вторая половина XX в.)»; Н. В. Кабузана (Москва) — «Социально-экономические и этнографические аспекты эмиграции из Галиции, Закарпатья и Буковины в XIX в. — 30-е годы XX в.». В остальных докладах и сообщениях рассматривались проблемы, касающиеся социальной структуры сельского населения различных регионов. В ходе дискуссии развернувшейся на заседаниях II секции, обсуждался немаловажный вопрос о разграничении таких понятий, как «крестьянское сословие» и «крестьянское население», а также «сельское» и «сельскохозяйственное население».

В программу III секции («Первая половина XIX в.») был включен совместный доклад С. И. Брука и В. М. Кабузана (Москва) «Сельское население Прибалтики в XIX — начале XX в. (1795—1917 гг.). Численность, сословно-классовый и национальный состав». Докладчики проанализировали общие демографические процессы протекавшие в XIX—XX вв. в Прибалтике и части белорусско-литовских районов. Хотя доклад не был зачитан, его тема получила отклик в выступлениях участников секции. Группа докладов этой секции была посвящена ревизской документации: А. Л. Перковский (Киев) — «Воспроизводство крепостного населения Киевской губернии 1834—1850 гг.»; В. И. Крутикова (Тула) — «Ревизские сказки как источник для изучения демографических процессов в крепостной деревне в период кризиса феодальной системы»; Б. С. Давлетбаева (Уфа) — «К вопросу о социальной структуре башкирского общества по данным ревизских материалов». Как отмечалось в резолюции секции, обсуждение докладов показало, что среди документов ревизий наиболее информативны ревизские сказки. Такой вывод весьма важен и для этнографов, и пользующих подобными источниками.

На IV секции («XVIII век») было заслушано 24 доклада, в том числе четырех докладчиков этнографов: М. М. Громыко, А. А. Лебедевой, В. А. Липинской, И. В. Власовой. Большой интерес вызвала тема доклада М. М. Громыко «Трудовые традиции крестьянства XVIII—XIX вв. и проблемы современного сельского хозяйства», в котором обосновывалась идея тесной связи народных традиций с конкретными этнолокальными условиями и подчеркивалось, что в каждой этнической общности формировалась система ценностей, воспитывающая уважение к сельскохозяйственному труду, познание его необходимости и общественной полезности. Исследование норм поведения в трудовой деятельности, по мнению докладчицы, имеет прямую связь с задачами производственного обучения и реформы общеобразовательной школы, с проблемой закрепления трудовых ресурсов в сельской местности.

О народном хозяйственном опыте говорили также И. В. Власова и А. А. Лебедева. И. В. Власова, остановившись на характеристике источников по изучению сельскохозяйственного опыта русского населения Поморья и Западной Сибири XVIII—XVIII вв. и проблеме их картографирования, определила общие и локальные черты в сельском хозяйстве у населения Европейского Севера и Сибири и проследила изменения, возникавшие в процессе приспособления севернорусского хозяйственного комплекса к новым условиям Сибири. Докладчица применила новый в практике изучения проблем аграрной истории метод картографирования земельных явлений и земельных отношений.

А. А. Лебедева охарактеризовала роль торговцев и ярмарок в развитии производственной культуры крестьянского хозяйства Забайкалья и Притоболья XVIII—XIX вв. и выявила воздействие экономических связей на производственную культуру крестьянского хозяйства, в частности на распространение различных видов сельских ремесел.

Сельскохозяйственный опыт населения освещался в докладах М. А. Юча (Вильнюс) — о культуре земледелия в Литве на рубеже XVIII и XIX вв., Л. С. Прокфьевой (Ленинград) — об интенсификации сельского хозяйства в России во второй половине XVIII в., А. Н. Хохлова (Москва) — о деятельности русской миссии в Китае по изучению местных культурных растений и их распространению в России.

В. А. Липинская (Москва) сообщила о миграциях русского населения и хозяйственном освоении юга Западной Сибири, отметив беспорочное преобладание среди переселенцев выходцев из северных районов Сибири и европейской части страны, что определило формирование местного этнокультурного типа. Особое внимание было уделено процессам адаптации народного хозяйственного опыта к местным условиям. Эта тема развивалась в сообщении Н. Н. Покровского (Новосибирск) «Крестьянские традиции освоения востока страны и старообрядческие миграции».

В остальных докладах этой секции (как и во многих докладах других секций) рассматривались различные аспекты проблемы миграций на разных этапах истории страны. С особой полнотой освещались миграции восточнославянских народов. Исследования показали, что Россия — страна с интенсивнейшей внутренней и внешней ми

цией, не затухавшей на протяжении всей ее истории. Принципиально важны сформулированные в резолюции симпозиума выводы о том, что миграционные процессы способствовали взаимопроникновению трудовых и культурных традиций крестьянства различных национальностей.

На V секции («До XVII в. включительно») было заслушано 11 докладов и сообщений, посвященных проблеме социально-демографического развития деревни этого периода. Помимо чисто демографических ситуаций в них рассматривались существенные для этнографов вопросы истории сельских поселений, общины и семьи (структура, трудовые ресурсы, производственные возможности). Проблеме семьи основное внимание уделялось в докладах Е. Н. Швейковской (Москва) — «Крестьянская семья в сельской общине как категории социальной структуры феодального общества», Г. Э. Палли (Таллин) — «Население крестьянского домохозяйства и состав крестьянской семьи в Эстонии в XVII в.», Л. В. Даниловой (Москва) — «Социально-демографические процессы в черной общине Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв.», Е. И. Колычевой (Москва) — «Демографические аспекты сельскохозяйственного кризиса 70—90-х годов XVI в.», З. Ю. и Б. З. Копысских (Минск) — «Белорусское село и его население в конце XVI — первой половине XVII в.», Э. Э. Эпик (Таллин) — «Величина крестьянского семейства и продовольственная норма хлеба в лифляндской деревне конца XVII в.», В. П. Пушкова и И. М. Промахиной (Москва) — «Семья в системе русского крестьянского хозяйства». Докладчики анализировали степень распространенности неразделенных и малых семей на разных территориях, определяли зависимость численности семей и дворов от величины феодального владения, выясняли связи между интенсивностью эксплуатации и населенностью села.

Таким образом, обзор основной проблематики 20 сессии аграрного симпозиума показывает, что на обсуждение был вынесен целый ряд тем, представляющих для этнографов специальный интерес.

На заключительном заседании были подведены итоги изучения вопросов аграрной истории и намечены перспективы дальнейшей работы. Принято решение привлекать более широкий и разнообразный круг источников для всестороннего изучения аграрной истории. Территориальный охват исследований должен расшириться. В принятой на итоговом заседании резолюции, в частности, указывалось на необходимость интенсификации разработки этих вопросов в Средней Азии, Закавказье, Предкавказье, Украине, Казахстане. Было предложено также в будущем включать в программу симпозиума доклады о развитии исследований по аграрной истории в социалистических странах. Подчеркивалась необходимость сотрудничества специалистов смежных дисциплин (историков, демографов, этнографов, социологов и др.). Поэтому признано целесообразным в дальнейшем активизировать выступления на сессиях представителей не только разных секторов и отделов Института этнографии АН СССР, но и этнографов, работающих в других научно-исследовательских центрах и высших учебных заведениях.

И. В. Власова, В. А. Липинская

КОНФЕРЕНЦИЯ «ВОПРОСЫ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ МЕЖДУ ГОРНЫМИ И РАВНИННЫМИ РЕГИОНАМИ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГРУЗИИ С НАРОДАМИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА»

В г. Душети (Грузинская ССР) 9—13 октября 1984 г. проходила первая республиканская конференция «Вопросы взаимосвязей между горными и равнинными регионами и взаимоотношения Грузии с народами Северного Кавказа», организованная по инициативе Жинвальской комплексной археологической экспедиции¹ Отделением общественных наук АН ГССР и Центром археологических исследований Института истории, археологии и этнографии АН ГССР им. акад. И. А. Джавахишвили. В работе конференции приняли участие видные ученые: археологи, этнографы, историки, искусство-

¹ Жинвальская комплексная археологическая экспедиция создана в 1971 г. Институтом истории, археологии и этнографии АН ГССР им. акад. И. А. Джавахишвили связи со строительством Жинвальского гидротехнического комплекса на р. Арагви (Восточная Грузия). Экспедиция (руководитель — д-р ист. наук Р. М. Рамишвили) осуществляет не только обширные археологические работы (особенно в зоне будущегоохранилища), но и благодаря участию в ее деятельности этнографов — постоянный источник этнографических материалов. Некоторые результаты этих многолетних исследований отражены, в частности, в одной из последних фундаментальных публикаций (см.: Жинвали. Археологические изыскания в Арагвском ущелье. I. Тбилиси, 1983. В. 1, илл., на груз. яз., резюме на русск. яз.). Именно полученные экспедицией новые материалы сделали возможной постановку двух важных историко-культурных проблем: взаимосвязь горных и равнинных регионов и взаимоотношения Грузии с народами Северного Кавказа.

веды — представители научных учреждений Москвы, Ленинграда, Свердловска, Киева, Симферополя, Майкопа, Грозного, Махачкалы, Баку, Сухуми, Тбилиси. Всего было заслушано и обсуждено 43 доклада, осветивших различные аспекты рассматриваемых на конференции проблем. К началу конференции было приурочено издание сборника с аннотациями докладов².

Конференцию открыл первый секретарь Душетского районного комитета КП ГССР Г. Ш. Кереселидзе. Вступительное слово произнес академик-секретарь Отделения общественных наук АН ГССР акад. А. М. Апакидзе, подчеркнувший большое научное и практическое значение рассматриваемых на конференции проблем и предложивший избрать почетными председателями конференций академиков А. Г. Шанидзе, Г. С. Читава, А. С. Чикобова и проф. В. И. Абаева.

Руководитель Центра археологических исследований Института истории, археологии и этнографии АН ГССР О. Д. Лордкипанидзе прочел доклад «Археологическое изучение предгорья и горной зоны Грузии в Центре археологических исследований».

На пленарном заседании были заслушаны доклады: Р. М. Рамишвили (Тбилиси) — «Основные проблемы изучения взаимосвязей между горными и равнинными регионами», В. Б. Виноградова (Грозный) — «Изучение древностей Горного Кавказа во второй половине XIX — начале XX века», Г. Г. Гамбашидзе (Тбилиси) — «К вопросу об истории христианства и исторической географии Аварии».

Р. М. Рамишвили в своем выступлении отметил, что вопрос о взаимоотношениях между равнинными и горными регионами представляет собой одну из важных задач не только грузинской и закавказской историографии; он имеет большое значение для исследования исторических процессов во многих государствах Старого и Нового света. В истории взаимоотношений равнинных и горных регионов в феодальную эпоху докладчик, исходя из данных археологии и письменных источников, выделил два цикла (этапа): первый — IV—VIII вв., второй — IX—XIV вв., каждый из которых имел определенную специфику. Р. М. Рамишвили подчеркнул также огромное значение взаимосвязей горных и равнинных регионов в развитии этнических процессов.

В. Б. Виноградов проследил основные этапы изучения древностей Горного Кавказа, подчеркнув, что историко-познавательный интерес к ним проявили уже авторы средневековых грузинских исторических хроник, статейных списков русских посольств в Грузию, русские, восточные и европейские путешественники XVI—XVIII вв.

Г. Г. Гамбашидзе обосновал важность исследования истории христианства на Северном Кавказе, поскольку с этой проблемой сопрягаются многие аспекты истории культуры, общественного развития и исторических связей народов Кавказа. В качестве примера докладчик рассмотрел некоторые материалы, выявленные Дагестано-грузинской экспедицией, которая была создана в 1976 г. с целью изучения культурно-исторических связей между народами Грузии и Дагестана и истории христианства в Дагестане.

Этнографическая тематика рассматривалась также в докладах, заслушанных на пяти последующих заседаниях.

В ряде докладов на секционных заседаниях рассматривалась этнографическая тематика.

З. А. Каландадзе (Тбилиси) в докладе «Ущелье Мтиулетской Арагви в развите средневековья» на основе археологических материалов, выявленных работами Жинвальской экспедиции, а также этнографических данных (в частности сведений о происхождении главного общинного святилища Мтиулет-Гудамакари — Пиримзе и Месхети) охарактеризовал различные стороны развития указанного региона. По этнографическим данным хорошо прослеживается также экономическая связь Мтиулет-Гудамакари с равнинной Картли.

К. К. Чолокашвили (Тбилиси) в докладе «Изготовление оружия в городах и горных районах Грузии»; основанном на материалах многолетних этнографических исследований, показал, что значительными центрами производства оружия в Грузии наряду с горными регионами (Хевсурети, Мтиулет, Сванети и др.) были города Тбилиси, Кутаиси, Батуми, Ахалцихе, Телави и др.

Доклад Г. В. Джалабадзе (Тбилиси) был посвящен этническим процессам в Шиде Картли. В нем давалась характеристика этнического состава городов и селений Картли в средние века, где наряду с грузинами жили представители других народов, постепенно ассимилировавшиеся местным населением. Вместе с тем докладчик подчеркнул, что культура этих народов не оказывала существенного влияния на традиционную культуру грузин, сохранявших свою самобытность. В советские годы многие этнические процессы стали более интенсивными, усилились также миграции населения горных регионов в равнинные области Картли.

Р. М. Долаберидзе (Тбилиси) в докладе «Малые скульптуры всадников в Тушети» изложила результаты анализа двух литых бронзовых фигур всадников, найденных при раскопках в горном с. Шенако (Восточная Грузия). Такие скульптуры по мнению докладчицы, датируются суммарно IX—XII вв. и представляют собой изображение св. Георгия. Языковые, фольклорные и этнографические данные, привлеченные Р. М. Долаберидзе, дают возможность привести новые доказательства в пользу предположения о связи культа св. Георгия с культом главного языческого божества грузинского этноса в древности — Луны.

² Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (аннотации). Тбилиси, 1984. 188 с.

В. М. Чиковани (Тбилиси) выступил с докладом «Структура дома-микроскосмоса в Мтиулет-Гудамакари (по этнографическим материалам второй половины XIX и начала XX в.)», в котором подчеркнул неправомерность противопоставления традиционных и системного методов изучения культуры. Докладчик рассмотрел некоторые мифоритуальные элементы «образа жизни семьи» двух этнографических групп грузинского народа: мтиулов и гудамакарцев, — связанные с проксемическими параметрами интерьера террасообразного жилища горцев, что, по его мнению, создает перспективу реконструкции «картины мира» на уровне макроскосма и для равнинной части Картли.

В докладе Д. Ю. Чахкиева (Грозный) «Некоторые общие черты в военном деле позднесредневековых вайнахов и горцев Грузии» анализировались сходные черты в вооружении (наступательном и защитном), башенной фортификации, стратегии, методах ведения боя в горных условиях у позднесредневековых вайнахов (чеченцев и ингушей) и соседних горцев Грузии (хевсур и тушин).

М. В. Кантария (Тбилиси) в докладе «Соотношение среды обитания и форм хозяйства» отметила, что за последнее время в этнографических и археологических исследованиях большое внимание уделяется значению географического фактора в процессе исторического развития общества. Несомненный интерес, по мнению докладчицы, представляет выявление степени воздействия естественно-экологической среды на формы хозяйства, которое прежде всего определяется уровнем социально-экономического развития общества.

В резолюции конференции отмечено, что впервые проведенный научный форум по рассматривавшимся проблемам вызвал большой интерес, и дальнейшие исследования в этом направлении историков, археологов, этнографов, искусствоведов и антропологов необходимо продолжить. Было высказано также пожелание регулярно созывать конференции по этим проблемам.

Участники конференции побывали на археологической базе Милахврианткари в Душети, где познакомились с материалами раскопок, осмотрели археологические памятники Арагвского ущелья в зоне затопления и прослушали там доклады, побывали на раскопках в г. Мцхета и с. Дзалиса. Участникам конференции были показаны документальный этнографический фильм «Хевсурети» и художественный фильм «Плотина в горах», повествующий о работе строителей и археологов в зоне затопления.

В. А. Джорбеналзе

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«НАРОДНОЕ ПЕСЕННОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

Конференция проходила в Риге 30—31 октября 1984 г. Она была организована Академией наук ЛатвССР, Министерством культуры ЛатвССР и Союзом советских писателей Латвии и посвящена исполняющемуся в 1985 г. 150-летию со дня рождения Кришьяниса Барона, выдающегося латвийского фольклориста и этнографа, «отца дайн», как его называют.

Конференция по существу стала всесоюзной, в ней участвовали фольклористы ряда союзных и автономных республик: РСФСР, Белоруссии, Украины, Литвы, Эстонии, Молдавии, Марийской АССР, Дагестана, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Якутии. Она привлекла большое внимание общественности Латвии.

Одновременно проходил симпозиум по проблемам перевода народных песен, на котором присутствовали переводчики латышских песен из ГДР, Польши, Румынии, Швеции.

Первый день конференции был посвящен характеристике колоссального труда Кр. Барона по собиранию и изданию латышских песен — «дайн». Открывший конференцию главный ученый секретарь АН ЛатвССР акад. В. П. Самсон отметил огромное значение Кр. Барона для латышской культуры. Акад. Я. Я. Калнинь (Рига) выступил с докладом «Песенное наследие и его значение для современной культуры Латвии»¹, первый секретарь Союза советских писателей Латвии Г. Я. Приеде — докладом «Латышская литература и песенное наследие». Значение изданного Кр. Бароном свода «Латвю дайнайс» для развития латвийской фольклористики охарактеризовал К. Я. Арайс (Рига). Б. Ф. Инфантьев (Рига) сообщил о связях Кр. Барона с русскими научными учреждениями и отдельными учеными. Он отметил, что благодаря старанию В. Ф. Миллера Российская академия наук выделила средства на издание латышских дайн (5 томов, 8 книг, содержащих свыше 200 тыс. песен). Э. Я. Кокаре (Рига) дала подробный анализ теоретических принципов классификации и типологизации песен Бароном. Они основаны на признании взаимообусловленности поэтической специфики и социальной функции фольклора. Песни для Барона были теснейшим образом связаны с условиями жизни крестьянина, и он располагал их соответственно жизненному циклу — от колыбели до смерти и делил на трудовые

¹ Все зачитанные на конференции доклады опубликованы (частью на латышском языке) в двух выпусках «Народное песенное наследие и современность» (Tautasdziesma un musdienu kultūra). Рига: Зинатне, 1984.

и семейные. В. И. Мисявичене (Рига) рассказала, как используется система Барона для классификации латышских песен в архиве Института языка и литературы им. А. Упита АН ЛатвССР.

По проблемам, посвященным теории и поэтике песенного творчества, были заслушаны доклады: В. М. Гацака (Москва) — «К изучению исторической поэтики песен народов СССР», Л. И. Сауки (Вильнюс) — «Проблемы изучения народного песенного творчества», С. Г. Лазутина (Воронеж) — «Художественное своеобразие песенных жанров русского фольклора» и У. Б. Далгат (Москва) — «Функционирование песенной народной культуры в современном литературном художественном процессе».

В. И. Гацак, говоря о значении и методологических принципах сравнительного изучения песен, подчеркнул, что «предмет исторической поэтики — не поиск генетической зависимости, а выяснение последовательности состояний»; при этом «установление межэтнической формационной разнотипности непременно должно сочетаться с установлением разнотипности в пределах одной традиции». Кратко охарактеризовав опыт фольклористов ИМЛИ АН СССР по сравнительному изучению поэтики песен разных народов, он в качестве примера остановился на использовании принципа психологического параллелизма в русских, украинских, белорусских, латвийских и литовских песнях.

Л. И. Саука отметил, что обычно исследуются отдельные аспекты песен, тогда как их следует рассматривать как целостное художественное явление, связанное с жизненными ситуациями и социальной почвой, его породившими. При этом он признал оправданным, что исследователи сосредотачивают внимание на сравнительном исследовании песен, задачи которого: 1) проникновение в глубинный смысл текста песни; 2) изучение истории отдельных памятников, жанров, образов, сюжетов, мотивов; 3) установление общих закономерностей фольклорного творчества.

С. Г. Лазутин охарактеризовал некоторые особенности русских эпических и лирических песен и показал разный характер использования и функций традиционных эпитетов в эпосе, лирике и частушке.

У. Б. Далгат на примере произведений М. Стельмаха, О. Гончара, С. Наровчатова, Б. Шенкуба, Р. Гамзатова, Ю. Балтушиса, Ч. Айтматова, Ю. Рытхеу и др. показал разные типы использования песенного фольклора и сделала вывод, что «фольклор как культурно-историческая ценность продолжает обогащать современную литературу, выступая в качестве одного из формообразующих факторов».

На последнем заседании обсуждались теоретические и издательско-текстологические аспекты подготовки научных изданий песенного наследия. В докладах А. И. Демина (Киев) и К. П. Кабашникова (Минск) были изложены принципы распределения и группировки песен, издающихся в сводах украинского и белорусского народного эпического творчества. Песни в этих сводах группируются по жанрово-тематическому принципу с учетом и их функций. По функционально-тематическому принципу строится свод «Латышские народные песни», о котором доложила Я. Б. Дарбиние (Рига). Но распределение материала и группировка вариантов имеют здесь некоторые отличия. Как и у Кр. Барона, песни делятся на два раздела: трудовые (включая календарные обрядовые и песни о социальных взаимоотношениях) и семейные (включая родинные, свадебные и похоронные). При типологизации вариантов выделяется основной (наиболее ранний по записи) и версии, имеющие отличия в мотивах, они публикуются полностью. Совпадающие варианты приравниваются к основному (показано их количество, номер и в указателе дается полный паспорт), при незначительных различиях отмечаются построчно разночтения. Такая система дает возможность опубликовать все записи песен, сделанные после свода Кр. Барона (их в архиве института более 1,2 млн.). К. И. Алексинас (Вильнюс) говорил о принципах текстологического редактирования литовских песен.

Большинство выступавших в обсуждении теоретических докладов (Н. И. Савушкина, В. К. Соколова — Москва; В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова — Ленинград; А. Гутов — Нальчик) подчеркивали, что песня — сложное полифункциональное явление, где неразрывно единство текста и мелодии. Изучать ее следует комплексно, учитывая обязательно бытовые функции и форму исполнения. Х. Суна (Рига) указала связь песни с народной хореографией. И. Мунеев (Грозный) рассказал об опыте комплексного изучения фольклористами, этнографами, историками и лингвистами одной чечено-ингушской исторической песни — «илии». По мнению У. Б. Далгата, Н. С. Шумады (Киев), песня прежде всего искусство слова, но они признавали, что изучать ее нужно как целостное явление.

Весьма положительно был оценен опыт фольклорного коллектива ИМЛИ АН СССР по изучению исторической поэтики песен. Г. И. Бостан (Черновцы) отметил, что цель сравнительно-исторического исследования не только установление межэтнических связей и сходства, главное — выяснение исторического развития фольклора. Указывалось на большое значение изучения разного типа песенных формул как наиболее устойчивого элемента их поэтики, играющего важную роль в их структуре (С. Г. Мурару — Кишинев, А. Ф. Некрылова). У. Д. Далгат, отмечая эффективность аналитического и сравнительно-исторического метода изучения песен, подчеркнула, что при этом важно определить хронологию текстов, их стадиальное состояние, это помогает выяснить и особенности изображения действительности в разных жанрах и разные периоды. Н. И. Савушкина считает, что все проблемы поэтики песен разных жанров надо рассматривать с учетом их современного состояния. В. П. Кругляк (Свердловск) призвала больше внимания уделять поэтике рабочего фольклора и сообщила о проблемах, которые обсуждались на симпозиуме по современному

чему фольклору летом 1984 г. в Свердловске. В выступлениях были охарактеризованы особенности некоторых видов песен: эстонских (Т. Таммо — Тарту), якутских (С. И. Мухомова — Якутск).

Ряд выступавших указывал, что народные песни могут иметь большое воспитательное значение и к ним, а также к народной хореографии и играм надо прибавлять детей с самого раннего возраста (Х. Суна, А. М. Аджиев — Махачкала и др.). Н. С. Шумада считает, что народная песня может противостоять модным сейчас музыкальным увлечениям молодежи. А. Ф. Некрылова призвала фольклористов и этнографов уделять больше внимания разработке новой обрядности и активно вмешиваться в то, что делается в этой области на местах.

Говоря о принципах подготовки песенных сводов, А. А. Горелов (Ленинград) указал на ряд задач, которые приходится решать при подготовке свода русских былин; например, о причинах различия северной и южной традиций, о зональных и исторических границах традиций. По мнению В. В. Коргузалова, свод русских былин следует строить по региональному принципу, так как их музыкальные стили разных районов, особенно северных и южных, резко различаются. С. Г. Мурару считает неверным, что советские песни не включаются в основные национальные своды (в них звучат те же темы, что и в традиционных, и их нужно включать в соответствующие тематические группы).

О подготовке национальных фольклорных сводов и встающих при этом проблемах сообщили: А. Корб (Тарту) — о своде эстонских песен; А. М. Аджиев — о дагестанском, А. Готов (Нальчик) — о кабардино-балкарском своде, В. А. Акцонин (Йошкар-Ола) — о собрании марийских песен и принципах их классификации. Последний рассказал о трудностях, с которыми сталкиваются публикаторы фольклорных сводов и сборников, так как местные издательские работники не всегда понимают задачи. Его поддержали и другие выступавшие.

По единодушному признанию, конференция была очень своевременной, и обсуждение на ней проблем изучения и издания песен будет способствовать дальнейшему углубленному исследованию песенных традиций. Особенно подчеркивался ценный опыт латышских фольклористов по систематизации, каталогизации и изданию народных песен, который должен быть использован и развит фольклористами других советских республик. В. К. Соколова, отметив, что русские фольклористы в этом отношении отстали, пожелала, чтобы Научный совет по фольклору обеспечил издание указателя песен Н. П. Колпаковой.

В. М. Гацак в заключительном слове от имени гостей выразил сердечную благодарность организаторам конференции, сделавшим все, чтобы она прошла успешно. Поставленные на ней теоретические проблемы обсуждались с учетом новых материалов и исследований. Самое большое теоретическое достижение на сегодня — осуществление научной систематизации песен. По-новому ставятся проблемы сравнительно-исторического изучения песен, их национальной специфики. Нужно активнее сотрудничать с представителями смежных специальностей, убедить их в необходимости комплексного исследования фольклора. Очень важен и аспект современного функционирования фольклора. Необходимо добиваться, чтобы фольклор стал предметом школьного обучения, активнее вмешиваться в практику создания новых обрядов.

В. К. Соколова

НАУЧНЫЕ СЕССИИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАМЯТИ АКАДЕМИКА В. ШТЕЙНИЦА

25—28 февраля 1985 г. в Берлине (ГДР) состоялись одна за другой три сессии, которых отмечалось 80-летие известного лингвиста, этнографа и фольклориста академика Вольфганга Штейница (1905—1967). Научная сессия, созданная Центральным институтом истории АН ГДР (Отдел этнографии и истории культуры) и Издательством АН ГДР, была посвящена теме «Роль фольклора в процессе формирования национального самосознания». Сессия Института языкознания АН ГДР получила название «Этимология и параллелизм в народной поэзии». И наконец, сессия Института лингвистики и Отделения славистики Берлинского университета им. В. Гумбольда — «Изучение народной культуры финно-угорских народов как задача финно-угроведения и славистов».

На этих сессиях ученые ГДР, Венгрии, Финляндии, Польши, Болгарии, Чехословакии и СССР прочитали более 30 докладов. Часть из них имела мемориальный и биографический характер. В них было охарактеризовано значение исследовательских работ и научно-организационной деятельности академика В. Штейница в развитии современной лингвистики (особенно финно-угроведения, германистики и славистики этнографии и фольклористики).

В других докладах рассматривались конкретные вопросы фольклористики и этнографии. Некоторые из них, представляющие общетеоретический интерес, будут названы ниже.

В. Штейниц, мадьярист по университетскому образованию, уже в 1920-е годы занимался прибалтийско-финскими, а затем обско-угорскими языками и тем

самым способствовал формированию финно-угроведения как специальной дисциплины в университетах и научных учреждениях Германии.

Печататься В. Штейниц начал в 1929 г. и быстро зарекомендовал себя как реторосторонне эрудированный финно-угровед, стремящийся к теоретическому обновлению этой дисциплины.

Его первая книга была связана с лингвопоэтическим изучением карело-финского эпоса («Der Parallelismus in der finnisch-karelischen Volksdichtung Untersucht an den Liedern des Karelischen Sängers Archippa Perttunen» в серии «Folklore Fellows Communications», № 115, Helsinki, 1934 — «Параллелизм в карело-финской поэзии»). Исследовано по записям песен карельского певца Архипа Пертунена).

Выход первой книги В. Штейница встретил в эмиграции. Коммунист с 1929 г., был не только новатором в специальных областях знания, но и активным общественником-антифашистом. 1934—1938 гг. В. Штейниц провёл в Ленинграде, где был профессором Института народов Севера. Большую роль в дальнейшей научной судьбе ученого сыграла многомесячная экспедиция к хантам, во время которой он собрал уникальные лингвистические, этнографические и фольклорные материалы, положенные в основу четырехтомного исследования «Остязологические исследования» («Ostjakologische Arbeiten»). В. I—IV Budapest, 1975—1980).

Сразу же после освобождения Германии от фашизма В. Штейниц возвращался на родину и здесь в числе «активистов первого часа», как их называют в ГДР, принимает интенсивнейшее участие в строительстве нового государства и его научных учреждений. По его инициативе возникает Институт немецкой этнографии АН ГДР, отдел современного немецкого языка Института языкознания, кафедра и Институт финно-угроведения Берлинского университета им. В. Гумбольдта. Как вице-президент АН ГДР он оказал значительное влияние на развитие многих общественных наук в ГДР. Особенно велики его заслуги в сфере финно-угроведения, этнографии и фольклористики. Дискредитированная в годы фашизма немецкая этнография (как фольклористика) остро нуждалась в разработке новой концепции, которая могла возродить ее как науку. Следует подчеркнуть, что методические идеи В. Штейница оказали заметное влияние не только на ученых ГДР, но и в целом на процесс формирования марксистской этнографии и фольклористики в социалистических странах. Значительны заслуги В. Штейница, как отмечали выступавшие на сессии, и в организации нараставшего сближения ученых ГДР и СССР. В эти годы под руководством В. Штейница были изданы образцовый двухтомник «Немецкие песни демократического характера за шесть столетий» («Deutsche Volkslieder demokratischen Charakters sechshundert Jahren»). В. I—II. В., 1954—1962), многотомный словарь современного немецкого языка; были основаны «Этнографический ежегодник» («Deutsches Jahrbuch für Volkskunde»), международный фольклорно-этнографический информативный журнал «Демос» («Demos») и серия «Народная сказка. Интернациональная серия» («Volksmärchen. Eine internationale Reihe»).

Кроме мемориальных и историографических докладов на названных выше научных сессиях были прочитаны доклады, объединявшие проблемы, обозначенные в названиях сессий. На сессии Центрального института истории обсуждались доклады, связанные с изданием серии «Народная сказка». Прямо теме конференции отвечали доклады Х. Капельш (ГНР) «Польская фольклорная и литературная сказка: период романтизма» и К. В. Чистова (СССР) «Русское национальное самосознание и проблема исполнителей фольклора в русской фольклористике XIX—XX вв.». На сессии Института языкознания АН ГДР особый интерес вызвали доклады, в которых обсуждался параллелизм в народной поэзии как один из принципов формирования вторичной языковой структуры. Проблема эта рассматривалась как в общетеоретическом плане (Э. Ланг, ГДР), так и на материале фольклора хантов (Л. Харту, ГДР), финно-угорских (Б. Шульце, ГДР) и балканских (К. Костов, НРБ) народов.

На сессии Института финно-угроведения и Отделения славистики Берлинского университета значительный интерес участников вызвали доклады Г. Штроба (ГДР) «В. Штейниц и развитие этнографических исследований в ГДР», К. Г. Шмидта (ГДР) «Язык фольклора и развитие национального самосознания», доклады П. Ульмана, И. Семрау и И. Риман (все трое — ГДР), связанные с исследованиями «Калевалы» и работами В. Штейница, и доклад П. Карпати (ГДР) «Отражения венгерской народной культуры в фольклорной лирике».

26 февраля 1985 г. Издательство АН ГДР провело рабочее совещание по итогу и перспективам издания серии «Народная сказка». На совещании отмечалось, что серия заслуженно завоевала международный научный авторитет. Издатели отметили, что из 12 вышедших томов 6 уже подготовлено советскими учеными (сказки эстонские, украинские, белорусские, эстонские, латышские, литовские), причем том «Русская сказка» Э. В. Померанцевой выдержал 13 изданий. Участники совещания (зам. директора издательства К. Зайслер, главный редактор Б. Тешке, ведущий редактор Х. Пау-

¹ Подробнее о научной деятельности В. Штейница см. Sauer G., Guhr G., Steinbach H. Wolfgang Steinitz. Biographische Skizze.—Etnographisch-Archäologische Zeitschrift. Berlin, 1968; В. 9, S. 197—218 (там же на с. 217—218 перечень некрологов). В русск. яз. см.: Померанцева Э. В., Терентьева Л. Н. Вольфганг Штейниц (1904—1967).—Сов. этнография, 1967, № 4, с. 187—189; Арусте П. Вольфганг Штейниц. Memoriam.—Сов. финно-угроведение, 1967, № 3, с. 206—208. Библиографию В. Штейница см.: Gesamtverzeichnis der Schriften von Wolfgang Steinitz.—Bei Ostjakologische Arbeiten. В. IV. Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie Budapest, 1980, S. 463—492.

учный руководитель серии Г. Бурде-Шнейдевинд, члены редакционной коллегии Капеллош (ПНР), К. В. Чистов (СССР) и Я. Ех (ЧССР); (член редколлегии серии академик П. Динеков (НРБ) приехать на совещание не смог) наметили перспективы развития серии на ближайшие годы.

К. В. Чистов

РЕДАКЦИИ «ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ» — 20 ЛЕТ

В 1984 г. исполнилось 20 лет со дня создания при Секции общественных наук АН СССР редакции «Общественные науки и современность». Председатель редакционного совета — акад. П. Н. Федосеев, заместитель председателя — член-кор. АН СССР И. Р. Григулевич.

За истекшие годы редакция «Общественные науки и современность» стала одним из ведущих центров по пропаганде за рубежом развития общественных наук в СССР. В 130 странах мира на шести иностранных языках распространяются журналы и серии тематических сборников, информирующих зарубежных читателей о достижениях советского обществоведения. Широкое распространение этих изданий свидетельствует об огромном интересе, проявляемом зарубежным читателем к научным исследованиям советских ученых, а также о растущем авторитете и влиянии марксистско-ленинской методологии гуманитарных наук.

Журнал «Общественные науки» издается 4 раза в год на английском, французском, немецком, испанском и португальском языках и направляется главным образом в капиталистические и развивающиеся страны. Он переиздается в Японии (на японском языке), Индии (на бенгали), Греции (на новогреческом) и ряде других стран. В журнале представлены новейшие исследования советских ученых по важнейшим проблемам обществоведения, таким, как «Проблемы войны и мира», «Развивающиеся страны: новые исследования», «Человек и природа», «Молодежь и общество» и др.

На русском языке журнал «Общественные науки» издается с 1976 г. Русский вариант ориентирован в основном на читателей социалистических стран. Большое внимание уделяется разработке вопросов совершенствования развитого социализма, укрепления мировой социалистической системы, достижениям стран социалистического содружества.

Редакция выпускает также тематические сборники. Строя свою работу в соответствии с решениями XXV и XXVI съездов КПСС и Пленумов ЦК КПСС по идеологической работе на современном этапе, редакция освещает на страницах сборников самые актуальные вопросы современности: борьбу КПСС и Советского государства за предотвращение ядерной войны, сохранение и укрепление мира; проблемы национально-освободительного движения; пути становления и развития молодых независимых государств; вопросы международного рабочего движения и т. д. Среди них издания, касающиеся на самые острые политические ситуации в мире: «Мальвинский (Фолклендский) кризис: истоки и последствия», «Палестинская проблема: агрессия, сопротивление, пути решения», «Гренада: история, революция, интервенция США» и др.

Характерной чертой работы редакции «Общественные науки и современность» является содружество с гуманитарными институтами. Так, в результате сотрудничества с Институтом этнографии АН СССР начал выпуск серии «Советские этнографические исследования» (отв. ред. — акад. Ю. В. Бромлей). За последние годы на иностранных языках в этой серии вышел ряд сборников: «Теоретические проблемы этнографии», «Советская этнография: основные направления», «Этнография и смежные науки», «Этническая география и картография», «Расовая проблема в современном мире». Последний сборник вышел в двух изданиях: первое издание — в 1981 г., второе — в 1983 г. под несколько измененным названием — «Расизм и борьба с ним в современном мире».

Совместно с Институтом этнографии АН СССР редакцией подготовлены и издаются работы ведущих советских этнографов по актуальным проблемам современности. Несоменный интерес для зарубежного читателя представляет сборник статей Ю. В. Бромлея «Этнические процессы» (1983 г.), в котором дается общая характеристика этнических процессов и проведена их типологизация.

Широкий отклик за рубежом вызвал выход в свет в 1977 г. работы С. И. Брука «Население мира сегодня. Этнодемографические процессы». В настоящее время готовится новое (дополненное и переработанное) издание этой фундаментальной книги.

За последние годы Институтом этнографии АН СССР подготовлены и сданы в редакцию еще несколько сборников: по этнографии кочевых народов, по проблемам этносоциологии в СССР; о традициях и инновациях в материальной культуре народов Средней Азии.

Этнографические сборники издаются также и в других сериях, например в серии «Латинская Америка: исследования советских ученых» и «Африка: исследования советских ученых». В 1984 г. в латиноамериканской серии в трех томах выпущен сборник «Первообитатели Латинской Америки: прошлое и настоящее». В 1985 г. планируется выпуск еще двух этнографических сборников: «Этнические процессы в странах Юж-

ной Америки» и «Этнические процессы в странах Карибского моря». Первый сборник представляет собой сокращенный вариант изданной ранее монографии, посвященной этнической истории народов Испанской Америки (к югу от Панамского перешейка) Бразилии и Гвианского района, общим и специфичным чертам в истории каждой и латиноамериканских наций. Особое внимание уделяется периоду образования наций. В сборнике «Этнические процессы в странах Карибского моря» освещается этническая история отдельных островов рассматриваемого региона, судьба аборигенного населения. Этнические процессы анализируются в теснейшей связи с социальными, показана зависимость этнорасовой структуры обществ от особенностей плантационной системы.

В африканской серии подготовлен сборник «Этнокультурное развитие африканских стран», содержащий как материалы теоретического характера, так и конкретные исследования этнокультурных процессов, языковых ситуаций в странах Африки.

В 1985 г. редакция «Общественные науки и современность» приступает к изданию новой серии «Советское религиозное» (отв. ред. И. Р. Григулевич). В сборниках серии предполагается освещать историю и современное положение трех мировых религий: христианства, ислама и буддизма. О причинах активизации различных религиозных учреждений и организаций, приспособлении религии к современным условиям положения религии в СССР, исторической природе и сущности атеизма расскажут советские религиоведы зарубежному читателю. Одним из первых предполагается выпустить сборник «Религия в СССР: правда и вымыслы».

О новых планах редакции «Общественные науки и современность» говорилось на заседании редакционного совета, посвященном 20-летию деятельности редакции.

Заказы, постоянно поступающие из-за рубежа на издаваемые сборники, — убедительное доказательство важности и необходимости работы по пропаганде достижений советских общественных наук за рубежом.

Т. А. Берези

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

С 1984 г. Новгородский Гос. объединенный музей-заповедник работает по комплексному историко-этнографическому изучению Новгородской области. Исследования проводятся силами филиала музея-заповедника «Витославлицы» (Музей деревянного зодчества) с привлечением специалистов из других организаций. В феврале, марте, июле 1984 г. были проведены две экспедиции в самый восточный район Новгородской области — Пестовский. Задачей полевых работ традиционно являлся дальнейший систематический сбор материала по этнографии региона и пополнение музейных коллекций. Однако с 1984 г. направление и акценты экспедиционных исследований несколько изменились. Во-первых, сбор информации теперь ведется комплексно, по темам, максимально полно отражающим традиционную материальную и духовную культуру населения Новгородчины. Во-вторых, особое внимание уделяется программам сбора (вопросники, анкеты и т. п.). Одновременно с уточнением региона исследований составляются и вопросники, учитывающие специфику региона. Вопросники по сельскому хозяйству, одежде, ремеслам снабжены рисунками, облегчающими работу с информатором. Постоянно дорабатываются вопросники по традиционной духовной культуре населения. На очереди применение статистических мето-

дов исследования жилой и производственной архитектуры. И, наконец, в-третьих, все полевые материалы собираются теперь с учетом составления в будущем этнографических карт региона.

Две прошедшие экспедиции показывают, что направление и темпы работ выбраны правильно. Была обследована значительная территория — 8 сельских советов (сверная, западная и юго-западная части района — деревни Пикалиха, Устье-Кирское, Вотроса, Богослово, Медведки, Мокшеева Горка, Драчево, Междуречье, Еськино, Подлипы, Климовщина, Ельняное, Малышево, Плоское, Нивы, Черны, Алехново, Мышенец, Тетерино, Дубров, Лукинское, Лямцино, Борихино, Осипов, Заручевье, Абросово) и некоторые другие. Опрошено 120 информаторов, собран относительно полный материал по теме земледелие конца XIX — начала XX в. традиционная пища, традиционная одежда. Началось описание различных видов промыслов и ремесел, распространенных в Пестовском районе Новгородской области. Для музея собраны образцы ткачества и вышивки, гончарных и бондарных изделий, музыкальные инструменты и одежда конца XIX — начала XX в. Материалы экспедиций после обработки будут переданы в архив Новгородского музея-заповедника.

С. Б. Пух

В сентябре 1984 г. этнографическая экспедиция в составе научных сотрудников сектора этнографии Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института истории, филологии и экономики (КБНИИ) С. Х. Мафедзева (начальник экспедиции), Х. М. Думанова, В. Х. Кажарова, В. М. Аталикова, аспиранта Института этнографии АН СССР Х. С. Кушхова, преподавателя КБГУ Б. Х. Бгажнокова и шофера Р. А. Пшукова работала в адыгейских аулах Адыгейской автономной области Краснодарского края. В состав экспедиции входил также абхазский антрополог П. К. Квициния.

Продолжая исследования прежних лет по традиционной этнографии адыгов, члены экспедиции интересовались вопросами общественного и семейного быта адыгов в прошлом, изучали традиционное земледелие, скотоводство, ремесла, религиозные представления и верования, обряды, народные приметы, метеорологию, календарь, космологические представления и т. д. Кроме того выяснялось современное состояние свадебных, похоронных и других обрядов у локальных групп адыгейцев — темиргоевцев, бжедугов, абадзехов, шапсугов и др. Х. М. Думанов собирал материалы по обычному праву адыгов, В. Х. Кажаров и Х. М. Кушхов — по сельской общине и общественному быту, В. М. Аталиков — по религиозным верованиям; Б. Х. Бгажноков — по этикету и культуре общения; С. Х. Мафедзев — по обрядам, народным приметам и народному календарю. П. К. Квициния проводил широкое антропологическое исследование среди мужского населения похоронных жителей Адыгейской АО.

Участники экспедиции побывали в аулах Мамхег, Шовгеновск, Кобахабль, Джоракай, Кошехабль, Блечепсын, Ходзь, Аскакалай, Джиджихабль и др.

В ходе работы было опрошено 95 информаторов в возрасте от 60 до 104 лет, антропологически обследовано более 200 человек. Члены экспедиции записали интересные легенды, а также названия растений, инструментов мастеров ювелирного и шорного дела, ставшие в настоящее время арханзмами, они имеют большое значение для изучения традиционной культуры адыгов.

Материалы этнографической экспедиции КБНИИ в Адыгейскую АО свидетельствуют о том, что несмотря на территориальную разобщенность адыгских народов, они бережно сохраняют позитивные элементы традиционной культуры,

что лишний раз свидетельствует об этнической общности всех адыгов: кабардцев, адыгейцев, черкесов.

Экспедиционные материалы обработаны и сданы в архив КБНИИ, где ими могут воспользоваться все ученые, интересующиеся вопросами традиционной культуры и быта адыгов.

С. Х. Мафедзев

* * *

Со 2 по 15 июля 1984 г. группа второкурсников филологического факультета Калининского государственного университета под руководством Н. Ю. Меркулова проходила учебную диалектологическую практику в Пеновском районе Калининской области. Практиканты работали в селениях, расположенных по берегам озер Стерж, Вселуг, Пено и Волго. При фиксации терминов материальной культуры студенты обязательно описывали сами реалии, т. е. использовался лингво-этнографический подход. Основное внимание уделялось традиционным сторонам бытовой и хозяйственной деятельности местного русского населения.

Опрос старожилов велся с помощью специальных программ и вопросников, как апробированных в предшествующие годы, так и новых («грибы», «русская печь» и «корзины»). К числу традиционных тем относились: дом и надворные строения, пища и продукты питания, сенокосные и лесные угодья, сельскохозяйственные орудия и виды труда, транспорт и пути сообщения и т. д. Интересный материал собран по утвари и ткачеству. Описаны свадебный обряд и различные «беседы» — вечерние собрания подростков, молодежи и семейных (проходят раздельно).

Одной из центральных тем было рыболовство — давний способ добывания средств к существованию для значительной части местных жителей. Несмотря на существенные изменения в организации рыбного промысла, происшедшие за годы Советской власти, отдельные орудия и формы рыболовства устойчиво сохраняются здесь на протяжении многих десятилетий. Ставилась задача не только описать орудия и способы лова рыбы на Верхневолжских озерах, но и выявить черты их сходства и различия с рыбопромысловой культурой соседнего водоема — оз. Селигер, по которому уже подготовлен «Словарь селигерских рыбаков».

Полевые материалы (записи в тетрадях, на магнитной ленте, рисунки и фотографии) после обработки поступят в архив кафедры русского языка.

Н. Ю. Меркулов

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

М. Л. Бутовская

ИССЛЕДОВАНИЯ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРИМАТОВ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМ АНТРОПОСОЦИОГЕНЕЗА

В последнее время появляется все больше работ, посвященных групповому поведению приматов. Особое место среди них занимают исследования агрессивного поведения. Интерес к этой сфере поведения приматов возникает неизбежно при попытке изучения процессов эволюции в целом, роли группового поведения как предпосылки антропосоциогенеза¹.

До настоящего времени не существует единого мнения о причинах и факторах вызывающих агрессию, механизмах ее развития и снятия, о роли этой формы поведения для вида, отдельной группы в пределах вида и отдельной особи. Проблема правильной интерпретации явления агрессии встала исключительно остро в идеологическом плане вследствие попыток ряда западных ученых трактовать агрессивное поведение у человека как генетически детерминированное и потому неискоренимое явление². В данном обзоре мы попытались вкратце изложить основные представления о самом понятии «агрессия», причинах ее возникновения, представить возможные особенности этой формы поведения у протогominид. Нами использована в основном литература, освещающая вопросы агрессивного поведения у приматов.

Понятие агрессивного поведения. Указанной проблеме посвящены работы спеша листов разных наук: этологов, психологов, физиологов, социологов. При этом сами понятия «агрессия» по-разному толкуют исследователи, работающие иногда даже в одной области науки. До сих пор не существует единого емкого, объективного, общепринятого определения понятия «агрессивное поведение».

Рассмотрим некоторые существующие определения. Этологическое определение на базе функционального (структурно-динамического) подхода предложено Дж. Скоттом³: «Агрессия — это процесс инициации атаки, приводящий к борьбе». С позиции физиологии А. Басс⁴ определяет это явление как реакцию, «в результате которой другой организм получает болевые стимулы». При этом он выдвигает правильный тезис о необходимости понимания агрессии лишь на основе явлений, поддающихся объективному измерению. Его определение во многом сходно с этологическим определением Скотта, но не охватывает всех явлений такого порядка.

В более узком смысле представляют агрессию другие исследователи⁵, определяя ее как непосредственно контактное поведение особей, в результате которого партнеры получают увечья. Р. Хайнд⁶, оценивая это явление, предпринял попытку совместить функциональный подход с ситуационным подходом К. Мойера; он указал не только возможные последствия агрессивного поведения, но и основные причины его возникновения, цель его использования. «Агрессия, — пишет он, — это адресованное другой особи поведение, которое может привести к нанесению повреждений и часто связано с установлением превосходства, получением доступа к определенному объекту или права на какую-то территорию»⁷. Однако и это более емкое по сравнению с пре-

¹ Файнберг Л. А. У истоков социогенеза. М.: Наука, 1980; Семенов Ю. И. Прелюдии становления человеческого общества. — В кн.: История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М.: Наука, 1983, с. 228—292.

² Lorenz K. What Aggression is Good for. — *Animals*, 1966, v. 9, № 7, p. 403—407. Ardrey R. Цит. по кн.: Мейнинг О. Поведение животных. Вводный курс. М.: Мир, 1982, с. 154; Borgia G. Human Aggression as a Biological Adaptation. — In: The Evolution of Human Behaviour/Ed. Lockard J. C. Oxford, 1980, p. 165—192.

³ Цит. по кн.: Hall K. R. L. Aggression in Monkeys and Ape Societies. — In: *Primates Studies in Adaptation and Variability*/Ed. Gay P. C., 1968, p. 149—162.

⁴ Цит. по кн.: Дьюсбери Д. Поведение животных. Сравнительные аспекты. М.: Мир, 1981, с. 125.

⁵ Andrew W., Thelma R. Agonistic Puffing in the Wild Barbary Macaque M. S. vana L. — *Primates*, 1973, v. 14, № 4, p. 421—425.

⁶ Хайнд Р. Поведение животных. М.: Мир, 1975, с. 360.

⁷ Moyer K. E. Kinds of Aggression and Their Physiological Basis. — In: *Communications in Behavioural Biology*. 1968, V. 2, p. 65—87.

лучшими определением не отражает полностью сущности данной формы поведения, как агрессия может иметь место не только при нападении, но и при убежении. В то же время установление иерархического статуса, выражение права на территорию, получение доступа к пище и половому партнеру могут проходить и без применения агрессии.

Мотивационный подход к изучению агрессивного поведения был разработан и применен К. Лоренцем, полагающим, что у животных неизбежно существует врожденное внутреннее побуждение к агрессии. Накапливаясь в особи как энергия, оно неизбежно должно найти выход; цель такого поведения — нанесение повреждений объекту агрессии⁸. Таким образом, Лоренц представляет агрессивное поведение как неотъемлемое свойство всех животных без исключения.

С тех же позиций, но иначе понимает агрессивное поведение Н. Тинберген⁹. Основное внимание он уделяет внешней мотивации, определяя агрессию как результат борьбы двух противоположных тенденций — стремления приблизиться к противнику и бегать от него. Здесь предполагается наличие причин такого поведения, стимула, его порождающего, обусловленных не только внутренним побуждением, но и факторами окружающей среды. Проблема внутренней и внешней мотивации, определение преобладания одной из них имеют исключительно важное значение.

Так, если Лоренц прав и агрессия действительно является продуктом внутреннего побуждения, генетически детерминирована, то единственная возможность избежать последствий такого поведения — направить его в «безопасное русло» (в другие сферы поведения). С таких позиций поиски причин возникновения агрессивного поведения лишены смысла. Если же прав Н. Тинберген и оно вызывается внешним стимулом, то является возможность искать оптимальные внешние условия, сводящие к минимуму форму поведения. Попытка разделить агрессивное поведение на несколько типов дать их классификацию — одно из возможных направлений дальнейших поисков.

Взяв за основу ситуационный подход, К. Мойер¹⁰ выделил восемь типов агрессивного поведения: агрессии хищника, межсамцовая, страха, раздражения, инструментальная, защиты территории, материнская, связанная с полом. При этом без внимания осталась агрессия, вызываемая болезненными ощущениями, близостью другой особи и др. Многие авторы не согласны, что хищническое поведение следует относить к агрессии, и предлагают считать его формой пищевого поведения¹¹. Такой подход может оказаться плодотворным в целом, поскольку ясно отражает взгляд на отсутствие единого побуждения к агрессии и указывает на ряд причин, его вызывающих.

По-видимому, в дальнейшем нужно пытаться найти единое, предельно широкое определение агрессивного поведения. В основу его идентификации мы предлагаем положить функциональный подход, описывающий динамику развертывания агрессии (то степени нарастания данного качества), позволяющий выделить то общее в разных видах агрессии, что имеет место во всех без исключения ситуациях, при всех агрессивных мотивациях.

Теории агрессивного поведения. Рассмотрим некоторые теории возникновения агрессии, пытающиеся вскрыть причины ее возникновения у приматов.

1. Территориальная теория агрессии. Сторонники этой теории считают, что в основе агрессии лежит борьба за защиту территории или ее завоевание¹². Стремление завоевывать и отстаивать определенную территорию является, по мнению Ардри¹³, врожденным. Функцией такого поведения служат контроль за пищей и размножением, предотвращение перенаселенности¹⁴. С такими выводами, однако, согласны не все авторы. А. Монтэгу¹⁵ полагает, что нет никаких оснований считать территориальность в виде агрессивной защиты участка у животных инстинктом, по крайней мере у высших млекопитающих. Конечно, защита территории отмечена иногда у некоторых видов приматов: территориальность относительно четко проявляется у обезьян, метящих и охраняющих свой участок, у мармозеток, некоторых мартышек, гиббонов, но при этом дело не доходит до жестоких драк за участок¹⁶. Характерно, что у названных видов защита территории не встречается в местах с низкой плотностью населения и хорошей кормовой базой¹⁷. У ряда видов почти не отмечено

⁸ Lorenz K. Op. cit.

⁹ Tinbergen N. On War and Peace in Animals and Man.— In: Science, 1968, v. 160, 13835, p. 1411—1418.

¹⁰ Moyer K. E. Op. cit.

¹¹ Дьюсберри Д. Поведение животных. Сравнительные аспекты. М.: Мир, 1981, 126.

¹² Hediger H. P. The Evolution of Territorial Behaviour.— In: Social Life of Early Man/Ed. Washburn L. N. Y., 1961, p. 34—57.

¹³ Ardrey R. Op. cit.

¹⁴ Ellefson J. O. Territorial Behaviour in the Common Whitehanded Gibbon, *Halobates* Lar, Linn.— In: Primates Studies in Adaptation and Variability, p. 180—199; Washburn S. L. Behaviour and the Origin of Man.— In: The Rockefeller University Review, N. Y., January—February, 1968, p. 10—19.

¹⁵ Montague A. The Nature of Human Aggression. N. Y., 1976, p. 246.

¹⁶ Kavanagh M. Variable Territoriality among Tantalus Monkeys in Cameroon.— *olia primatol.*, 1981, v. 36, № 1—2, p. 76—98.

¹⁷ Washburn S. L., Hamburg D. A. Aggressive Behaviour in Old World Monkeys and apes.— In: Primates Studies in Adaptation and Variability/Ed. Gay P. C. N. Y., 1968, 458—479.

проявлений территориальности (макаки резусы, лангуры, павианы, гориллы, орангутаны, шимпанзе). По данным А. Монтэгу¹⁸, драки между разными группами из территории происходили, как правило, лишь в экстраординарных ситуациях. Отдельные группы особей одного вида имеют, конечно, определенный участок и держатся изолированно, но не из-за враждебного отношения друг к другу, а из-за привычки перемещаться по определенной хорошо им знакомой местности. При встречах отмечено лишь взаимное избегание, либо отступление одной из групп. Защита территории, вероятно, не связана с особенностями групповой структуры, так как она практически отсутствует у шимпанзе с их рыхлыми группами и у павианов гамадридов, имеющих жесткую иерархию. По некоторым данным¹⁹, хотя павианы и держатся на определенной территории, они не проявляют никаких агрессивных действий при контакте с другими группами даже в местах с высокой плотностью популяций. Отсутствие агрессии в отношении к другим группам отмечает Дж. Крук²⁰ у гелад. Известны случаи, когда территории соседних групп одного вида перекрывались (шимпанзе, гориллы, резус-гамадриды)²¹, особи из соседних групп узнавали друг друга²², а при встрече две группы шимпанзе были отмечены даже приветствия и обыскивания²³. Все же нельзя полностью исключить возможности столкновений между соседними группами (например, у шимпанзе)²⁴.

Подтверждением того, что защита территории не является видоспецифическим признаком, могут служить следующие факты. У одного и того же вида зеленых мартышек в лесной местности с высокой плотностью популяции отмечена защита территории с применением агрессии, а в открытой местности, где размеры территории велики, территориальная агрессия отсутствовала²⁵.

II. Половая теория агрессии. Половая теория агрессии была выдвинута С. Цукерманом²⁶ и получила в 30—40-е годы широкое распространение. В основе агрессии у приматов, по его мнению, лежит борьба за самку. Однако выводы Цукермана были сделаны на основе наблюдений за аномальными группами павианов гамадридов (96 самцов и 6 самок) в условиях зоопарка. В настоящее время считается, что роль борьбы за самку как фактор возникновения агрессии сильно преувеличена. Отсутствие борьбы из-за самки в природных условиях констатировали Т. Ровэлл, Ш. Уошборн, И. Де Вор²⁹. Хотя потенциальная возможность борьбы за самку с применением агрессии и существует, однако у приматов выработались групповые буферные механизмы, тормозящие и снижающие опасность применения агрессивного поведения. Так, например, односамцовые структуры гаремных групп у самцов павианов гамадридов исключают борьбу за самку: в этом случае самка спаривается только с самцом из своей группы³⁰. В мультисамцовых группах, по данным К. Макмиллана, доступ к самкам (в экстремусе) в равной мере имеют все взрослые самцы независимо от иерархического статуса.

Проявление у приматов агрессии при получении доступа к самкам во многом зависит от групповых и экологических факторов. Как показали Дж. Патерсон³² и И. Бэрнстейн³³, агрессия может иметь место или отсутствовать в пределах популяции одного вида: павианы анубисы дерутся из-за самок в саванне, а в лесной местности нет. Кроме того, например, у павиана чакма в зимний период, когда в основном существуют односамцовые группы, борьба за самок отсутствует, а в летний, когда в пределах стада много самок и самцов, отмечены некоторые признаки соревнования за самок³⁴.

¹⁸ Montague A. Op. cit.

¹⁹ Hall K. R. L., De Vore I. Baboon Social Behaviour.— In: Primate Behaviour. New York—London, 1965, p. 53—111.

²⁰ Crook J. H. Gelada Baboon Herd Structure and Movement: a Comparative Report.— Sympos. of Zool. Society, 1966, v. 18, p. 237—258.

²¹ Шаллер Дж. Год под знаком гориллы. М.: Мысль, 1971.

²² Kummer H. Social Organization of Hamadryas Baboons. A Field Study.— In: Primate, 1968, № 6, p. 1—189.

²³ Kawanaka K. A Case of Inter-Unit-Group Encounter in Chimpanzees of the Mahale Mountains.— Primates, 1982, v. 23, № 4, p. 558—562.

²⁴ Hamburg D. Recent Evidence on the Evolution of Aggressive Behaviour.— In: Engineering and Science, 1970, v. 33, № 1, p. 15—24.

²⁵ Montague A. Op. cit., p. 245.

²⁶ Zuckerman S. The Social Life of Monkeys and Apes. N. Y., 1932.

²⁷ Алексеева Л. В. Полицикличность размножения у приматов и антропогенез. М.: Наука, 1977.

²⁸ Rowell T. Variability in the Social Organisation of Primates.— In: Primate Ecology, L., 1967, p. 230—232.

²⁹ Washburn S. L., De Vore I. The Social Life of Baboons.— In: Primate Behaviour, N. Y., 1965, p. 42—60.

³⁰ Kummer H. Op. cit.

³¹ McMillan C. A. Dominance, Adult Subadult Status and Male Mating Success in Rhesus Macaques.— Amer. J. Phys. Anthropol., 1982, v. 57, № 2, p. 207—221.

³² Paterson J. B. Ecologically Differentiated Patterns of Aggressive and Sexual Behaviour in Two Troops of Ugandan Baboons, Papio Anubis.— Amer. J. Phys. Anthropol., 1973, v. 38, № 2, p. 647—648.

³³ Bernstein I. S. Dominance Aggression and Reproduction in Primate Societies. J. Theor. Biol., 1976, v. 60, № 2, p. 459—474.

³⁴ Anderson C. M. Levels of Social Organisation and Male-Female Bonding in the Genus Papio.— Amer. J. Phys. Anthropol., 1983, v. 60, № 1, p. 15—22.

В целом, по-видимому, борьба за самок не является врожденной формой поведения у приматов и выражена в основном в виде потенциальной тенденции. Наличие или отсутствие агрессии в данном контексте поведения во многом зависит от групповой структуры и условий окружающей среды.

III. Доминантная теория агрессии. При изучении агрессивного поведения большое внимание уделяется выяснению его связи с групповой структурой. При столкновениях во время установления иерархии настоящую драку часто заменяют различные предупредительные элементы: позные, жестовые, мимические, часто сопровождающиеся акустическими сигналами. Развитие систем коммуникации у приматов играет большую роль для улучшения способов оповещения объекта агрессии о намерениях нападающего, предотвращения использования собственно контактных элементов. В этом плане агрессивное поведение в большей мере является соревнованием, нежели повреждением³⁵. Цель и результат агрессивного поведения, как отмечает А. Монгаго³⁶, не убийство других особей, а упрочение групповых связей, кооперация, при которой исключались бы опасные агрессивные действия.

Целостность группы играет для приматов большую роль. Средством поддержания ее стабильности является иерархическая система, выполняющая функцию контроля, снижения и предупреждения агрессивного поведения³⁷.

Нарушение стабильности группы (введение новой особи, изъятие лидера) является, по мнению некоторых авторов, одной из основных причин агрессии³⁸. Однако реакция на такие изменения в групповом составе неоднозначна и во многом зависит от экологических условий, типа групповой организации, размеров группы, пола и возраста новой особи, родственных связей в группе.

Помимо поддержания внутригрупповой стабильности у приматов отмечена тенденция к развитию связей с другими группами. Переходы особей между группами — пример такого явления. Переходить в другие группы могут молодые самки, самцы-подростки и даже половозрелые самцы и самки³⁹. Случаи переходов особей в другие группы отмечены у павианов анубисов, гамадрилов, макаков резусов, шимпанзе и др.⁴⁰. Явление относительно безопасного внедрения чужой особи в групповую структуру у приматов имеет исключительно важное значение в эволюции, так как оно позволяет повышать разнообразие генофонда и распространять полезные традиции и новые поведенческие навыки. Не все исследователи признают, что только система доминантности является основным фактором поддержания стабильности групп у приматов. По данным Дж. Хэнби⁴¹, Н. Сабра⁴², таким фактором могут быть родственные связи между самками (например, у павианов, макаков резусов и яванских). Не следует, по-видимому, абсолютизировать роль родственных отношений в поддержании стабильности иерархии, поскольку описаны случаи, когда изъятие самца из группы приводило к резкой вспышке агрессии в отношениях между самками, сопровождающейся даже летальными случаями⁴³.

В пользу связи стабильности группы с системой иерархии свидетельствует и то, что в группах с более четкой иерархией изменение уровня агрессивного поведения при изменении состава группы было ниже⁴⁴. У обезьян далеко не всегда ранг особи коррелирует с ее силой и агрессивностью. Статус особи в большей степени зависит от поддержки ее другими особями — родственными и неродственными членами группы, умения объединяться с другими особями, нежели от способности драться и силы⁴⁵.

Таким образом, уровень агрессивного поведения особи, по-видимому, не всегда соответствует ее рангу в группе. Сама же система иерархии является важным средством устранения агрессивного поведения между особями своей группы.

³⁵ Nagel N. A Comparison of Anubis Baboons, Hamadryas Baboons and Their Hybrids at a Species Border in Ethiopia.— *Folia primatol.*, 1973, v. 19, № 3—4, p. 104—165.

³⁶ Montague A. Op. cit., p. 86—87.

³⁷ Bernstein I. S., Gordon T. P. The Function of Aggression in Primate Societies.— *Amer. Scientist*, 1974, v. 63, p. 304—311; Van R. J. G. Communication by Agonistic Displays: a Discussion.— *Behaviour*, 1980, v. 74, № 34, p. 284—293.

³⁸ Erwin J. Factors, Influencing Aggressive Behaviour and Risk of Trauma in the Pigtail Macaque.— *J. Anim. Science*, 1977, v. 27, № 4, p. 541—547; Oswald M., Erwin J. Control of Intragroup Aggression by Male Pigtail Monkeys.— *Nature*, 1976, v. 262, № 5570, p. 686—688.

³⁹ Harcourt A. H., Stewart R. S., Fossey D. Male Emigration and Female Transfer in Wild Mountain Gorilla.— *Nature*, 1976, v. 263, № 5574, p. 226—227; Parker C. Male Transfer in Olive Baboons.— *Nature*, 1975, v. 255, № 5563, p. 219—220.

⁴⁰ Wheatley B. P. Adult Male Replacement in Macaca Fascicularis of East Kalimantan, Indonesia.— *Int. J. Primat.* 1982, v. 3, № 2, p. 203—220.

⁴¹ Hanby J. P. Relationships in Six Groups of Rhesus Monkeys. I Networks. *Amer. J. Phys. Anthropol.*, 1980, v. 52, № 4, p. 549—564.

⁴² Sabra N. M. J. Dominance Relations within Large Extended Kinship Groups in a Troop of Japanese Monkeys.— *Amer. J. Phys. Anthropol.*, 1982, v. 57, № 2, p. 214—215.

⁴³ Oswald M., Erwin J. Op. cit.

⁴⁴ Hanby J. P. Relationships in Six Groups of Rhesus Monkeys. II Dyads.— *Amer. J. Phys. Anthropol.*, 1980, v. 52, № 4, p. 565—576.

⁴⁵ Southwick C. H., Siddiqi R. The Role of Social Tradition in the Maintenance of Dominance in the Wild Rhesus Group.— *Primates* 1967, v. 3, № 4, p. 341—353; Parker C. Reciprocal Altruism in Olive Baboons.— In: *Readings of Sociobiology*. San-Francisco, 1978, p. 227—232.

IV. Гормональная теория агрессии. В настоящее время появилось достаточное число работ, посвященных поискам связи агрессивного поведения с гормональным статусом животных.

Хотя приматы способны размножаться круглый год, у них все же можно выделить период, когда спаривания наиболее вероятны⁴⁶. Сезонные повышения агрессивного поведения (частоты, интенсивности и числа травм) связаны с сезоном размножения. При этом максимум ранений у самцов исследователи отмечали в сезон спаривания, у самок — в сезон рождения детенышей. Причина повышения агрессии у самцов, по мнению ряда авторов, связана с повышением уровня секрета тестостерона⁴⁸. Существует и другая точка зрения. Т. Гордон и его соавторы⁴⁹ достаточно убедительно показали, что повышение уровня тестостерона не вызывает повышения уровня агрессивного поведения, а лишь интенсифицирует уже существующее групповое поведение, повышает общий уровень активности особей в целом. А. Диксон⁵⁰ показал, что андраны могут оказывать влияние на развитие нервных механизмов, связанных с проявлением агрессивного поведения, тогда как кастрация, напротив, слабо влияет на уровень агрессивного поведения самцов приматов. Уровень тестостерона достоверно коррелирует с частотой агрессивного поведения, но не связан со статусом особи в группе.

У приматов, по всей видимости, отсутствует выраженная прямая связь между рангом особи и ее агрессивным поведением. Вероятнее всего предположение, что повышение секреции полового гормона у самцов вызывает повышенную раздражимость, в действительности, и, как следствие этого, особи чаще проявляют агрессивное поведение. В данном Дж. Нэллоу⁵², в период размножения самки были более агрессивны, чем самцы, причем агрессия их направлялась на самцов более низкого ранга и на самок в хитрости. Исследователями показано, что секреция женских половых гормонов — прогестерон повышает частоту агрессивного поведения самок, причем нарушаются также эмоциональная стабильность и стабильность группового поведения⁵³. Секреция же эстрогенов положительно влияет на установление групповых отношений и снижает частоту агрессивного поведения. Таким образом, определенное опосредованное влияние на уровень агрессивного поведения могут оказывать, по-видимому, половые гормоны самок и самок. Это происходит вследствие изменения порога раздражимости и возбудимости нарушения эмоциональной стабильности и т. д. при секреции половых гормонов определенного типа.

V. Стрессовая теория агрессии (стрессовое состояние — агрессивное поведение). В литературе существует мнение, что агрессивное поведение порождается стрессом.

Под стрессом понимают изменения в организме, часто возникающие вследствие конфликтных ситуаций⁵⁴. Факторами, вызывающими стресс, могут служить отдельные групповые и экологические показатели, а также их сочетания. В качестве примера групповых показателей приведем повышение плотности населения группы, введение группы чужака, т. е. нарушение постоянства группового состава и т. д. Экологическими факторами служат недостаток водных и пищевых ресурсов, резкие изменения температуры, незнакомая местность и т. п.

В природных и клеточных условиях у приматов отмечено стрессовое состояние в связи с перенаселенностью. Возможно, причина его кроется в нарушении важного показателя — групповой дистанции между особями в группе. При этом нарушается и поведение «избегания», вследствие ограничения территории и недостатка мест для укрытия⁵⁵. Мнения ученых относительно последствий такого стресса разделились. Одни авторы⁵⁶ считают, что в связи с повышением плотности резко возрастает частота агрессивного поведения; другие⁵⁷ приводят примеры, свидетельствующие о том,

⁴⁶ Алексеева Л. В. Указ. раб.

⁴⁷ Wilson A. P., Boelkine R. C. Evidence for Seasonal Variation in Aggressive Behaviour by Macaca Mulatta. — Anim. Behaviour, 1970, v. 18, № 4, p. 719—724.

⁴⁸ Michael P., Zumpfe D. Relationships Between Photoperiod, Plasma Androgens and Seasonal Changes in Aggression in Male Rhesus Monkeys. — Abstracts VIII Int. Congr. Primatol., 1980, v. 3, № 2, p. 240—241.

⁴⁹ Gordon T. P., Rose R. M., Grady C. L., Bernstein I. S. Effects of Increased Testosterone Secretion on the Behaviour of Adult Male Pheasants Living in a Social Group. — Primatol., 1979, v. 32, № 1—2, p. 149—160.

⁵⁰ Dixon A. F. Androgens and Aggressive Behaviour in Primates: Review. — Aggressive Behaviour, 1980, v. 6, № 1, p. 37—67.

⁵¹ Steklis H. D., Brammer G. L., Raleigh M. J., McGuire M. T. Serum Testosterone, Male Dominance and Aggression in Captive Groups of Vervet Monkeys. — Int. J. Primatol., 1982, v. 3, № 3, p. 337—400.

⁵² Nallow G. K. Aggressive Behaviour During the Breeding Season of Adult Female Rhesus Monkeys. — Aggressive Behaviour, 1980, v. 6, № 3, p. 217—232.

⁵³ Garcia-Castelles E., Solis S., Juárez J., Guzman-Floris C. Role of Female Hormones in the Social Behaviour of the Green Monkeys. — Abstracts VIII Congr. Primatol., 1980, v. 3, № 2, p. 200.

⁵⁴ Меннинг О. Поведение животных. Вводный курс. М.: Мир, 1982, с. 185.

⁵⁵ Hediger H. P. Op. cit.

⁵⁶ Erwin N., Erwin J. Social Density and Aggression in Captive Groups of Pig Monkeys. — Appl. Anim. Ethology, 1976, v. 2, № 3, p. 265—269.

⁵⁷ McGuire M. T., Cole S. R., Crookshank C. Effects of Social and Spatial Density Changes in Cercopithecus Ethiops Subadults. — Primates, 1978, v. 19, № 4, p. 615—631.

распространенность, напротив, ведет к увеличению дружеских контактов (у зеленых перышек), уровень же агрессивного поведения остается прежним. Расхождение во мнениях существует и по вопросу о неизбежности повышения агрессии при введении в группу посторонней особи. Одни исследователи отмечали в этих условиях вспышку агрессии⁵⁸. По другим данным, повышение агрессивного поведения при введении в группу чужака необязательно⁵⁹.

Агрессивное поведение не является неизбежной реакцией на экологические стрессовые факторы. При недостатке пищевых ресурсов, пишет К. Холл⁶⁰, голодные обезьяны все время тратят на поиски пищи, на агрессию времени не остается. Некоторые авторы даже отмечают снижение уровня агрессивного поведения в этих условиях⁶¹. Вероятно, у приматов не существует однозначной реакции (групповой и индивидуальной) на стресс. В равной степени у них отмечены различные ответные реакции на стресс: повышение агрессивного поведения, повышение уровня дружеского поведения при неизменном уровне агрессивного, снижение агрессивного поведения. Стресс, следовательно, может являться не только возбудителем агрессии, но и фактором ее ограничения, снижения.

Можно предположить, что стресс в эволюции приматов сыграл определенную положительную роль. В процессе эволюции постепенно вырабатывались механизмы снятия отрицательных последствий стресса, одним из которых явился групповой образ жизни приматов⁶². Ответной реакцией на групповой стресс явился, вероятно, отбор на повышение групповой терпимости. Таким образом, стресс в целом как бы способствовал упрочению, развитию и повышению роли группового образа жизни.

Хищничество, канибализм и агрессивное поведение у приматов и протогominид. Некоторые пытаются доказать, что протогominиды были весьма агрессивными существами и что причиной их более высокой агрессии по сравнению с приматами явилось повышенное потребление мясной пищи (хищничество)⁶³. Нередко говорят о существовании канибализма на стадии австралопитеков, считая его следствием повышенной агрессивности и хищнического образа жизни. Попытаемся рассмотреть, что же представляют собой в действительности такие явления, как «хищничество» и «канибализм», выясним также их связь (если такая существует) с агрессивным поведением.

Хищничество; по-видимому (и это признает большинство исследователей⁶⁴), не является формой агрессивного поведения. Оно представляет собой пищевую стратегию. Если особи при этом используют некоторые отдельные элементы контактной агрессии, никогда не отмечаются столь важные элементы агрессивного поведения, как предупредительные. Хищническое поведение сопряжено с убийством (при удачной охоте) жертвы и на это направлено, тогда как гибель объекта никогда не бывает целью агрессивного поведения. Хищническое поведение отмечено у разных видов приматов: у макаков⁶⁵, павианов⁶⁶, мартышек⁶⁷, шимпанзе, орангутанов⁶⁸. У шимпанзе в процессе охоты были отмечены элементы кооперации (окружение жертвы)⁶⁹.

Использование же некоторых элементов агрессивного поведения свидетельствует не о связи этих форм поведения, а лишь о способности приматов применять элементы одной формы поведения в других контекстах (это указывает на высокий уровень развития пластичности и лабильности поведения у приматов). В процессе охоты у приматов отмечаются и элементы, характерные для собирательского растительноядного пищевого поведения всеядных животных (подкрадывание к пище, схватывание, удары о субстрат, раскалывание)⁷⁰.

Развитие хищничества играло, по-видимому, положительную роль в процессе эволюции и способствовало развитию (возникновению) важных предпосылок гоминизации,

⁵⁸ Hausfater G., Vogel C. Infanticide in Langur Monkeys (Genus Presbytis): Recent Research and a Review of Hypotheses.— Abstracts VIII Int. Congr. Primatol., 1980, v. 3, p. 160—176.

⁵⁹ Cheney D. L., Seyfarth R. Recognition of Individuals Within and Between Groups of Free-Ranging Vervet Monkeys.— Amer. Zool., 1982, v. 22, № 3, p. 519—529.

⁶⁰ Hall K. R. S. Op. cit.

⁶¹ Bernstein I. S., Gordon T. P. Op. cit.

⁶² Uta W. W. S. Wie Tiere Stress vermeiden. Von der Ökonomie des Zusammenlebens.— Bild Wiss. 1975, B. 12, № 7, S. 28—35.

⁶³ Freeman D. Human Aggression in Anthropological Perspective.— In: The Natural History of Aggression/Eds. Carthy J. D., Ebling F. J. N. Y., 1964, p. 109—119.

⁶⁴ Дьюсберри Д. Указ. раб., с. 126.

⁶⁵ Estrada A. P. T., Collin R. The Predatory Activities of Free-Ranging Stumptail Macaques.— Bol. estudios médicos y biológicos, 1978, v. 30, № 1—3, p. 49—64.

⁶⁶ Harding R. S. O. Predation by a Troop of Olive Baboons (Papio Anubis).— Amer. J. Phys. Anthropol., 1973, v. 38, № 2, p. 587—592.

⁶⁷ Butynski T. Blue Monkey (Cercopithecus mitis Stuhlmanni) Predation on Galagos.— Primates, 1982, v. 23, № 4, p. 563—566.

⁶⁸ Suzuki A. Carnivory and Cannibalism Observed among Forest Living Chimpanzees.— J. Anthropol. Soc., 1971, v. 79, № 1, p. 30—48; Alison P., Burton F. D. More on Predatory Behaviour in Non-Human Primates.— Current Anthropol., 1976, v. 17, № 3, p. 512—513.

⁶⁹ Kawanaka K. Further Studies on Predation by Chimpanzees of the Mahale Mountains.— Primates, 1982, v. 23, № 3, p. 364—384.

⁷⁰ Teleki G. Primate Subsistence Patterns. Collector-Predators and Gatherer-Hunters.— J. Hum. Evol. 1975, v. 4, № 2, p. 125—184; Rose M. D. The Roots of Primate Predatory Behaviour.— J. Hum. Evol., 1978, v. 7, № 2, p. 179—189.

таких, как кооперация (объединение) особей в группы и их согласованные действия: перенос пищи, ее дележ, а также способствовало становлению новых типов поведения.

Судя по ископаемым остаткам, количество животной пищи у австралопитеков было выше, чем у современных приматов⁷¹.

Явления каннибализма — поедание особей своего вида — встречается иногда у некоторых приматов⁷². Случаи поедания умерших сородичей отмечали у павианов, легионов, шимпанзе и др.⁷³ Такое явление, вероятно, связано с нехваткой белковой пищи или рядом экологических причин.

Убийство новорожденных детенышей не всегда связано с их последующим поеданием и отмечено у приматов в природных условиях и в неволе⁷⁴. В природе подобные явления встречаются редко и могут рассматриваться скорее как исключение. Убийство новорожденных вызывается рядом причин: регуляцией плотности популяции; в случае прихода нового лидера — для избавления от конкуренции собственного потомства, что возможно, представляет следствие особой репродуктивной стратегии или связано с резкой перестройкой групповой структуры⁷⁵.

В литературе нет единой точки зрения на то, существовал ли каннибализм у протогоминид и был ли он у них закономерным явлением. В пользу закономерности каннибализма, связанного с хищничеством и повышенной агрессивностью у австралопитеков высказался К. Лоренц⁷⁶.

К такому же выводу пришли Р. Дарт⁷⁷, К. Брум и Дж. Шеперс⁷⁸ после предварительного изучения костных остатков из Штеркфонтейна, Кромдрая, Таунга и др. Характеризуя остатки *A. africanus* из Макапансгата, Р. Дарт⁷⁹ говорит об их принадлежности особям разного возраста, умерщвленным насильственной смертью в результате кровавых столкновений между особями своего же вида и ставших жертвами каннибализма.

Многие исследователи не разделяют подобного мнения. Дж. Робинсон⁸⁰ считает, что *A. africanus* был жертвой охоты каких-то более продвинутых гоминид. Изучив остатки *A. robustus* из Кромдрая, с фрагментом камня, застрявшего в черепе, К. Кунц отметил, что такая находка, по-видимому, подтверждает предположение о том, что первые среднелейстоценовые Номо охотились на австралопитеков. Ш. Уошборн считает, что австралопитеки часто становились жертвами хищников.

По мнению К. Брэна⁸¹, примеры и выводы этих авторов неубедительны: частые повреждения, видимо нанесена была хищником, другая часть появилась вследствие пребывания в земле. Вопрос о каннибализме на стадии австралопитеков можно считать открытым. Можно утверждать, что если каннибализм и имел место, то причина его во многом была сходна с теми, которые вызывали аналогичные явления у приматов, и носил он эпизодический, а не закономерный характер. Каннибализм, видимо, и был следствием повышенной агрессивности протогоминид.

Каннибализм встречался у древнейших гоминид: синантропов, авантропов — возможно, был более распространен у неандертальцев из Крапины, Штейнгейма, Эрендорфа, Монте-Чирчео, Фонтешевад, Нгондонг⁸⁴.

⁷¹ Dart R. The Makapansgat Protohuman Australopithecus Prometheus. — Amer. Phys. Anthropol., 1948, v. 6, № 3, p. 259—283; *Рогинский Я. Я.* Основные антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека. — В кн.: Труд Ин-та этнографии АН СССР. Т. XVI. М.—Л. 1951, с. 123—205; *Якимов В. П.* Блжайшие предшественники человека. — В кн.: У истоков человечества. М.: Изд-во МГУ, 1964, с. 52—83; *Бунак В. В.* Род Номо, его возникновение и последующая эволюция. М.: Наука, 1980.

⁷² Busse C. Female Chacma Baboon Responses to Immigrant Males Relative to Infanticide Risk. — Abstracts VIII Int. Congr. Primatol., 1980, v. 3, № 2, p. 175.

⁷³ Bygott J. Cannibalism Among Wild Chimpanzees. — Nature, 1972, v. 238, № 536 p. 410—411.

⁷⁴ Bond P. W. Child Butteering Could Help Genes Survive. — New Scientist, 198 v. 93, № 1295, p. 571; *Galat L. A., Galat G.* Conséquences comportementales de perturbations sociales répétées sur une troupe de mones de Lowe Cercopithecus canbelli lowei de Côte D'Ivoire. — Terre et vie, 1979, v. 33, № 1, p. 49—58.

⁷⁵ Angst W., Thommen D. New Data and a Discussion of Infant Killing in Old World Monkeys and Apes. — Folia primatol., 1977, v. 27, № 3, p. 197—210.

⁷⁶ Lorenz K. Op. cit.

⁷⁷ Dart R., Craig J. D. Adventures with the Missing Link. N. Y., 1959, p. 106—113.

⁷⁸ Broom K., Schepers G. W. The South-African Fossil Ape Men: Australopithecinae. Transvaal memoirs, 1946, № 2.

⁷⁹ Dart R. A Left Adult Mandible and the Nine Other Lower Jaw Fragments from Makapansgat. — Amer. J. Phys. Anthropol., 1962, v. 20, № 1, p. 267—286.

⁸⁰ Robinson J. T. Adaptive Radiation in the Australopithecines and the «Origin of Man». — In: African Ecology and Human Evolution/Eds Howell F. C., Bourliere F. N. Y. 1963, p. 386—416.

⁸¹ Coon C. S. The Origin of Races. N. Y., 1962, p. 238.

⁸² Washburn S. L. Australopithecines: the Hunters of the Hunted? — Amer. J. Phys. Anthropol., 1957, v. 15, № 2, p. 612.

⁸³ Brain C. K. An Attempt to Reconstruct the Behaviour of Australopithecinae. Zool. afric., 1972, v. 7, № 1, p. 379—400.

⁸⁴ Coon C. S. Op. cit., p. 563; *Vallois H. V.* The Evidence of Skeletons. In: Social Life of Early Man/Ed. Washburn S. L. N. Y., 1961, p. 228, 231; *Weidenreich F.* The Skull of Sinanthropus Pekinensis. — Paleontol. sinica, 1943, № 10, p. 190.

Большее распространение каннибализма у неандертальцев (и признание его закономерного характера на этой стадии) объясняется тем, что помимо экологических причин начали действовать совершенно новые, социальные причины, вызывающие его. Распространение каннибализма на этой стадии, вероятно, было связано с зарождением брадов, магических ритуалов, традиций.

Явления каннибализма у приматов и ископаемых гоминид, по всей вероятности, имеют различные корни. Не существует, очевидно, и тесной связи между каннибализмом, хищничеством и агрессивным поведением.

Мы полагаем, что теории возникновения каннибализма у протогоминид и гоминид как следствие хищничества и повышенной агрессивности можно признать несостоятельными.

Модели группового образа жизни протогоминид. Изучая общие тенденции развития и роль агрессивного поведения у приматов, мы высказали ряд предположений о месте этого поведения в групповом поведении протогоминид. Так, по всей видимости, в аналогии с современными приматами можно предположить, что протогоминиды активно не защищали свою территорию. Плотность популяции протогоминид была относительно низка. Протогоминиды, вероятно, хорошо знали границы своей территории, которая у них была значительно большего размера, чем у современных приматов (вследствие увеличения доли потребления мясной пищи). Они, по мнению И. В. Бунака⁸⁵, не охраняли строго границ своих участков, которые могли перекрываться; вполне вероятно, протогоминиды узнавали своих соседей, как, например, современные павианы, макаки, шимпанзе⁸⁶. Территориальная теория агрессии, по-видимому, несостоятельна применительно к протогоминидам.

Четкая связь между половым поведением и агрессией отсутствует уже у приматов, поэтому представление об исключительной агрессивности протогоминид вследствие борьбы за самку, видимо, не имеет достаточных оснований.

В ходе эволюции приматов прослеживается общая тенденция — отбор на ликвидацию контактных форм агрессивного межгруппового и внутригруппового поведения. При этом все возрастающее значение приобретают разные формы зрительной и слуховой коммуникации, используемые в качестве агрессивных предупредительных элементов. По-видимому, у протогоминид эти предупредительные элементы достигали еще большего разнообразия. Уровень агрессии в разных группах одного вида приматов сильно варьирует у мартышек, павианов, макак, шимпанзе⁸⁷. Подобные явления могли иметь место и у протогоминид. Группы с более низкой агрессивностью, как отмечает Я. Я. Рогинский⁸⁸, оказывались в более выгодном положении, поскольку у них лучше развивалась забота о детях, слабых и больных. Вероятнее всего, взаимоотношения между группами древнейших гоминид одного вида регулировались вполне мирным путем — в целом отбор шел на снижение агрессивности⁸⁹.

Подводя итог изложенному, можно высказать следующие предположения. У протогоминид и ранних гоминид, по-видимому, дальнейшее развитие получили общие тенденции эволюции приматов: шел отбор на устранение контактных форм внутригрупповой агрессии и усиление механизмов, тормозящих агрессивное поведение. Можно считать доказанным, что внутреннее стремление к агрессии не было врожденным у протогоминид, так же как его нет и у приматов. Роль же генетических предпосылок агрессивного поведения, выраженных в виде тенденций, вероятно, в процессе эволюции снижалась. В процессе эволюции повышалась роль экологических и социальных факторов, влияющих на проявление агрессивного поведения при возрастающей роли обучения.

⁸⁵ Бунак В. В. Указ. раб., с. 152.

⁸⁶ Ван Лавик-Гудолл Д. В тени человека. М.: Мир, 1974.

⁸⁷ Washburn S. L., Hamburg D. A. Op. cit.

⁸⁸ Рогинский Я. Я. Указ. раб.

⁸⁹ Eibl-Eibesfeldt I. Ontogenetic and Maturational Studies of Aggressive Behaviour.— Jniv. California Forum Medical Sciences, 1967, v. 7, p. 54—94.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

the Family and Its Culture. An Investigation in Seven East and West European Countries. For the European Coordination Center for Research and Documentation in Social Science. Budapest: Akademiai Kiado, 1984, 496 p.

Беспрецедентно быстрые темпы научно-технического и общественного развития, влияние воздействия человека на окружающую среду предъявляют новые требования его культуре как универсальному адаптивному механизму современного общества. Одно из них состоит в уменьшении диспропорций в развитии отдельных частей элементов культуры, препятствующих ее интеграции в единое целое, и прежде всего в повышении эффективности социорегулятивной подсистемы культуры. Иными словами, арсенал (фонд) человеческой культуры сегодня настолько богат, что позволяет в нем решать самые злободневные задачи, стоящие перед человечеством, но прак-

тическое использование этого богатства явно не соответствует его потенциальным возможностям. В связи с этим чрезвычайно актуальным становится исследование аспектов взаимоотношений человека и культуры, в частности изучение роли различных социальных институтов в формировании культурного облика современного человека. Работы, целенаправленно раскрывающие эту проблему, сравнительно немногочисленны и уже одно это обстоятельство делает появление книги «Семья и ее культура»¹ заметным событием в научной жизни.

Понять и правильно оценить значение рецензируемой книги невозможно без ознакомления с историей ее создания, начало которой относится к 1976 г., когда под руководством академиков Ю. В. Бромлея и В. А. Виноградова в Москве состоялось первое совещание потенциальных участников проекта «Направление и тенденции культурного развития в современном обществе: взаимодействие национальных культур», организованного Ю. В. Арутюняном. На этой встрече присутствовали представители 14 националистических и капиталистических стран Европы и официальные лица из Европейского центра по координации научных исследований и документации в области социальных наук², в рамках которого предполагалось осуществлять проект.

Это совещание во многом предопределило направление и характер исследования. В первоначальном варианте намечалось изучение культурных изменений в широком социальном контексте, в их связи с характеристиками социальной структуры, условиями труда, социально-демографическими параметрами семьи и т. д. Понятие «культура» употреблялось также в широком смысле и раскрывалось через такие параметры, как образовательный уровень, ценностные ориентации, поведение в различных сферах потребления культуры и культурной деятельности (с. 1).

Отдав должное достоинствам предложенной программы, большинство участников совещания тем не менее высказалось за более узкий подход, за конкретизацию объекта исследования в первую очередь по причинам финансового и организационного характера. После длительного обсуждения в качестве объекта исследования была выбрана семья. Таким образом, хотя общей целью проекта осталось изучение «направления и тенденций культурного развития в современном обществе», проблема эмпирического исследования, которое предполагалось провести в каждой из участвующих в проекте стран, приобрела следующее звучание: «Культурная деятельность в рамках семьи: трансмиссия культуры» (с. 1).

Это изменение, или, точнее, дополнение, внесло коррективы в первоначальные планы и привело к возникновению ряда новых проблем, что увеличило сроки работы над проектом и сузило круг желающих принять в ней участие.

Понадобилось довольно много времени для создания единого представления о предмете исследования, выработки методики и согласования плана работы. Основные трудности на этом этапе возникали как из-за сложности научных проблем, так и из-за вынужденно неоперативного решения организационных вопросов. Дело в том, что серьезные исследования, проводимые под эгидой Венского центра, осуществляются международным коллективом ученых, члены которого работают в известном смысле автономно в своих странах и координируют действия посредством переписки через представителей Венского центра и эпизодических кратковременных встреч (в наш случай в среднем 2 раза в год). Эта ситуация принципиально отличается от практики проведения сравнительных исследований единым (пусть даже интернациональным) коллективом на территории всех охватываемых исследованием стран и, безусловно, требует значительных дополнительных затрат времени. Следует также отметить, что проект «Культура» был пионерским в том смысле, что Венский центр впервые принял попытку провести эмпирические исследования с общими принципами выборки по единой методике.

Учитывая отмеченные выше трудности, можно считать несомненным успехом то, что в связи с четким решением всех вопросов уже в апреле 1977 г. на очередном заседании в Будапеште появилась реальная возможность для начала содержательной работы.

В полевой работе «Культурная деятельность в рамках семьи и трансмиссия культуры» предполагалось использовать как минимум три параметра: 1) научно-техническая революция (НТР), профессиональная структура, бытовая техника, общественное обслуживание, средства массовой коммуникации; 2) культура, искусство и литература, знания и убеждения, моральное и социальное поведение; 3) семья, распределение ролей, равенство — неравенство, сплоченность. Главной целью было установление взаимосвязи между этими тремя параметрами. Основным источником информации должны были стать материалы опроса населения, для чего были разработаны взаимосвязанные анкеты: одна для опроса взрослых, другая для интервьюирования подростков (с. 451—496). Идентичные опросные листы для всех участников исследования должны были способствовать межгосударственной сравнимости используемых данных. Был согласован также минимум квот населения, подлежащего опросу в селениях, разных по степени урбанизации. Соответственно выделялись три катего-

¹ Ссылки на эту книгу даются в тексте с указанием страниц.

² Европейский центр по координации научных исследований и документации в области социальных наук, иначе называемый Венским центром, — международная негосударственная организация при ЮНЕСКО, субсидируемая академиями наук стран-членов этого центра. Одной из его целей является проведение сравнительных международных исследований по широкой социальной, экономической, культурной проблематике.

селений: развитые современные города; поселения сельского типа, где подавляющее большинство жителей занимается сельским хозяйством, промежуточные между городскими и сельскими, так называемые поселения переходного типа. В каждом из этих типов с помощью случайной выборки выделялись для опроса как минимум 200 семей, в состав которых обязательно входили дети подросткового возраста — от 12 до 17 лет. В каждой семье опрашивались мать, подросток, и по крайней мере в одной из четырех — отец. Таким образом, опросу подлежали как минимум 600 матерей, 600 детей 150 отцов, т. е. по каждой стране, участвующей в исследовании, должно было быть реализовано по меньшей мере 1350 анкет (с. 4)³.

Предполагалось использование и других методов получения информации: фокус-интервью, включенного наблюдения и т. д. После апробации в пилотажном исследовании весь имеющийся арсенал методических средств подлежал окончательной корректировке для последующего использования в основном эмпирическом исследовании.

Параллельно с эмпирической частью проекта разрабатывались и его теоретические основы. На специальных симпозиумах были обсуждены проблемы «Культура и социальная структура»⁴, «Традиции и инновации в семье», «Типология семьи».

Как уже говорилось, участники исследования от каждой страны должны были самостоятельно решать все перечисленные выше задачи. Перед советской группой вставала прежде всего проблема выбора конкретного объекта исследования, что в условиях национального и регионального разнообразия СССР было непростой задачей. Учитывая европейский характер исследования, необходимость достаточно высокой степени унификации, компактности расселения, советские ученые решили остановить выбор на восточной ССР, тем более что в 1975 г. здесь уже проводилось исследование по проблеме «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в ССР».

С этого момента в работу над проектом «Культура» активно включилась группа работников Института истории АН ЭССР под руководством акад. АН ЭССР Ю. Кахка и канд. ист. наук Э. Э. Ранника. В начале 1978 г. в Таллине состоялась встреча участников исследования из разных стран для обсуждения результатов пилотажа. Советские ученые приложили много усилий, чтобы обосновать пригодность ользованных методических средств, принципов выборки, целесообразность продолжения исследования. После этого совещания окончательно определился состав стран — участниц исследования: Венгрия, Греция, Италия, Польша, Румыния, СССР и Франция.

Исследование проводилось по намеченной программе, но, поскольку выборка была во всех случаях репрезентативна для страны в целом, результаты эмпирического исследования дополнялись анализом конкретных социальных, культурных, демографических изменений начиная с послевоенного 1945 года, для чего использовались статистические и литературные данные, материалы ранее проводившихся исследований и другие источники информации. Таким образом был создан контекст, в который органически вписались результаты эмпирического исследования семьи. Итогом работы над проектом «Культура» и является рецензируемая книга, содержащая введение, 12 разделов (по числу стран) и приложение⁵. Во введении изложены цели исследования и его методологические и методические принципы; каждый из разделов написан по более или менее одинаковой схеме для облегчения сопоставления приводимых материалов; в приложении даны образцы анкет, использованных для опроса респондентов.

В связи с тем что, по-видимому, далеко не всем заинтересованным лицам удастся непосредственно ознакомиться с книгой, попытаемся, насколько это возможно, дать представление о ее содержании. Прежде всего привлекает внимание то обстоятельство, что хотя исследование задумывалось и осуществлялось как сравнительное и для обеспечения сравнимости данных было сделано очень многое, сравнительный анализ материалов в книге в явном виде отсутствует. Как видно из подзаголовка «Исследования в семи восточных и западных европейских странах», это было сделано вполне сознательно и свидетельствует о научной добросовестности авторов книги.

В первой части введения (Введение: некоторые основные черты проекта) В. Арутюнян отмечает, что внешнее сходство индикаторов, использованных в анкетах, например уровня образования, профессии, показателей уровня жизни, означает их одинаковой значимости для стран, участвовавших в исследовании. Ж. Кюзень же даже идентичные принципы выборки выделяют далеко не однородные и не вполне сравнимые группы. Внешнее сходство индикаторов не гарантирует идентичности полученных данных. Например, при формально одинаковом уровне образования реальное образование может быть различным в зависимости от очень многих условий и обстоятельств; одинаковая интенсивность потребления культуры через средства массовой коммуникации ничего не говорит о социальной направленности и содержании информации, передаваемой ими. Автор второй части введения (Введение: методические языки и расшифровка данных), Ж. Кюзень, предостерегает от ошибок,

³ В действительности эти нормы были почти повсюду перевыполнены: в СССР обследовано не 150, а 600 отцов, во Франции — не 600, а 1100 семей и т. д.

⁴ Этот симпозиум назывался «Культурные параметры социальной структуры и их динамика в условиях научно-технической революции».

⁵ Советский раздел книги — «Советские нации и потребление культуры в семье» — составлен Ю. Арутюняном, Л. Дробижевой, И. Эрме, М. Ярве, Ю. Кахком, А. Келамом, Т. Китвелем, Э. Ранником.

которые могут возникнуть вследствие поверхностно понимаемого сравнительного анализа. Он обращает внимание на различные теоретических языков, используемых в каждом из разделов книги, и, в частности, на различную семантику одинаково звучащих понятий (с. 7). Значение культурных явлений невозможно понять вне широкого культурного и социального контекста, и поэтому, чтобы избежать поверхностных аналогий, была избрана форма представления данных в виде национальных отчетов. В то же время, чтобы эти отчеты не превратились в несвязанный набор написанных по единому плану исследований о передаче и сохранении культурных традиций в рамках семей, варианты ответов на вопросы анкеты предусматривали особенности каждой национальной культуры.

Каждый отчет начинается с изложения основных теоретических положений и с краткого описания демографических, экономических, социальных и культурных процессов в стране, что создает фон для последующего анализа культурной жизни семьи. Основу этой части составляют статистические данные и результаты ранее проведенных исследований. Большое внимание уделяется изменениям в социальной структуре, уровне образования, культурном развитии людей (чтение литературы, просмотр телепередач, посещение театров и т. д.), а также социокультурным трансформациям в семье.

В каждом национальном отчете имеется раздел, посвященный описанию техник выборки, способам обработки данных и другим методическим вопросам.

Основное место в отчетах занимает анализ эмпирических данных, полученных в результате исследования. Материал, поданный в различной форме, сконцентрирован вокруг одних и тех же проблем: культурная деятельность в рамках семьи, передача культуры в семье (родители — дети). Как правило, в каждом отчете имеется раздел, отражающий специфические интересы исследователей: внутрисемейная ролевая структура (Греция), типология семей и формы их культурного поведения (Венгрия) и т. д.

Все ученые констатируют непрерывные изменения семьи, как и других общественных институтов. При этом отмечается, что не существует «линейного» изменения традиционных форм к современным через некоторое промежуточное состояние. Несмотря на общую тенденцию к гомогенизации культурной жизни семьи, этот процесс протекает по-разному в странах, принадлежащих к различным общественно-политическим системам, в разных типах поселений, различных социально-профессиональных группах.

Французские исследователи, учитывая многообразие форм культурной активности (посещение театров, концертов, музеев, занятия спортом, любительские занятия, чтение книг и т. д.), ранжировали всех респондентов в соответствии со степенью участия в культуре. Обнаружилось, что наиболее активны высокопоставленные служащие и интеллигенция свободных профессий, проживающие в крупных городах. В последнем месте оказались фермеры и сельские рабочие аграрных районов. В среднем шкалы расположились должностные лица средних ступеней, служащие, мелкие торговцы и рабочие «переходных» населенных пунктов (малые и средние города, поселки городского типа — с. 46). По мнению итальянских исследователей, специфическая «элитарная», или «книжная», культура прочно связана с интеллигенцией, и она прежде всего характерна для крупных городов (с. 238). Люди, которые читают больше книг, чаще посещают кино, театры, выставки и концерты. Обсуждаемые в семейном кругу вопросы нередко связаны с культурой. Принимая все это во внимание, итальянские исследователи проводят четкую грань между потреблением культуры городскими и сельскими жителями. По греческим данным, барьер между элитарной и массовой культурой все еще не разрушен (с. 112). Культура «высшего» уровня чужда большинству деревенских семей и городским семьям, принадлежащим к нижним социально-экономическим слоям. В то же время констатируется, что посредством личной коммуникации и через каналы массовой информации образцы мелкобуржуазной культурной жизни распространяются по всей стране; немаловажную роль в этом играет также государственная культурная и образовательная политика, способствующая достижению культурной гомогенности. В целом, по мнению греческих ученых, исключением некоторых специфических случаев, образование, профессия и даже место жительства имеют очень небольшое значение для объяснения поведения различных групп (с. 143).

Известная поляризация культуры, обусловленная различиями в материальных условиях жизни людей, их неодинаковым образовательным и культурным уровнем, местом жительства, существует и в социалистических странах. Крупные города, в которых сосредоточено большинство культурных учреждений, по-прежнему остаются центрами наиболее интенсивной культурной жизни. Тем не менее культурные различия, обусловленные социальным положением людей и их местом жительства, становятся менее контрастными, и проглядывается тенденция выравнивания культурных уровней различных групп населения.

По данным венгерских исследователей, самый высокий уровень культурной активности и наибольшую широту культурных интересов обнаружила интеллигенция Будапешта (40—60% лиц являются частыми посетителями различных культурных учреждений). Близки к ней по этим показателям представители интеллигенции средних и мелких городов. Для рабочих (как городских, так и сельских) характерны другие показатели культурной активности, но в этой группе широко распространена «открытая» модель поведения: почти по всем видам и жанрам культуры встречается как средний, так и высокий уровень интереса. Выявлено очень мало людей с абсолютно отрицательным отношением к тем или иным культурным видам и жанрам (с. 183—186).

В Польше одним из наиболее значимых факторов, определяющих культурную активность людей, является место проживания — город или деревня. Тем не менее в культурной активности членов крестьянских семей много общих черт с членами семей рабочих, а у последних — с семьями работников, занятых в сфере обслуживания. Как в других странах, наибольшей культурной активностью отличается польская городская интеллигенция (с. 333—335).

Отмеченные для других стран различия в потреблении культуры разными группами населения существуют и в Эстонской ССР, но в менее резкой (по крайней мере сравнению с капиталистическими странами) форме. Жители села чаще смотрят телевизор, слушают радио, реже посещают театры, концерты, музеи, чем горожане. Проявляется и некоторое несовпадение культурных интересов. Продолжают сохраняться различия между социально-профессиональными, образовательными и другими типами населения. Поскольку советский читатель может обратиться для ознакомления с проблемами потребления культуры в СССР и к другим источникам, мы не будем более подробно рассматривать содержание этой части советского раздела книги.

Перейдем к краткому обзору проблем передачи культуры и роли семьи в этом процессе. Понятие «молодежная субкультура» начало входить в научный обиход в последние годы; оно отражало преходящую культурную специфику определенной возрастной группы. Огромное влияние на облик этой культуры оказывает «массовая культура», формы которой предназначены непосредственно для молодежи, тогда как научной традиции семья рассматривалась как противостоящая молодежной субкультуре. Если первое, действительно, имеет место, то отношение семьи к молодежной культуре несколько сложнее.

В капиталистических странах массовая культура (т. е. те элементы культуры, которые адресованы широкому народным массам, но попадают в нее извне) одинаково затрагивает молодежь почти всех социальных групп, хотя обнаруживаются и некоторые исключения: высокопоставленные служащие и художественная интеллигенция, одной стороны, сельскохозяйственные рабочие — с другой. Действительно, если самый высокий уровень охвата, т. е. отчетливо выраженный интерес по меньшей мере к одному из таких художественных жанров, как музыка варьете, песни, легкая комедия т. п., во всех прочих группах в общем колеблется между 45 и 50%, то среди высших классов он падает до 38, а среди сельских батраков поднимается до 62%. Здесь отчетливо обнаруживается социальное расслоение (с. 49).

Одновременно французские исследователи отмечают, что подобные социальные различия вовсе не свидетельствуют о том, что молодежь, вышедшая из семей высших классов, на самом деле глубже и серьезнее увлекается, например, классической музыкой, чем выходцы из рабочих семей (доля носителей большого и серьезного интереса к ней среди молодежи обеих групп низка — соответственно 13 и 7%). Однако под влиянием традиционных представлений о классической музыке, обусловленных социальными средой, семейным окружением и различиями в возможностях приобщения к этому жанру, удельный вес совершенно безразличных к классической музыке составляет среди молодежи высокопоставленных семей и рабочей молодежи соответственно 34 и 67% (с. 50).

Аналогичные факты наблюдаются и в социалистических странах. Именно дети городской интеллигенции, по мнению венгерских исследователей, проявляют наибольший интерес к классической музыке по сравнению с молодежью из других социально-профессиональных групп. То же самое можно сказать об отношении к изобразительному искусству, гуманитарным наукам и художественной самодеятельности. По сравнению с детьми из интеллигентных семей соответствующие интересы и увлечения детей служащих, рабочих, крестьян значительно меньше.

Поскольку в качестве иллюстрации мы взяли музыкальные интересы, рассмотрим на примере. Музыкальные предпочтения родителей и детей весьма существенно различаются. По советским данным (Эстонская ССР), молодежь предпочитает в первую очередь современную поп-музыку (81—82% опрошенной молодежи); среди людей этого поколения интерес к ней (причем весьма слабый) проявляют лишь 34%, и совершенно безразличны 40% опрошенных. Предпочтительными жанрами у людей этого поколения являются легкая музыка, а также народная музыка как в традиционной, так и в современной интерпретации. Обнаружился и факт неустойчивости интересов молодежи (на основании ответов родителей на ретроспективные вопросы сопоставления музыкальных интересов с возрастом детей). По мере взросления молодежи интерес к классической музыке возрастает (интерес к ней проявляют 9% 14-летних детей и 25% среди 15—17-летних юношей и девушек). Эволюцию культурных интересов молодежи отмечают венгерские исследователи, говоря, что часть молодых людей «создала уже собственные семьи и проводит в жизнь идеалы своих родителей — идеалы, от которых, как им казалось, они в свое время отмежевались» (170).

На уровне реализации культурных интересов различия значительно слабее. И родители, и дети одинаково интенсивно посещают концерты. На концертах варьете и балета часто бывают половина опрошенных родителей и две трети детей, а на концертах классической музыки — примерно одна треть как родителей, так и детей. При этом обнаружилась интересная деталь: если среди родителей в городе удельный вес любителей концертов классической музыки в 3 раза выше, чем в деревне, то среди молодежи это различие резко сократилось.

Обобщив все данные, характеризующие культурную деятельность и вкусы, протекание свободного времени, внутрисемейное разделение труда и общий образ жизни, относящихся к различным социально-профессиональным группам и проживающих в разном типе населенных пунктов, венгерские исследователи пришли к выводу, ко-

торый можно распространить на все социалистические страны: «Как можно видеть картина стала более гомогенной во всех аспектах, и это обусловлено тем, что одна и та же база служит основой как образа жизни, так и культурного поведения». Отмечается, что отношение людей к культуре может складываться «в более богатом, или напротив, обедненном виде, в лучшем или худшем качестве, но направление развития остается более или менее линейным» (с. 182).

Заканчивая этот неизбежно краткий обзор содержания книги, отметим, что кроме реального поведения, описываемого с помощью показателей интенсивности той или иной культурной активности, а иногда и содержательных характеристик, фиксировались также и ценностные ориентации респондентов по отношению к некоторым жизненно важным проблемам, рассматривалось влияние различных внутрисемейных способов передачи культуры (совместное посещение членами семьи культурных учреждений, внутри семейных контакты и т. п.) на культурное развитие детей.

Представление о рецензируемой книге будет искаженным, если не отметить, что в ней отражена лишь незначительная часть полученного в результате исследования материала. Опубликованная книга — лишь первый, но далеко не последний итог международного исследования «Культура». Венский центр и участники работы располагали записанными на магнитную ленту данными эмпирических исследований каждой страны — участницы проекта, что дает возможность и для сравнительного анализа⁶. Перспективы подобного продолжения проекта обсуждались на одной из последних встреч участников исследования. Поэтому в будущем вслед за работой, объединяющей результаты национальных исследований (настоящий том), можно ожидать появления книги, содержащей серию тематических исследований на основе внутрикультурных данных (сравнительный анализ молодежной субкультуры, образа жизни городской и сельской среды и т. п.). Возможны и иные способы обработки данных, допускающие сопоставление ответов мужей, жен и детей и тем самым позволяющие извлекать новую информацию, решать новые проблемы. Наконец, вышедшая книга позволит всем заинтересованным странам присоединиться к исследованию, поскольку в ней исчерпывающе полно изложено все необходимое для проведения эмпирического исследования.

Можно с уверенностью сказать, что работа над проектом «Культура» и рецензируемый труд обогатили методологический, теоретический, эмпирический багаж каждого участника исследования. Кроме интересного сравнительного материала обоснованы некоторые существенные выводы о процессе эмансипации женщин, культурной активности членов семьи, соотношении ролей мужа и жены, взаимосвязи и взаимодействии культуры родителей и детей, роли семьи в условиях трансмиссии культуры в эпоху НТР. Таким образом, по существу вскрываются некоторые общие для НТР процессы по-разному, однако, проявляющиеся на фоне многообразных экологических, исторических и социальных условий разных стран, в разных сферах жизнедеятельности: труд, культура и быте. Несмотря на происшедшие в эпоху НТР изменения, исследование выявило устойчивость основных функций семьи во всех странах, ее приспособление к условиям НТР. В настоящее время отмечается не только сохранение, но также возрождение родительских функций, создающих важные предпосылки устойчивости семьи. Значения, характерные для городского и сельского населения, все же по-разному выявлены в поселениях разного типа. Неодинаково они проявляются и в странах, различающихся степенью урбанизации и системой социальных отношений. Исследование указывает, что при форсированном развитии современной культуры появляется разрыв в образовательном уровне родителей и детей, но это не приводит к ослаблению влияния родителей. В современных образованных семьях вновь заметнее активизируются социальные и культурные контакты родителей и детей, заметнее проявляются культурные интересы и вкусы.

Вместе с тем в период урбанизации и активизации внесемейных ролей у женщин и мужчин возрастает потребность в близости, все более редкой и потому психологически значимой. В результате семья, выполняя свою социально-культурную миссию, выживает испытание научно-технической революцией и продолжает жить, правда, но в измененном виде.

В заключение хотелось бы отметить, что трудности работы над проектом «Культура» могли стать непреодолимыми, а появление книги — невозможным, если бы не искреннее доброжелательная атмосфера в авторском коллективе, члены которого постоянно стремились к взаимопониманию и прилагали огромные усилия для его достижения. Это проявилось в высоких научных качествах этой интересной и очень актуальной книги.

И. А. Гриш

⁶ При организации этого банка данных было оговорено, что их использование можно только с ведома и согласия участников исследования, которыми эти данные получены.

ицинного строя, направленной как на решение методических проблем исследования первобытности, так и на обобщение конкретного материала и решение основных вопросов развития первобытной эпохи. Практически это первое в советской и зарубежной историографии фундаментальное и всестороннее исследование первобытнообщинной формации: более ранние опыты были относительно краткими и ориентированными в основном на учебные программы.

Актуальность итоговой работы по истории первобытнообщинного строя очевидна¹. Для исследования процесса прогрессивного развития общества марксистское учение об общественно-экономических формациях оказывается единственно продуктивным. Именно понятие первобытнообщинной формации в отличие от «размытых», иногда даже противопоставляемых друг другу понятий вроде «доисторических» или «примитивных» обществ позволяет объединить и исследовать на основе единой методологии древнейшие археологические и антропологические источники по дописьменному периоду — собственно первобытной эпохе и этнографические данные об остаточных явлениях первобытнообщинного строя в позднейшие эпохи (синполитейные общества, согласно предлагаемой в книге терминологии).

Во введении, посвященном преимущественно проблемам периодизации первобытнообщинного строя, очевидными становятся главные трудности исследования этой эпохи. В основу периодизации положено развитие основной социально-экономической ячейки первобытного общества — общины: праобщина соответствует эпохе первобытного человеческого стада, первобытная родовая община — эпохе расцвета первобытнообщинного строя, первобытная соседская (протокрестьянская) — эпохе его разложения (с. 18—25). Такая периодизация определяет и границы подготавливаемых томов. Сложнее обстоит с границами самих периодов, ибо в первобытную эпоху в истории человечества происходят великие сдвиги в области антропосоциогенеза, которому и посвящен первый том; тогда же возникают классы и зарождается государство. В самом термине «человеческое стадо» заложен парадокс: чего в нем больше, человеческого или животного? Введенное авторами понятие праобщины соответствует общей тенденции преобладания человеческого в эпоху становления общества. Одно из достоинств книги состоит в том, что авторы не прибегают к ученой риторике, чтобы создать видимость окончательной логической схемы; напротив, констатируются расхождения в их взглядах, что способствует дальнейшему развитию исследований в этой области.

Сложность изучения первобытной истории заключается также в том, что ее события являются по преимуществу предметом реконструкции, прежде всего в древнейший период. Поэтому особое значение приобретает методика реконструкции и согласования данных различных дисциплин. Этим проблемам посвящена первая глава книги — «Исследование первобытной истории», где впервые в такой последовательности ставится проблема классификации источников. Главную методическую задачу реконструкции авторы справедливо видят в междисциплинарном первобытноисторическом синтезе, сочетании на основании сравнительно-исторического метода данных этнографии, археологии, лингвистики, антропологии, естественно-научных дисциплин.

Для задач такой реконструкции, как показывает А. И. Першиц, наиболее ценными являются традиционные этнографические источники, позволяющие отработать методику, выделить значимые признаки и их закономерные связи, строить модели общества.

В принципе эта методика может быть распространена на все источники, используемые гуманитарными науками, и построенные на ее основе модели могут стать объектами (типологическими блоками) для сравнительного анализа. Справедливо подчеркивается, что наиболее надежна пока реконструкция на самом общем уровне — «увязка между собой таких признаков, как тип хозяйства, форма общины и семьи и вид рода» (с. 49). Дальнейшие шаги, видимо, могут быть связаны не только с кросскультурными исследованиями, но и с конкретными (локальными) реконструкциями на уровне общественно-культурных типов, отдельных обществ, а возможно, и отдельных коллективов (например, население поселка), что позволит интенсивнее подключить синтаксические данные археологии и других дисциплин (ср. с. 50, 83 и последовательность процедур междисциплинарного синтеза на с. 85). При этом построение статических моделей, например, общественно-культурных типов, может дополняться динамическими моделями², построенными на основании изучения конкретных обществ (такое соотношение, видимо, характерно и для места АПО и СПО в реконструкциях общей картины первобытности).

Другая частная, но сложная проблема реконструкции относится к данным всех гуманитарных дисциплин. А. И. Першиц и В. А. Шнирельман признают, что наиболее adequately реконструируются социально-экономические отношения как относительно жестко детерминированные в отличие от социально-идеологических (т. е. явления базисные, а не надстроечные). В то же время целые категории источников, прежде всего данные устной традиции, сведения информаторов (самоописания), сами принадлежат явлениям надстроечным и могут неадекватно отражать базис (ср. с. 43). Более того, именно надстроечные явления, например обряды-пережитки, а в археологии — культовые, прежде всего погребальные комплексы в наибольшей степени представляют целостные объекты для реконструкции (в отличие от остатков поселений). В этом отношении реконструкция идеологии может оказаться более реальной, а чрезмерно прямой характеристикой базисных явлений на основании указанных источников рискует

¹ Показательно, что одновременно с рецензируемой книгой вышла также «История первобытного общества» в ГДР (Geschichte der Urgesellschaft. В., 1983).

² См. Маркрян Э. С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1973, с. 58.

привести к искажению реальной картины: так мифы о женщинах как о первоначально хранительницах сакральных мифов и церемоний, впоследствии узурпированных мужчинами, ошибочно воспринимались как свидетельство смены матриархата патриархатом и т. п.

Наиболее сложной и общей для всех гуманитарных наук проблемой является вопрос о соотношении сравнительно-исторического и структурно-типологического методов: так как реконструкция требует создания синхронно действующей модели, история же изучения развития. Налицо, таким образом, определенная методическая проблема. В этом следующая глава — «Историография первобытной истории» — представляет только историографический интерес. Изучение различных направлений в этнографическом исследовании представляется весьма актуальным.

В основу историографического очерка положены тенденции, намеченные в подробно охарактеризованных трудах Л. Г. Морган и вскрытые основоположниками марксизма показавшими путь развития общества от бесклассового к классовому (раздел о трудах классиков марксизма написан Н. Б. Тер-Акопяном). Л. Е. Куббель справедливо критикует попытки крайних диффузионистов подменить идею закономерного развития (эволюции) культуры «механическим» ее распространением (миграциями, заимствованиями) ³. Автор указывает, что в построениях функционалистов и структуралистов преобладает тенденция исследовать прежде всего синхронную взаимосвязь социальных институтов и явлений культуры (с. 156—158). Справедливо отмечая неправомерность эволюционистских представлений о «пережитках», а также миграционистских — о диффузии элементов культуры, рассматриваемых вне функционального контекста культуры функционалисты вместе с тем абсолютизировали статичность традиционных обществ (с. 157), но она скорее была присуща самому их методу. При всей продуктивности методов синхронного исследования социокультурного механизма игнорирование общетенденций развития традиционных обществ, постулирование самодостаточности данных обществ традиции вступают в противоречие с реальностью современной эпохи: способность архаической традиции гармонизировать социально-экономические отношения внутри остальных обществ очевидна, проявлением этого, в частности, стали многочисленные миллениаристские движения.

И тем не менее изучение синхронного социокультурного механизма, как уже говорилось, необходимо для реконструкции первобытной истории преимущественно на уровне динамических моделей конкретных обществ (см., например, оценку политическо-антропологии на с. 157). В книге отмечается необходимость сочетания «синхронного и «диахронного» методов. Стремление к этому сочетанию очевидно у Л. Уайта и других неэволюционистов, использовавших функциональный метод для исследования синхронных уровней культуры и сравнительный — для изучения диахронной связи этих уровней (с. 160; ср. также работы А. Леруа-Гурана и различение им «тенденций» («фактов»). То же стремление заставило многих ученых обратиться к марксизму (с. 161—163).

А. И. Перриц указывает на существование сходных процессов в отечественной науке до становления марксистской этнографии в начале 1930-х годов. Из старых исследований заслуживает упоминания А. Н. Веселовский, развивший теорию «первобытного синкретизма» — изначальной слитности танца, музыки, обряда, словесного творчества: она важна для реконструкции как самых ранних фаз первобытной культуры, так дальнейших фаз ее развития и дифференциации.

В новейшее время помимо перечисленных конкретных достижений советской науки в области антропogeneза, соотношения материнского и отцовского рода (с. 170—171) и т. п. особое значение в области реконструкции первобытной истории имеет концепция хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей (с. 171). Эта концепция важна для решения вопросов о взаимодействии этнографии и археологии: дифференцированной оценки достаточно расплывчатого понятия «археологическая культура», выделения историко-культурных областей.

В целом в книге отмечается сближение различных дисциплин, необходимое для первобытноисторического синтеза; историографический опыт показывает необходимость учета и применения разных методик при единстве методологии и желательность выработки относительно универсальной методики описания и систематизации объектов разных дисциплин. Не выявленными до конца возможностями в этом отношении обладают интенсивно развивающаяся общая теория знаковых систем — семиотика. Она привлекательна тем, что большая часть разнообразных источников по первобытности, не только языковых, но и вещественных, может быть представлена как совокупность знаковых систем, которые в общей культурной систематике общества должны обладать относительно единым планом содержания и могут быть подвергнуты дешифровке. Такие опыты, в том числе в отечественной историографии, представляются весьма перспективными ⁴.

Последующие главы, посвященные собственно проблемам антропосоциогенеза, являются достаточно полным на современном этапе обобщением известных материалов. В третьей главе «Возникновение и эволюция гоминид» В. П. Алексеев отчетливо пока-

³ На мой взгляд, одностороннюю оценку получили идеи Л. Леви-Брюля о «дологическом» первобытном мышлении (с. 155): именно им впервые были серьезно поставлены проблемы историзма мышления.

⁴ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: Худож. лит., 1940.

⁵ См.: Ранние формы искусства. М.: Искусство, 1973; Алексеев В. П. К происхождению бинарных оппозиций в связи с возникновением отдельных мотивов первобытного искусства. — В кн.: Первобытное искусство. Новосибирск: Наука, 1976.

дает диалектику взаимодействия факторов антропогенеза, как внешних — экологических (с учетом возможного влияния радиации и т. п.), так и внутриколлективных, среди которых особо выделяются «творческий фактор» трудовой деятельности и необходимость коммуникации (с. 202, 219—221). Поэтому выделяемые стадии австралопитеков, питекантропов и неандертальцев и приводимая автором систематика семейства гоминид (с. 218—219) оказываются не статическими схемами, а вписываются в сложную и во многом противоречивую картину становления человека.

Главы четвертая и пятая — «Предпосылки становления человеческого общества» и «Становление человеческого общества», написанные Ю. И. Семеновым (гл. пятая — при участии Б. А. Фролова), представляют серьезный опыт первобытноисторического синтеза, учитывающего данные биологии, антропологии, археологии и этнографии. Ю. И. Семенов приходит к выводу о необходимости философского (онтологического) осмысления соотношения биологического и социального факторов социогенеза, становления общественного производства и сознания: лежащие в основе социогенеза социально-экономические отношения исследователь считает «особым, своеобразным видом материи» (с. 231), а социогенез — сущностью антропогенеза (с. 235). Проблема первичности (в том числе хронологической) производства как основы возникновения общественного сознания достаточно убедительно решается на современном материале: к производству орудий хабилисами, морфологическим относящимся к австралопитекам, применимо положение Маркса о «первых животнoобразных инстинктивных формах труда» (с. 241). Общественное сознание зарождается на стадии питекантропов (чему соответствуют данные антропологии — с. 220, 236). С возникновением производства и зачатков разделения труда индивиды, обладавшие большими способностями в изготовлении орудий, должны были получить доступ к пище наравне с добытчиками-охотниками (с. 302). Отсюда — возникновение коммуналистического распределения, преодоление биологической системы доминирования и рангов в праобществе, становление праморали, табу, регламентирующих основные нормы поведения, и т. д. Логическое построение такой схемы антропогенеза, конечно, не снимает многих проблем, а, напротив, позволяет поставить их более отчетливо. В частности, необходимо дальнейшее исследование стадий биологических предпосылок обуздания животных инстинктов: как известно, конфликтные ситуации редки и в стадах обезьян при наличии доминирования и т. п.

В процессе поэтапного исследования общества иногда становится неясной общая система его функционирования: как понимать первичность агамии, согласно Ю. И. Семенову, предшествовавшей экзогамии (с. 246), каковы были отношения между праобщинами, почему прамораль могла касаться лишь распределения мяса (с. 312, 359), не затрагивая брачных отношений?

Необходимость логического расчленения материала в целях исследования, особенно в применении к сложнейшей проблеме происхождения идеологии, иногда затмевает логическую взаимосвязь явлений. «Рациональное» знание, в том числе ориентация в пространстве и способность моделировать его в конструкции жилищ, например, относятся и к ориентации погребений, и к таким символам, как крест (с. 405). «Астрономические, биологические и географические представления», зарождение которых предполагается в эпоху мустье, являются условным расчленением, зато формирование представлений о мире как о едином целом (ср. с. 405), очевидно, диктуется как системностью человеческого мышления, так и системностью самого мира, который оно отражает. Естественно, уровень системности первобытного видения мира был в абсолютном смысле примитивным, но вместе с тем, судя, например, по степени развития мустьерской культуры, оказывался и достаточно сложно организован. Поэтому едва ли оправдана установка в один ряд символического и паразитического образа действия (с. 393), так как систематическое познание мира на протяжении всей первобытной (и не только первобытной) эпохи включало создание символов тех объектов, суть которых на определенном уровне развития нельзя было познать до конца.

Эти замечания касаются в основном будущих исследований, в том числе ближайших. Видимо, часть проблем получит полное освещение в последующих томах. Вместе с тем возможны некоторые общие соображения, касающиеся места антропосоциогенеза в ходе развития человеческой культуры в целом.

Материалы книги наводят на мысль, что процесс антропосоциогенеза шел по некоему «среднему пути». Как показали авторы, в антропогенезе тупиковыми оказывались те формы, для которых характерно было переразвитие физической силы или специализация морфологического облика (с. 191—193, ср. с. 251, 377). Прогрессивными факторами в становлении человека считаются обитание его предков на границе тропического леса и саванны, необходимость лабиринтирования в разных ландшафтных условиях (с. 196—199, 253), сочетание в рационе растительной и мясной пищи (с. 198—199, 255), а также то, что хабилисы, будучи австралопитеками, занимались производством орудий. Иными словами, предки человека современного вида были поставлены в такие условия, в которых их деятельность, в том числе орудийная, должна была иметь достаточно динамический характер, требовала большой согласованности усилий, коммуникабельности, умения выбирать оптимальный вариант. Видимо, этот «средний путь» был магистральным для первобытной культуры, во всяком случае для мифа и ритуала (см. исследование К. Леви-Стросса, М. Глакмана, В. Тернера и др.). Один из таких ритуалов — погребальный — был известен уже неандертальцам (с. 383—388). Он, как показал на широком материале С. А. Токарев⁶ преследовал двойную задачу: удалить умершего из коллектива и одновременно сохранить связь с сородичем. Эта задача у неандертальцев достигалась «средним путем» — погребением на стоянке. Кстати, этот способ погребения

⁶ Токарев А. С. Ранние формы религии и их развитие. М.: Наука. 1964, с. 170—171.

сохранился в верхнем палеолите и значительно позднее, что увеличивает число «допиентных» традиций в сложившемся обществе (ср. с. 377). То же можно сказать о темизме и магии (с. 388—391) — способах ритуальной регуляции отношений с другими коллективами и внешним миром, в том числе сверхъестественными, и первоначальной классификации его феноменов.

В целом авторы выполнили фундаментальную исследовательскую задачу, систематизировав огромный и разносторонний материал. Представляется, что первый том истории первобытного общества стал прочным базисом для дальнейших исследований в этом направлении.

В. Я. Петружа

НАРОДЫ СССР

Л. С. Ефремова. Латышская крестьянская семья в Латгале. 1860—1939. Рига, 1947 г. 270 с.

Проблемы семьи и брака постоянно привлекают внимание ученых различных специальностей, в том числе историков и этнографов. И это вполне закономерно. Семья играет огромную роль в развитии общества. Как социальный институт она влечет в систему общественных отношений и выполняет ряд функций по отношению к обществу, наиболее важными из которых являются воспроизводство населения и воспитание молодого поколения.

Бытование определенных форм семьи и семейных отношений в конкретный исторический период, как правило, обусловлено социально-экономическими основами общества и той ролью, которую выполняет семья в общественной жизни. В то же время известно, что семейные отношения изменяются значительно медленнее, чем экономические и в семейной жизни в течение длительного времени сохраняются черты, характерные для предыдущих исторических эпох. В семейной жизни отразилось и многообразие конкретных черт исторического развития отдельных народов. Исследования современной семьи у народов СССР, особенно активизировавшиеся в последнее десятилетие, показали, что на многие вопросы, возникающие в настоящее время, невозможно ответить без исторического анализа семьи и семейных отношений. Работа Л. С. Ефремовой представляет огромный интерес для тех, кто занимается проблемами семьи, особенно в Прибалтике и Белоруссии. Это первая работа, специально посвященная развитию латышской семьи.

Автор рассматривает эволюцию латышской крестьянской семьи на протяжении 80 лет — с 1860 по 1939 г., т. е. в период капитализма, начиная с низшей и кончая высшей стадией — монополистическим капитализмом. Этот период представлял собой переломный этап в жизни крестьянской семьи, «вызванный определяющим влиянием частной собственности, разрушавшей патриархальные традиции и замкнутость семейного быта крестьян» (с. 8).

Акцентируя внимание на конкретном историческом периоде, автор постоянно обращается к материалам более раннего времени, а именно к 40—50-м годам XIX в., когда в Латгале преобладали патриархальные формы семьи, и, таким образом, читатель представляется возможность увидеть объект исследования в широкой ретроспективе.

Расположенная на границе с РСФСР и Белоруссией, Латгале в течение длительного времени была административно оторвана от остальных областей Латвии (входила в состав Витебской губернии). Данное обстоятельство, а также сложный национальный и конфессиональный состав населения сыграли большую роль в формировании некоторых своеобразных черт культуры, быта, семейной жизни латышей Латгале. Приходится сожалеть об отсутствии в монографии сравнительного анализа эволюции латышской крестьянской семьи в Латгале и в других областях Латвии.

Рецензируемая работа написана на богатом архивном и полевом материале. Автор вводит в научный оборот разнообразные источники: первичные формуляры переписи населения 1897, 1930 и 1935 гг., инвентари помещичьих имений, дела волостных судов и правлений, судебных инстанций буржуазной Латвии и др.

В книге освещается достаточно широкий круг проблем, взаимосвязанных друг с другом: форма и структура семьи, внутренний строй и взаимоотношения, имущественные отношения в семье.

Сильная сторона книги в том, что все вопросы, освещаемые автором, рассматриваются в тесной взаимосвязи с социально-экономическими отношениями в деревне.

Центральное место в монографии занимает глава о развитии формы и структуры семьи в период капитализма.

На конкретном архивном и статистическом материале Л. С. Ефремова убедительно доказывает, что неразделенные семьи начали распадаться еще в дореформенный период, и все же «для феодальной деревни с низким уровнем развития производительных сил в сельском хозяйстве с застойным патриархальным укладом жизни типичными были большесемейные коллективы» (с. 84).

Отмена крепостного права послужила толчком для крестьянских разделов. На протяжении всего исследуемого периода в латгальской деревне существовали две формы крестьянских семей: неразделенные и малые (автор пользуется определениями, наиболее

распространенными в советской этнографической и социологической литературе). Л. С. Ефремова отмечает также, что доля малых семей постоянно увеличивалась, а круг родственников, входящих в состав неразделенных семей, сокращался (с. 59, 71). Несомненный интерес представляет ее вывод о том, что «нередко большие семьи делились не путем одновременного общего раздела, а постепенным выделом отдельных малых семей» (с. 119—121). Детальный анализ данных переписей населения позволил Л. С. Ефремовой выявить огромное влияние экономического фактора на численность семьи. Сопоставляя численный состав семьи у различных этнических групп, живущих в Латгале, автор аргументированно доказывает, что именно экономический, а не этнический фактор играет основную роль при формировании размера семьи (с. 69, 80). Нельзя не согласиться также с утверждением Л. С. Ефремовой о том, что закрепление господства частнособственнических отношений в деревне повлекло за собой укрепление малых семей и распад неразделенных.

Развитие капиталистических отношений в деревне существенным образом повлияло и на внутреннюю жизнь крестьянской семьи. В этой связи автор поднимает такие важные проблемы, как роль главы семьи, положение женщины в семье, отношение к браку, отношение к детям, распределение обязанностей между членами семьи и др.

Весьма показательно, что отношения между родственниками в малых семьях строились на более демократических началах, чем в неразделенных.

Разложение неразделенных семей, социальная дифференциация крестьянства оказали огромное влияние на отношение к браку. Рассматривая вопрос о среднем брачном возрасте, Л. С. Ефремова на фактическом материале показывает его постоянное повышение на протяжении всего изучаемого периода (с. 169), что, по мнению автора, отражало общие закономерности развития семьи при капитализме: «с одной стороны, стремление предотвратить раздел хозяйства и ослабление его выдачей наследственных долей приданого — у состоятельных крестьян, а с другой — отсутствие необходимой материальной базы для вступления в брак — у безземельных» (с. 169).

Интересными и важными представляются соображения автора о роли конфессиональной и национальной принадлежности при выборе брачного партнера. Латгале издавна является ареной упорной борьбы между католичеством и православием, что способствовало «замкнутости семейного уклада крестьян, предпочитавших браки с лицами одной с ними веры и в пределах своей национальности» (с. 52). Активные миграции, отходничество, связь с городом привели к постепенному увеличению национально и конфессионально смешанных браков.

Л. С. Ефремова приводит интересные статистические сведения о национальном и конфессиональном составе семей по материалам переписей населения 1897, 1930 и 1935 гг. Думается, эти данные следует интерпретировать с большой осторожностью. Известно, например, что перепись 1897 г. не дает точного представления о национальном составе, а переписи буржуазного периода проводились очень тенденциозно, с явным завышением доли латышей. Вряд ли на основе этих данных правомерно решать вопрос о детности в крестьянской семье, хотя бы потому, что в латгальской деревне, как отмечается и в рецензируемой книге, существовал обычай брать на воспитание подростков из безземельных семей (с. 199). Таким образом, по материалам переписи, часть подростков из безземельных семей числилась в хозяйствах земельных крестьян (с. 189). В данном случае следовало бы привлечь дополнительные источники.

Господствовавшие в период капитализма частнособственнические отношения влияли на весь уклад семейной жизни, в том числе на имущественные отношения в семье. Вопрос о наследственных и имущественных правах возникал в случае общесемейного раздела, при выходе из семьи одного из ее членов, в случае смерти главы семьи и т. п. В латгальской деревне, как убедительно показывает Л. С. Ефремова, даже в 20—30-х годах XX в. при разборе имущественных споров крестьяне очень часто ссылались на местные обычаи (с. 220).

Обобщая огромный фактический материал, автор подробно рассматривает имущественные права большого круга родственников: сыновей, братьев, дядей, племянников, зятьев-примачков, дочерей и сестер, вдов. Бесспорными представляются выводы о порядке наследования в латгальской деревне, где преимущественными правами пользовались мужчины — родственники по отцовской линии.

В основе раздела, как утверждает Л. С. Ефремова, лежал традиционный принцип наследования (с. 229, 254). Соблюдалась основная традиция — сохранить землю в руках родственников по отцовской линии. Интересны приведенные автором данные о положении женщины в малой и неразделенной семье, в том числе о ее правах в наследовании имущества. В Латгале лишь в начале XX в. женщина впервые официально получила право на наследование некоторой части земли. Аргументированными представляются выводы автора о том, что в малой семье как наиболее прогрессивной форме семьи права женщины были значительно большими (с. 241, 245, 251).

В заключение хотелось бы отметить, что рецензируемая книга, несомненно, важна и актуальна и вносит большой вклад в исследование семьи. Жаль только, что автор, осмыслив огромное количество разнообразных источников, не счел возможным высказать свое отношение к существующим в современной науке понятиям «форма», «структура», «малая» и «неразделенная» семьи и др. и таким образом принять участие в разработке типологии современных семей.

Р. А. Григорьева

Нет, наверное, такого издания фольклорных записей, в процессе подготовки которого не сталкивались бы противоречивые, взаимоисключающие друг друга взгляды на то, как подавать тексты для публикации. Стремление к максимальной точности в передаче рассказанного или пропетоного противоборствует с желанием привести запись в соответствие с представлениями собирателя о стилистических нормативах. Вариант в ее конкретном своеобразии уступает место экспонированию «подлинного» народно-поэтического произведения в понимании автора публикации. Обычно побеждает ведущая тенденция современной фольклористики: максимально приблизить написание к звучанию. Однако давно устаревшая точка зрения на фольклорный текст как на «полуфабрикат», нуждающийся в доведении до «истинной» формы, неожиданно дала рецидив в сборнике «Устьянские песни» (вып. 1).

Работа ленинградских музыковедов-фольклористов невелика по объему: 30 песен, собранных в 1974—1978 гг. в деревнях, расположенных в верховьях небольших северных рек Устья (Архангельская область) и Кокшеньга (Вологодская область), представленных в сборнике в 44 записях (с вариантами). В предисловии сообщается, что в рецензируемый сборник вошли лишь образцы, «относящиеся к особому слою русского фольклора — молодецким песням» (с. 4).

Ценители северо-русской протяжной песни с ее сложным мелодическим орнаментом, несомненно, найдут в новом издании напевы, привлекающие красотой, своеобразием ладоинтонационного строя. Данная публикация, пусть в скромной мере, развивает и сложившиеся представления о географии ряда замечательных песен Русского Севера, известных ранее в музыкальной фольклористике по записям с Пинеги, Мезени, Печоры, Белого моря.

Менее убеждает классификация материала. Обращаясь к старейшему в филологической фольклористике делению песен на мужские и женские (вспомним Вука Караджича, а затем — уже в отечественной фольклористике — А. И. Соболевского), составители впервые используют его не только в традиционном плане, но одновременно и для группировки напевов по особенностям музыкального строения¹. Не будем обсуждать перспектив такой классификации для всей русской песенной лирики, но и небольшое подбирке устьянских песен тесно в ее рамках: так, некоторые песни, включенные в сборник, являются «мужскими» только по характеру напева, а по содержанию текст они — «женские»; составители заметили это и такие песни включили в выпуск с соответствующей оговоркой (№ 37—43). А песни противоположного соотношения компонентов («мужские» по сюжету тексты распеты на «женские» напевы) введены в корпус издания уже без всяких оговорок (№ 10, 11 и др.). Песни под № 14—20 — женские и по содержанию, и по напеву, вследствие чего их появление в корпусе молодецких песен совершенно необоснованно. Достаточно ли продумана, выверена на материале сама идея классифицировать песни на одной и той же ступени деления сразу по двум основаниям (содержание текста и особенности мелодии), не в этом ли заключается избыток отступлений в рецензируемом сборнике от избранного принципа группировки?

Несмотря на некоторую путаницу с классификацией, все же и «Устьянские песни» могли бы быть полезны широкому кругу читателей и специалистам, если бы в работе и дело не приходилось сталкиваться с текстами и напевами, не существующими в действительности, а реконструированными составителями путем сведения нескольких вариантов в одну запись.

Так, например, текст песни «Не сон-от ли долит дак меня» (№ 4), записанной группой жителей дер. Бритвино, дополнен, как явствует из комментария, «по варианту из деревни Илатово» (с. 75). Перед нами, следовательно, текст, реально не существовавший как целое ни в Бритвине, ни в Илатове. Далее: нотная запись песни «Отправляю доброй-от молодец» (№ 6) выполнена, как сообщается составителями, «с учетом повторного исполнения песни теми же певцами» (с. 75—76). В третьей строфе нотированы видим ноты, заключенные в квадратные скобки (возможно, это и есть оговоренное привнесение, так как значение квадратных скобок в нотах не пояснено составителями). Но в варианте, взятом за основу, в этом месте, видимо, тоже звучало что-то, бесследно исчезнувшее из опубликованной в сборнике мелодии. Метаморфоза, происшедшая с песней «Не ясен-то ли сокол» (№ 7), любопытнее: в ней «форма строфы и отдельные элементы голосоведения восстановлены с учетом записей (далее следует перечисление. — М. Л.) от тех же исполнителей» (с. 76). Значит, вариант, положенный в основу публикации, весьма существенно — и по форме, и по многоголосному распеву — отличается от того, что мы видим в издании. И его звучащая целостность не донесена до читателя автором нотировки А. Мехнецовым. Напев песни «Росхорошая, роскрасива была» (№ 11), зафиксированной в дер. Михайловская Озерецкого сельсовета Тарноского района Вологодской области, «реставрирован» автором нотации Ю. Марченко «с гласно вариантам, записанным в деревнях Захаровское Верхне-Кокшеньгского с/с, Есеевская Озерецкого с/с, Русаниха Лохотского с/с, Баклановская Маркушевского с/с» (с. 76). Контаминируя по своему усмотрению варианты, автор нотировки выдает свою работу за реставрацию одного из них, хотя в действительности мы имеем дело с каким-то музыкальным текстом, не существующим в устной традиции. В сборнике не р

¹ По определению А. Мехнецова, молодецкую песню отличает с музыкальной стороны «преобладание поступенного движения (в мелодии. — М. Л.) в широких интервалах над опеванием, интонированием в пределах терцовой ячейки, которые характерны для женских песен» (с. 4).

встречаются песни, реконструированные способами, приведенными выше (№ 14, 26, 33, 38 и др.).

Вызывают сомнение и тексты тех песен, которые дополнены уточнениями исполнителей при повторной их встрече с собирателями (№ 2, 15, 21, 30 и др.). Архивные шифры магнитомент 759 и 730, 761 и 773 показывают, что между сеансами звукозаписи лежит значительный временной интервал, что это — не сиюминутные уточнения, внесенные в только что сделанную запись.

В общем по тем или иным соображениям 15 из 44 номеров сборника, т. е. более 30% всего материала, вызывают сомнение в том, насколько корректно воспроизведены зафиксированные фольклорные факты. Но стоит ли останавливаться на этих моментах, сосредоточивать внимание на мелочах — каких-нибудь четырех строчках в конце песенного текста или нескольких нотах в квадратных скобках?

Приходится вновь (в который раз!) вспомнить опыт А. М. Листопада. Записав в Донской песенной экспедиции ценнейший фольклорный материал, собиратель в последующие годы вновь объехал станицы, чтобы внести уточнения в первоначально записанные тексты. Но он не учел, что сделанные им уточнения принадлежат уже другому фольклорному факту — варианту песни в ее состоянии через 2—3 года, 11 лет и т. д. В своих изданиях А. М. Листопадов начал «сводить» такие очень близкие варианты (тем же путем идут и составители устьянского сборника). Подобный прием отворил двери другим методам «восстановления» и «очищения» песен, в результате которых в публикациях Листопада оказались впечатляющие несоответствия полевым материалам. Теперь, когда сделаны магнитофонные записи донских песен и полностью найдены материалы Донской экспедиции², выяснилось, что полевые записи замечательного собирателя более соответствуют стилистике местного фольклора, нежели их «улучшенные» варианты.

«Современная фольклористическая текстология не сомневается в недопустимости замены подлинных записей сводными текстами и реконструкциями. Нет никаких научных доводов, которые бы их могли обосновать и оправдать»³, — так обобщает К. В. Чистов точку зрения на публикацию произведений народного творчества (с этим полностью согласен и автор данной рецензии), устойчиво сложившуюся в фольклористике. Впрочем, аналогичные требования предъявляются и к изданию письменных памятников древности. «Само собой разумеется», — пишет Д. С. Лихачев, — что никакие «частичные» (неполные) реконструкции, «приближенные» к авторскому тексту, «сводные тексты» не могут быть приняты»⁴. Но поскольку К. В. Чистов имел в виду публикации фольклорных материалов в XIX — начале XX в., а древнерусские памятники литературы еще дальше отстоят от народной песни в ее современной фиксации, то встает вопрос: распространяемы ли подобные требования на музыкальную фольклористику настоящего времени?

Действительно, в фольклористике сейчас положение дел изменилось: ныне ее текстологической основой становится фонограмма. Эти изменения начались два-три десятилетия назад, когда на смену фонографу пришел в собирательскую практику фольклористов магнитофон, адекватно воспроизводящий звукозапись сколь угодно раз и пригодный для фиксации продолжительных по времени исполнения произведений народного творчества⁵. Издание фонодокументов, бурно развивающееся, переживает лишь свой первый этап. Еще не назрела необходимость в критическом переиздании нотировок, да и техническая оснащенность фоноархивов пока не располагает к работе по сверке изданных записей со звучанием их на магнитной ленте. Особых текстологических принципов издания расшифровок фонограмм пока не выработано; может быть, в таких случаях еще не назрела необходимость. А вместе с тем опора на звукозапись с ее объективностью обострила субъективные намерения собирателей и публикаторов. Стал велик соблазн соразмерить в варианте долю типического и случайного, и в том числе, как мы убедились на примере «Устьянских песен», с помощью сводки вариантов. Но фонограмма, увы, не освободила составителей этого сборника от заблуждений, без которых еще не обошелся ни один опыт «совершенствования» фольклора в период его слуховой записи. Вернемся в этой связи к песне № 4 («Не сон-от ли долит дак меня»), в конце которой добавлены две строфы из варианта другой деревни.

Во-первых, есть ли уверенность, что в предыдущей части текста оба варианта дословно совпадают? Вряд ли. Скорее всего, авторы частичной реконструкции внесли в текст только одно из разночтений по своему выбору. Метод сводного варианта избаловал собирателей (как то обычно бывает в аналогичных ситуациях) от необходимости привести все разночтения во имя научной объективности.

Во-вторых, если составители решили «восстановить» песенный сюжет (что в принципе само по себе неприемлемо), то частичная реконструкция и здесь «отвлекла» их от реальности, которой необходимо придерживаться. Действительно, рассматриваемая

² Добровольский Б. М. Работа А. М. Листопада над песенным фольклором донских казаков. — В кн.: Народная устная поэзия Дона. Ростов н/Д, 1963, с. 241; Лобанов М. А. Новочеркасская рукопись. Новое о деятельности А. М. Листопада. — Сов. музыка, 1983, № 5.

³ Чистов К. В. Реконструкция текста и проблема текстологии преданий. — В кн.: Текстология славянских литератур. Л., 1973, с. 155—156.

⁴ Лихачев Д. С. Основные принципы текстологических исследований памятников древнерусской литературы. — Текстология славянских литератур, с. 232.

⁵ Иванова Т. Г. Классические собрания былин в свете текстологии. — Рус. лит., 1982, № 1, с. 146.

песня дается в сборнике еще в двух записях из деревень Фомин Починок и Береж (№ 2, 3). Обе они завершаются теми же словами, что и текст № 4 в его подлиннике а не «усовершенствованном» виде (стих «конь подрезал ноженьку по самую щеточку»). Неполнота песни № 4 — не просто недостаток памяти у певца одной из деревень, но, как показывают №№ 2 и 3, факт жизни песни в местной традиции. Сводный вариант ставил составителей пойти вразрез с этим важным обстоятельством. Они повторили таким образом, характерную ошибку публикаторов прошлого, применявших в своей практике сводку текстов.

В-третьих, авторы посчитали себя вправе составлять сводные варианты, полагая, что досконально изучили стилистику пения, основываясь на фонограмме. Подобная уверенность в себе — очень зыбкий критерий: наши понятия о местной стилистике песни все время развиваются, и правдоподобие сводного текста, удовлетворявшее сегодняшние представления, станет несостоятельным завтра. Впрочем, не надо заглядывать в будущее. Помимо рассматриваемой песни № 4, где был частично восстановлен словесно-поэтический текст, в той же деревне, в тот же день, от тех же исполнителей были записаны еще три песни (№ 26, 28, 37). Реставрация подверглась напев песни «Об Ванюшка-малой да сумлёвалось» (№ 26). Как ни странно, по количеству неунисонных созвучий в такте (от 2 до 7) именно он превосходит остальные записи от этого коллектива (от 2 до 4).

В-четвертых, составители могут считать, что частичная реконструкция оправдывается точной документацией привнесений в варианты, взятые за основу публикации. Это — старый довод. Когда метод реконструкции был на вооружении фольклористической науки, естественно, определенных высот достигла и культура представления и используемых элементов. Образцом такой точности является, как известно, собрание П. В. Киреевского в первых своих выпусках. И тем не менее эта культура, заключавшаяся в подробной газпортизации всех привнесений, не спасла сам метод от переноса в область истории науки. А когда его сменили иные методы издания образцов народного творчества, то выработавшаяся культура, будучи не у дел, забывалась. Все это естественно — сколько старых технологий оказались забытыми! Нельзя не отдать должного составителям рецензируемого сборника: в комментариях они указали, какие песни и из какого источника дополнены. Но в остальном «Устьянские песни» значительно ниже изданий прошлого в плане культуры подачи реконструкций: составители не сделали реставрированные мелодии никакими пометами, даже не указали, где находится фрагмент основного варианта и начинается привнесение.

После всего сказанного выше встает еще один вопрос: а нужны ли вообще реставрации народных песен? И здесь следует ответить утвердительно. Характерной чертой современной художественной жизни стало возникновение разного рода ансамблей воспроизводящих в своих выступлениях народные песни в максимальном приближении к натуральному звучанию. Таким коллективам, особенно самодеятельным, очень нужны тонкие в плане передачи стилистики обработки народных песен, основанные на данных фонограммы. В качестве опытов подобного рода и нужно рассматривать сводные варианты из устьянского сборника. Но для самодеятельных коллективов необходимо специальное издание, уже не относящееся к научно-фольклористическим. Среди же подлинных записей фольклора такие реставрации кажутся неуместными.

М. А. Лобан

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

А. С. Мыльников. Культура чешского Возрождения. Л.: Наука, 1982, 175 с.

Эпоха национального Возрождения, охватывающая период со второй половины XVIII в. до революции 1848—1849 гг., занимает важное место в истории чешского народа. Это было время кризиса и ломки феодального строя и рождения новой, буржуазно-экономической формации, формирования и самоутверждения буржуазных наций со своей собственной культурой. Национальное Возрождение выдвинуло талантливых деятелей, которые заложили основы чешской культуры нового времени и тем самым внесли вклад не только в национальную, но и общеевропейскую культуру.

Чешское национальное Возрождение неоднократно было предметом исследования. Однако до сих пор нет работ, в которых культура этой эпохи рассматривалась бы как целостное явление, как сложная и динамичная система. Восполнить этот пробел призвана насыщенная богатым фактическим материалом книга А. С. Мыльникова, который на протяжении последних лет много и целеустремленно исследует чешскую культуру.

В рецензируемой работе большое внимание уделено вопросу о роли народной культуры и фольклора в формировании национальной культуры. Это делает книгу Мыльникова интересной и полезной для фольклористов и этнографов.

Культура чешского национального Возрождения предстает перед нами как система, находящаяся в непрерывном развитии. Сердцевиной исторического типа культуры, следовательно, считает соответствующий ему тип личности. Одним из внешних проявлений системного единства культуры является ее стиль.

А. С. Мыльников считает, что культура каждой эпохи состоит из трех слоев. Во-первых, это культурные ценности, создаваемые в ходе развития материального и духовного производства в данной стране на определенном этапе. Во-вторых, это те ценности, которые в то же время вырабатывались другими народами и в большей или меньшей мере усваивались в процессе строительства национальной культуры (заметим, что такое усвоение непременно предполагает трансформацию). В-третьих, это те ценности, которые были созданы предшествующими поколениями и воспринимались, перерабатывались культурной практикой чешского национального Возрождения. При всем этом культура, специфической форме выражая и объективизируя жизнь народа, имеет не только эстетический, но и социальный, классовый характер.

Каждый из отмеченных Мыльниковым моментов имеет большое значение. Вместе тем они взаимосвязаны. Когда речь идет, скажем, о культурных контактах, важно учесть и контакты письменной литературы одного народа с фольклором других. Если ставится вопрос о традиции, то опять-таки нужно, как это и сделано в книге Мыльникова, учитывать фольклорную традицию.

Автор рассматривает основные этапы чешского национального Возрождения: эпоху Просвещения, период «перегруппировки и собирания сил» (1790-е годы — первая четверть XIX в.) и романтическую эпоху. Этим определяется трехчастная композиция книги. В каждом разделе поднимаются проблемы, связанные с народной культурой. Через всю книгу проходит мысль о неумирающей фольклорной традиции. Исследователь кратко характеризует жизнь чешского фольклора после поражения на Белой горе (1620 г.) и приходит к выводу, что «чешское народное творчество оказывалось питательной почвой для формирования национальной культуры в целом» (с. 64—65). Говоря о взаимодействии народного сознания и просветительской идеологии, Мыльников замечает: хотя народ смотрел на мир и оценивал происходившее не с точки зрения абстрактного «мысленного рассудка», а под углом зрения собственного вполне конкретного социального и культурно-исторического опыта, его позиции и позиции ведущих чешских просветителей в многом совпадали.

Обращение к народному творчеству неотделимо от борьбы за народный язык как основу национальной культуры. Для первой фазы формирования национального самосознания чешского народа было характерно противоречие между чешским национально-патристическим содержанием и внешней, инонациональной формой его выражения. Но затем, на рубеже 70—80-х годов XVIII в. положение резко меняется. В 1791 г. М. Пельцль выдвинул идею создания полного словаря чешского языка, одновременно публикуя по-чешски общедоступную книгу «Новая чешская хроника».

А. С. Мыльников рисует яркую картину борьбы за права чешского языка. Он создает выразительные портреты участников этой борьбы — Й. Юнгмана, Пельцля, Л. Добровского. Деятели чешского Возрождения отчетливо понимали необходимость создания единого общенародного национального языка. Они много сделали, чтобы создать его стабильную основу, нормализовать его грамматическую структуру, кодифицировать его нормы.

По существу уже в эпоху Просвещения складывались те компоненты, которые получают свое дальнейшее развитие и новое качественное наполнение в эпоху романтизма: интерес к отечественной истории, фольклору и проблемам национального языка. Важной в связи с этим представляется характеристика Й. Юнгмана. Он, по словам Мыльникова, стремился обогащать литературный язык народной лексикой, опытом тех славянских языков, которые в то время уже имели богатую литературу. Будучи выходцем из народа, Юнгман старался приблизить язык и литературу к народу. В своей языковой практике он ориентировался на народные массы, из рядов которых формировалась демократическая интеллигенция.

Большое внимание уделяет А. С. Мыльников эпохе преромантизма. Впрочем, здесь он не называет ее так, а пишет лишь о «воздействии новых идей преромантизма и романтизма» (с. 81). Н. Я. Берковский в свое время писал: «Романтизм складывался как новая культура, многообразно разработанная, и именно в этом подобен был своим предшественникам — Ренессансу, классицизму, Просвещению»¹. Факты, приводимые Мыльниковым, и его дальнейшие рассуждения подтверждают это положение. Но возникает ряд вопросов. Можно ли говорить о едином стиле культуры эпохи чешского национального Возрождения? Должна ли речь идти о динамике развития этого *единого* стиля? Или же о смене и сосуществовании различных стилей в пределах одного типа культуры? Вопрос чрезвычайно серьезный. Важность его можно проследить и на примере того, какие качественные изменения претерпевает фольклоризм чешской литературы.

90-е годы XVIII — первая четверть XIX в. были временем, когда чешская общественная мысль начинает уделять все большее внимание общеславянским аспектам чешской культуры. Сама система контактов чешской литературы с другими славянскими литературами приобретает качественно новые черты. Об этом Мыльников рассказывает впечатляюще, умело выбирая из огромного количества фактов наиболее существенное. Стоит выделить раздел о чешско-русских связях. Культурные и литературные контакты предстают перед нами в динамике, как органичная часть всей системы культуры.

В свете системного подхода, в плане типологии культуры рассмотрена и проблема чешского фольклоризма. А. С. Мыльников отмечает, что фольклоризм, как чешский, так и общеславянский, был источником формирования в начале XIX в. чешской национальной культуры, проникнутой романтическим видением мира. Вообще в конце XVIII—

¹ Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. Л.: Худож. лит., 1973, с. 19.

начале XIX в. наметилось своеобразное переплетение народной, восходящей к фольклору, и профессиональной культуры, создаваемой образованными слоями чешского общества. Этот процесс составил одну из характерных черт эпохи чешского национального Возрождения.

Нараждающейся национальной культуре были присущи три формы освоения фольклора: собирание, публикация и осмысление фольклора в различных гуманитарных науках, освоение фольклора как одного из источников и образцов литературы и искусства. Об этих формах и идет речь в книге А. С. Мыльникова. Ученый подчеркивает, что деятельность чешских фольклористов имела определенную идеологическую направленность: они не ограничивались собиранием и публикацией народного творчества, но обрабатывали его, зачастую вносили в тексты правку, отвечавшую их идейным и эстетическим представлениям о народности в духе романтизма. С помощью этого они стремились нести в массы идеи национального сознания, тем самым «будители» — деятели национального Возрождения — способствовали популяризации народного творчества.

Говоря о фольклоризме чешской романтической литературы, Мыльников останавливается на поэме Карела Гинекса Махи «Май». Комментарий начальные строки первой главы этой поэмы, исследователь отмечает связь ее с народной поэзией. Здесь есть интересные наблюдения об отражении в «Мае» фольклорных образов и мотивов. Не разумеется, фольклоризм поэмы не только в этом. Он выражается и в том типе героя, который создал Маха, и в общей концепции «Мая», и в своеобразной установке на читателя.

Период романтизма был ознаменован многими интересными процессами в области культуры. Наряду с развитием профессионального искусства происходит и развитие народной художественной культуры. Наблюдается процесс сближения культуры сельского и городского населения. Как подчеркивает А. С. Мыльников, «будители» много черпали из крестьянской жизни. Это обогащало их творчество и было важным шагом на пути преодоления разрыва между профессиональной и народной культурой.

Благодаря деятельности «будителей» в народной среде все более зрели идеи национального и социального самосознания, отразившие восприятие истории и современности широкими, прежде всего крестьянскими, массами. Как показывает Мыльников, для «будителей» были характерны тенденции синтеза, синкретизма, стремление к созданию национальной культуры. Но эти же тенденции существовали и в народной культуре. Взаимное соприкосновение их, взаимное использование опыта постоянно росли. Это было качественно новое явление. В предшествующий период компоненты рождавшейся национальной культуры были еще недостаточно взаимосвязаны.

Говоря о культурном синтезе, А. С. Мыльников подчеркивает, что чешский романтизм был сложным явлением. Здесь стоило вспомнить положение известного советского слависта С. В. Никольского о центростремительном национальном синтезе, о путях формирования национальных литератур у славянских народов². Речь идет о своеобразном сосуществовании разных литературных направлений. Ведь и Мыльников говорит о сочетании романтического мира с элементами барокко, философского рационализма и реализма. В литературоведении широко применяется понятие «ускоренное развитие литератур». Применимо ли оно к духовной культуре в целом? Те процессы становления чешской национальной культуры, которые исследует Мыльников, были чрезвычайно интенсивными, причем одновременно проявляли себя тенденции, которые в других культурах нередко были сделаны большим промежуток времени.

Завершая свою книгу, А. С. Мыльников говорит об активной, ведущей роли культуры в формировании и углублении национального самосознания. На конкретном материале исследователь показал, как культура чешского национального Возрождения включившись в освободительное движение, стала его составной частью, его органическим элементом.

Рецензируемая работа дает целостное представление о своеобразии чешской культуры в один из интереснейших периодов ее развития. Этому в значительной мере способствует и то, что в работе сочетаются историко-типологический и социально-структурный принципы описания механизма культуры.

Правда, не все функции культуры освещены в книге одинаково полно. Полагаю, что больше внимания, в частности, стоило уделить ее коммуникативной функции. Ведь развитие культуры связано не только с созданием ценностей, но и с определенным характером их «потребления». Известно, что культурная ценность всегда предполагает ее восприятие, она всегда является приглашением к сотворчеству, соавторству, всегда диалогична по самой своей сущности. В процессе развития культуры чешского Возрождения расширялась сфера ее восприятия, менялся характер воспринимающей аудитории. Отдельные моменты, характеризующие коммуникативную функцию культуры, в книге А. С. Мыльникова рассмотрены, но они все-таки освещены бегло, без выделения главного и существенного.

Наши замечания носят частный характер. В целом же книга А. С. Мыльникова заслуживает положительной оценки. Строгая, продуманная концепция, интересная по

² См.: Гусев В. Е. Роль фольклора в формировании художественной культуры славянских народов. — В кн.: Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII—XX вв. М.: Наука, 1978, с. 148.

³ См.: Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Просвещение. Национальное возрождение. М.: Наука, 1982, с. 102—104.

тановка теоретических проблем, богатый фактический материал делают эту работу полезной и нужной для всех, кто интересуется историей, искусством, литературой и фольклором славянских народов.

М. Я. Гольберг

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

А. Родионов. Марониты. Из этноконфессиональной истории Восточного Средиземноморья. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1982 г. 5 с.

Бурные события на современном Ближнем Востоке не раз показывали недостатки разработке учеными как прикладных, так и фундаментальных проблем истории и географии этого района мира. В частности, воочию обнаружилось, насколько действенным социально-политическим фактором остается здесь религия. События последних лет подчеркнули еще одну функцию религии — этноразделяющую; это косвенно подтверждает актуальность изучения соотношения религиозного и этнического и вычленения такого понятия, как этноконфессиональные общности, или группы.

Ливанские марониты, активные участники многих главных событий новой и новейшей истории Ливана, как бы еще раз напоминают и о политическом значении христианских общин Востока, и о связи религиозных и этнических критериев объединения и разъединения людей. Идеи и политические лидеры этой группы ливанского населения настойчиво пропагандируют идею ее этнической обособленности, гордость «самыми чистым» христианством; они выражают претензии на особое «финикийско-мардайтское» происхождение маронитов. Все это составляет важнейшую часть маронитского общественного самосознания.

Разобраться в истинном характере особенностей «маронитства» весьма важно и для научной, и для прикладной оценки политической ситуации в сегодняшнем Ливане. Однако сделать это трудно (практически невозможно) без тщательного и квалифицированного, выходящего за рамки одних только политических отношений, анализа, связанного на материале и методике истории, религиоведения, этнографии и истории культуры.

Именно такой анализ предлагается читателю в рецензируемой книге М. А. Родионова. Монографическое исследование маронитов такого плана предпринимается в марксистской науке впервые. Все прежние описания маронитской общины, из которых автор извлекает много фактических данных, прямо или косвенно связаны с самими маронитами, и потому их объективность во многих случаях, мягко говоря, нельзя считать абсолютной. Главное, что выделяет рецензируемую книгу, — сочетание хорошего знания истории и памятников культуры христианского Востока, в частности арабско-христианского, с тщательным и исчерпывающим этнографическим анализом.

В результате автору удается убедительно показать, что маронитская «этноконфессиональная группа» существует в рамках основного этноса — ливанских арабов, являя при этом реальными и существенными особенностями, порожденными в значительной степени маронитской религиозной идеологией, но существующими часто уже отдельно от нее. Однако эти особенности не дают оснований для выделения маронитов в особый этнос, отличный от арабского.

Само собой разумеется, что простая декларация такого вывода еще недостаточна для заслуживающего внимания исследования. Работа М. А. Родионова ценна и целенаправленным описанием, и анализом особенностей быта, общественной жизни, культуры, истории и самосознания маронитов. Очень интересно и убедительно исследованы некоторые маронитские «исторические» мифы, якобы подтверждающие извечную обособленность этой группы от остальных ливанцев, — об их «исконном» католицизме, мардайтском происхождении, «франкских» истоках эпонима группы — Йуханны Маруна, важной роли маронитов в политической жизни Ливана начиная с XVII в. и т. д.

Я согласен с автором, что сложное сочетание общих и особых черт идеологии, быта и культуры, свойственное жизни маронитов Ливана, достоверно описывается в системе, связанной с этнографическим понятием «этноконфессиональная группа». Это понятие, положенное в основу исследования, следует признать научно верным и корректным и потому оно может быть хорошим ориентиром и в истории Ливана, и в современной ливанской политике.

Историческая часть, с которой начинается книга М. А. Родионова (гл. I «Основные этапы истории маронитов»), посвящена главным периодам интересной и во многом как в далекое, так и в недавнее время) весьма туманной истории этой группы. Течение почитателей и приверженцев учения сирийского аскета V в Маруна появилось в Ливане в VII в., после мусульманского завоевания. Первый патриарх независимой маронитской церкви Йуханна Марун (конец VII — начало VIII в.) заложил основы догматического и политического противостояния маронитов византийской и исламской власти. Одна из ветвей сирийского христианства, марониты включили в себя многие различные этнические элементы, как коренные ливанские, так и пришлые.

Община маронитов без особых событий просуществовала до крестовых походов

XII—XIII вв., когда она вышла из изоляции, став главным союзником крестоносцев, что было закреплено унией с Ватиканом, основанной, в частности, на легенде об истинности правоты маронитов. В маронитской церкви началось постепенное искоренение восточных обычаев и традиций, продолжающееся по сей день.

Правление мамлюков прервало связи маронитов с Римской курией, но их община, состоявшая главным образом из крестьян Горного Ливана, продолжала сохранять религиозную самостоятельность. В XVI—XVIII вв. сложившаяся маронитская верхушка приобретает значительное политическое влияние под властью друзской знати и турецких пашей. Вопреки утверждениям маронитских историков, однако, она не стала господствующей политической силой Ливана.

Сложение в Горном Ливане феодальной иерархии и ее усиление сочетались с активизацией связей с Римской курией, развивавшихся достаточно сложно, но в целом способствовавших проникновению в Ливан европейского политического и культурного влияния. Особенно большое значение это имело для маронитов.

Маронитская община Ливана значительно усилилась в XVIII—XIX вв., в частности, благодаря оседанию маронитских крестьян на новых землях. Маронитская церковь и светская знать умело использовали крестьянские восстания и соперничество друзскими шейхами для усиления своего влияния. Это соперничество вылилось в кровавых друзско-маронитских конфликтах. Религиозная окраска, которую неминуемо приобретало движение ливанских крестьян, способствовала усилению политического влияния маронитской церкви. Роль церкви возросла благодаря отмене системы икта, ослаблению феодальной системы управления в конце XIX в. В то же время из среды маронитов вышла значительная часть той ливанской буржуазии, которая связала свои интересы с европейским проникновением в Ливан.

После первой мировой войны Ливан становится подмандатной территорией Франции в новых, более широких территориальных рамках. Марониты, составившие в это время примерно 1/3 населения Ливана, были влиятельным политическим фактором, и не имели возможности стать господствующей политической силой, как того хотело многим маронитским лидерам. Реальное соотношение политических сил требовало от трудностей между многочисленными ливанскими конфессиональными общинами группами, которое и нашло свое выражение в устном «Национальном пакте», провозгласившем арабский характер Ливана и специфику его социально-политической структуры; сохранение и того и другого обеспечивается посредством системы распределения всех государственных должностей между представителями разных вероисповеданий.

История маронитов Ливана, прослеженная по большому числу исторических трудов, как маронитских, так и европейских, показывает, что эта группа длительное время представляла значительную политическую силу, традиционно связанную с европейским влиянием. Однако это была лишь одна из политических сил. Политическая история страны на протяжении веков создала сегодняшнюю внутрививанскую ситуацию — сложное сочетание и сосуществование на грани войны разных политических сил и группировок.

Гл. II «Общая этнографическая характеристика ливанских маронитов» посвящена особенностям внутренней жизни маронитской общины в настоящее время. Автор подробно описывает расселение маронитов, среди которых и сейчас большую часть составляют сельские жители — земледельцы. Он анализирует их традиционную хозяйственную деятельность, показывает участие в торговле и капиталистическом развитии. В итоге делается вывод об отсутствии у маронитов какой-либо хозяйственной специфичности, типично «маронитских занятий».

Тип поселений и жилищ связан как со стойкими ближневосточными традициями, так и с новыми западными влияниями; утварь, одежда и пища убедительно свидетельствуют о глубоких местных корнях материальной культуры маронитов, мало отличающейся от культуры других групп ливанского населения. В семейно-брачных отношениях сохранились старые обычаи и, возможно, мусульманские влияния, которых Ватикан, несмотря на все усилия, не сумел выкорчевать из жизни маронитов и по сей день. Это и практика ортокузенного брака, и выкуп за невесту, и другие установленные. Семейные и календарные обычаи и обряды содержат немало особенностей, тесно связанных с религией. Однако там, где религиозное влияние слабее, выходит наружу общность культуры и культурного наследия всех жителей Ливана. В обрядах сохранилось немало следов домонотеистических верований; маронитский фольклор, как вся бытовая и общественная, за исключением ритуальной, жизнь маронитов, строится на основе арабского языка, что также свидетельствует о значительном сходстве в взаимных контактах членов разных религиозных общин Ливана.

В то же время в среде маронитов сложилось внутреннее общинное самосознание, которое главным образом способствует выделению их в особую группу в рамках этноса ливанских арабов. Изучение эволюции общинного самосознания маронитов, введенное автором по литературе и источникам XV—XX вв., представляет мне одним из наиболее интересных разделов книги, вносящей несомненный новый вклад в изучение маронитов. М. А. Родионов показывает, как в сохраняющих многие средневековые черты хрониках постоянно выкристаллизуются идеи, создаются «мифы», служащие основой для представлений о маронитской исключительности.

Завершает книгу анализ соотношения традиционных институтов маронитской общины: церкви и родственных коллективов — в рамках традиционной социальной структуры. Церковные организации сумели эффективно вписаться в действующую в Ливане систему родовых и родственных связей; конфессиональная община замыкает в себя родственные объединения. Искусственно идентифицируя религиозные узы с родственными, церковь старается воссоздать комплекс формальных принципов, при

ших этносу; при этом она пропагандирует тезис об особом этническом происхождении маронитов. Церковь способствует конфессионализации инфраструктур: образования, здравоохранения, прессы, транспорта и т. д. Создается непростой союз церкви с консервативными лидерами маронитов, общими усилиями стремящимися способствовать этническому обособлению маронитов.

Мне представляется, что этот раздел книги, пожалуй, самый в ней важный, автору следовало бы расширить как за счет фактического материала, так и за счет анализа. Хорошо было бы проанализировать весь механизм этноструктурирующей деятельности маронитской церкви, выявить причины ее успеха, показать ее умение использовать культурное и социальное наследие ливанских горцев.

Однако и приведенного в книге материала достаточно, чтобы читатель согласился с основными выводами автора, подчеркивающего значительную культурную общность маронитов с другими конфессиональными группами ливанских арабов и одновременно специфику, выражающуюся в ритуально-обрядовой сфере, идеологии и самосознании, культурной ориентации на Запад, специфическом соотношении архаики и новаций.

Проведенный в книге анализ показывает, как представляется, что Ливан был и продолжает оставаться местом бытования многих этнических и «псевдоэтнических» племен, что дальнейшие судьбы маронитской этноконфессиональной общности еще окончательно не определились, а имеющееся культурное наследие может послужить бесценной базой для разных по своему направлению процессов.

В заключение позволю себе отметить, что в целом неплохо полиграфически подготовленный текст содержит некоторые досадные непоследовательности, например «кальб» (с. 14), но «кальб» (с. 120); некоторые опечатки в написании европейских названий книг и транслитерации арабских заголовков (см., например: Библиография, № 180, 196, 281, 286). Очень обидно, что в книге нет карты; совсем непростительно, что в ней нет резюме на каком-либо европейском языке.

В целом же книга М. А. Родионова представляет существенный вклад как в изучение Ливана и современного арабского мира, так и в разработку общей теории развития этнических общностей.

М. Б. Пиотровский

И. Г. Краснодембская. От Львиного острова до Обители снегов (рассказ о коллекциях МАЭ по Южной Азии). М.: Наука, 1983. 108 с.

В последние годы этнографические музеи приобрели особенно широкую популярность. Уникальные памятники культуры больших и малых народов, говорящих на разных языках и живущих на разных континентах, собирают многомиллионную аудиторию. Музейные коллекции представляют большую ценность не только для исследователей, но и для многочисленных посетителей-неспециалистов, по достоинству оценивающих эти коллекции как интереснейшие источники по истории, быту, культуре, искусству, мировоззрению различных народов земного шара.

В ряду крупнейших этнографических музеев мира видное место занимает Музей антропологии и этнографии АН СССР, носящий имя своего создателя Петра Великого. История создания МАЭ (бывшей Кунсткамеры) насчитывает почти 270 лет. МАЭ — единственный в нашей стране музей, в котором представлены материалы, отражающие культуру и быт практически всех народов мира.

Одним из богатейших в МАЭ является Отдел народов Южной Азии. В нем сосредоточены этнографические коллекции, насчитывающие около 12 тыс. предметов по этнографии Индии, Пакистана, Бангладеш, Шри Ланки и Непала.

Существует значительная литература, посвященная коллекциям МАЭ¹. Но до сих пор не появилось ни одной доступной широкому читателю работы о народах Южной Азии и о собирателях этих коллекций².

И вот вышла в свет работа специалиста по этнографии и искусству народов Индии Шри Ланки Н. Г. Краснодембской «От Львиного острова до Обители снегов». Это очерк о коллекциях МАЭ по истории и культуре народов Южной Азии и об их собирателях. В книге две главы: в первой живо и интересно повествуется о том, как вещи могут «говорить» об истории народов, а в другой довольно своеобразно показывается жизнь самих вещей, отразившая жизнь их собирателей.

Вместе с автором читатель совершает увлекательную поездку по странам Южной Азии, и перед ним постепенно раскрывается особый духовный мир людей, живущих на

¹ См.: Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи. Л.: Наука, 1978; Шафравская Т. К. Чудес палата. Л.: Наука, 1967; *ее же*. Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР. Путеводитель без экскурсовода. Л.: Наука, 1979; Итс Р. Ф. Кунсткамера. Л.: Лениздат, 1974; *ее же*. Цветок лотоса. Рассказы этнографа. М.: Географиз, 1962; *ее же*. Века и поколения. Этнографические этюды. М.: Мысль, 1977, и др.

² Известна лишь небольшая брошюра, давно уже ставшая библиографической редкостью: Мерварт А. М. Отдел Индии. Краткий очерк индийской культуры по материалам отдела Индии МАЭ. Л., 1927.

огромной территории — от Львиного острова (древнее название Цейлона, нынешняя Республика Шри Ланка) до Обители снегов (поэтическое название Гималаев, в делах которых лежит королевство Непал).

Строго научные сведения Н. Г. Краснодарская умело сочетает с увлекательным рассказом об истории и жизни вещей, о том, когда, кем и в каких условиях они были собраны и переданы в МАЭ. Автор рисует запоминающиеся образы отечественных этнографов и востоковедов-путешественников, отдавших многие годы жизни изучению культуры и истории народов Южной Азии и сбору этнографических коллекций. Особенно удались автору образы создателя русской индологической школы Ивана Павлова Минаева, сумевшего пронести через многие годы своих странствий по Индии, Непалу, Цейлону любовь и уважение к изучаемым народам, и супругов Александра Михайловича и Людмилы Александровны Мерварт, привезших в МАЭ, несмотря на трудности вызванные гражданской войной, богатые индийские и ланкийские коллекции.

Н. Г. Краснодарская буквально по крупицам собирала сведения об этих замечательных людях, так много сделавших и для МАЭ, и для русской науки. Книга богато иллюстрирована: в ней 35 фоторепродукций наиболее интересных образцов культуры и искусства стран Южной Азии, тщательно продуманные научные комментарии и примечания, списки упоминаемых коллекций и опубликованных иллюстраций, а также перечень литературы, рекомендуемой посетителям МАЭ.

К сожалению, книга не лишена некоторых недостатков. Например, хотелось бы видеть в ней фотопортреты собирателей этнографических коллекций, побольше узнать о жизни и деятельности известного востоковеда М. С. Андреева, доставившего в Ланкаград фрагмент орнамента дворца такого типа, который не сохранился даже в самой Индии, географа Д. Д. Руднева, собравшего и передавшего в МАЭ свыше 60 образцов индийской деревянной и бронзовой скульптуры, а также всех тех, кто внес свой вклад в дело пополнения фондов музея этнографическими коллекциями по истории народов Южной Азии. Список рекомендуемой автором литературы недостаточен, в него вошли работы Н. Р. Гусевой, О. И. Галеркиной и Ф. Л. Богданова о ремеслах и искусстве Индии³, научно-популярные очерки Н. Ф. Рукавишниковой, В. А. Руднева и др.

Но указанные недочеты не умаляют очевидных достоинств книги. Заслуга Н. Г. Краснодарской состоит в том, что она сумела просто и доступно рассказать о южноазиатских коллекциях крупнейшего этнографического музея нашей страны — этнозиастах-собираателях. Ее книга учит широкого читателя понимать своеобразие культуры народов дальних стран и воспитывает уважение к памяти замечательных людей, усилиями которых были собраны сокровища МАЭ.

Н. В. Кочет

³ Гусева Н. Р. Современное декоративно-прикладное искусство Индии. М.: Искусство, 1958; Галеркина О. И., Богданов Ф. Л. Искусство Индии в древности и средние века. М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1963.

⁴ Рукавишникова Н. Ф. Колесница Джаннатха. М.: Наука, 1983; Руднев В. По историческим и культовым местам Индии. Л.: Наука, 1980; Гусева Н. Р. Индия тысячелетия и современность. М.: Наука, 1971; ее же. Многоликая Индия. М.: Молодая гвардия, 1971; и др.

НАРОДЫ АФРИКИ

Ан. А. Громыко. Маски и скульптура Тропической Африки. М.: Искусство, 1963, 350 с.

Пластическое искусство народов Тропической Африки уже давно привлекает внимание отечественных исследователей. Не лишне будет напомнить, что это искусство вообще впервые стало предметом профессионального анализа в труде русского художника В. И. Маркова (В. Матвея), написанном еще перед первой мировой войной и опубликованном в Советской России в самый разгар гражданской войны, в 1919 г.

Советские африканисты продолжили эту традицию. За последние три десятилетия появилось немало серьезных исследований, посвященных африканскому искусству, самым ранним известным его памятникам — наскальным росписям Сахары и Южной Африки до современных форм, складывающихся в странах независимой Африки. Однако предмет никак не может считаться исчерпанным, и выход в свет книги Ан. А. Громыко вне всякого сомнения, внесет заметный вклад в дальнейшее его изучение.

Книга эта может в определенном смысле рассматриваться в качестве итога. Ее автор предпринял попытку — можно сразу сказать, небезуспешную — взглянуть на привычные и в общем-то, казалось бы, достаточно знакомые сюжеты с сегодняшней

¹ Матвей В. Искусство негров. Пг., 1919.

позиций нашей и мировой науки, заново осмыслить то, что было сделано его предшественниками у нас в стране и за рубежом.

Самый характер предмета исследования заставил Ан. А. Громыко затронуть проблемы, относящиеся не только к искусствоведению, но и к другим гуманитарным дисциплинам, в частности к истории культуры и этнографии. Понятно, что оценка искусствоведческой стороны книги — дело специалистов. Мы же попытаемся подойти к ней с позиций этнографии (что, конечно, не исключает рассмотрения и искусствоведческих вопросов в той мере, в какой это окажется необходимо в связи с этнической историей и этническими процессами, протекающими на Африканском континенте).

Исследование Ан. А. Громыко отмечено последовательным историзмом. Автор книги с самого начала (и неоднократно впоследствии) подчеркивает неразрывную связь искусства африканских народов с их общественно-трудовой практикой, обусловленность эволюции искусства общим социально-экономическим развитием Африки (с. 16, 88, 101). При этом, однако, он решительно предостерегает против прямого объяснения тех или иных явлений или форм в развитии пластических искусств народов тропической части континента какими-либо конкретными событиями этой истории. По-видимому, Ан. А. Громыко совершенно прав, когда подчеркивает определяющую роль, какую сыграли в истории африканского искусства такие общенсторические факторы, как, с одной стороны, замедленный характер общественного развития субсахарской Африки в целом, а с другой — европейская работорговля XVI—XIX вв. Но речь идет именно об общенсторических факторах. В этой связи заслуживает упоминания идея пульсирующего развития традиционного художественного творчества, связанного с замедленным темпом общественного развития. Вероятно, здесь стоило бы говорить не только о низком темпе, но в определенной степени и об обратимом характере этого развития, особенно на стадии перехода от родового строя к классовому, т. е. именно тогда, когда складывались главные центры африканской художественной культуры, рассматриваемые в книге.

Весьма интересными представляются размышления автора над такими важными общетеоретическими вопросами, как предмет искусства и его социальная функция. Последнее особенно важно в применении к традиционному искусству африканских народов. В самом деле, именно по поводу социальной функции этого искусства, в частности скульптуры и масок, шли самые жаростные и продолжительные споры. Ан. А. Громыко показывает, что было бы неправомерно связывать эти виды искусства исключительно с религиозными верованиями или же рассматривать их в духе известного тезиса о неразделимости эстетической и утилитарной составляющих африканской пластики. Этот тезис сам по себе абсолютно справедлив, но нельзя на его основании делать вывод о полном безразличии африканского художника (имеется в виду — в традиционном обществе) к эстетической стороне создаваемых им произведений. И в тоже время вполне справедливо, что именно религиозные представления сыграли огромную роль в становлении канона, присущего традиционному искусству. И дело здесь не только в этих представлениях как таковых. Искусство могло играть соционормативную роль. Так, например, обстояло дело с масками, которые олицетворяли силы, поддерживавшие существующий порядок, надлежащее понимание должного и недолжного. В таком смысле вполне понятна неразрывная связь этого вида африканской пластики с тайными обществами, на которую указывает автор. Маска в этом своем качестве могла быть и действенным средством сакрализации верховной власти в обществе, а в дальнейшем — и поддержания представления об ее сакральном характере. И наконец, очень правильно ставится и решается вопрос о существовании в наши дни «двух Африк» — городской и деревенской, в которых функции традиционного искусства фактически оказываются противоположными. Если для жителей африканской «глубинки» это искусство в неменьшей степени сохраняет свою интегрирующую и соционормативную роль, то в городе оно тем дальше, тем быстрее превращается в предмет торговли, благо спрос на изделия африканских скульпторов и резчиков по дереву не спадает.

Высказываемые автором во второй и третьей главах мысли в полной мере подтверждаются и опубликованными в книге записями его бесед с европейскими и африканскими учеными и художниками. Это касается и социальной роли африканского традиционного искусства, и непрерывно возрастающей угрозы его коммерциализации (с. 315, 321). В частности, особый интерес представляет реакция собеседников на вопрос о соотношении традиционного африканского и «абстрактного» искусства: собеседники Ан. А. Громыко единодушно считают, что принципиальная разница между ними заключается как раз в масштабах потребляющей это искусство аудитории. Традиционное искусство обращено к более или менее крупному этносоциальному комплексу, тогда как искусство «формальное» имеет в виду лишь сравнительно узкий круг достаточно подготовленных ценителей (с. 309; 311). Собственно, из этого же убеждения вытекают и мысли европейских и африканских специалистов о стиле африканской пластики и о возможности его воспроизведения в современных условиях. Во-первых, стиль неотделим от культуры в целом (с. 312); во-вторых, о чистоте стиля можно говорить лишь при функционировании произведения искусства в общественной практике (с. 308, 318—19); наконец, в-третьих, попытки искусственного воспроизведения стиля дают лишь имитацию подлинного искусства (с. 307) и оправданы только для коммерческих целей (с. 323). И неприкрытая горечь звучит в словах африканцев, когда они говорят о том, что в наше время африканская художественная традиция полнее всего представлена в музеях Европы и Америки (с. 320) или о том, что сегодняшнее африканское искусство — то «искусство-сирота». Ведь, с одной стороны, много веков его систематически разрушала сначала работорговля, а затем колонизация, с другой же — в современном мире его социальные корни подрываются все больше и больше, так как выполнять

по-прежнему свою социальную функцию оно уже не в состоянии (с. 315). Собственно говоря, записи этих бесед представляют вполне самостоятельную научную ценность.

Для этнографа особый интерес представляет анализ привязки принципов композиции — более широко — стилиевых особенностей пластики к определенным этническим ареалам (с. 139, 145—146). Автор спорит с такими видными авторитетами, как, например, Б. Фэгг, о степени замкнутости искусства отдельных этнических общностей Тропической Африки. Он прав, когда подчеркивает, что эту замкнутость не следует преувеличивать: издавна существовали достаточно оживленные и стабильные контакты, происходило ознакомление, а затем и заимствование отдельных композиционных и стилистических приемов. Иначе говоря, искусство той или иной этнической общности есть определенное целое; но в то же время оно составляет часть более крупного целого — здесь можно говорить уже о культурном комплексе в масштабах субсахарской части континента (с. 148—149). Между этнокультурными комплексами художественного творчества и таким широким этнокультурным субконтинентальным целым сформировалось несколько, по определению автора, художественных центров, надэтнических по своему смыслу и охватывавших несколько этнических ареалов каждый — таких, как Западный Судан, Гвинейское побережье или бассейн Конго. Пластика, создававшаяся мастерами разных народов, входивших в состав таких центров, несомненно, имела заметные черты стилистической и композиционной общности. К этому можно, видимо, добавить, что в принципе между такими художественными комплексами не существовало резких и непреходимых границ. Именно это и создавало ту, если можно так выразиться, художественную непрерывность, о которой, как уже упоминалось, говорит автор книги. Он подчеркивает, что традиционное искусство представляло основу родоплеменной культуры (с. 17). Вместе с тем нельзя не учитывать, что это искусство следует рассматривать как важнейший фактор в ряду фиксирующих этнический характер той или иной африканской докапиталистической культуры, включая и родоплеменные по своему формационному уровню. И такая роль этнического индикатора оказывается особенно существенной в наши дни. Ведь по существу именно в такой связи возникают у африканских собеседников Ан. А. Громыко опасения того, что научно-технический «взрыв» происходящий сейчас в мире, влияя на африканское традиционное искусство, приведет к «унификации форм самовыражения» (с. 318), т. е. иными словами, к утрате искусством его дифференцирующей и интегрирующей роли в этнических процессах. Как раз это и означает в конечном счете высказывание французской исследовательницы К. Нолл о неразделенности стиля и культуры в целом, о котором уже упоминалось выше.

Едва ли нужно говорить, насколько важна в любом исследовании, посвященном искусству, иллюстративная часть. В этом отношении книга Ан. А. Громыко может рассматриваться без малейшего преувеличения как выдающееся явление в нашей африканистике. И дело не только в том, что книга снабжена огромным числом иллюстраций (их более 150), а их полиграфическое исполнение безупречно (хотя и это в высшей мере существенно!). Рецензируемая работа познакомила советского читателя, специалиста, с немалым количеством таких великолепных произведений мастеров африканской пластики, которые до того были в сущности недоступны для обозрения и оценки. Так, в ней впервые показаны предметы из раскопок в Игбо-Укву (Нигерия) представляющие, по-видимому, самостоятельный этап развития искусства народов Нигерии, отличный и от культуры Нок, и от культуры Ифе (ил. 7—9). Это обстоятельство трудно переоценить, так же, впрочем, как и то, что в книге широко представлены собрания национальных музеев той же Нигерии (им и принадлежит публикуемая Ан. А. Громыко вещь из Игбо-Укву), а также музеев, до сих пор мало привлекавших внимание советских ученых, например Этнографического музея в Стокгольме или Этнографического музея Калифорнийского университета. В то же время книга делает то, что было бы частично доступными для читателя советские частные собрания: самого автора В. И. Коровникова, А. А. Шведова — собрания, включающие, как показывают опубликованные в книге предметы, первоклассные художественные произведения. И, конечно, среди иллюстраций достойно представлена крупнейшая и наиболее известная из частных коллекций произведений африканских мастеров — собрание Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого в Ленинграде.

Традиции жанра рецензии требуют обратить внимание на те погрешности и недостатки, какие содержит рецензируемая работа. Однако в данном случае это требование традиции выполнить оказывается довольно трудно. Ведь кроме тех дополнений и предложений, которые были сделаны выше, автору можно предъявить претензии лишь по поводу не всегда достаточно строгого использования этнической терминологии. В частности, вызывает возражения формулировка «народы и более мелкие этносы» в введении к книге. Видимо, правильнее было бы говорить об этнических общностях определенного таксономического уровня. Но этим, собственно, и исчерпываются те замечания, какие можно сделать в связи с новой книгой Ан. А. Громыко.

Само собой разумеется, что имеющиеся в ней подобные неточности и неудачные формулировки не могут идти в сравнение с тем новым и ценным, что дает книга читателю. Мы имеем дело с глубоким и основательным исследованием, построенным на богатейшем фактическом материале и вводящим в наши представления о предмете не только результаты личных наблюдений и размышлений автора, но и весьма представительное изложение взглядов зарубежных специалистов, в первую очередь, конечно, африканских. Это обеспечивает нам весьма интересный «срез» идей широких и разносторонних африканской интеллигенции, относящихся к одному из самых животрепещущих вопросов сегодняшнего культурного развития стран континента. Ан. А. Громыко и редакторство «Искусство» сделали большое и нужное дело.

Ю. В. Бромлей, Л. Е. Кубб

Кубинская этнография. Статьи и материалы/Отв. ред. В. В. Пименов. М.: Наука, 1983. 120 с.

Книга, подготовленная кубинскими и советскими авторами — плод сотрудничества этнографов, этносоциологов, историков двух братских социалистических стран, традиции которого восходят к началу 60-х годов. Большинство опубликованных в ней статей написаны участниками совместных экспедиционных работ на Кубе. Все статьи, за исключением одной, в которой рассматривается Вест-Индия в целом, посвящены кубинской проблематике.

Открывает сборник одна из проблемных статей, принадлежащая перу Альберто Педро, — «Антильские острова: единство и многообразие», в которой рассматриваются некоторые общие для Вест-Индии процессы политического, экономического и этнического характера. Отвергая идею «взаимной изолированности» карибских обществ, выдвинутую некоторыми представителями школы социального и культурного плюрализма, автор ставит цель показать, что Антильский архипелаг, представляет собой единую «межэтническую систему» (с. 5), что соответствует принятому в советской этнографии понятию «историко-этнографическая область». Статья в известной мере перекликается с вводной главой коллективной монографии «Этнические процессы в странах Карибского моря»¹, подготовленной в Институте этнографии АН СССР.

Справедливо полагая, что решающую роль в формировании антильской «межэтнической системы» сыграли экономические и социальные факторы, А. Педро особое внимание уделяет такому характерному для Вест-Индии феномену, как плантационное хозяйство. «Плантация как форма организации производства и эксплуатации... наложила существенный отпечаток на характер хозяйственной деятельности и отчасти на материальную культуру Антильских островов», — пишет он (с. 9), указывая, что этот регион в своем историческом развитии дал два типа плантаций: «рабовладельческую» и «капиталистическую». Однако утверждение, что «оба они всегда были ориентированы на мировой капиталистический рынок» (с. 10), требует, на наш взгляд, уточнения, ибо плантации первого типа появились в Вест-Индии уже в XVII в. и достигли расцвета на Гаити и некоторых Малых Антилах в XVIII в., когда вряд ли еще можно было говорить о существовании «мирового капиталистического рынка».

В статье приводится интересный фактический материал об этническом взаимодействии (в том числе в процессе «политических» и «экономических» миграций) населения различных островов и культурных субрегионов, или «этнических подсистем», архипелага на протяжении последних двух веков. И на основе этого материала автор показывает, как складывались общие черты в материальной и духовной культуре антильских этносов, как формировались двуязычие и так называемый межэтнический или интегральный компонент на большинстве островов архипелага (с. 14).

Хотя А. Педро и не говорит прямо о своеобразной креольской культуре, сложившейся в Вест-Индии в результате взаимопроникновения на протяжении ряда веков двух культурных потоков — европейского и африканского, он признает, что «когда две культуры вступают во взаимодействие, то взаимным выражением этого процесса может стать появление оригинальной новой культуры (если даже последняя сохраняет атрибуты породивших ее культур)» (с. 10).

Определенные сомнения вызывает тезис автора о формирующейся на рубеже XVIII и XIX вв. гаитянской этнической общности как нации (с. 7); несколько наивно звучит объяснение им причин создания Лондоном в 1958 г. так называемой Вест-Индской федерации (с. 8). В целом же эта интересная статья заставляет о многом задуматься и стимулирует дальнейшую разработку проблемы.

К сожалению, при ее переводе и редактировании были допущены неточности. Так, в начале статьи автор указывает, что Антильский архипелаг включает «острова, расположенные между Юкатанским проливом на северо-западе и заливом Пария на юго-востоке» (с. 5), и тем самым из его состава исключаются Багамские острова на севере, а также о-в Кюрасао и другие острова Нидерландских Антиль на юге. Однако ниже (на с. 6 и 13) Кюрасао все-таки включен им в состав архипелага.

На с. 6 говорится: «Ямайка стала первой английской колонией, отнятой в 1655 г. у испанцев. Единственный контроль Испании над архипелагом был потерян». Между тем был потерян гораздо раньше: уже в первой трети XVII в. англичане захватили Барбадос и Сент-Кристофер (Сент-Киттс), а французы — Гваделупу (1635 г.) и Гренаду (1651 г.). Поэтому утверждение, что «в 1647 г. голландцы (?) ввели на Барбадосе культивирование сахарного тростника» (с. 10), нелогично.

На с. 7—8 сказано о «создании в 1938—1939 гг. Вест-Индской королевской комиссии для изучения на месте причин восстания на Барбадосе, Тринидаде и Тобаго, в Британской Гвиане, на Ямайке, в Британском Гондурасе, Наветренных и Подветренных островах». Между тем подобного одновременного восстания во всех английских колониях в Карибском бассейне никогда не было.

Наконец, о-в Сент-Эустатус в статье фигурирует как Сан-Эустасио (с. 6), а о-в Сент-Кристофер — то под испанским названием Сан-Кристобаль (с. 6, 12, 15), не принятым в советской литературе и атласах, то под своим вторым названием Сент-Киттс (с. 8). Африканский культ шанго почему-то назван чанго (с. 11) и т. д.

¹ Этнические процессы в странах Карибского моря. М.: Наука, 1982.

Несомненный интерес представляет и обстоятельная, проблемного характера статья В. В. Пименова, руководителя совместных советско-кубинских этносоциологических исследований на крупнейшем из прилегающих к Кубе островов — Пиносе, «Пинеро (Краткая этнографическая характеристика)». И хотя Пиносу посвящено немало трудов кубинских исследователей в советской литературе, если не считать брошюры К. С. Тарасова об этом острове², специальных исследований нет.

Кратко охарактеризовав основные этапы истории заселения острова, автор показывает сложность происходивших там социально-демографических процессов, обусловленную в прошлом высокой подвижностью и текучестью населения Пиноса, мозаичность этнических компонентов, участвовавших в его формировании. Сложность этнического состава соответствовали языковая смешанность и развивавшаяся впоследствии у представителей мелких этнических групп двуязычие. И лишь в связи с наплывом кубинских мигрантов после победы в стране социалистической революции испанский язык стал преобладающим для всех пинеро.

В статье освещаются формирование некоторых черт материальной и духовной культуры обитателей Пиноса, изменения в характере их занятий, поселений, жилищ, социальном составе населения. Интересны разделы, посвященные специфике семьи и семейных отношений в прошлом и настоящем, а также фольклору и современной духовной культуре пинеро.

На основе собранного материала автор приходит к выводу о том, что если в прошлом пинеро по ряду культурных характеристик и даже этническому самосознанию заметно отличались от кубинцев (в определенный период существовала тенденция к культурному и даже политическому обособлению острова), то в настоящее время жители Пиноса стали частью кубинской социалистической нации, «интегрировавшей пинеро в своем составе в качестве одной из этнографических региональных групп» (с. 89).

Пиносу посвящены также маленькие, скорее справочного характера статьи: К. Баррераса Руби — «Остров Хувентуд (Пинос): его население и поселения», и П. А. Агиллера Паттона — «Кайманеро из Кокодрило». В первой статье кратко излагается экономическая история острова, рассматриваются этнодемографические аспекты формирования его населения и некоторые черты местного фольклора. В ней повторяются некоторые факты, уже приведенные в предшествующей статье В. В. Пименова (вероятно, целесообразнее было бы поменять эти статьи местами). В известной мере дополнением к последней служит лишь раздел о ситуации, сложившейся на острове в первой четверти XX в., когда Вашингтон, навязав Кубе так называемую «поправку Платта», пытался лишить ее суверенитета над Пиносом. Лишь в 1925 г. конгресс США, наконец, отказался от претензий на о-в Пинос.

В статье Агиллера Паттона кратко изложены результаты проведенного Академией наук Кубы исследования особенностей культуры, социально-экономических взаимосвязей с кубинцами и степени влияния революционного процесса на быт, социальную и экономическую жизнь малой этнической группы — изолированной, преимущественно негритянской двуязычной общины, состоящей из выходцев с о-ва Большой Кайман (брит.), проживших более 60 лет на юге о. Пинос.

Одна из наиболее удачных статей сборника посвящена индейцам Кубы. Ее автор Э. Г. Александренков, рассмотрев существующие источники и литературу по этой проблеме, определил направление дальнейших поисков в данной области. Статья, таким образом, не только дает представление об итогах, но и намечает перспективы и проблемы комплексного изучения коренного населения на Кубе. Автора можно упрекнуть лишь в излишней скромности: приведя длинный список литературы вопроса, он не стал нужным указать в нем свою монографию, изданную в 1976 г.³

В интересной статье кубинского этнографа П. Дечампа Чапо сделана попытка использовать данные об африканских племенных знаках на теле рабов в качестве материалов для определения этнического состава ввезенных на Кубу невольников. Основной источник автора — объявления о беглых рабах в гаванских газетах XIX в. — уникален и почти не использован. Автор приводит обширный список этнонимов и псевдоэтнонимов, но, к сожалению, расширяет лишь малую их долю. Наиболее интересные выявленные автором данные о так называемых подразделениях крупных этнических групп, образовавших особого рода общества (кабильдо), в статье только перечисляются. А ведь Ф. Ортис и другие предшественники автора проделали в этом направлении большую работу. Хотелось бы высказать пожелание кубинскому исследователю продолжить столь плодотворно начатые им поиски.

В небольшой статье Х. А. Альварado Рамоса «Формирование кубинского национального самосознания» характеризуются и сопоставляются взгляды трех виднейших кубинских идеологов конца XVIII — первой половины XIX в.: Ф. де Аранго-и-Пареньо (1765—1835), Х. А. Сако (1797—1879) и Ф. Варелы (1788—1853). Через призму их воззрений автор освещает некоторые аспекты сложного процесса становления кубинского национального самосознания на его начальном этапе. И хотя этот сюжет освещался в советской литературе, статья, несомненно, заслуживает внимания.

Статья Х. К. Потрони Гарсиа «Кубинская семья от Конкисты до наших дней» содержит, на наш взгляд, мало конкретных цифровых данных. Кроме того, речь в ней идет лишь о семье «белых» кубинцев (негритянской семье посвящен всего один абзац). Конечно, и в таком виде статья представляет интерес, однако название ее следовало бы конкретизировать.

² К. С. Тарасов. Остров Пинос. М.: Наука, 1975.

³ Александренков Э. Г. Индейцы Антильских островов. До европейского завоевания. М.: Наука, 1976.

Небольшие статьи: Э. Тирадо Тойрака — об устройстве так называемого креольского плуга, широко использовавшегося в прошлом кубинскими крестьянами, и Р. Коррело Грегго — о кубинском деревянном зодчестве на примере архитектуры в провинции Матансас — посвящены материальной культуре кубинцев. Подобного рода исследований и на Кубе опубликовано немного, в советской же литературе их до сих пор не было.

Своеобразен жанр статьи, с которой выступил нынешний директор Исторического музея АН Кубы провинции Матансас — С. Венто Альмоалья. Редколлегия сборника предложила ему поместить своего рода этнографический очерк, основанный на тексте диссертации, придав этому очерку форму воспоминаний. Такая форма позволяет автору проследить наиболее существенные аспекты жизни крестьян Матансаса. Очерк Венто Альмоальи удачно дополняет другие статьи, посвященные конкретным вопросам этнографии Кубы.

Наконец, завершающая сборник статья Л. Шейнбаум представляет собой обзор новейшей литературы по этнографии Кубы. В ней выделены основные аспекты проводящихся исследований: прежде всего проблема формирования кубинской нации, а также комплекс, связанный с проблемой афро-кубинцев: их роль в формировании кубинской национальной культуры, влияние на кубинский вариант испанского языка, проблема пережиточных религиозных культов и т. п. Автор уделяет внимание изучению коренного населения Кубы (прежде всего роли индейского компонента в развитии кубинской культуры), а также китайских иммигрантов и их потомков.

Упущением редколлегии, на наш взгляд, является отсутствие в книге хотя бы схематической карты, ибо без нее читателю очень сложно ориентироваться в материале. Несомненную пользу принес бы и краткий глоссарий. Определения, вошедшие в него, или бы не только весьма полезны, но и разгрузили бы конкретные статьи от повторяемых подчас объяснений одного и того же термина. В целом выход сборника — отрадное явление, свидетельствующее о дальнейшем укреплении и расширении культурных связей между социалистической Кубой и СССР.

А. Д. Дридзо, Э. Л. Нитобург

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ТОКАРЕВА

Весной 1949 г. впервые вошел я в Институт этнографии АН СССР, который помещался тогда на ул. Фрунзе, 10, и в тот же день имел счастье познакомиться с четырьмя ведущими сотрудниками Института — Максимом Григорьевичем Левиным, Павлом Ивановичем Кушнером, Марком Осиповичем Косвенем и Сергеем Александровичем Токаревым. С 19 апреля 1985 г., когда скончался Сергей Александрович, ни одного из них уже нет среди нас...

Смерть Токарева — громадная и невозполнимая утрата. Ушел человек, на протяжении нескольких десятилетий занимавший уникальное место в этнографии и смежных областях знания, учитель нескольких поколений этнографов, бывший для них образом интеллигентности, высокой гражданственности и абсолютной честности, автор основополагающих работ во всех областях этнографической науки. С его именем связано много свершений, что даже простое перечисление их поражает воображение: опирающиеся на активные архивные разыскания книги по истории алтайцев, хакасов и якутов; монументальная «Этнография народов СССР», исследования по язычеству восточных славянских народов, статьи и книги по социальной организации и культурной истории народов Австралии и Океании, огромные тома по истории религии, в которых с исключительной научной полнотой показано место мировых религий в историческом процессе; серия книг по истории этнографических исследований за рубежом и в России. И при этом — сотни статей на самые разные этнографические и историко-культурные темы, всегда обстоятельно фундированных и свежих по взгляду, вносящих в трактовку рассуждаемых вопросов и новые идеи, и новые факты, подкупающих логикой изложения и какой-то особой «токаревской» достойной простотой стиля, полностью лишенных каких-либо словесных арабесок, статей предельно ясных, продуманных и глубоких.

А ведь кроме этой необъятной по результатам литературной работы, в жизни Сергея Александровича Токарева было руководство разными научными коллективами (на протяжении многих лет он последовательно возглавлял сектор этнографии народов Америки и Зарубежной Европы в Институте этнографии, кафедру этнографии Исторического факультета МГУ). Он постоянно читал лекции в МГУ, руководил аспирантами, редактировал многие серьезные серийные издания, писал бесчисленные отзывы на работы других сотрудников. Он был инициатором, руководителем, а зачастую и основным автором множества коллективных трудов. А сколько времени уходило на консультации и деловые беседы! Не раз при выяснении спорных научных вопросов Толстов, Дебеч, Левин, Косвен и многие другие говорили: «Надо спросить у Сергея». «Сергей Александрович должен это знать», «Только Токарев сможет ответить на этот вопрос». И Токарев, действительно, отвечал, причем всегда обстоятельно, давая продуманный обзор любого вопроса и почти исчерпывающий перечень литературы.

Сергей Александрович Токарев родился 16 декабря (по старому стилю) 1899 г. в г. Туле в семье учителя. В 1925 г. он окончил МГУ, и с тех пор его жизнь неразрывно связана с этнографией. Сначала аспирант Института истории РАНИИОН (позже — Коммунистическая академия), затем преподаватель Коммунистического института трудящихся Китая им. Сунь Ят-Сена, с 1928 г. — научный сотрудник Центрального музея народоведения. В 1932 г. он возглавил там сектор Севера. Параллельно он работал в Государственной академии истории материальной культуры и в Центральном антирелигиозном музее. В 1935 г. С. А. Токареву была присвоена ученая степень кандидата исторических наук, а в 1940 г. он защитил докторскую диссертацию.

Начинается Великая Отечественная война, и С. А. Токарев эвакуируется в Абакан, где заведует кафедрой истории в педагогическом институте. В 1943 г. он вернулся в Москву и возглавил Сектор этнографии народов Америки, Австралии и Океании во вновь организованной Московской части Института этнографии АН СССР, а с 1961 г. — Сектор этнографии народов Зарубежной Европы. В те же годы (1956—1973) он заведовал кафедрой этнографии МГУ, но и сложив с себя эти обязанности, продолжал вести лекционные курсы.

Сергей Александрович хорошо владел многими языками и с блеском представлял нашу страну за рубежом, читая лекции в европейских университетах, участвуя в международных симпозиумах и конгрессах. Его активнейшая научная и общественная деятельность была высоко оценена Советским правительством. Он был награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Дружбы народов и медалями, ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки РСФСР и Якутской АССР.

Необъятность научных интересов Токарева проявилась уже с первых шагов его научного пути. Он активно работает над освоением огромной литературы по этнографии Океании, критически переосмысливает эту литературу и быстро становится непревзойденным знатоком этнографии Австралии и Океании. Но в то же время, не желая порывать с живой этнографической традицией, Сергей Александрович специализируется в области этнографии Сибири, преимущественно Южной, собирает конкретный этнографический материал и работает в архивах. На первый взгляд, такая концентрация исследовательских усилий в двух разных, далеких одна от другой областях, производит впечатление распыления интересов. Но именно она в большей мере обусловила энциклопедизм, его умение работать с самыми различными данными.

Характерной чертой С. А. Токарева как исследователя были не только постоянное расширение сферы научной деятельности, но и углубление, шлифовка уже выдвинутых ранее аргументированных положений. Система родства австралийцев, реконструкция социального строя меланезийцев, общественная стратификация на островах Тонга, истолкование фольклорных преданий полинезийцев в качестве этногенетического источника — вот вехи его исследований в австраловедении и океанистике. Объем этих публикаций таков, что собранные вместе они составили бы солидный труд. В известной мере итогом всех этих конкретных разработок стал том «Народы Австралии и Океании» в серии «Народы мира», изданный в 1956 г. и часто называвшийся «токаревским» томом. Сергею Александровичу принадлежала большая часть текста в этом томе, который по полноте и разносторонности характеристики традиционной культуры занял почетное место в мировой литературе.

Не менее значительны достижения С. А. Токарева в изучении этнографии и истории народов Сибири. Отдельные, основанные на архивных данных и оригинальных полевых наблюдениях статьи о расселении и социальном строе народов Южной и Центральной Сибири завершились публикацией в 30—40-х годах трех крупных книг сводного характера: «Докапиталистические пережитки в Ойротии» (1936), «Очерк истории якутского народа» (1940) и «Общественный строй якутов XVII—XVIII вв.» (1945). Умелое сопоставление этнографических наблюдений и письменных источников, филигранность источниковедческого анализа, непредвзятость подхода к анализируемым проблемам, осторожность выводов — наиболее характерные черты исследовательского метода С. А. Токарева, которые в полной мере демонстрируются этими книгами.

Практически к этому же циклу работ Токарева примыкает и вышедшая в 1958 г. книга «Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры» (105 п. л.). На протяжении многих десятилетий он читал курс этнографии народов СССР на кафедре этнографии МГУ; машинописные записи этих лекций широко использовались студентами и аспирантами при подготовке к экзаменам во всех этнографических учреждениях страны. Часто обращались к ним за справками и сложившиеся специалисты, только было в них оригинальных сведений, результатов самостоятельной проработки

и трактовки многих фундаментальных проблем этнографии СССР, содержательных историографических и критических экскурсов. Там автор в предисловии к книге с присущей ему скромностью написал, что она издается «как учебное пособие в первую очередь для университетского преподавания» (с. 3). Но как далеко на самом деле она переросла рамки учебного пособия, отлившись в форму энциклопедического труда о народах СССР и исторической динамике их культуры.

Книга охватила все стороны традиционной культуры, включая и материальную. Описание последней тесно увязано с формами хозяйственной деятельности. Вообще Токареву в высокой степени было свойственно синтетическое видение предмета исследования во всех сложных прямых и опосредованных связях его, поэтому и вся описательная часть в этой книге, а она занимает немалое место, так интересна и четко структурно организована. Глубокий анализ общественных отношений у разных народов на фоне событий политической и экономической истории страны дополняет это впечатление. Изложение ведется в соответствии с территориальным принципом, и анализу каждой большой территориальной совокупности народов предпослан обзор, содержащий полную и обобщенную историческую и историко-этнографическую информацию. Нарядом с этим, кроме этого, описание каждого народа открывается очерком этногенеза, в котором авторская точка зрения осторожно, ненавязчиво, но в то же время вполне ясно и определенно формулируется на основе объективного рассмотрения основных предшествующих гипотез. Естественно, что книга такого объема, содержания и научного уровня уже третье десятилетие используется как неоценимый кладезь сведений по этнографии народов СССР и до сих пор сохранила свое значение.

Почти одновременно с «Этнографией народов СССР», в 1957 г. выходит первая книга С. А. Токарева о религии. Речь идет о «Религиозных верованиях восточнославянских народов XIX — начала XX в.». Сергей Александрович заинтересовался религиозно-этнографической тематикой с первых шагов своей научной деятельности, постоянно рецензировал зарубежную литературу по этой тематике, написал семь очерков с характеристикой роли традиционных верований народов Сибири для книги «Религия народов СССР» вышедшей в 1931 г. В упомянутой монографии пережитки языческих верований и культов русских, белорусов и украинцев охарактеризованы с исключительной подробностью не только на основе этнографических наблюдений в узком смысле слова, но и использованием сведений из письменных источников и на фоне всех достижений славноведения в изучении религии славянских и соседних с ними народов Европы. Произвел впечатление в ней автор и широкое понимание проблем этнографии восточнославянских народов в целом.

Книга о восточнославянских верованиях была первой ласточкой среди обобщающих работ С. А. Токарева по истории религий и их места в обществах различной географической приуроченности и разных этапов исторического развития. В 1964 г. вышел свет «Ранние формы религии и их развитие», в том же году — «Религии в истории народов мира», выдержавшая три издания и переведенная на основные европейские языки. Оба эти труда — в полном смысле слова историко-культурные исследования чрезвычайно широкого содержания, включающего рассмотрение структуры ранних религиозных верований, последовательности их во времени, исторических обстоятельств возникновения мировых религий, их пантеона, идеологической роли религии в обществах разных общественно-исторических формаций, многих вопросов социологии религии. Чтобы создать столь грандиозную панораму, мало быть этнографом даже очень большого масштаба — С. А. Токарев показал себя в этих книгах и востоковедом, и историком общественного сознания, и представителем сравнительного культуроведения, во многом предопределив направление исследования истории религии в последующие десятилетия.

По мере обогащения жизненного опыта исследовательский диапазон Сергея Александровича все расширялся, и на 70-е годы падает интенсивная разработка им проблемы истории этнографической науки. Собственно говоря, работы по этой тематике типичны для всего творчества Токарева, начиная с первых лет его научной деятельности. Сделал огромный вклад в советскую этнографию, постоянно знакомя своих коллег новейшими достижениями этнографической и археологической науки за рубежом, выступая с критическими статьями о чуждых марксизму теоретических концепциях, предлагая вниманию советского читателя запоминающиеся портреты наиболее ярких и авторитетных деятелей в науках о народах и их культуре. Рецензии, очерки практической деятельности и идейных основ отдельных этнографических школ, портретные зарисовки не заслоняли от него общих проблем истории науки, и он много внимания уделял ра

Юде и обоснованию периодизации истории этнографической науки в России и СССР. Все сказанное о штудиях Токарева в области освещения истории и современного состояния этнографии имело еще один аспект — многие книги зарубежных ученых были изданы по-русски под его редакцией и с его предисловиями. Предисловия эти — обычное явление в таком жанре. По обилию фактов, четкости, формулировок, спрессованности стиля это небольшие монографии, охватывающие проблематику издаваемой книги и выпукло рисующие фигуру ее автора. Так были изданы Те Ранги Хироа, Бикин, Типс, Хейердал, Неверман, Чеслинг, Даниельсон, Уорсли, Бабли, Фрэзер и многие другие. Среди них были этнографы-страноведы, путешественники, историки религии, теоретики этнографической науки. И для всех них редактор и автор предисловия находил выразительные слова, характеризующие научное значение написанных ими статей, место их в идейной борьбе своего времени, личностные особенности и жизненную судьбу. Так постепенно, год за годом, создавалась на русском языке целая библиотека этнографических книг, принадлежащих перу зарубежных ученых как наших современников, так и исследователей предшествующих поколений.

И в этой сфере многолетней активной деятельности Сергея Александровича итогом были крупномасштабные самостоятельные монографии. Первая из них вышла в 1966 г. была посвящена истории этнографической науки в России. Предложенная в более ранних статьях периодизация нашла в этой книге полное обоснование. Но не менее важны освещение отдельных периодов в истории русской этнографии и характеристика наиболее выдающихся их представителей. Такова эрудиция автора, так умело он собирает отдельные факты и их комбинирует, цитирует письма, воспоминания современников, официальные документы, что создается впечатление: все характеризуемое им хорошо знакомо автору не только по трудам, но и лично, они встают как живые страницы его книги... Коль скоро многие из них были не только этнографами, но и филологами, историками, публицистами, общественными деятелями, книга С. А. Токарева далеко выходит за рамки истории одной этнографии и приобретает общекультурное значение.

Историю этнографических исследований в европейских странах он посвятил две книги, вышедшие в 1978 г. Одна из них охватывает огромный отрезок времени — от начала эмпирического знания в древнем Египте до середины XIX в. Это неторопливый обстоятельный рассказ о том, как народы впервые заинтересовались обликом, языком и культурой друг друга, какую богатую этнографическую информацию мы получили из сочинений античных хронографов и историков, как медленно, но неотвратимо накапливалась этнографическая информация в эпоху средневековья и какое революционизирующее влияние на ее прирост оказала эпоха Великих географических открытий, и наконец, оформились контуры науки в современном ее понимании в XVIII—XIX вв. В ряду с историко-этнографической литературой автор широко использовал подлинники, и это доносит до нас неповторимый образ прошлого, выстраивает непрерывный ряд от свободных и вольных описаний Геродота до стройной этнографической прозы, позволяет увидеть прообразы многих близких к современности идей в воззрениях древних. Вторая книга, если можно так выразиться, более «этнографична», подразумевая этим большую специфичность ее предмета — историю уже оформившейся этнографической науки, ее методологических установок и методических достижений и их динамику во времени. С редкой эрудицией переходит С. А. Токарев от характеристики направления этнографической мысли к другому, легко и свободно ориентируется в различных взглядах ученых разных школ, как бы малы эти различия ни были, точно и спокойно излагает свои критические соображения. Эта книга поэтому не только незаменимое издание в случае необходимости получить любую справку по истории этнографии, но и превосходный образец объективного изложения развития огромной важной области гуманитарного знания, свободного от предвзятых суждений и пристрастий личных оценок.

На предыдущих страницах сделана попытка максимально кратко очертить контуры основных достижений С. А. Токарева в истории, этнографии и религиоведении. Но, автор должен признаться, что отбор произведен по сугубо формальному принципу — наличию книг, подытоживающих тот или иной раздел исследований. В то же время было бы совершенно неверным не упомянуть ряд разделов этнографической науки, о которых разработанных С. А. Токаревым, но, к сожалению, не получивших воплощения в этнографических изданиях.

В последние два десятилетия своей жизни Сергей Александрович много занимался мировой культурой, что нашло отражение в статьях об актуальных проблемах изу-

чения материальной культуры, роли общественного сознания на разных этапах истории общества, месте мифа в современном общественном сознании и структурно-историческом изучении обрядовых форм и особенно в подготовленном под его редакцией трехтомном коллективном труде «Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы» (1973—1983).

Нельзя в этой связи не упомянуть и о том, что возглавлявшийся С. А. Токаревым сектор Зарубежной Европы Института этнографии АН СССР — первое структурное объединение этнографов-европеистов не только в СССР, но и в Европе — охватывая своей работой всю тематику европейской этнографии и во многом предвосхитил те формы европейских этнографических исследований, которые развиваются ныне.

По характеру своих занятий автор этих строк часто обращается к опубликованной в 1948 г. статье «О постановке проблем этногенеза» и не устает удивляться, как глубоко сформулированы эти проблемы и как далеко С. А. Токареву удалось взглянуть в будущее и предугадать основные направления дальнейших исследований, когда наука еще только подходила к построению теории этногенеза и сравнительно невелик был запас знаний о конкретных этногенезах. И таких статей можно было бы назвать еще много.

На праздновании 70-летнего юбилея Сергея Александровича Токарева в Институте этнографии АН СССР Борис Александрович Рыбаков в своей приветственной речи сказал: «В Москве есть три этнографических учреждения: Институт этнографии АН СССР, кафедра этнографии Исторического факультета МГУ и Сергей Александрович Токарев». Эти слова были встречены горячими аплодисментами всех присутствующих. От нас ушел ученый, который действительно воплощал собою целый этнографический университет. Осталась библиотека написанных им книг и статей, полных идей, мыслей, фактов и зовущих к новым свершениям¹.

В. П. Алексеев

¹ Список трудов С. А. Токарева, опубликованный к 80-летию со дня рождения: Сов. этнография, 1980, № 3.

Contemporary Ethnosocial Processes among the Eastern Slav Peoples of the USSR

The article deals with the changes in the demographic, social-class and cultural parameters of the three Eastern Slav peoples — the Russians, the Ukrainians and the Byelorussians, who comprise over two thirds of the Soviet population. Concrete data are adduced on the ethnic consolidation processes that have been taking place within each of these peoples in the Soviet years. In describing the processes of mutual assimilation between groups of Eastern Slav peoples the author stresses the fact that they are, as a rule, more intensive than assimilation between unrelated ethnic groups. Hence it is proposed to distinguish this variety of assimilation processes by a special term — «ethnic conversion» (*etnicheskaya conversatsiya*). This assimilation takes place principally by way of inter-ethnic marriages; the fact is evidence of its voluntary character. The differences in the direction of assimilation processes in different regions of the country are also described.

Yu. V. Bromley

Small Ethnic Groups: the Main Stages of Their Ethnocultural Evolution (on Soviet Materials)

Under a small ethnic group — SEG (*MEG* in Russian) the authors understand an ethnic community of comparatively low numerical strength (under 100,000), whether dispersed or compact, that has lost contact with the territory inhabited by the main bulk of its mother ethnos and has been for a fairly long time surrounded by a numerically predominant ethnically alien people (or peoples).

The rise, evolution and functioning of the SEG is influenced by socio-economic, political and ideological factors. Summing up the abundant ethnographic material available on the peoples of the USSR we may distinguish the following overlapping stages in the evolution of an SEG: a) consolidation; this is typical for the initial stages of the group's settlement in an alien environment: a tendency towards internal cohesion is manifested in the spheres of language, certain cultural features, socioethnic organizations, etc.; b) integration: economic and other ties with the former homeland grow weaker, economic links with the local population become prevalent, then predominant; these integration processes move more vigorously in cases where the peoples involved are akin in language and culture; c) adaptation: this stage may be regarded as a step towards the completion of the integration process; the economic-cultural type of the group undergoes great changes, local traditions are adopted; the whole SEG becomes bilingual and bi-cultural, the frequency of ethnically mixed marriages approaches the maximum theoretical probability; ethnic self-identification, however, remains unchanged; d) acculturation: with the further development of the foregoing stage, the ethnocultural features of the surrounding ethnic community come to predominate; bilingualism gradually passes into change of mother tongue, bi-culturalism — into the loss of cultural traits (especially those of material culture) that had been brought from the homeland, mixed marriages become still more numerous; still, ethnic self-identification persists in the whole SEG; it is sustained mainly by the remaining elements of spiritual culture and ethnic mentality whose ethnodifferentiating functions remain in importance; e) assimilation: the ethnolinguistic and ethnocultural traits of the mother ethnos disappear completely or almost completely; the predominance of the language and culture of the surrounding ethnos leads to a gradual transition from the old to the new ethnic self-identification, beginning with the younger generation.

R. G. Kuzeyev, V. Ya. Babenko

The Russian Traditional Popular Calendar

The article offers an analysis of the Russian popular calendar (the «messiatsteslov») for the purpose of establishing its calendar style. It is asserted that the Russian people related their calendar omens and observations with the dates of the Julian calendar during the 16th and 17th centuries when its error was only 10 days. It is proposed to convert the dates of the *massiatsteslov* to the modern calendar by adding not 13 (as is usually done)

but 10 days; the resulting calendar style is designated «Russian style». An exception may be made for certain particular dates.

Certain remarks are made in the article with regard to the popular agricultural ritual calendar, namely: 1) this calendar was «incomplete», i. e. it did not cover the whole year; 2) it was based upon yearly astronomical observations that were aimed at determining some particular day of the sun cycle — the solstice or the equinox. To carry out continuously an exact calendar of agricultural work, of agronomical and meteorological observations and forecasts a sufficient level of astronomical culture was necessary. The «Russian calendar style» may serve as a basis for correctly matching the knowledge accumulated by the people with the dates of the modern calendar.

V. G. Vlodavsky

On the Nature of the Afro-American Ethnic Community in the U. S. A.

It is a characteristic feature of the evolution and consolidation of the North American nation that the various ethnic and racial elements came to be included in its structure at very different periods of time and very unevenly. At present too there are the so-called ethnically transitional groups and ethnoracial communities existing at different stages of assimilation and revealing for a certain period an ambivalent ethnic self-identification. It is as such a transitional and ambivalent community that we should regard the ethnoracial community of the U. S. Afro-Americans. In their case the community arose through the consolidation of a racial group of heterogeneous ethnic origins; the distinguishing feature that had played as it were an ethnodifferentiating role was their common racial (but not ethnic) origin. But whereas among the descendants of European immigrants the ambivalence of ethnic identity was apt to disappear in the course of two or three generations, the ethnoracial consciousness of the American Negroes (later Afro-Americans) retained it for about two centuries.

The basic trend of mass consciousness in the course of their ethnic history has been towards assimilation and integration into the «large» American society. However, the ruling classes of the United States, both in the times of slavery and in the Jim Crow period (from the late 19th century to the 1960ies) stubbornly resisted this tendency. As a result the ethnoracial consciousness of the Negro population manifested both the urge towards integration and, at times, a clear-cut ethnocentric tendency. The «co-existence» and mutual struggle of these two tendencies underlay the two main trends in the Negro movement: the integrationist and the separatist.

The slaves, and later their free descendants in the Black Belt of the South remained for many generations in a state of social and spiritual isolation from the white population. In the slavery period this situation formed an objective basis for the rise of a socio-racial community (as we may designate the slave class) and, at the close of the 19th and through the first third of the 20th century, for the rise of a certain kind of a transitional sub-ethnoracial Afro-American community within the framework of the U. S. North American nation.

An important stage in the contradictory process of its further evolution was marked by the period from the 1940ies to the 1980ies when the U. S. «Negro Problem» became no longer a regional «Southern» but a major national problem. The mass migration of the Negro population to the North and the West as well as its rapid urbanization engendered fundamental changes in its class structure and socio-psychological make-up and led to important shifts in its ethnoracial self-identification, to the urge of most Afro-Americans towards complete integration, under certain conditions, into American society. It is this tendency, which has, objectively, the effect of speeding up the consolidation of the North American nation, that has in the last half-century predominated in the ethnoracial consciousness of the U. S. Afro-Americans.

E. L. Nitok

English-French Bilingualism in Canada

The 1968 Official Languages Act and other measures in the field of linguistic policy in Canada were aimed at strengthening Canadian unity and achieving more harmonious relations between the two main ethnic communities — the English and the French Canadians — mainly by means of increasing bilingualism. Analysis of population censuses over a fifty-year period (including the 1981 Census) shows a uniform tendency in the demographic

linguistic situation: the retention of a constant proportion of English-speaking Canadians and the decrease in the proportion of French-speakers at whose expense the bilingual population is augmented. The trends in the main components of the linguistic and ethnic composition of Canadian society evidence a continuing process of absorption of the French by the English and of linguistic assimilation of the French Canadians into the English-speaking environment by way of bilingualism. The linguistic assimilation of Canadian ethnic minorities by the English language is still wider in scope.

The spatial distribution of official bilingualism shows the demographic consolidation of the French Canadians on their own ethnic territory in Quebec and of the English Canadians in the rest of the country; thus what is taking place in Canada is not merely linguistic but also ethnic delimitation augmenting the historically formed division of the country into two parts — the English and the French.

V. A. Tishkov

Ethnosocial Processes in Guyana

The article describes the main stages by which the present ethnic composition and social structure of Guyana's population has been reached. The author comes to the conclusion that the colonial society formed in the period of British rule was largely similar to those existing in other colonial and dependent countries. The relation between a person's social status and his ethnic affiliation survives to a certain degree under conditions of independence. The author traces the changes in social status of the bulk of Guyana's various ethnic groups at different periods in the country's colonial history and in the independent state of Guyana.

P. V. Gribanov

Problems of Field Studies — Discussion

The article by G. V. Starovoytova deals with methodological problems of ethnographic field research (the ethnographer's professional mentality, the interrelation of the method of research and the actual ethnographic reality, etc.) The author raises the problem of defining the concept of an ethnographic monument and of its specificity.

G. V. Starovoytova

V. I. Kozlov is in agreement with the main ideas expressed in the articles by M. N. Shmeliova and S. I. Vainshtein. He, however, urges a more precise definition of the concept of «modernity» and a nicer distinction of the really vital objects of field studies; new potentially effective methods of ethnographic research in traditional subjects or in problems of modernity should be tested and approved.

V. I. Kozlov

A. N. Zhilina expresses her agreement with the view of S. I. Vainshtein as to the importance of studying the disappearing components of traditional culture. In her opinion this does not require special expeditions: such components should be noted in the course of collecting material on any ethnographic object including ethnographic studies of contemporary life. Particular attention is drawn to the organization of field work.

A. N. Zhilina

G. N. Grachova draws attention to the importance of utilizing ethnographic material in all fields of human studies and of detailed recording of all collected material which should thus serve as a basis for further research. Methods of collecting data developed for each particular class of research objects and taking into account the purpose of the study will yield comparable results; careful preservation and recording of collections of material objects will help to create in each case a valuable historical-ethnographic source.

G. N. Grachova

CONTENTS.

Yu. V. Bromley (Moscow). Contemporary Ethnic Processes among the Eastern Slav Peoples of the USSR. R. G. Kuzeyev, V. Ya. Babenko (Ufa). Small Ethnic Groups: the Main Stages of Their Ethnocultural Evolution (on Soviet Materials). V. G. Vlassov (Moscow). The Russian Traditional Popular Calendar. E. L. Nitoburg (Moscow). On the Nature of the Afro-American Ethnic Community in the U. S. A. V. A. Tishkov (Moscow). English-French Bilingualism in Canada. P. V. Gribanov (Moscow). Ethnosocial Processes in Guyana.

Discussions

Discussion of M. N. Shmeliova's and S. I. Vainshtein's articles on Problems of Ethnographic Studies («*Sovetskaya Etnografiya*», 1985, № 3). Contributions by G. V. Starovoyt, V. I. Kozlov, A. N. Zhilina, G. N. Grachova.

Ethnography in Museums

O. G. Gordeyeva (Moscow). Two Leather Masks from the Collections of the Order of Lenin State History Museum.

Communications

Yu. D. Dmitrevsky (Leningrad). On the Criteria of the Economic-Geographical and Social-Geographical Approach to the Study of the Processes by Which Ethnic Communities are Formed. K. Ye. Korepova, T. I. Belous (Gorky). The «Send-Off of Spring» Rites in Present-Day Village Life (Materials from Gorky Oblast). R. Ya. Rassudova (Leningrad). Cult Objects of Fergana as a Source for the History of Irrigation Agriculture. Sh. A. Bogina (Moscow). On Studying the Ethnic Aspects of the American Family.

Searchings, Facts, Hypotheses

Yu. D. Anchabadze (Moscow). «The Beautiful Custom of Hospitality...»

Our Anniversaries

A List of Major Works by V. R. Kabo, Doctor of Historical Sciences (to His 60th Birthday).

Academic Life

I. V. Vlassova, V. A. Lipinskaya (Moscow). The 20th Session of the All-Union Symposium for the Study of Agrarian History. V. A. Dzhorbanadze (Tbilisi). «Problems in the Interrelations between Mountain and Plains Regions and between the Georgians and the Peoples of Northern Caucasus». A Conference. V. K. Sokolova (Moscow). «Folk Song Heritage and Modernity». A Scientific Conference. K. V. Cistov (Leningrad). Scientific Sessions Devoted to the Memory of Academy Member V. Steinitz. T. A. Berezhnaya (Moscow). 20 Years of the «Social Sciences and Modernity» Department, Nauka Publishing House.

Expeditions in Brief

Criticism and Bibliography

Critical Articles and Reviews. M. L. Butovskaya (Moscow). Studies on the Aggressive Behaviour of Primates and Their Importance for Research into Anthropogenesis. General Ethnography. I. A. Grishayev (Moscow). The Family and Culture. An Investigation in Seven East and West European Countries. V. Ya. Petruk (Moscow). A History of Primitive Society. General Questions. Problems of Anthropogenesis/Yu. V. Bromley, Ed. Peoples of the USSR. R. A. Grigoryeva (Moscow). L. S. Yefremova. The Lettish Peasant Family in Latgalia. M. A. Lobanov (Leningrad). Songs of the Ustya River Area. Issue 1/Comp. by A. Mekhnetsov, Yu. Marchenko, Ye. Mikhlin. Peoples of Europe outside the USSR. M. Ya. Golberg (Drogobych). A. S. Mylnikov. The Culture of the Czech Renaissance. Peoples of Asia outside the USSR. M. B. Piotrovsky (Leningrad). M. A. Rodionov. The Maronites. From Ethnoreligious History of the Eastern Mediterranean. N. V. Kocheshkov (Vladivostok). N. G. Krasnodembskaya. From Lion Island to the Abode of Snows. Peoples of Africa. Yu. V. Bromley, L. Ye. Kubbel (Moscow). An. A. Gromyko. Masks and Sculpture in Tropical Africa. Peoples of America. A. D. Dridzo (Leningrad), E. L. Nitobori (Moscow). Cuban Ethnography. Articles and Materials./V. V. Pimenov, Ed.

In Memoriam: Sergey Alexandrovitch Tokarev

Технический редактор Беляева Н. Н.

Сдано в набор 11.05.85	Подписано к печати 02.07.85	T-02792	Формат бумаги 70x10
Высокая печать	Усл. печ. л. 15,4	Усл. кр.-отт. 43,9 тыс.	Уч.-изд. л. 18,9
	Тираж 2803 экз.	Зак. 4451	Бум. л.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Цена 1 р. 90

Индекс 7084

В МАГАЗИНАХ «АКАДЕМКНИГА»

имеются в продаже:

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ. 1978. Сборник статей. 1980. 263 с. 2 р. 80 к.

Сборник содержит статьи, освещающие результаты этнографических, этносоциологических и антропологических экспедиционных исследований, проведенных сотрудниками института в разных районах нашей страны и за рубежом в 1978 г. Анализируются вопросы методики полевых исследований.

Книга хорошо иллюстрирована и представляет интерес для этнографов, социологов, историков, антропологов, фольклористов.

ЭТНОГРАФИЯ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В СИБИРИ, XVII — СЕРЕДИНА XIX в. 1982. 270 с. 2 р. 30 к.

Заселение и хозяйственное освоение огромных пространств Сибири русскими крестьянами и служилыми пюдями, своеобразие жизненного уклада русского населения Сибири — такой комплекс проблем рассматривается авторами. На основе тщательного изучения редких документов, источников, записок в книге анализируется семейный быт сибирского крестьянства, его поселения, жилища и хозяйственные постройки, одежда. Издание богато иллюстрировано.

Работа рассчитана на историков, этнографов, географов, фольклористов, а также работников краеведческих музеев.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, 5, ул. Коммунистическая, 31
320093 Днепропетровск, проспект Ю. Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289; 252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 277012 Кишинев, проспект Ленина, 148; 343900 Краматорск, Донецкой области, ул. Марата, 1
443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 220012 Минск, Ленинский проспект, 72; 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 1
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6; 450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310078 Харьков, ул. Чкаловского, 87.